АЛЕКСАНДР КОВИНЬКА

МИНИАТЮРЫ С НАТУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

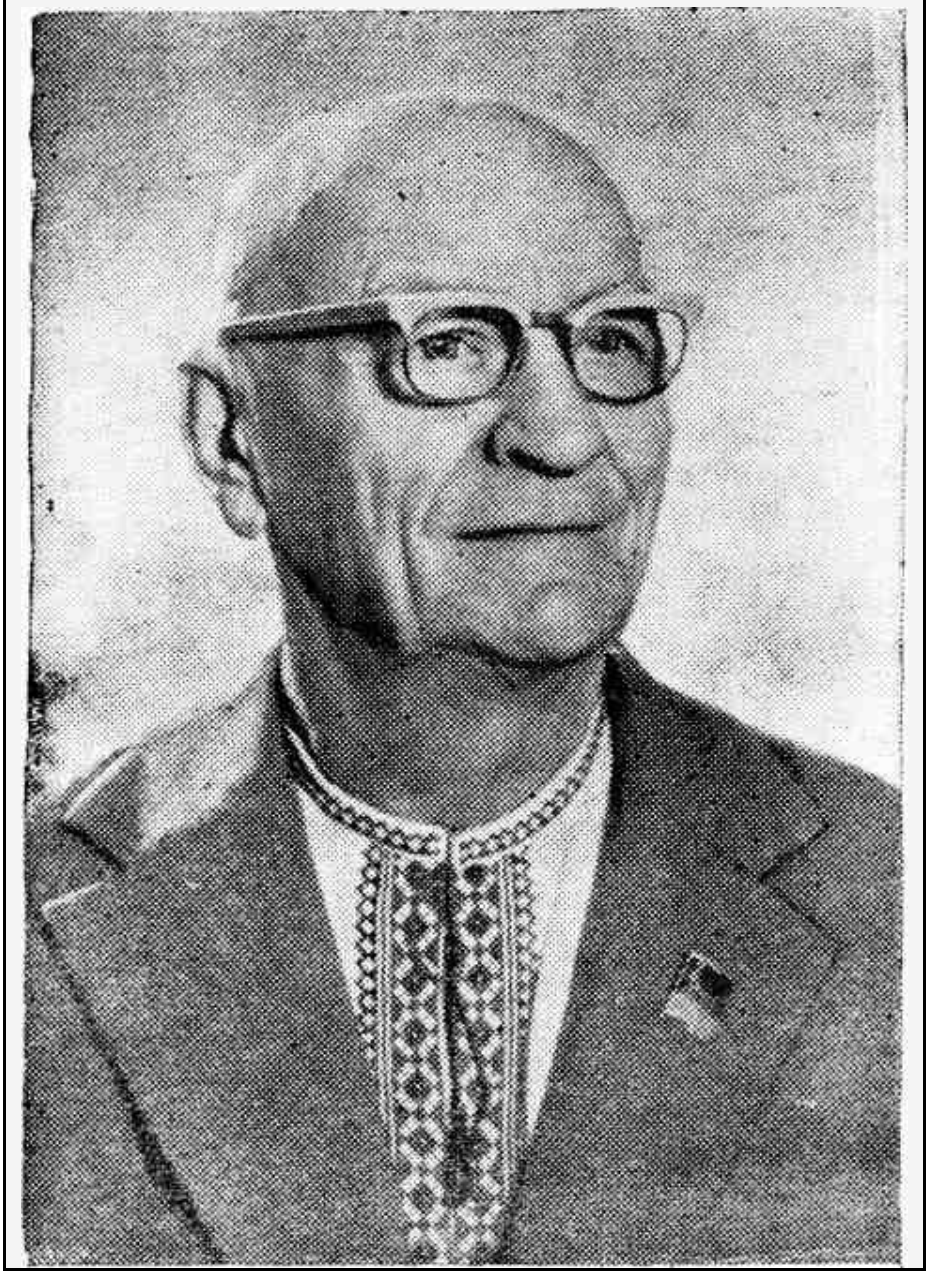
Александр Ковинька — один из старейших писателей-юмористов Украины. В своем творчестве А. Ковинька продолжает традиции замечательного украинского сатирика Остапа Вишни. Главная тема повестей и рассказов писателя — украинское село в дореволюционном прошлом и настоящем. Автор широко пользуется богатым народным юмором, то доброжелательным и снисходительным, то лукавым, то насмешливым, то беспощадно злым, уничтожающим своей иронией. Его живое и веселое слово бичует прежде всего тех, кто мешает жить и работать, — нерадивых хозяйственников, расхитителей, бюрократов, лодырей и хапуг, а также религиозные суеверия и невежество. Высмеивая недостатки, встречающиеся в быту, А. Ковинька с доброй улыбкой пишет о положительных явлениях в нашей действительности, о хороших советских людях.

- Миниатюры с натуры
  -
  - МИНИАТЮРЫ С НАТУРЫ
  - КАК ГОЛОВА ГОЛОВЕ ГОЛОВОЙ ГОЛОВУ ПРИГНУЛ И СТУКНУЛ
  - ПУСТЬ РАСТЕТ!
  - ПАПА УЧИЛ СУБЪЕКТИВНО, МАМА — ОБЪЕКТИВНО
  - «ОПРОВЕРГАТЕЛИ…»
  - БЕЗ ПЬЯНИЦ И ЛОДЫРЕЙ
  - ПУХОВЫЕ ПОДУШКИ
  - ПРОКАТИЛИ ВОРОНУ НА ВОРОНЫХ
  - РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ
  - КРАЕВЕДЧЕСКИЕ КАМЕНЮКИ
  - КОЛЮЧКА
  - МУХА — НАСЕКОМОЕ ЗЛОВРЕДНОЕ
  - ТОЛКАЧИ И ПОДТОЛКАЧНИКИ
  - «УБЛАГОТВОРЕНИЕ»
  - ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА НА РЕЧКЕ ВОРСКЛЕ
  - ВОТ ТАК, ПРЯМО…[1]
  - РЕЦЕНЗИЯ
  - БОЛЕЕМ И ПЕРЕЖИВАЕМ
  - ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТЕХНИКА
  - КАК Я ТОНУЛ
  - МОСТИКИ И ДОРОЖЕНЬКИ
  - ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ
  - ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КАКОФОНИЯ

- «ТЫ БЫ ТАК ПРЯТАЛ, КАК Я ПРЯТАЛ…»
- ГАЛУШКИ
- «ПАРОДИЙНЫЕ КУРЫ…»
- КАК РАСПОЗНАТЬ МОШЕННИКОВ
- КОТЫ И КОШАЧЬИ ХВОСТЫ…
- «НЕ ИГРАЙТЕ НА НЕРВАХ!..»
- ВЫ ПРИБЫЛИ НА ФЕРМУ
- ЗА СОСОК ДЕРГАТЬ НАДО ЛАСКОВО
- ПРИВЕТ ТЕБЕ, МОСКВА, ПРИВЕТ!
- КАК ВЫ — УТЕПЛИЛИСЬ?
- «ДА ОНА, ИЗВИНИТЕ, В ЮБКЕ…»
- ВЕСНА — ВСЕНАРОДНАЯ КРАСА!
- ВОТ ТАК — ПЕРЕСЕЯЛ, А ВОТ ТАК — НЕДОСЕЯЛ…
- И ПРИСНИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ…
- ВЕЛИКИЙ СМЕХОТВОРЕЦ
- …И МЕНЯ В СЕМЬЕ ВЕЛИКОЙ, В СЕМЬЕ ВОЛЬНОЙ…
- КАК И КОГДА НАЧАЛО НА МЕНЯ НАХОДИТЬ ВОТ ТО ЧУДНОЕ
- ПОЙ, ДЯДЬКА, ОНА ДЛИННАЯ!
- ВПЕРЕД И ВПЕРЕД…
- КИСЛЫЕ ЯБЛОКИ…
- СВЯТОЙ ДА БОЖИЙ
- ЗДРАВСТВУЙ, БРАТЕЦ МЕСЯЦ ЯСНЫЙ!
- «ХЛОП — И ВАШИХ НЕТ»
- ИСЦЕЛЕНИЕ И ИСЦЕЛИТЕЛИ
- ДИРЕКТИВЫ И КОРРЕКТИВЫ…
- МУЖЕСТВЕННАЯ, ВЕЖЛИВАЯ…
- КРЕСТОНОСЦЫ
- ДУМА ПРО БАШТАНКУ
- КАК Я ВПЕРВЫЕ НАПИСАЛ ФЕЛЬЕТОН, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО
- ДЕБЕТ
- ПО ДОРОГЕ НА ВОРСКЛУ
- КУРИЦА — ПТИЦА СЕРЬЕЗНАЯ
- КУТЬЯ С МЕДОМ
- ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ
- КАК КОГДА-ТО ЛЕЧИЛИ
- И ПРЫГАЛО, И СКАКАЛО
- КАК МЕНЯ ЧЕРТИ ПОД НОВЫЙ ГОД ВОДИЛИ
- НУ И СОСЕДУШКИ!..
- КАКИЕ ЭТО СНЫ БЫВАЮТ
- ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ РУССКИЕ ПОБРАТИМЫ!
- ХВАЛА ТЕБЕ И СЛАВА, ТРУДОВАЯ ПОЛТАВА!
- КАК МЕНЯ КУПАЛИ И ПЕЛЕНАЛИ

    - ПОЧЕМУ Я НЕ СОКОЛ, ПОЧЕМУ НЕ ЛЕТАЮ?
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

Миниатюры с натуры



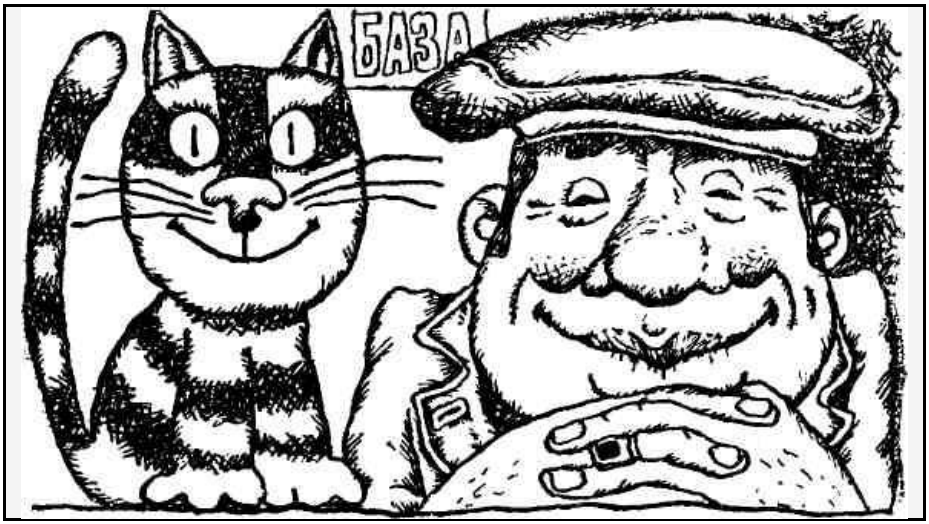
АЛЕКСАНДР КОВИНЬКА

МИНИАТЮРЫ С НАТУРЫ

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ

Авторизованный перевод с украинского Натальи Андриевской

МОСКВА · СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1982


БАЗА

МИНИАТЮРЫ С НАТУРЫ

1

Весна!.. Сколько в этом слове прекрасного, чудесного! Какие радости приносит весна человеку, и какие же он муки терпеливо принимает, красуясь по-весеннему…

Вы бы увидели, какими перманентными железяками парикмахеры разукрасили голову моей жены…

Я глянул — застыл! Какая кара вавилонская!

Дома — разительная перемена! Кудрявая, пышная, и ни одного седого волоска.

— Полина, — спрашиваю, — у тебя вроде на голове были белые волосы?

— Тю! Такое выдумал! То у тебя, голубчик, у самого в глазах побелело!

Весна!

2

Весна — оно таки весна. И в хате, и во дворе, и на душе.

И по улице идешь — радуешься. Каждого встречного хочется ласково поприветствовать, теплое, приятное словечко промолвить:

— Будьте здоровенькие! Будьте веселенькие! Приходите на вечер юмора и сатиры!

Идем и встречаем девочку. Одна играет, потому что мама с соседкой разговорилась: какие фасоны носят ранней весной?

Девочке лет шесть. Одета красивенько, сама беленькая, хорошенькая.

Товарищ и спрашивает:

— Чья ты?

Девочка с любопытством посмотрела на нас. Товарищ снова спрашивает:

— Где твоя мама?

Девочка посмотрела более выразительно и ответила:

— Иди ты в баню!

Мама стоит, смеется… Умненькая доченька растет! Усвоила мамину науку…

3

Перед входом в кинотеатр — большая цветная афиша: «Первый весенний поцелуй».

Я стою в очереди в кассу и гадаю: на этот сеанс попаду или не попаду?

Подходят две девочки со стороны и кричат кассирше:

— Тетя Клава, нам два!

В очереди:

— Девочки! Вечерние киносеансы вам посещать негоже! Ваш отец сам же это решение подписывал!

Старшенькая, двенадцатилетняя:

— Тато подписали, а мама и тетя Клава отменили!..

4

Хороша колхозная весна! И танцуют, и поют, и времени не теряют: удобрение на поля вывозят. Да видите ли — беда! — четырех хомутов не хватает.

Отправили в район Ефима Ефимовича:

— Поезжай, голубчик, хомутиков привези!

Жена и подходященькую торбу в дорогу снарядила.

— Куда ты накладываешь? Не на курсы, за хомутами еду.

А жена не слушает, кладет.

— Не перечь! Припомни прошлогодние чересседельники. То-то же!

Поехал Ефим Ефимович в район. Открыл первую дверь — первая и резолюция: «Выяснить, кто закрыл магазин!» Вторые двери — вторая резолюция: «Выяснили. Зав закрыл, а ключ в удобрении потерял». Третья: «Немедленно открыть!..» Четвертая, пятая: «Зава предупредить, а хомуты отпустить!..» Шестая, седьмая, восьмая… Ефим Ефимович везет в колхоз хомуты да и думает: «И хомуты хороши, и резолюции неплохие. Одно неясно: хомутов четыре, а резолюций восемь…»

5

Хата… Возле хаты садок. Хорошенький. Расцветает… Пчелки летают, гудят, а кум с кумом пьют и пьют… Прибегает жена, с ухватом прибегает…

И ухватом толкает, и словами укоряет:

— Куда ты ее хлещешь? С самого утра сосешь и сосешь… Как

ты ее глотаешь, такую вонючую, бураковую?! Посмотри, вон у тебя уже из головы ботва растет!..

Муж потрогал голову: боже праведный! — вместо ушей бураковая ботва растет!

6

Ох!.. Какая же чудесная свадьба весенняя! Представь себе на минутку весеннюю свадьбу! Солнышко сияет, соловей поет. Музыка, танцы… Выкрики: «Горько!..»

Жених и невеста стыдливо целуются. Ей-ей, величественна людская красота!

На свадьбе, о которой мы рассказываем, одна только была беда: у молодых не гармонировали года. Жениху — пятьдесят пять, невесте — двадцать пять.

Но ничего. Возраст не помеха, целуются на свадьбе хорошо.

Поцеловались, а кто-то и спросил жениха:

— Дермидор Дермидорович, а как же ваша дорогая Надя?

— Какая Надя? — ошеломленно переспрашивает жених.

— Надя! Ваша жена!.. У которой — Гриць, Петрик, Катя и Варя!

Ох какие каверзные люди! Спросили и весеннюю свадьбу испортили…

КАК ГОЛОВА ГОЛОВЕ ГОЛОВОЙ ГОЛОВУ ПРИГНУЛ И СТУКНУЛ

Рассказ наш короткий и простой. Просто и начинаем: в одном хорошем селе и на виду у хороших людей на дверях клуба довольно долго висел замок. Маленький. Новенький. Кругленький.

Висит и висит. И никакой мороки. Приехала кинопередвижка — замок сняли. Уехала — замок повесили.

Со временем кто-то спохватился.

— Братцы! — закричал. — Почему это на дверях уважаемого сельского культурного учреждения висит маленький замок? Давайте, — говорит, — прицепим большой! Тогда здоровенную железяку смогут увидеть не только сельские руководители, а и районные. А если протрет глаза, то сможет узреть и сам голова — председатель правления клуба. У меня, — говорит, — есть предложение: к клубному фасаду большой замок приладить!

Приладили. Хоть удивляйтесь, говорим, хоть не удивляйтесь, а большой замок первым заметил отец пресвитер. На мотоцикле подкатил, радостно висящую железяку поцеловал и молитвенно прошептал:

— На тя уповаю. Виси, благодетельная железяка. Просили тебя, о боже всевидящий, сотворить чудо, и ты, милостивый, соблаговолил: в культурном селе культурную единицу развалил. Слава в вышних богу! Аминь!

Вдруг — бах! — телеграмма. Нам сообщали: «На клубные двери два замка привинтили. Спасайте!..»

Мы сразу куда? В районный отдел культуры. Имели намерение караул кричать. Но нас тронули за рукав. Звеньевая из того села смекнула.

— Что вы, что вы! — крикнула. — Какая вам разиня такую странную телеграмму бухнула? Пишет — два замка на дверях висят? Ей-богу, он не туда глазами смотрел.

— А в чем дело? — спрашиваем.

— А в том… На нашем клубе уже три месяца не только замков, но и самих дверей нет!

Поехали мы тогда на место происшествия. В самом деле — село хорошее, цветущее. Хаты чистенькие, улицы ровненькие. В селе есть больница, школа-десятилетка, электростанция, радиоузел… А клуба нет. Собственно, есть, но он набок накренился.

Бросились к дверям — нет! Двери для курятника забрали. А

окна с рамами, по строго установленному лимиту, знакомым раздали.

Мы к людям — почему, что, как?

— Да как же, — говорят, — второй год небесные воробьи на сцене летают. Славословно декорации обрамляют…

Пошли мы к голове сельсовета, а с ним направились к голове колхоза, а потом к голове потребительской кооперации и уже все вместе бодро двинулись к голове правления клуба.

Собрались и, как водится у добрых людей, сели за круглый стол.

Первым произнес речь голова сельсовета:

— Товарищи! Обещаю клуб отремонтировать. Уверенно говорю: наш клуб засияет огнями, зазвенит песнями и музыкой заиграет. Клянусь, сельсовет поможет!

Голова колхоза выразительнее обещал и громче кулаком по столу стучал:

— Клуб, товарищи, наше духовное украшение! Без обмана скажу: мы в зал стулья поставим, сцену оборудуем, окна вставим… Библиотеке две комнаты выделим, читальный зал отгрохаем… Натопим, аж… аж… Аж окна засмеются.

Голова кооперации скромнее обещал:

— Книг для библиотеки приобретем. Журналы и газеты выпишем. Пусть люди читают, пусть знания приобретают.

Приятную речь произнес и голова правления клуба:

— Замки я немедленно снимаю и на веки вечные в мешкотару прячу!

Короче говоря, все головы клуб на ноги искренне поставить обещали и свои клятвенные обещания сполна в протокол записали.

Прошел день, неделя, месяц… Один месяц, другой… Получаем из того же села удивительное письмо. Пишут:

> «Зашел голова сельсовета в библиотеку, а там — собачий холод. Постучал-постучал голова сельсовета зубами — и скорее к голове колхоза:
>
> — Друже, не выматывай души! Говори — ты обещал окна вставить? Ты кричал — пусть будет тепло в библиотеке?
>
> — Я!.. Так я что же… Я же давал… Я же материалы отпускал…
>
> — Кому? Когда?
>
> — Голове кооперации…
>
> Вдвоем побежали выяснять: где окна, где газеты, Журналы?

Словом, все вышеупомянутые головы собрались в холодном клубном зале. Начали выяснять: кто кому на окна давал, кто кому утеплять библиотеку поручал.

Выясняли и выяснили: голова колхоза головой голову кооперации — трах! — я же тебе на окна давал, я же тебе стулья перебрасывал…

А голова кооперации головой голову правления клуба — раз! — я же тебе окна и двери передал… Где они?

— Кто?

— Да кто — окна!

— Да какие?..»

Вот какие фокусенции случаются, когда на клубных дверях огромные замки болтаются.

Вы спрашиваете: в каком это селе такое диво случилось?

Да в каком? Поищите… Может, и в вашем районе такое чудное и грустное бывает.

ПУСТЬ РАСТЕТ!

1

Так вот, значит, взяли мы лопаты да и накопали ямок. Порядочно накопали. И много, и хорошо, и глубоко.

Посадили в те ямки молоденькие деревца. Засыпали корешки землей и сказали — точка! Пусть растут!

Принялись деревца… Замахали веточками, затрепетали листиками. Вверх начали тянуться стройные ростки.

А чтобы ни коза, ни поросенок или еще какая-нибудь скотина с копытцами туда не полезла, эти деревца предусмотрительно огородили новенькой, крепкой оградой.

Пусть никто не скачет и зеленых веточек не ломает!

Пусть молодое дерево растет, расцветает!

Кажется, на этом пункте можно и закончить наше деловое заседание. Так нет же, есть еще такие завзятые ораторы, которые провозглашают: «озеленить», «посадить», «охранять», «будем заботиться», «будем следить», а выскочив за порог, обо всем этом начисто забывают и со всего разгона начинают через ограду перескакивать.

Прыгают по «текущим делам»…

Во многих городах и селах нашей великой Советской Украины чудесная молодежь густо насадила каштаны, и тополя, и берестки… Посадили, оградили и написали: «Ходить и лазить через ограду не рекомендуется».

А вот нате вам, Клеопатра Серафимовна, солидная дама с солидной походкой, ножками топает к универмагу и, простите, шпарит прямо через ограждение.

— Клеопатра Серафимовна! Выше ногу поднимайте — дерево сломаете!

А Клеопатра Серафимовна выше не может поднять — мода не позволяет. И трещит ограда, и падают на землю веточки, нежненькие, зелененькие.

А то еще и так бывает:

— Оксана! Эй, Оксана! Иди сюда! Сама иди и мешки тяни. Тут хоть какой-то тенек.

Мешком на тоненький ствол напирают. Да чего греха таить, порой и поясницей налегают…

А деревцо еще молодое, хрупкое — тресь!

— Тю!.. Я вроде не очень и налегала, а оно, вишь, треснуло.

Я слыхал, что тогда рекомендуется брать в руки вот тот

сломанный дубок да и по пояснице. Раз вдоль, да раз поперек…

2

Что и говорить — факт! Много садят у нас молодых деревьев. И фруктовых, и берестовых… Но, по правде говоря, немало тех посаженных деревьев ломают и уничтожают…

Путешествовали мы как-то чудесными дорогами, что так густо промережили нашу великую Родину.

Ехали автобусом. Пречудесный агрегат автобус. Места мягкие, окна светлые. Смотришь сквозь автобусное окно и радуешься: колышется густая озимь, желтеет высокая рожь. Слева яблоньки вас встречают, а справа — вишенки.

Остановка. Выходят пассажиры напиться воды. Напились и увлеченно любуются природой: как много ягод растет у дороги! Маняще на веточке ветерок их качает, колышет…

А из садочка выходит дедусь. В руках длинная дубинка. И дубинка длинненькая, и дедок высокий. Симпатичный дедусь. Вежливо здоровается и тепло спрашивает:

— Здравствуйте. Дай боже счастливо ехать. Вы, извините, по каким делам? Шефы или экскурсия?

— Да мы… Водички сошли попить.

— Ах!.. Оно конечно… в дороге… Пейте на здоровьечко. Только вода вон, под вербами. Планировали колодец возле вишен… так… Оно ведь как вам сказать: автобусов много останавливается…

Не вышел бы тот симпатичный дедусь, не взял бы в руки дубинку — готово. Полезли бы в автобус и красненькие ягодки и зелененькие веточки.

К великому сожалению, в дороге ягоды рвут с ветками.

3

Много деревьев портят и по милости божьей…

Скажем, идет вербная неделя. Та вербная суббота, когда ломают и вербу, ломают и лозу.

Наломали. Связали. Понесли к церковке, святой водичкой побрызгали. Покропили. Покропленной вербой можно глушить свата или брата. Смело можно любому залепить по уху и:

— Не я бью, верба бьет!

Мне в молодости такой вот освященной вербочкой как дали по затылку, так я долго чесался. Никак не разберу — где вербы

шумят, а где церковные колокола гудят.

А что делается на троицу? Ох и трещат тогда бедные деревья!

К образам надо? Надо. Поднавесы украсить стоит? Стоит. У ворот хоть маленький клен поставить надо? Надо.

Над свинарником пусть дрожит осина?

Э, нет, осина не годится.

— Алена! Осиной свинарника не украшай. Слышишь, Алена, осины не ломай! На осине Иуда повесился! Клен ломай!..

Мы, конечно, и за осину, и за явор, и за клен… И за грушу, яблоню, абрикос…

Не ломайте! Пусть растут!

ПАПА УЧИЛ СУБЪЕКТИВНО, МАМА — ОБЪЕКТИВНО

1

Слава богу, вырос. Стукнуло двадцать… Оглядываясь на пройденные бурные юношеские годы, честно скажу — школьные годочки весело пробежал. Проскочил — даже эхо по школе прокатилось. Все ходуном ходило.

Шумно садился за парту, шумно на ней подскакивал, штаны протирал, но нос вверх не задирал. Не задавался…

Сам не любил курносых, не любил и задавак.

Бывало, намекнет Жора: «Сема! Смотри не прозевай. Твоя жертва рядом. Гляди — у дверей торчит кривляка-задавака! Горячий… Пятерками чванится… Плесни на голову чернил, пусть остынет!»

Украдкой выплескивать чернильницу мне, верно, на роду написано. Плесну — до капли выплесну, и я не я, а рука не моя.

Ошеломленный чернильным ливнем, горделивый задира сразу каменеет. Вытаращит глаза и удивленно смотрит на потолок: из какой тучи на затылок брызжет густой фиолетовый дождь?

Он растерянно темные пятна трет-вытирает, а на нас с Жорой очередной стих находит: кому из задавак подложить самую замысловатую свинью?

2

В школе шум, гам, позвали отца. А отец по телефону передал резолюцию мамусе: «Выясни!»

Мой отец к оценке за поведение подходил административно и объективно. Снимал ремень а давал мне нюхать. Да еще и грозно шумел:

— Не тот конец нюхаешь! К этому кончику притронься носом!

Выполнив все эти воспитательно-семейные формальности, отец переходил на более ласковые тона:

— Садись, сукин сын, к столу. Люба! — звал маму. — Подай стаканчик… Пусть, глупенький, глотает и в науку с головой окунается.

Мама воспитательный вопрос ставила острее — более

решительно:

— Товарищи педагоги! Чтобы мое дитя рубанок в руки брало? Доски строгало?.. Такое придумали! Это же нервы портит! Сердце расшатывает, одышку вызывает… Нет-нет! Не забывайте, у Семы особенный дар! Сема — фантаст, мечтатель! Он день и ночь мечтает стать каким-то таким… Выдающимся… Известным романистом или знаменитым футболистом… Сема уже теперь попадает мячом в окно третьего этажа. Это чрезвычайно способный ребенок!..

…Что? Курит папиросы «Казбек»? А вы, педагоги, для чего? Вас, уважаемые, спрашиваю. Разве вы не можете подсказать родителям, какой сорт табака лучше курить в таком возрасте? Я в этих дурацких табаках совсем не разбираюсь. А вы наставники, вы в курсе. Может, Семе и вправду деликатнее курить сигареты?

…Вино пьет? Боже мой! Прошу вас, поймите мать. Приходят гости, друзья… Разве мы можем изолировать мальчика от праздничного стола? Гости начнут деток славить, тост поднимать, а родители на дыбы, родного сына станут взашей гнать? Вы же педагог! Это же психологически угнетает парня! Господи! Вы любого доктора спросите: виноградное некрепленое вино советуют даже в манную кашу лить, детей от скарлатины им спасают. Коньяк мы, разумеется, не даем. Мы прекрасно понимаем: коньяк ученикам девятого класса не рекомендуется…

…До свидания! Извините! Не забывайте, я — мать! Я не позволю моему ребенку копать силосные ямы…

3

Спасибо папочке, благодарствие и мамочке: помогли — с девятого в десятый перескочил.

Вот тогда, в десятом классе, я впервые погладил по спине живую корову.

Послали нас на практические работы в село. Поехали мы в колхоз всем классом.

На дорогу нам собрали огромные мешки. Во-от такие! За весь курс десятилетней науки впервые довелось на собственном горбу такие тяжеленные мешки тащить.

Несли до самой станции. Правда, сбоку и наши мамы нести помогали да все уговаривали:

— Вы же, мальчики, не вздумайте коров доить! Будь они неладны! Да вы же молоденькие! Да вы же глупенькие! Да вы же нигде не бываете! Да вы же ничего не знаете!

Я и Жора в колхозе провели время в реконструктивно-

технических дискуссиях. Дискутировали — скоро ли наступит всеобщая автоматизация. Надавил кнопку — молоко. Нажал — сметана. Крутнул — котлеты, повертел — паштеты…

Включил радио, а репродуктор как загомонит, как закричит:

— Хлопцы! Может, вам еще и по сто грамм налить?

4

Двадцатые именины. Именинным вечером, как всегда, заправлял Жора. Сказано — артист. Артистически взобрался мне на плечи, и я лошадиным галопом дважды прокатил его вокруг стола.

Чудесный кросс. Аплодировали. Только Галина, моя симпатия, воздержалась. Я слышал, как она сестре Наде шепнула:

— Так и твой братик любит кататься на шее родителей.

Странная девушка, не разумеет красоты жизни. Не чувствует нежных струн моей романтической души.

Да и в самом деле: разве это поэзия — рубанком строгать, лопатой землю копать? Породили отец и мать — пусть чтут, пусть рожденного кормят. Это закон природы.

Бабуся — моя первая защитница.

— Куда вы его, — говорит, — на работу выпроваживаете? Он еще не наигрался.

Скажет и шелестящую ассигнацийку незаметно ткнет:

— Внучек, поди развейся!

Распречудесная старушенция! Частенько выручает.

Именинный вечерок заканчивали солянкой. Солили холодное пиво. Проклятая соль и подвела — рассолила и разварила основных правофланговых гостей.

Первым окосел Жора — свалился. С разгона лбом ударился о пол. Колени подогнул, спину согнул, но сознания не потерял, продолжал славить именинника на четвереньках…

Ох и Жора! Ай да мастер. Ползал и звонко мяукал, лаял, мычал и хрюкал. Мастерски имитировал визгливого поросенка.

Утром соседи спрашивали бабусю:

— Спиридоновна, когда это вы купили поросную свинью?

5

С Галиной у нас почему-то все чаще начали возникать конфликты. Каверзная девушка — идет против нашей компании. Нет-нет, да и уест, да и кольнет.

На крыльце спорили — может ли у двадцатилетнего парня рассохнуться десятая клепка?

— Я возражаю — анатомия совсем ничего о сухих клепках не упоминает.

— А ты, — говорит Галина, — чаще в анатомию заглядывай. Побольше книжек читай.

— Не думай, Галя, — говорю, — не думай, что я не читаю. Я в книжечки заглядываю.

— Почему же ты тогда пьешь? Почему нос дерешь?

— У меня, — говорю, — такая красота: штаны коротенькие, а нос длинный.

— Работать можно и в коротких штанишках.

— Не могу, Галочка! Не могу работать. У меня на работе кружится голова.

— Глупости мелешь! Труд — благородное дело. Труд освежает голову.

Сказано — переучилась. А как я тебя, Галочка, уважаю. Люблю. Я каждое утро твои русые косы высматриваю вот здесь, на крыльце. А ты смеешься, издеваешься.

6

Девичьи очи — непростая сила. Влияют… Повлияли и на меня чудесные карие глаза Галины. Уговаривала-уговаривала и уговорила: дал слово — брошу лодыря гонять. В субботу пойду на работу.

Галина тепло взглянула и нежно пожала руку.

Но снова не сдержался — товарищи подвели.

Как-то Галина остановила. С лекции шла. Спешила. В руках несла какой-то сверточек.

— Галя! — говорю. — Здравствуй!

— Здравствуй! — ответила. — Ты снова пробку проглотил?

Я стал в позу виноватого и прошу:

— Галинка! Выслушай, пожалуйста! Выслушай внимательно. Так и так, — говорю, — рвался… вырывался… упирался…

Говорю и беру Галинку за руку. Не дает. Вырывает. Тогда я зашел с тыла. Вежливенько обнял за талию.

Грубиянка! Вытащила из пакета селедку и как стеганет соленой рыбиной по моим губам!

Бедненькие, на всю улицу звонко чмокнули.

7

Семейные свары не дают спокойно дохнуть. Сестра Надя против веселых вечеров. Бабуся и мамуся — за. Отец держался нейтралитета, а в последнее время начал сдавать, начал и сам на меня наступать.

— Что мне на службе скажут?.. В персональное дело запишут! Да! Точно, влепят… — И ко мне: — Что ты натворил, бездельник!

Сварливую, затхлую атмосферу первой разрядила моя добренькая, родненькая мамуся. Сунула десяточку и ласково шепнула:

— С богом, Сема. Успокой свои нервы…

Нервы я всегда успокаивал в ресторане «Полтава».

Вот где хорошо лечить нервную систему!

8

Вчера батенька и сестрица Наденька встали на дыбы, решительно запротестовали: никаких выпивонов, никаких закусонов.

Пришлось нашей веселой компании удариться в конспирацию. В дровяном сарае немедленно созвали конспиративное совещание.

На совещании присутствовали: я, Жора и вольный художник Прокопий.

На повестке дня стоял только один вопрос — в какую дерезовую чащу переходить.

Выступали: вольный художник Прокопий, Жора и я.

Постановили единогласно: горло промачивать за речкой Ворсклой, на окраине, в зеленой роще. В том местечке, которое носит историческое название Копылы.

Вот там нас в летний погожий вечер и застукали…

Началось с малого. Начали мерить, у кого длиннее патлы — у художника или у Жоры, моего друга и кореша.

Опрокинули первую рюмаху, померили — у Прокопия! Выпили вторую, померили — у кореша!

Что за наваждение! Льем, пьем, меряем и не можем разобрать: почему то у одного, то у другого космы удлиняются?

Заподозрив со стороны вольного художника какую-то каверзу, Жора сказал:

— Прокопе! Ты мне рога не наставляй!

— Хулу порешь! Разве не видишь — темно!

Темпераментный Жора не стерпел:

— Ах, тебе темно? Дай-ка я засвечу!

Кто кому первый засветил, кто кого первого за космы

схватил — не рассмотрел.

Все трое разобрались во всем, когда попали в рай… в раймилицию.

Глянули — у каждого под глазами светят пестрые фонарики. Небольшие, но разноцветные: синенькие, красненькие и зелененькие.

Впервые в своей жизни я взялся за трудовую метлу. Метелочкой улицу подметал.

Галинка каждое утро навещала. Поздоровается и тихо шепнет:

— Сема! Ой, Сема! Милый мой друже! Помни — кто напрямик кочует, тот дома не ночует.

9

Метла натрудила руки — отдыхаю. Пятый день отлеживаюсь дома.

Какая красота — домашние хлопоты. Подают, убирают… Теплота и внимание… Умоют, причешут, еще и зеркальце под самую мордочку подставят. Посмотрю, цмокну губами и повернусь на другой бок. Роскошествую… Лежу, не встаю.

А вокруг моей особы и метушня и беготня. Несут то, подносят другое. Хлопотливая бабуся заговорщицки подмигивает и под подушку засовывает что-то стеклянное.

— Внучек! Целебное! Потяни для бодрости духа!..

Ох, бабусенция! Очаровательный ты мой предок! Потянул то, что и надо, — эликсир с перцем. Выше сорока градусов…

Потяну — посплю. Посплю — потяну. Ей-богу, лучшая житуха, чем в детских яслях!

Кликну: «Маман, подай! Маман, убери!» А мать как мать — не знает, на какую и ногу ступать.

10

Ура — радостная новость! В мою тихую келью нежданно-негаданно влетел Жора в сопровождении прекрасной Феи.

Щебетливая пташечка! Бегает, ласточкой по комнате порхает.

Что значит, элегантная девчонка! Умеет ценить женскую красоту. На одной ножке скачет и кокетливо в зеркальце заглядывает. То подправит бровки, то подмажет губки…

Мамусю и бабусю Фея очаровала. Надю, Галю — нет. Они искоса поглядывали и немым взглядом спрашивали: с какой

ветки эта сизоокая пташечка слетела?

Скромных студенток я прекрасно понимаю: их разбирала скрытая зависть. На модной Фее одних чертиков прыгало штук двенадцать. На серьгах, браслетах…

Серебряное портмоне и то лукавым украшено. Мастер выгравировал классическую сценку: возле посудника черт Солоху искушал…

Что и говорить — модница! Знает, какими штучками-мучками распалить огонек зависти у наивных провинциалок…

Коротенько опишу колоритный костюм молодой попрыгуньи.

Платье а-ля модерн — нежные девичьи ножки плотненько облегали мальчишечьи брючки. А фигурка какая тонюсенькая!.. Фея зеленым поясом так затянулась, так засупонилась, что, ей-ей, трудно представить, как она, бедняжка, дышит. Прическу мои друзья носили разнофасонную: Фея — хвостом вверх, Жора — хвостом вниз.

Болтали, говорили и мою душеньку повеселили — «откололи» танго.

Вот выкидывали кренделя! Кошечка с перепугу даже на шкаф прыгнула. Глупая перепутала: Жора и Фея классическое танго танцевали, а ей показалось — по хате полосатая тигра скачет.

11

Мы с Жорой ведем интимный разговор — почему Фея, а не Психея? Оказывается — девочка родилась и терпеливо в десятилетке училась с именем Пелагея. Выпестованная на руках мамуси и папуси, девушка, прочитав в дипломе — Пелагея, обомлела. Упала на паркетный пол.

Очнувшись, слезно зарыдала:

— Папуська! Мамуська! Я ваша дочка или не ваша? Я не Пелагея, я — Фея!

— Сема! Семочка! Ты знаешь, кто у моей подруги родители? Высота…

Папуся — сюда, мамуся — туда… Два звонка — готово! Имя переменили.

Жора придвинулся, оглянулся и на ухо зашептал:

— Фея — чудесница! Не смотри, что козой прыгает, а какую она силу имеет! Феечка нажала на мамуньку, мамунька на папуньку… Отец на брата, брат на свата… А сват не знал, куда меня и посадить… Работка — красотище! Сема! Дружок! Я — экспедитор! Хочешь стать моим помощником? С ходу научу торговать.

12

Учусь у Шоры — и теоретически и практически. Наука несложная… Жора учит: с чужого воза бери и на свой клади.

Экспедиторские наклонности у Жоры обнаружились незаурядные. Подход рыбацкий — ловко ловил рыбку в мутной воде.

Наловит — щуку заву, карасика заму.

Завбазой Семен Семеныч не нарадуется. «О! — говорил. — О! Мастер! О! Пловец! В мокрую воду нырнет и сухим вынырнет».

Я сразу же остался с носом. Учился-учился и на первых коммерческих экзаменах с треском провалился.

Семен Семенович в кабинете спросил:

— Умеете ли вы по шумному базару сумки носить?

Жора дергает за штанину: говори — умею. А я, — черт его знает, почему Жора за штаны хватает, — пожав плечом, громко засмеялся.

Зав яснее сказал:

— Моя половина остановилась на вашей кандидатуре. Просит ее сопровождать на базар и с базара. Сумки небольшие, каждая по десять килограммов. Вес в зарплате учитывается…

Сами подумайте, ведь вопрос явно несуразный. Я сам ищу такого дурака, чтобы за мной сумки носил.

Жора глазами на меня стреляет и чем-то острым тычет то в спину, то в ягодицу. Намекает: пусть ваша половина пальцем поманит — и моя спина согнется…

А я стою и думаю: «Боже, боже!.. Ну нет никакой административной психологии! А еще и начальник! Я родной маме никогда в хату охапки дров не принес! А то перед какой-то мадам гни спину!»

Разумеется, я от смеха даже присел. Расхохотался, не могу остановиться, а завбазой таинственно наклонился к Жоре. Наверное, расспрашивал: «Где ты взял этого недотепу?»

13

Ох, и распекал же меня Жора! Ох, и клял, тактичному поведению учил:

— Разве можно перед начальством нос задирать! Сказал зав: неси — интеллигентно улыбнись и тащи. Руки не отвалятся. Вот что, друже, дипломатично попроси прощения. Так и так, мол, сдуру смеялся… «Вы меня не поняли. Я не над вами смеялся. Простите! Не карайте!.. Всегда к вашим услугам…» Становись

завтра у вешалки, первым встречай зава, вежливенько раздень и один на один деликатненько поговори.

Послушал я Жориного совета, раненько встал у порога. Караулю. Увидев, что Семен Семенович вышагивает к вешалке, я мигом подбежал и схватил с его головы шляпу. Имел намерение и демисезонное пальто стянуть, да Семен Семенович пугливо отскочил в сторону.

Картина получилась смешная: маленький, лысенький Семен Семенович не оглядываясь бежит к кабинету и гневно орет:

— Кто вы? Отдайте шляпу!

Я, — меня бог ростом не обидел, двухметровый, долговязый. — следом шпарю рысью и кричу:

— Стойте! Извиняюсь!.. Каюсь!..

Но взволнованный зав стремительно влетел в кабинет и тут же вызвал секретаря.

— Вот та высокая жердина — кто он? Дайте анкету. Черт! Хотел на пороге задушить!

Не пойму — в чем же тогда соль этики и эстетики? Вежливо раздевай — бегут. Стой как пень, не раздевай — упрекают.

Нет, я дошлому Жоре не пара. Он меня во всем обошел. Вчера я своими глазами убедился в этом. С базара порожняком важно шла дородная завова половина, а Жора, обвешанный пакетами, тяжело дыша, плелся сзади.

Хитрющий! Присоседился!

14

Фея в трауре. Жора нагло изменил. Прикинулся дурачком — обстриг космы.

Говорит — люди смеются.

Жора, очевидно, не соврал. На базе работают простые, симпатичные люди: грузчики, шоферы… Может, кто и посмеялся.

Фея из-за этого слезы глотает, я же ума не приложу. Такую пышную гриву ощипал! Малахольный!

15

Пошел в науку к Фее — изучаю западноевропейские танцы. Прекрасно! С утра до вечера натопаюсь — не надо и аппетитных капель. Бабуся и мамуся удивляются и не могут надивиться — одним махом килограмм колбасы уплетаю.

Одна беда, один недостаток — не туда ноги несут. Неуклюже

топчусь, прыгаю, как слон. Порчу пол, топчу подруге ноги.

Фея терпит… Терпит во имя культуры.

16

Продолжаю топать по полу и пугать соседей. Пол терпит, соседи — нет.

Соседка Катерина кричит на весь двор, протестует:

— Какая чертяка эту тангу выдумала! Скоро стены развалятся!

Зато я духом не падаю — пусть ругают! Фея обещала бранные нападения компенсировать — на стадион устроить. У нее там своя рука. Родной дядя — ветеран движения болельщиков… Должность высокая: с дубиной вдоль высокой ограды ходить и наблюдать, — кто сидит на ограде и без билета кричит: «Бей по воротам!..»

Пора уж подыскать какую-то работу по душе!

17

Новость! Жора учинил на базе переворот. Посреди дороги разбросал пакеты и заявил завовой помпадурше:

— Мадам, я вам не лошадь!

Весть эта кометой влетела в комнату.

Мы как раз разучивали нежное, плавное танго «Аист принес ребенка», и вдруг как гром с ясного неба — Жора перековался… Раскритиковал в газете завбазой. А сам слесарем на завод устроился.

Фея ударилась в истерику:

— Нахал! Это ж он, невежа, зава раскритиковал, свата, брата, татуся и дедуся… А я его любила… Я его выдвигала…

Я тоже попал в разряд невеж. На сомлевшую девушку приличную порцию воды плеснул. Прямо из ведра и плеснул.

Недотепа, всю девичью красу испортил. Смыл краски с бровенят, сполоснул и с губенят.

Помирились.

18

Сам не пойму — отчего меня, взрослого парня, тревога разобрала? Чего-то ищу — и сам не знаю.

Лягу — не лежится, и сон не в сон. Думаю и думаю: какая же сила повлияла на когда-то щеголеватого Жору? Какие жизненные факторы вот так всколыхнули парня-гуляку?

Вот передо мной лежат два письма. Фея пишет:

> «Папуня и мамуня свою любимую доченьку щедро одарили. Выделили деньжат на путешествие: Одесса — Ялта — Сухуми. Покатим, мой патлатый хулиганчик»?

Жора проще написал:

> «Сема! Друже! Принарядись, побрейся, состриги патлы и сюда ко мне, на завод, двигай. Вот здесь настоящая школа жизни».

Галина тоже советует:

— Иди, Семочка, учиться жить.

Читаю и, как тот былинник, не могу угадать — куда?

Люди добрые! Вас спрашиваю: куда и с кем?

«ОПРОВЕРГАТЕЛИ…»

Газета воспитала многих хороших смехотворцев. Воспитала она и меня, простого деревенского парня.

Незабвенный Остап Вишня, долго и плодотворно работавший в газете, не раз призывал молодых авторов:

— Идите в газету. Идите и перья свои справедливым гневом оттачивайте!

— А может, и не отточим?

— Отточите! Не святые горшки обжигают!..

— А мо…

— Никаких «может»… Душой к слову припадайте, сердцем теплым его согревайте, и оно, ваше слово, заговорит живым народным языком. Засмеются люди, заскулят казнокрады, бюрократы…

Так вот, значит, и я начал душой к слову припадать, сердцем каждое слово согревать.

Конечно, всякое бывало… Греешь-греешь, а оно, то самое словечко, возьмет да и остынет… Значит, не на всю силу теплом согревал. Оно ведь в жизни — как на долгой ниве: то перегреешь, то недогреешь…

Бывало, ты кого-нибудь пером хорошенько огреешь, но бывало, что и тебя без пера подходящего грели и разогревали… Да еще и как грели! Мама моя! Даже в пот бросало!

Кропотливая, но благородная работа. В газете мне частенько приходилось касаться сюжетов на деревенские темы. Скажем, как правление колхоза заседает и протоколами силос заготовляет или над какими сортами трав зимой больше всего задумывается фуражная корова.

Коровы силос ждали-ждали и, не дождавшись, взяли и взбунтовались… Рационы и протоколы языком слизали…

Написал я об этом в газете, а те правленцы взяли и «опровергли…».

Опровергатели — народ энергичный, настырный. В юмореске «Подталкивали и к соскам губами припадали» писалось:

> «Участники рождественских праздников солили-солили и пересолили… Охмелевшие волхвы с криком и гиком кольями подталкивали серую трезвую корову на третий этаж. Исследовали, не потекут ли в двадцатом веке от рождества Христова, да и еще на третьем этаже, из сосков вместо молока капли первака…»

Опровержение прилетело на следующий день. Сетовали и упрекали автора:

> «Клевета! Наговор! Мы ведь не корову, а козу толкали…»

Признаюсь: никогда не чурался и не обходил антирелигиозных тем.

Как-то я вместе со своим хорошим другом, коллегой по сатирическому перу, поехал в отдаленный хутор. К слову сказать, человеческими умами там внезапно завладели экзархисты и автокефалисты.

Вот мы и попытались статистически показать, к каким сногсшибательным фокусам ведет честных, хороших людей вот такое овладение…

Для статистики заполнили графы: а) сколько закололи поросят на пасхальные праздники; б) сколько зажарили кур; в) сколько ощипали гусей; г) сколько начинили колбас; д) сколько наготовили рубцов…

В графе «Напекли и наварили» борщей не считали, а записывали лишь то, что к борщам и рубцам кипятилось и варилось… Вот так и записали: «Наварили и накипятили: а) три ведра свекольной; б) два ведра пшеничной; в) два ведра из прочего зерна; г) ведро смеси…»

«Что же это такое за смесь?» — спросите. Объясняю — для крепости еще и табачку подсыпали.

Один бедняга хватил во славу Христову пол-литра этой табачной смеси — даже плакал, сердечный.

— Ох, проклятая баба Секлета! — жаловался он. — Наготовит и такой отравы наварит — просто горе. Хватишь, а потом по улице идешь и чихаешь. Чихаешь и от стыда на все стороны озираешься…

В этом же хуторе спрашиваем веселого любителя выпить:

— Три дня вы пасху праздновали. Три дня пили и гуляли. За какого же вы бога пили?

— А мне-то что… Подносят и говорят: «Пей! Пей за святую Варвару, за преподобную Татьяну, за трех святых, за сорок святых…» А мне что: бьют — бегу, дают — беру.

Но вернемся к статистическим данным. Подводим итоги пасхальных праздников: а) оторвали правое ухо у трех человек; б) левое у четырех; в) исцарапали лбов — пять; г) синяков понаставили: под правый глаз — шесть; под левый — восемь (левому, как видите, перепало больше, он, вероятно, на соседа смотрел косо…).

И под конец зафиксировали: церковному старосте

автокефальный нос оторвали. При каких обстоятельствах отгрызли православное нюхало, нам установить не удалось.

Вот такие еще дела бывают на хуторах и на хуторочках.

Еще про «опровергателей»…

Два дня бегал я по магазинам. Искал для внука игрушку — корову или телочку.

В магазинах всякие игрушки были — и домашние птицы, и лесные, и морские звери. А вот коров, телят, поросят, ягнят — точно убедился — нет нигде. Не производят.

В светлом и большом магазине я еще раз спросил:

— Может, у вас есть хоть яловая телка?

Продавцы пожали плечами. Мол, о такой породе животных впервые слышим. Но ко мне, как к покупателю, отнеслись внимательно. Сначала показали крокодила.

— Она? — спрашивают. — Яловая?

— Нет, — говорю, — не она.

Тогда продавцы деликатно по очереди показывали льва, леопарда, тигра, пантеру, черепаху, медведя, кенгуру, жирафу, носорога, слона, попугая и, наконец, показали здоровенную, в четыре краски, змею.

— Она? — переспрашивают. — Яловая?

— Черт ее знает, — говорю, — может, и яловая. Только мне не гадюку надо, а телку.

Так никто в большом магазине толком и не знал: что за птица — корова.

Я сам не верил, что на свете есть еще такие чудаки, пока не услышал реферат одного «знатока» зоологии.

«Знаток» носил галстук, разрисованный чертиками, коротенькие зелененькие брючки, цветную кофтенку и космы, как у дьякона. Доказывал: «Корова, — говорит, — подходит к чану, ревет, а молоко в чан течет».

Мои путешествия по магазинам «опровергли». Лаконично написали:

> «Согласно постановлению городского Совета, дойных и яловых коров в магазинах не держим».

Смеху на свете еще довольно много!

Так вот какие бывают опровержения!

БЕЗ ПЬЯНИЦ И ЛОДЫРЕЙ

Славный дед Спиридон. Просто и мудро стелет перед вами свое жизнеописание. А ему многовато годочков стукнуло. Перевалило за восемьдесят…

Сидит, смотрит на вас ясными глазами, и перед вами открывается такое, что, быть может, не всякий летописец опишет.

— Сначала… ох, сначала разные ублаготворения для людей пошли. На моей памяти пошли. Вы знаете, когда пришел в степь трактор, комбайн, я от удивления даже не спал: такой в жизни, в сельском хозяйстве переворот! Какая у меня, прямо скажу, примерная баба, но тут — верьте или не верьте — крестилась. Вон какое чудо: машина сама косит, сама и молотит. Как-то утром жена и говорит мне:

— Хороша машина трактор, а только плохо…

— Что плохо? — спрашиваю.

— Не мочится…

— Что это тебе в голову ударило?

— Э, — говорит, — а откуда же будем навоз брать?

Теперь, конечно, разные удобрения производят. Теперь тебе и по радио передают: «Не мешкайте! Сейте! Ведь завтра установится хорошая погода!» Прогноз это передают.

Я свои молодые годы провел в людях. По панским экономиям батрачил. Хлеб сеял. Как же мы тогда прогнозы — пора ли сеять — ставили? А вот как: нас троих, самых лучших сеятелей, посылали в поле. Приходили, снимали штаны и садились на пашню — курили. Выкурив по цигарке, минуту-две ждали, не чихнет ли кто-нибудь. Если никто не чихнул — пора сеять!

А теперь, слышите, все наука подсказывает. Вот уже к нам и свеклокомбайны пришли. Моя старуха только недавно ушла в отставку. А то звеньевой на свекле заправляла.

Поначалу, известно, приходилось все делать руками. И садить свеколку, и пропалывать, и удобрять, и этими же руками свеклу копать. А в ту пору осеннюю и холодина пробирает, и дождик поливает…

Говорили тогда: «Что там свекла? Прополоть ее — она и сама будет расти!» Как бы не так! Не так сбывается, как гадается. Посадило звено возле верб два гектара свеклы. Взошла свекла… Да и завяла. Наклонила голову…

Попали в звено и такие:

— Ганна! — говорят моей бабе. — Плюнь! Разве ты не видишь — не уродилось. Вянет — пусть вянет, пазухой не обогреешь!

Не спит моя Ганна, не спит да все думает: «Как же посев спасти?»

И звено свеклу спасло. Взрыхлили, подкормили… Еще раз подкормили и еще раз взрыхлили. Химии ей добавили.

Свекла подняла вверх уши и сама поднялась. Наградили женщин и хлебом, и сахаром, и деньгами.

Некоторых даже зависть взяла:

— Вот сколько бабы заработали! Дурные денежки нашлись. Это что-то не то!

— Почему ж не то? — женщины отвечают. — Вы едете на рассвете на базар, а мы едем на рассвете свеклу прорывать.

Одна в звене спасовала. Свеклы нахватала и в сарае устроила дойную коровку… Люди в поле, а она к коровке. За сосок, извините, дергала. День и ночь капала… Начальству кланялась…

Как-то ехал один районный начальник, а Секлета — Секлетой ее зовут — сразу за поворотом подносит ему стакан первака.

Начальник огляделся вокруг и, увидев тракториста, грозно рявкнул:

— А это у вас разве еще не изжито?

А Секлета:

— Нет, нет! Ей-богу, не из жита. Из свеклы…

Вот мы часто говорим — не пейте! Я сам не без греха — иногда выпиваю. Крестины, или именины, или кум зашел — чарку опрокинуть надо? Надо! Ну, есть же и такие вреднющие — налижутся до потери сознания. Вот недалеко живет Кондрат. Еще мне и родичем доводится. Наберется под самую завязку, а потом и сам ничего не помнит.

Выдвинули его завфермой. Сначала вел себя ничего, ходил в трезвых, а со временем начал всякие комедии вытворять. На зеленой неделе так нализался да так, прости господи, набрался. Не в доме будь сказано, к поросной свинье полез и начал ее в рыльце целовать. Вытер губы, продрал глаза и на всю улицу крикнул: «Что-то, — говорит, — мне ваша рожа очень знакома!»

Пришлось ему по шапке дать и Секлете всыпать: свеклу расти, а не порть — не вари!

Бывают, есть еще вертихвосты. Как-то по весне все люди в поле работают, а я смотрю — в нашу рощу прикатила санитарная машина. Новенькая, хорошенькая. С правой стороны написано: «Неотложная скорая медицинская помощь».

«Что за оказия? — думаю. — Какая же в зеленой роще болезнь объявилась? А может, — думаю, — и в самом деле у кого-то расстройство?..»

Смотрю — не то… Подпевают: «Выпьем тут — на том свете не дадут…»

Выходят из машины завы, замы и их плотненькие дамы.

Из машины на зеленую травку выкладывают бутылки. А их, видать, распорядитель пояснения дает: «Эта, говорит, мадера спасает от холеры! А эта, с перцем, лечит сердце!..»

А люди вроде культурные…

У нас один «очень культурный» сельский руководитель уж очень людям голову крутил. Года два крутил. Хороший домик себе в селе воздвиг. Ферму собственную завел. А уж ее, ту клятую, тянул — не спрашивайте. Глотал как воду. Из похмелья не выходил. Его не раз предупреждали, а он только губами шлепает, смеется:

— Что вы! Что вы меня учите! Молодые вы да зеленые… В воскресенье выпьете, я в понедельник бежите опохмеляться. Вот мы! Две недели пьем и не опохмеляемся!

Сняли с работы, отобрали и дачу и ферму. Признали — за магарыч нахватал, награбил.

А когда снимали — плакал и жаловался сторожу Матвею:

— Голубчик мой! Снимают!..

— О боже! Да неужели? — переспрашивает Матвей.

— Вот! Вот уже и бумага пришла. Читай!

— Да где мне читать, — дед-сторож в ответ, — а только скажу: ай-ай!.. Снимают! А кого же нам присылают?

— Такую недотепу, такого дурака шлют!

А дед Матвей, вытирая пот:

— Что? Глупее вас?

— Куда мне!

— Эх! Господи, господи! — перекрестился Матвей. — Ну и не везет же нам! Снова дурня присылают…

А оно и неправда — умного, прекрасного человека нам рекомендовали. Председателем колхоза избрали. Вежливый, деликатный, по-людски себя ведет. Партийный. Хороший, душевный человек!

Если вам не надоело меня, старого, слушать, то заходите еще раз, я вам все сельские истории как на ладони выложу. Будете писать — не забудьте обрисовать, каких у нас достигли урожаев. Какие чудесные люди выросли. Какой красивой стала жизнь! Жить да поживать. Меньше стало и пьяниц, вывелись и лодыри.

— Не знаю, — говорит симпатичный дедусь, — правда ли это или нет, а только говорят, когда Юрий Гагарин летал вокруг Земли, то рассмотрел — кто и как живет. Смотрел и радовался. Меньше стало королей и царей. Во многих странах теперь вольные люди хозяйничают. Легче и мне, старому, — нет царей, нет панов. Есть еще, известно, царьки, но то уже, как моя Ганна говорит, пришей кобыле хвост.

Так заходите, будьте ласковы. Погомоним еще.
Я тепло ответил:
— Непременно зайду. Ей-богу, не обману.

ПУХОВЫЕ ПОДУШКИ

Вы, скажем, решили написать очерк. Очерк о славных тружениках-хлеборобах.

Значит, поехали вы в колхоз. Поехали пожить, поработать и пописать.

Прекрасные, хорошие люди в колхозах. Кто не ездил, пожалуйста, поезжайте. Уверяю — колхозники встретят вас тепло и приветливо.

Советую — по приезде не замыкайтесь в отдельную, пусть и расписную, хату. Не создавайте себе и отдельно-то уютного кабинетика. Идите на поле, на фермы, к свинаркам, к дояркам…

Не стыдитесь — подсобляйте… Берет доярка подойник, а вы хватайте второй… Доярка садится корову доить, а вы на землю присаживайтесь. Один мудрый человек говорил: «Чтобы глубже жизнь изучить и знать, надо самому на земле посидеть».

Будьте пытливыми, не зазнавайтесь! Обо всем на ферме расспрашивайте и переспрашивайте. Чтобы с вами не было того, что со мной случилось.

Поглаживаю телку и упорно спрашиваю:

— А сколько эта корова молока дает?

Завфермой мне с улыбкой говорит:

— Разве вы не понимаете? Она еще не дает. Она еще яловая…

Словом, радость — вы среди доярок!

Знаю — чудесные доярки очаруют вас. Очаруют и красотой и работой. Они и в работе хороши, и станом стройны, и глаза у них умные: глубоко-карие и глубоко-голубые.

Вот тут пусть вам повезет. Пусть ваш содержательный очерк отразит подлинно человечное. Настоящим украшением засияет женская духовная красота, любовь к труду.

Так вот я и хочу поделиться с вами своими творческими дерзаниями и терзаниями…

Приехал я в колхоз. Мне предлагают: выбирайте, куда вам лучше направиться — на фермы или к механизаторам?

А я пожелал к природе.

— Устройте меня, — прошу, — в места с природной красотой. Чтобы и хата была расписная, уютная. Чтобы и кучерявый садок. Чтобы и глубокий прудок…

— Пожалуйста, — говорят. — Есть такая хата. Есть и садок, есть и прудок. А уж хозяйка радушная! А уж какая говорливая! А уж какая заботливая!.. Пылинка на вас не упадет…

Иду и подпрыгиваю. Уютную, отдельную хатку выпросил. Закроюсь и спокойно поработаю. Вошел в хату, поздоровался.

— Может, вы с дороги отдохнете? — вежливо предложила хозяйка. — Умывайтесь, а я вам постель приготовлю.

Умылся и бросился в чистенькую постель. Лег, начал дремать, а симпатичная хозяйка и спрашивает:

— Может, вам в головах низко?

— Вроде, — говорю, — ничего.

— Не говорите, вижу, низко. Давайте я вам вот эту мягонькую подушечку подложу.

Заботливая хозяйка здоровенную пуховую подушку подсунула.

Положил я голову и завертелся — высоко! Мария Ивановна (так звали и именовали радушную хозяйку) сразу приметила.

— Правда ваша — высоко! Вот я вам поменьше подушечку подложу.

Морока с подушками не скоро закончилась. Слышу, хорошая Мария Ивановна вышла во двор и громко, радостно оповестила:

— У меня!.. Ей-богу, у меня остановился! Уже и лег, уже и дремлет… Приходите!..

После этого вошла в хату, тихонько подступила ко мне и так же тихонько спросила:

— А может, вам подушки и под бока подложить? Вот давайте подложу! Я знаю — полежишь на мягоньком, то и работаешь добренько. Поднимитесь!

Разве станешь вежливой хозяйке, перечить, — поднялся.

Потом снова начал дремать. Мария Ивановна, дай боже ей здоровья, предупредила:

— Подождите, не засыпайте! Я возьму рушничок и мух повыгоняю. Вы только посмотрите, на богородицу — и на ту, распроклятые, понасели!

Выгнала Мария Ивановна мух и вышла во двор. Немного погодя снова входит.

— Извините! Ну, бегут, ну, спрашивают: будете вы картины рисовать или книги писать? Так я за этими разговорами и забыла спросить: вам радио выключить или пусть поет?

— Не возражаю, выключите.

Прошла минута, может, две, может, пять.

— А может, пусть поет? Хорошую же песню передают: «Ой, у лузі, та ще й при березі…»

— Пусть, — говорю, — поет.

Сколько пело радио, не припомню, — в сон здорово ударило. Разбудило легонькое подергивание. Будила Мария Ивановна.

— Стояла я у порога да и подумала: человек с дороги… уморился… А сон — все-таки сон! Пожалуй, я выключу радио.

Выключила Мария Ивановна радио и быстренько выбежала из

хаты: чего-то куры закричали. Вбегает:

— Ой, горюшко! Взбесилась наседка — на петуха села! Чтобы ей в борще свариться! Забила мне голову, и я только теперь разглядела — ставни не закрыты! Как вам лучше — закрыть или пусть светло будет?

Закрыла Мария Ивановна ставни, через минуту-другую — грох-грох-грох…

— Вы спите или не спите? Вы как скажете, — отвязать пса или пусть на цепи сидит? А то он, извините, воет и воет… Словно нанялся! Гав и гав над душой…

Наступила тишина, но ненадолго. Разговорчивая Мария Ивановна под самые окна позвала еще более говорливую куму:

— Кума!… Бежите, как будто кто вас в шею гонит. Заходите.

— Да захожу. Здравствуйте!

— Здравствуйте! Садитесь.

— Да сажусь. Звали?

— Звала ж… Слыхали ж… Приехал же!..

— Говорите скорее, кто приехал.

— Описыватель природы.

— Да неужели?.. Как же ему, голубчику, подсказать, как же ему, дорогому, нашептать — пусть опишет нашу природу!

— Какую нашу природу?

— Да вы, кума, не на нашей улице, что ли, живете? Вот наклонитесь, я вам на ухо шепну. Только, кума, упаси вас боже, никому ни слова!

— Да что вы, кума, и пара изо рта не выпущу. Шепчите!

Шептала кума так, что на соседней улице было слышно.

— Вчера, в субботу, смотрю — Одарка по моим огородам бежит. «Куда ты, спрашиваю, так поздно бежишь? Ведь уже все петухи уселись на насест!» — «Бегу, — говорит, — посмотреть, не рвет ли кто-нибудь огурчиков». Кому ты, думаю, глаза замазываешь? Кого ты учишь? Знаем, какого огурчика ты ищешь!

— А кого же она искала?

— Такое, ей-богу, скажете, — кого? Федора! Тракториста Федьку Пивненка…

— Эту историю, кума, я от вас третьей слышу. Так ведь Федор же неженатый, а Одарка незамужняя. Может, они и поженятся?

— Поженятся или не поженятся, а описать надо. Пусть по ночам не бродят. Пускай по моей капусте не ходят, пускай мою картошку не вытаптывают. Я и в колхоз на работу не ходила да все садила, полола, присматривала… Нагнитесь еще, кума!

Мария Ивановна, очевидно, наклонилась.

— Слышите, говорили, чертей нет, а они объявились.

— Где? Господь с вами!

— Да где же — у меня в жите! Посеяла я жито — полоса от хаты и до самых верб тянется. Смотришь, мешка четыре-пять и будет в запасе. Когда еще там будут давать в колхозе, а то свое… Оно, кума, и то взять: поедешь на базар, то утку продашь, то гуску, то курицу!.. Ей-богу, трижды ездила, пока двух поросят продала. То я поеду, то старик. А поехал на базар — вот вам и нет трудодня. Родной кум Петро, вы же его знаете, загордился — как попал в правление, и совесть потерял. Я спрашиваю его: «Бегала на свеклу? Бегала! Дважды бегала и на кукурузу. Так что же у вас, говорю, кум, рука отсохнет, если вы куме и добавите деньков сорок — пятьдесят? Они же не ваши, они же колхозные». Молчит, не добавляет. А придавит горе — кто спасал? Кума! Прибежит, дрожит: «Помираю! Спаси душу! Налей стаканчик!» Что поделаешь — спасаю. Помогаю. Она ведь у меня удается такой кипучей, такой жгучей! Мертвым будешь — ей-богу, оживешь!

Слушайте дальше. Поднялась я сегодня спозаранку скотину поить. У меня же, слава богу, и корова хорошая, и телка в добром теле, и теленочек подходященький, и свинья хорошая, и кабан на сало просится. Будем на вторую пречистую колоть. Но те, очень сознательные, меня часто упрекают: «Виндивидуалистка! — говорят. — Стадо какое дома развела!» Чертей вам, говорю, в пуп! Попробуйте управиться! Хоть разорвись! Только и знаешь: тому есть дай, того напои…

Так вот, я подвела корову к корыту — глядь! — мое жито колышется, мое жито шатается… Кого это, думаю, черти в моей ржи водят? Вижу — двое жито колышут, двое нагибают: один в черной фуражке, другая в белом платке. Скорее привязала корову веревкой к перелазу, а сама украдкой — шав-шав… Стежкой, коноплями, свеклой… Подбегаю — тю! — кого я вижу?

— Кого же вы, кума, увидели?

— Кого же — завфермой! Идет мокрый-мокрющий и заляпанный. Один как перст. А не встать мне, кума, с этого места — издалека было видно: двое. Ближе подбежала — один! Да разве я слепая? Вот вам и говорят — нет чертей! Добегаю. «Григорий Петрович! — кричу. — Здравствуйте! Чего вас бог несет в такую рань? На собрании долго были или в наряд идете?» — «Ходил по росе рыбу ловить. Я, говорит, любитель удочкой поудить». И смеется. Думает, что я уж такая дурочка, ничего и не понимаю. «Ну и что, — спрашиваю, — поймали хоть одну щуку?» Показывает одного карася и две щучки — вот такусенькие! Он показывает, а я себе на уме: «Показывай, говори, болтай!.. Рыбу ходил ловить?.. Знаю, какую ты щуку в моем жите ловил! Не твоя я жена, я бы с той щуки всю чешую о твою голову сбила бы!»

Подошла ближе и говорю: «Григорий Петрович! Пусть уж я такая-сякая… виндивидуалистка! Но за что же мою дочку Олимпиаду обижаете? Олимпиада на вашей ферме второй месяц в списках состоит. Пришла она домой, упала, залилась горькими слезами — шесть трудодней записали. Хваленой Гальке — четыреста! Наталке — шестьсот! А вот той острой на язык, вот той вербе Варьке — аж восемьсот тридцать. А моего ребенка словно горячим кипятком ошпарили — шесть трудодней отвалили! Как на смех! Григорий Петрович, вы же в нашем углу живете, человек хороший, образованный. Лекции читаете — молодежи везде дорога! А разве моя Олимпиада не молодежь? Молодая, красивая, чернявая… У нее же не десять рук. Надо же и на ферме побывать, и на базаре кое-что продать, и скотину дома накормить. Пожалейте девушку, добавьте трудодней! Пусть не ревет!…» Глянул он на меня — как рублем подарил — и говорит: «Ваша Олимпиада на ферме не работала, она мимо фермы на базар ходила. Пусть на базаре трудодни и начисляют». «Тьфу! — думаю. — Никакого от тебя проку! И ты туда же!»

. . . . . .

Встал я, оделся — и быстренько к дверям. Царапанье по ставне остановило.

Мария Ивановна в среднюю ставню скреблась.

— Вы слышите или не слышите? Извините, заболталась я тут с кумой и забыла спросить: будить вас или вы будете еще почивать?

— Напочивался, — говорю. — Пойду.

— Куда?

— На ферму, к дояркам отправлюсь. Пойду и в поле, к механизаторам. Буду работать. Буду о скромных и честных, тружениках очерки писать.

— А про нас? Нашу природу опишете? — с интересом спросила кума Марии Ивановны.

— А как же! — говорю. — Опишу!.. Напишу и про вашу природу!..

ПРОКАТИЛИ ВОРОНУ НА ВОРОНЫХ

Сколько есть на земле советской, на земле колхозной хороших председателей. Заботливых руководителей!

Тысячи!.. Да разве тысячи? Миллионы растут!

Когда будут колхозную историю писать, — а ее непременно будут писать, — то напишут ясно и просто: вот там хорошо вели хозяйство, вот там хорошо руководили. А там — плохо… Потому что там председательствовал Сидор Ворона.

Хозяйничал Сидор Ворона на колесах. В городе жил-поживал, а в колхоз руководить наезжал…

Прилетит на легковой машине, высунет голову — да как начнет руководить, как начнет хозяйничать…

— Куда тебя нечистый прет? Под колеса лезешь! Не видишь, кто едет?

В машине он очень сердитым становился. Покрикивал и гневался…

Господи! Как он заковыристо наловчился колхозников подальше посылать…

Так пошлет, что даже кукуруза пригибается.

Вот та кукуруза, что над оврагом. Что с осени грустно покачивала спелыми початками до самой весны…

И в кабинете Сидор Ворона не очень стеснялся. И в кабинете крепкое словцо и вдвое и втрое загибал.

Здорово горло драл…

Рыба и та с испугу сбежала. К соседям уплыла.

Соорудили колхозники хороший пруд. Пруд — любо посмотреть.

В этом большом пруду развели зеркального карпа.

А вы и сами знаете — карп хорош в воде, хорош и на сковороде.

Да и в колхозном балансе по графе «прибыли» хорошо жабрами водит…

Ворона и начал, и начал:

— Я вам зеркального карпа дал? Дал. Я вам и щуку дам. Я вам и сома подложу… Только не вздумайте насмехаться! Не вздумайте колючки сочинять: «А Ворона-председатель обещает нам сома!..» Я не потерплю!.. Я!..

Рыба испугалась этого высокого «я». И взбунтовала воду. А вода — пока Ворона говорил эту зажигательную речь — взяла и прорвала плотину.

Зеркальные карпы вильнули хвостами в уплыли на соседскую сковороду.

Все-таки Ворона успел подложить колхозникам здоровенную свинью. Механическую…

Приобрели колхозники мощный двигатель, чтобы электрифицировать дома и фермы.

— Будьте уверены, я вам засвечу! — пообещал Ворона.

«Светил» Ворона по очереди. Говорят, так «засвечивал», что и в глазах темнело…

Это тем неспокойным, заботливым, которые частенько намекали:

— Сидор! Не знаем, как вас по отчеству звать-величать, позвольте вам напомнить — двигатель в бурьяне ржавеет!

Пока Ворона «засвечивал» людям, двигатель взял и опрокинулся набок.

Полежал он еще годик в бурьяне и сам засветил ребрами. Детки играли да из него гаечки поотвинчивали…

Вот так на колесах Сидор Сидорович и хозяйничал. Из легковой машины руководил!…

Конечно, такой мелкий агрегат, как кормодробилка, ржавчина успела съесть.

Приехал Ворона, выглянул из окошечка и начальственно спросил:

— Ест?

— Ест, — отвечают.

— Кормодробилку?

— А какого же черта, — известно, кормодробилку!

Поговорил-поговорил Ворона да и уехал домой, в город. В городе и хата белая, и жена милая…

В легковой машине тепленько, сиденье мягкое. Ржавчина сиденье не ест. Так что можно ездить сюда и туда: атмосферные условия позволяют… Рванет это Ворона домой, в теплые хоромы, а в коровниках ветер гудит, скотина ревет.

Коровы ревут неспроста; в яслях пусто, а в коровнике кругом дыры, собачий холод.

Шепнул Ворона заместителю: «Топи! Пусть не ревут! А то еще, чего доброго, в районе услышат».

Заместителя Ворона подбирал по себе. Подходящего.

Натолкал заместитель в печку строительного дуба кубометров двадцать, драгоценного бука, досок… Тех досок, какими намечали отремонтировать свиноферму.

Ворона ездил сюда да туда, а помощник коровок, обогревал и свои руки погрел…

Не поленился, подбросил дерева и на собственную усадьбу. Пусть лежит. Хорошее дерево, строительное, пригодится…

Погрел заместитель индивидуальные руки на колхозном

дереве, смотрит — хватит! Пора переходить на другое топливо.

Перешел на солому. Накладет соломы на колхозного кабана, солома горит, а заместитель подсчитывает: «Хвост — туда, копыта — сюда, а сало и колбаска — нам с председателем за труды».

Слава богу, на паленом попался. Вернее, на недопаленном… Обжегся, дурень, на свинячьем хвосте.

Палил-палил свинью, а хвост недопалил. Так недопаленный и потянул домой вместе с кабаном.

Ох и вредные эти хлопцы, эти пронырливые комсомольцы! На дороге остановили:

— Дядя! Стойте! Вы, кажется, не рассмотрели. Это же колхозный кабан!

Ворона стал защищать хапугу, но ничего не вышло у них. Среди бела дня поймали заместителя, раскусили и его защитника.

* * *

Вечер… Клуб. В клубе полно людей: идет общее колхозное собрание.

— Мужики! — крикнула звеньевая Алена. — Вы хотя бы баб постеснялись, меньше дымили здесь! Вот ты, Максим! Сосешь цигарку, словно соску. И сосешь, и сосешь…

— Тетка Алена! Я сосу сознательно… Дым в рукав пускаю.

А дед Ефим добавил:

— Пример с президиума берут. Посмотри, Алена, какими самоварами в президиуме дымят. Вот и добивайся порядка!

— Боже, боже!.. Какими цигарками дымят! Если бы я хоть раз потянула, наверное, одурела бы.

— И не говори, Алена! От такого черта можно и с ума сойти… Мой, ты знаешь, и ночью причмокивает. Чмок-чмок, а она уже погасла…

— Товарищи! Прекратите прения… У нас очень серьезная повестка дня… Сидор Сидорович просится еще побыть председателем. У кого будут какие предложения?

Симпатичная звеньевая тетка Алена первая крикнула:

— Э, нет! Похозяйничал — и хватит… Нахозяйничался! Стыдно людям в глаза глянуть.

А дед Ефим опять поддержал:

— Мое такое мнение… Раз человек не за ту дойку взялся, то молока не жди… Пусть едет себе с богом. Разве у нас людей нет? Взять хотя бы Василия… Вот Василь, сын Спиридона… Офицер, с

образованием! Знает, где у козы рога растут. Это парень — голова голове!.. Вот такое мое мнение…

. . . . . .

Прокатили Ворону на вороных… И хорошо сделали.

Возникает деликатненький вопрос: а у вас там случайно такого не бывает, где председателем колхоза Ворона сидит?

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Весна… Зеленеют колхозные поля. Растут озимые, буйным цветом цветут.

Что ни говорите, а весна пришла.

Теплая, погожая колхозная весна.

Солнышко ласкает, голубит и прозрачным, светлым утром встречает да все упрашивает:

«Пашите землю! Пашите! Распахивайте, сейте! Сейте!.. Каждый час дорог!»

А по телефону:

— Сеем, сеем!

— Сколько на данный период засеяли?

— Федор Федорович! Тебе конкретно? Тебе на данный период? Тебе как лучше передать: отдельно колосовые, а отдельно пропашные или суммарно? А?.. Поконкретнее, говоришь? Хорошо! Сейчас!

Из кармана вынимается длинненькая сводка, и начинаются поиски конкретных цифр.

Одной рукой председатель держит сводку, другой рукой телефонную трубку закрывает и шепчет:

— Килина Петровна! Что это за чертик в средней графе прыгает?

— Где?..

— Где, где! В очках, а не видите! Здесь вот!

— А!.. Да это жучок. Божья коровка… Влетела в окно — да в чернильницу плюх! Что поделаешь, весна!

— Чтоб она скисла! Всю пахоту перемазала… Алё! Федор Федорович! Алё! Ты слушаешь?.. Уточняем…

— Уточняй, я подожду.

Пауза. Тихо шелестят переворачиваемые бумажки.

— Федор Федорович, ждешь?

— Жду.

— Жди. Как там твоя половина поживает?

— Спасибо! Прыгает!.. Это она меня телефонами попрекает. «Звони, говорит, пока грязно. Подсохнет — сам поедешь».

— Конечно, еще грязновато… Мы сеем там, где подсыхает.

— Правильно. Какая у вас тягловая сила, что-нибудь тянет?

— Тянет!.. Вот два дня в степь вывозили кур.

— Хорошо! А как у тебя с птицей, с яйцом? Поднимаются?

— Алё!.. Против первой декады процентов на двенадцать поднялись.

— Неплохо. Сколько у тебя несушек?

— Подходященько. Мы же птицеферму расширили. У нас теперь четыре птичника.

— Четыре? Запишу. Василь! Слушай, я тебя по-товарищески предупреждаю: птица сейчас в центре внимания. Пахоту, сев проводи, но и о свежем яйце не забывай. И как прикрепленный говорю тебе: ты у меня не спи! Я с тебя буду спрашивать и за пахоту, и за сев, и за яйца. Ты с этим делом не шути.

— Федор Федорович! Мы не шутим. Мы вчера серьезное решение вынесли: развернуть по всему фронту…

— Хвалю! Разворачивайтесь! Мы вам решили подбросить кадров. Механизаторов… Прибывает к вам народ?

— А? Килина Петровна! Выгоните своего гусака. Ты говоришь, а он, проклятый, гел-гел… Чтоб он сдох! Федор Федорович! Повтори…

— Я спрашиваю: как народ в колхозе, прибавляется?

— Прибавляется… Килина Петровна! У кого прибавилось?

— У кладовщика вчера дочь нашлась, у Оксанки, у звеньевой, на рассвете мальчик родился.

— Федор Федорович, пополняются кадры… Пахота не пахота, сев не сев, а эти кадры ежедневно прибывают…

— Вы им условия создали?

— А как же! Пусть расцветают…

— А кто — девчата или хлопцы? К вам должны были прибывать и хлопцы и девчата.

— Федор Федорович! Ты угадал. Прибывают, как по графику. Есть женский пол, есть и мужской…

— Вы их не обижайте! Как они, хорошо одеты? Как обмундированы?

— Федор Федорович! Они прибывают необмундированными.

— Как это так?

— Очень просто. Вот у кладовщика девочка родилась, а у звеньевой — мальчик.

— Ты бы мне так и сказал.

— Федор Федорович! Разве ты сам не понимаешь — весна! Федор Федорович! Ты там не задерживайся, приезжай. Посмотришь, как весной пашем, как сеем… Да и щук половим.

— А щуки есть?

— Есть! Большущие! Вчера одна как махнула хвостом — поверишь, чуть лодку не перевернула. Вот такая чертяка!.. Мы к ней, а она — фю-ить! Вильнула хвостом и была такова…

— Но что-нибудь поймали?

— Поймали! Килина Петровна! Утром твой Василь щук ловил — наловил?

— «Наловился»… Лежит у кладовщика под брезентом, сам

как мокрая щука.

— Наловили!.. Лежит, у кладовщика под брезентом… Вот така-а-я щука!.. Не видно? Приедешь — увидишь…

— Подсохнет — непременно приеду. Как у тебя с полевым станом для трактористов?

— Сейчас уточню. Килина Петровна! Вы в курсе дела — Грицько начал на клину строить?

— Заходил, говорил: «Собираемся ехать за досками в Полтаву».

— Федор Федорович! Ты у телефона? Федор Федорович! Ты меня слушаешь?.. Не слушает! Вот, Килина Петровна, сама слышала, как люди интересуются севом? Как они интересуются бытовым положением трактористов? Хотел доложить — строим! А он и трубку бросил.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ КАМЕНЮКИ

В своих путешествиях я как-то споткнулся о большой камень. Зацепившись ногой, остановился, рассуждаю: что это за каменюка такая? Почему она здесь торчит?

Оказалось, история каменюки не простая, отчасти смешная и отчасти грустная.

Когда-то давным-давно, лет тридцать, а может быть, и сорок тому назад, в речке Ворскле нашли два камня.

Потрогали, ощупали и признали — исторические. Легенда, была такая: один человек полез в воду и наступил пятками на что-то твердое. Пошатал-пошатал ногой — качается.

Что за диковина, думает, и начал то твердое руками вытаскивать. Вытащил, а там на первой каменюке выбито долотом: «Оля и Коля природу обнимали. Страдали», а на другой — «Вот были у кума пчелы…»

Эта надпись о пчелах и вызвала шум. Начали исследовать: кто написал и когда написал? Может, думали, в этой таинственной надписи «Вот были у кума пчелы…» таится до сих пор не открытое родоначалие полезно-медоносных насекомых, откуда происходят чудесные пчелки.

Словом, бросились в анализы. Создали исследовательский институт, во главе его поставили директора, двух заместителей — по научной и хозяйственной части. Штат утвердили в составе: старший научный сотрудник, младший научный сотрудник, референт по мокрым камням, референт по сухим камням… Секретарь, машинистка и три сторожа, они же и экскурсоводы: пальцем показывали, с какого места эти бесовские каменюки вытащили.

И вот случилось непредвиденное: новый сторож от теории перешел к практике. Ночью сторожил и потихоньку подбивал итоги: сколько государственных средств отнимают никому не нужные камушки…

Подбивал-подбивал и подбил — многовато! Решил утопить их, окаянных! Пусть возвратятся на свои старые места. Пусть лучше на дне лежат, чем впустую так много денег изводят!

Однажды сторож утром так и сделал — утопил каменюки.

Людишки, которые болезненно держатся за старое, отжившее, хотели и сторожа утопить.

За что хотели сторожа покарать? — вы спрашиваете.

Да так, как порой говорят, с дурного ума.

Пытались, говорим, обидеть честного человека, да не вышло.

Теперь на том месте и за те же деньги, что летели на

бессловесную твердую породу, школу построили.

Пусть люди настоящей науки достигают!

КОЛЮЧКА

Вы знаете, какая неприятность эта критическая шпилька. Попасть в нашу колхозную стенную газету «Колючка» — большая беда. Волнует, даже за сердце берет.

Будь она неладна — я дважды попадал. И попал по своей вине — оплошал.

Мне нужно было наклонить маленькую стопку, а я с маху опрокинул большой чайный стаканчик. Ну, а Варя, наш колхозный художник, меня и разрисовала. Принципиальная девушка, не посмотрела на дружбу.

На витрине картина такая: вся наша бригада в горячую пору на поле пашет, сеет, один я в кустиках лечу мозоли. Лечу по новому рецепту — внутренним способом, пропускаю через губы небольшими дозами. Пропускаю и жалуюсь: маленькая посудинка! Не помогает! Не доходит до мозолей. Застревает в коленях… Нужно посудинку побольше. Вот такую… Вольешь — и аж до пяток достает!

Постоял я около художественной витрины, еще разок посмотрел, и что-то мне на душе горьковато стало.

Дьявольский рисуночек не выходил из головы до вечера. А когда лег спать, мне приснился рябенький поросенок.

«Это вы, Петя? — спрашивает. — Здравствуйте! Я вас сразу узнал. Это мы с вами вчера из одной лужи ужинали. Значит, помогла вам большая посудина? Дошло до мозолей?..»

Сплю я и переживаю: что это такое — даже поросенок и тот издевается надо мной…

Я, разумеется, сам себя не стану хвалить. Пусть люди скажут.

Не буду прибедняться: норму по вспашке или по севу я ежедневно выполняю…

Захочу да поднажму, таки Василия перегоню. Неважно, что нас на разных досках рисуют: Василия — на доске Почета, а меня… А все Варя, редактор той «Колючки», мне в сердце шпильки загоняет.

Вы знаете, что значит для меня Варя? Варя — все! Пусть отведет меня в сторону и скажет: «Петя, брось эти штучки!» — и Петя бросит.

За что же ты, Варя, так меня чихвостишь?

Запылало у меня на душе. Пылает и горит… Горит — не знаю, чем и погасить. Проезжаю мимо сельмага, смотрю — двери открыты. Заглянул в дверь — о-го-го! Есть чем душу погасить. На полочке густенько пол-литровые «огнетушители» стоят… А природа вокруг — хоть сам рисуй. Пташки поют, зеленеют

колхозные поля, Телята и те подбрыкивают от удовольствия.

Давай, думаю, Петя, не задерживайся на природе. Заходи в сельмаг. Гаси, пока горит!

Забежал. Выхожу. Хлопцы спрашивают:

— Какую ты там, Петя, пташку поймал?

Показываю.

— О, подходящий гусачок! — говорят. — Ты как думаешь, Петя, индивидуально ему голову свернуть или с консультантом?

— Спрашивают хворого. Сам попробую. Не большое задание.

После этого мое сердце еще сильнее загорелось. Эх, думаю, чего ты, Варя, такая принципиальная? Я же тебя, Варя, уважаю, почитаю…

Завел я в сердцах трактор — и айда к Варе. Не доехал тридцати метров — столб остановил. Какой-то черт на дороге столб поставил.

Вот, скажем, чего сто́ит сухое дерево против техники? Дизель, например, в восемьдесят сил плюс сорок градусов. Какой это комплексный удар! Не только столб — дом упадет!

Столб, разумеется, упал. На весь колхоз шум-гам поднялся. Оправдали; нечаянно наехал. Поставили гуртом столб, на том дело и кончилось.

Прихожу утром к витрине. Заинтересовало: кто это по столбу без рубашки лазит? Подошел ближе, слышу разговор.

— Это, — говорят, — лазит лунатик.

— А чего же он, — спрашивают, — лазит днем?

— А это, — говорят, — Петя, он работает в ночную смену: ночью глаза заливал.

Показывают пальцем и смеются. Посмотрел и я: мама моя родная — рука Вари! Я персонально на столб лезу.

Поверите, жар как ударит в голову, да в ноги, да в пятки… Закружилась моя голова, задрожали колени.

Подходит напарник.

— Петя, — говорит, — не грусти. Не падай духом! Столб стоит правильно. Пойдем и мы поправимся.

— Ты что, — говорю, — в сознании? Я же иду на работу. Чтобы надо мной люди смеялись? Чтобы меня Варя вот с таким носом на витрине прокатила? Нет, глотай эту пилюлю сам!

МУХА — НАСЕКОМОЕ ЗЛОВРЕДНОЕ

Ох, есть же и вреднющие мухи! Назойливые и надоедливые. Гонишь ее, отмахиваешься, в дверь веником выметаешь, в окно полотенцем выгоняешь… Уже, кажется, одолел окаянную — ан нет, тихонько прожужжит и через узенькую щелочку влетит в ваш кабинет.

Влетит и — словно ее не гнали и не пугали — спокойненько примостится на вашем носу.

Сгонишь нахалку с носа, а ей и горя мало — пересядет на лоб. Со лба согнали, глянули: а чтоб ты обварилась в борще, — муха уже тихонечко пролезла через прореху к бедру и пытается там позавтракать.

Вот так и кормится, распроклятая…

А уж которые лысые — одна морока. Горемычным безволосым людям больше всего достается. Целый день человек руками машет, а ее черт разносил — вокруг головы летает. Что и говорить, бешеное насекомое.

Скажем, хочет хороший человек хорошую резолюцию написать: «Не возражаю. Многодетной вдове посодействовать в оказать всяческую помощь». А ее черти принесут, упадет на резолюцию, намажет, размажет, сам дьявол ничего не разберет.

Слоняются тогда добрые люди, ходят от одного порога к другому, выясняют — что оно написано: «Возражаю» или «Не возражаю»?

Пробивается вдова, доказывает:

— При мне же писали — помочь! И откуда-то взялась та вертихвостка!..

— Какая вертихвостка?

— Да такая ж! Та самая… Муха-цокотуха… Намазала и перемазала… Напортила еще и смеется, подлюка. «Вы, говорит, напрасно ноги бьете. Резолюция формальная и натуральная. Я манеру Василия Васильевича хорошо изучила. Он резолюцию «Возражаю» пишет поперек. «Не возражаю» черкает вдоль. Смотрите — вам врезал поперек… Ха-ха-ха!..» Чтобы ты, думаю, от смеха лопнула!

Мухи-цокотухи — дотошные мухи. Разиням прямо с ботинками залетают в рот.

Сначала деликатненько пристроится на коленях, крылышками помашет, ножками подрыгает — и:

— Лысенький ты мой! Я же у тебя персональная!.. Раскрой пошире государственный карманчик!

Припадает, ласково обнимает — и, прижмурив глаза, прыг на

плечи! Скок на лысину!

А уж если на административную лысину прыгнула, то с этой прибыльной территории черта с два ее прогонишь. Уцепится, и никакой критический ветер с того плацдарма не сдует муху-ласуху. Найдутся защитники…

— Кто — муха? Моя персональная муха?.. Оставьте, не нападайте. Это ж единственная! Незаменимая… Помогает… Присматривает…

Одним словом, ловкие, сноровистые мухи некоторым высоким начальникам в самое правое ухо залазят. Залезет и шепчет:

— Возьмите моего комарика завскладом. Не пьет, не дерется, не гребет… Трудяга, работяга…

Ей-богу, льстивые и ненасытные мухи попадаются. В ресторанный борщ скакнет, наплавается, наглотается, вылезет, обсушится и снова ныряет.

По три раза в день полощется в дармовом меню…

Дьявольское, каверзное насекомое! Капризное и прихотливое. Модами привередничает, перебирает. Всякие фасоны выдумывает, морских черепах набирает и, где надо и где не надо, с шиком понацепляет. Затянется, засупонится…

А в разговоре — куда ваше дело: святая да набожная… А болтливая, а врунья, а задавака! Хвалится своим гуманным отношением к человеку…

— Боже, боже, — хвалится, — как я переживаю, как я пациентов уважаю, как я человечество от пьянства спасаю! Придет какой-нибудь в буфет — я сразу по глазам угадываю: хочет глотнуть, хочет языком горького лизнуть. Хочет, аж дрожит. Знаю, а все-таки спрашиваю: «Вам сладенького или горьконького?» Говорит: «Сто пятьдесят с прицепом…» Да разве у меня души нет? Наливаю и косо на непутевого посматриваю. Жалко ведь! В графин лью-наливаю и пятьдесят граммов недоливаю. Пусть не напивается. Пусть побережет свою печенку… Другому другая и микстура… Натуральную смешиваю с минеральной. От минеральной, думаю, никакая тебя холера не схватит. Тяни миргородскую на здоровьечко себе.

Ох и злая личина муха! Пищит, дрожит, боязливо переживает, а все-таки нарзан в портвейн подливает. Спасает беспросветных…

Вот потому и говорим — боритесь с мухами! Не позволяйте, чтобы лукавая муха залезала вам в ухо.

ТОЛКАЧИ И ПОДТОЛКАЧНИКИ

Серьезные дела нам рассказывали. В межпланетных просторах (бежал на Марс) поймали растратчика и грозно спросили:

— На грешной земле ты кого-нибудь за соски дергал?

— Дергал… Ей-богу, дергал, — дрожа, отвечал растратчик. — Дергал и доил…

— Признавайся, каким образом дергал и кого именно доил? Корову, козу, овцу, а может, в камыше пристроился и гнедую кобылу потихоньку выдоил?

— Нет, нет… Кобылу я не доил. Боюсь… Хвостом крутит. Задом, клятая, подкидывает, брыкается. Я доил, простите, государственную кассу.

— Говори по существу: ночью или днем доил?

— Днем… Не грех, если и побожусь, среди бела дня дергал. Дерну и запишу: командировочные за глину, за соль, за горчицу…

— Куда ездили за глиной?

— Куда ж, на Урал.

— А на Украине разве нет глины?

— Известно, есть. Есть и на Харьковщине, есть и на Полтавщине… Да вы что, разве вчера родились? Смешаешь глину уральскую с полтавской, подобьешь баланс, глянешь — тысчонки две командировочных и набежит.

— По новому курсу две тысчонки или по старому?

— Такое скажете. Кто же будет по старому толкаться и проталкиваться. По новому курсу и соль пропихиваем, и горчицу из Архангельска толкаем…

— Разве горчица в Архангельске растет?

— А как же! Горчицы и там хватает. Мы же ее в прошлом году в Архангельск завезли, а в этом году вывозим.

— Удивительная координация!

— Эх вы, наивные астронавты! Вы в галактике еще не ориентируетесь, как из кассы денежки выпихивать и в свой карман запихивать…

Ох и хитрющие эти деятели толкачи и подтолкачники… Всякое железо толкают и всякую живность подпихивают. Толкает-толкает, да и свою личность не обойдет: легковую машину в собственный дворик тихонько подтолкнет.

Машина — она любого бугая догонит!

Серьезная эта толкательная фантазия… Смотришь — двухэтажную дачку и натолкал…

А оно — как это в народе правдиво говорят: «Хапал, хватал,

да и хапугу схватили».

Конечно, на свете все люди простые, но попадаются и такие, которые защищают:

— Есть, братцы, предложение взять человека на поруки. Может, исправится… А то жаль, такой теплый до-мочек осиротел, пропадает.

Пусть, говорим, защитники не беспокоятся — не пропадет. Детским яслям передадим.

Найдем и хапугам, толкачам и подтолкачникам тоже подходящие ясли…

«УБЛАГОТВОРЕНИЕ»

Все-таки Степан Иванович симпатичный человек. Разумеется, и он не без греха. Бывает, что и он не туда загнет. Но чтобы уж очень загнул, это нет. Что нет, то нет. Не перегибает. Так вот он мне и рассказывал:

— Слышу, — говорит, — разговаривают во дворе. Я себе ближе подступил, уши навострил. Слушаю. Интересную же тему задели — как ветхозаветные архитекторы без стамески, без топора, без долота, из одного, можно сказать, ребра, а вот такую чудесную Еву сотворили.

Любо-мило поглядеть. И все на месте.

Или взять Адама. Из глины слепили, а равной по красоте скульптуры и в мире нет.

«А наши, говорят, ремонтники ремонтировали квартиру и такое наремонтировали, такое настрогали… Глянешь — ахнешь! Там, где надо, дыру глиной залепили. Где не надо, вон какую дыряху просверлили…

Бросились к полам — чудеса! Полы играют».

«Как играют?» — переспрашиваю жильцов.

«А вот как, — говорят, — играют и подбрасывают. То одна досочка, подбросит, то другая… Такое — хоть танцуй, хоть пой на них: «Дам лиха закаблукам… Закаблукам лиха дам…»

Кинулись к дверям — морока морокой. Хочешь открыть — закрываются. Хочешь прикрыть — открываются. А потом и совсем забастовали — не открываются и не прикрываются. Ни визга, ни скрипа… Стоят как вкопанные.

Подошли к окну — косо, к другому — криво. Ей-богу, делали лишь бы скорее».

— Вы тетку Фросю знаете? — прервав разговор, спрашивает меня Степан Иванович.

— Знаю, — говорю.

— Так вот она слушала-слушала, стояла-стояла и свою коротенькую резолюцию наложила: «Не туда руки торчат!»

Степан Иванович цигарочку закурил, меня угостил и продолжил:

— Я вам скажу, не в этом дело…. Подход надо к людям иметь. Не хвастаюсь, мою квартиру хорошо отремонтировали. «А почему?» — вы спросите. А потому!.. Потому, что у меня подход был. Я людей не обижал. Какой-нибудь жилец подойдет к ним — и: «Доброе утро! Работаем?» — «Добрый вечер! Пошабашили». Поприветствует их и пойдет. А одними словами ублаготворение не сделаешь. А я ублаготворял…

— А как это, Степан Иванович, раскусить — ублаготворял?

— Простая вещь… Я по-людски удовольствия подносил. Скажем, у меня перебирали печь. А печь, сами знаете, можно перебирать по-всякому. Можно перебрать так, а можно перебрать и так и сяк… Бывает, переберут — ей-богу, в хате не усидишь.

— Холодина будет или что?

— Нет! В трубе черти завоют!

— Почему?

— Вмажут в уголке пустую бутылку, так она, проклятая, как засвистит, как завоет — не улежишь. Хоть из хаты беги!

— Какой же, — спрашиваю, — у вас с этими чертями счет?

— Вот послушайте. В ванной мне захотелось украсить стены плиточками. Приношу, спрашиваю: «Как? Подходят?»

«Нет, говорят, не подходят. Не по стандарту!»

Тогда я без стеснения из сумки показываю ее — с перцем…

«А эта, спрашиваю, по стандарту?»

«Эта?»

«Эге ж, говорю, эта!»

«Эта подходит… Эта по стандарту!..»

Подошел к сумке и второй, напарник первого.

«Она?» — переспрашивает.

«Она», — отвечаю.

«Серьезный вы человек, — говорит. — Давайте плиточки, как-нибудь прилепим».

Начинаем лепить. Скажу — весело лепили.

«Ваша матушка жива?» — спрашивает.

«Нет, говорю, нет, голубушки».

«Нет? Давайте, хлопцы!.. Царство ей небесное. Хорошая женщина была».

А напарник и спрашивает его:

«Ты что, Петя, знал ихнюю мамашу?»

«По человеку видать… А твоя хозяйка жива?»

«Жива. Это ж она вам и закуски приготовила».

«Жива?.. Сама приготовила?.. За хорошую, дорогую хозяйку! Поехали!..»

Настелили в моей квартире полы. Начали красить. Хлопцы и говорят мне: «Степан Иванович! Вы прекрасный человек, никогда не обходите нас. Хотим вам сделать путящее. Давайте помоем полы пивом. Ей-ей, будут блестеть. Бегите за ведром пива. Помоем — вовек не потрескаются».

Помыли полы и сами немного искупались… Ей-богу! Заблестели полы, заблестело и в наших глазах.

Признаюсь вам: полы — ох! — не качаются. А вот ступеньки сделали — качаются. Эх, и раскачиваются, проклятые! Стоишь и

ворожишь, куда головой полетишь — направо или налево?

Однажды вижу — Степан Иванович стоит и горланит:

— Ка-ра-ул!.. Спасайте! Не соскочу!

Так вот, значит, угождал-угождал Степан Иванович и, на свою голову, до конца не угодил… Как говорят, «не ублаготворил…».

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА НА РЕЧКЕ ВОРСКЛЕ

Светлой памяти Остапа Вишни

Вечер… Чудесно вечером в колхозном саду. Воздух даже звенит от обилия запахов.

И в саду хорошо, и сад хороший. Всякие фрукты в нем растут.

Устин Иванович, колхозный садовник, с которым мы в этот весенний погожий вечер беседуем, говорит:

— Досталось этому саду. Были и метели и завирухи. Клонили его ветры и бури. И враги ломали, калечили, жгли сад, вырубали… А он буйно расцветает… Растет, цветет!

Нашу сердечную беседу прервала песня. Девичьи голоса выводили:

Ой росте колгосп по-над річкою,
Вирощений більшовицькою п’ятирічкою…

Устин Иванович прислушался, закурил самокрутку. Да оно и то сказать: крепким табачком комара хорошо вечером отгонять.

— Девушки в клуб пошли. Угадайте, кто запевает? Это доярка Приська Миколенкова. Девушка — царевна. Красива и лицом, красива и на работе. Это она запевает. Вы в нашем клубе бывали? Заходили? Еще нет? Эге-ге!.. Театр! Дворец культуры! Вон там на горе стоит. А каких красочных цветов девчата вокруг насадили! Ай-я-яй!.. Глянешь — молодеешь. Кругом цветы… А у самого входа над колоннами живым цветом живые слова вырастают: «Ленинским путем».

…В клубе непременно побывайте. Да заодно побывайте и на нашей опытной станции. По левую руку от клуба будет. В лощине… Идите лощиной, а потом низом, низом… Зайдите — не пожалеете. Увидите, какие овощи колхоз вырастил. Куда ваше дело. Наука!

Устин Иванович затягивается и продолжает:

— Раньше на той полосе болото стояло. Грязюка. Заросли, осока, и всякие лопухи стелились…

Садитесь вот под этой яблоней, и я вам одну легенду о тех болотах расскажу. Да какая это легенда — сущая правда.

Вот тут и присаживайтесь. Это моя любимая яблоня. Возле нее, возле кучерявой, не одному черту оскомину сбивали… Вот

здесь наши бабы эсэсовцу, карателю, рядно на голову набросила. Хорошо укутали… Он только успел завопить: «Доннер веттер… Неправильно воювайт…»

Чего там неправильно? Правильно! Именно правильно. Не грабь! Не лезь, чертова душа, куда тебя не просят. Не хватай! Пусть цветет, пусть растет. Схватишь — беды наживешь.

…Тихий украинский вечер. Воздух не шелохнется. Разве иногда дятел застучит да вверху легкий ветерок листвой зашелестит.

Тихо, чудесно.

— Видите вон те тополи, что над речкою, вдоль Ворсклы стоят? Там школа-десятилетка. Немного выше — детские ясли. Когда-то в этих местах один сумасброд хутор имел, в зарослях, в болотах жил. Он и сам словно из болота выскочил. Угрюмый, лохматый, злой… Нашего брата крестьянина мордовал да все о независимости пел… Очень о независимости заботился. Что ни банда — и он там. Что ни иноземная орда — и он сзади в обмотках плетется…

Заскочит в село, коршуном налетит и сразу деда Авксентия хвать за грудки: «Где твои сыновья?»

Не терпелось ему Авксентьевых сыновей поймать. Так не терпелось, что даже пена на губах выступала.

У деда Ковтюха Авксентия сыны богатыри были. Большевики. Солдаты. Они с германцем и в прошлой войне воевали. В Петрограде царя сбросили, Зимний брали. Храбрые, душевные, бесстрашные хлопцы. Старшего Василием звали, младшего — Петром.

Прибыли братья Ковтюхи из Петрограда в родное село, и дело пошло на всенародный лад. Панскую землю поделили, бедноту скотиной наделили. Бедняцкий комитет организовали… И меня в этот комитет избрали…

Повеселели люди. Вот там, в доме Жеглова, комитет обосновался. Жеглов — это такой панок был.

Возле этого дома рос высокий-высокий дуб. Столетний… На том дубе реяло знамя нашей победы — красное знамя. А еще выше — пятиконечная звезда. Высоко сияла, на всю округу видно было.

Да! Тот, с болота, бывало, подойдет и вытаращит глава. У него и прозвище было — Лупатый. Станет и хлопает своими зенками, а затем, будто кто ему фигу показал, скорчит рожу, еще раз исподлобья косо глянет и уйдет прочь, сжавшись как собака. Не по душе Лупатому пятиконечная звезда была, ой не по душе.

В комитете мне приходилось частенько дежурить. Дежурил вместе с отцом. Отец конфискованный панский инвентарь

охранял.

Однажды ночью смотрю — подходит Лупатый. Подошел, глянул — сияет. Высоко-высоко сияет. Вот он, дурень, и начал взбираться на дуб.

Я гляжу на него и думаю: прыгай не прыгай — выше носа не доскачешь. Не добраться тебе до звезды: руки коротки!

Лез, лез он, не долез и до половины — кубарем скатился вниз. Слетел и — верьте не верьте — зарычал. Заскулил и со злости начал кору на дереве грызть.

Отец, бывало, подойдет ко мне и спросит:

«Грызет?»

«Да, — говорю, — грызет».

«Возьми, Андрей, кнут да отгони его, а то взбесится…»

Пришлось отцовский совет выполнить: длинным кнутовищем стегнуть Лупатого по спине — куда лапы свои грязные протягиваешь?

Не подходит Лупатый к дубу одну ночь, не подходит вторую, не подходит и третью…

На четвертую, слышим, на болоте появилась шайка. Чернохвостая шайка. На шапках у них черные хвосты болтались.

Останавливают пешего и конного и начинают допрашивать: «Состоишь в комитете бедноты или не состоишь?»

Допрашивают, бьют нагайками, отбирают одежду, а если на телеге везут поросенка — забирают и поросенка.

Василий Ковтюх созвал сходку.

«Товарищи! — говорит. — Долго ли мы будем терпеть этих проходимцев? Довольно! Натерпелись!»

Собрались стар и млад и пошли на эти болота порядок наводить.

Порядок навели скоро: кого за грабежом застали, поймали, а кое-кто и удрал. Удрал и Лупатый. Не слышно его стало. Ну и черт с ним, думаем.

Прошли годы. Хорошо зажило село колхозной жизнью. Но вот на нашу беду фашиста на Украину принесло.

Смотрят вечером люди: холера тебе в бок, — Лупатый в немецком мундире на кляче тащится. Едет по улице словно призрак. Рожа раскормлена, толстая…

Тетки глазам своим не верят. Никто сроду не видел, чтобы свинья на коне ехала.

Взял Лупатый в помощники себе одного босяка — из тюрьмы сбежал — и давай с ним измываться над людьми.

«Я, — горланит, — ваша держава!.. Видите, за поясом у меня знаки власти — кланяйтесь в ноги! Я — власть… Кормите, почитайте…»

Распоясался, расчванился, опекаемый немецкими штыками. В народе есть сказка о хищном волке. Вбежал волчище в беззащитную кошару, схватил ягненка да и давай на него орать:

«Я — сила! Я — лев! Ягнят — не хочу, давайте мне слона. Я его с хоботом проглочу».

Угодливый служитель в три погибели согнулся:

«Ваше волчье!… Может, разрешите в вашу пасть быстрокрылого орла запихнуть? Видали, вольно летает. Летает высоко в небесах».

«Тяни! — приказал волчище. — Давай и орла, давай и небеса».

«Ваше… — даже застонал служитель. — Глотайте постепенно. Туча в ваше чрево не влезет. Оно не выдержит фасону, лопнет».

Величавая птица — вольный орел — слушал, слушал да как начал с орлятами серых хищников клювом долбать: «Не глумитесь, ворюги! Не издевайтесь, злодеи!»

Долбал так, что шерсть во все стороны летела. Подох хищный волчище. Вот такая в народе ходит сказка. Она очень подходит и к Лупатому.

Задавался, людей мучил. А однажды надулся и поплелся к Ковтюхам — хотел деда Авксентия прикончить.

Дед Авксентий старенький: девяносто лет стукнуло. Дома взрослых нет: сыновья и их жены ушли в партизаны. А дома одна мелкота: дети-школьники. Два мальчика и две девочки. Вошла в хату эта важная шишка, расселась и давай хорохориться.

«Видишь, кто зашел! — гаркнул он изо всех сил. — Почему голову не склоняешь, лодырь! Падай на колени, старая собака! — горланил Лупатый и вытащил кольт. — Это те выродки, что в моей гостиной учатся?»

Потом нам внуки рассказали. Дед Авксентий потихоньку снял косу — на стене без деревянной ручки висела. Снял да как крикнул. Орлиным клекотом позвал:

«Деточки! Внуки! Бейте палача!»

Гуртом набросились на предателя. Били чем попало. В той хате изменнику и каюк был…

— Закручивайте!.. Еще разок комара погоняем! — сказал Устин Иванович, и мы поднялись и пошли по аллее.

Правдиво писал наш любимый писатель Остап Вишня: «Почему я изобразил дедов? Чтобы показать, что с врагами воевал весь народ».

Шли по аллее, курили самокрутки.

Чудесная украинская ночь. В высоких небесных просторах ярко сияли ясные звезды, на колхозных землях густо зеленели хлеба, пышно цвели сады.

. . . . . .
Очаровательные места на речке Ворскле.

ВОТ ТАК, ПРЯМО…[1]

1

Написать очерк о колхозе не такая уж мудреная штука.

Легче всего, конечно, можно узнать и описать колхозную жизнь по телефону.

Только крепко держите при этом телефонную трубку… Чтобы не вырвалась… Чтобы вас не испугалась…

— Да разве нельзя кого-нибудь позвать?

— Говорю вам, нельзя. Заседают…

— Почему они так часто заседают? Что они такое важное решают? Передайте, пожалуйста, я запишу.

— Передаю — записывайте. В понедельник решали — сколько чего сеять. Во вторник обсуждали — сколько чего сортировать. В среду рассматривали — сколько чего калибровать. В четверг пересматривали — сколько чего сажать. В пятницу созвали совещание, в субботу бурно заседали…

— А в воскресенье?

— В воскресенье просматривали протоколы всех заседаний.

— А сегодня что?

— Сегодня экстренное собрание.

— Что за экстренное собрание? Какие вопросы стоят?

— Один вопрос стоит: до каких пор будем заседать и протоколы рассматривать? Не пора ли сеять?

Внезапно в телефонной трубке что-то затрещало, загрохотало. Вы бросаете трубку и записываете:

> «В крышу колхозной конторы неожиданно ударил гром. По окнам покатились обильные капли дождя. Посевную из конторы немедленно перенесли в поле…»

Второй телефонный разговор вы ориентировочно записали так:

> «В аромате освежающего весеннего дождя нам посчастливилось поймать озабоченного председателя колхоза. Председатель колхоза с горечью жаловался: «Туговато, братцы! О боже, как стало туговато… Не хватает дней! Бывает, по два заседания в день проводим. И все равно времени не хватает. Целую неделю заседали, а повестки дня полностью не исчерпали. Остались еще не

разобранными пропашные культуры: а) огурцы, б) свекла, в) кабачки…»

Бедняга председатель даже за голову схватился:

— Не успеваю! Подумайте только — меня еще на три заседания в район вызывают и еще на три совещания приглашают. А меня сахарная свекла не пускает, меня кукуруза за штаны держит: «Никаких заседаний. Квадратно-гнездовым способом сей!» — меня зовет.

Таковы некоторые черты небольшого произведения, переданного по проводам.

Правда, такие очерки бывают и в городе. Но не о посевной, понятно, а о кабинетных заседаниях: о тех заседаниях, которые проводятся «квадратно-гнездовым способом»…

2

Есть еще очерки репортажные, так сказать — быстроходные.

На ходу записываются. Забежал и:

— Здравствуйте! Как поживаете? До свидания!

В таком очерке следует придерживаться основного принципа: не перепутать доярку с птичницей. И кто какую косынку носит.

Репортажный очерк начинается обязательно в радостных тонах:

> «Доярка Оксана в чистом белом платочке несла белый чистый подойник. Весело было доярке Оксане. Смеялась Оксана, смеялось и ее наполненное молоком чистенькое оцинкованное ведерце. Не смеялся только председатель колхоза. Председателю колхоза было не до смеха: силос в сводках был, а в ямах его не было, а на селе хвалились — силосу у нас гибель… Такой силос, такой… И куры не клюют…
>
> Вчера мы побывали на птичьем дворе. В красной косынке, молоденькая, красивая птичница Таня на наш вопрос: почему это куры все-таки не клюют силос — чистосердечно рассмеялась.
>
> Вот так неутомимо перебегая от фермы к ферме, мы глубоко убедились — всюду звучит смех. Всюду звенят песни.
>
> Когда мы уезжали из села, нас долго провожала хорошая народная песня: «Шумят вербы в конце гребли…»
>
> То громко и мелодично пело звено мазальщиц.

Сегодня они успешно заканчивали мазать просторную хату родной сестре председателя колхоза…»

Разумеется, вам могут предложить: «Замените последние строки… Трафаретные они… Все, мол, сестре да сестре. А когда брату, зятю?..» Вам могут деликатно сказать и посоветовать: «Вы пишите объективно. Пишите так: «Село строится… Мажут хаты и поют около хаты…»

Чтобы, значит, коротенько и ясненько.

3

Мы были бы в долгу перед читателем, если бы не вспомнили и о радиоочерках.

Понятно, о некоторых радиоочерках.

По этим радиоочеркам положительное весело строится, а отрицательное еще веселее ликвидируется.

Так очень просто и весело и передают:

> «Когда мы стояли и наблюдали, что на свекловичном участке ничего не делалось и свекольные листочки склонялись долу, в это время к нашему микрофону неожиданно подошел бригадир.
>
> — Василь Петрович! Как ваша свекла — поднялась? — спрашиваем.
>
> — Поднялась. Как увидела, что вы едете, так сразу уши и подняла. Подняла-подняла и сама поднялась, — с бодрой улыбкой ответил нам бригадир».

Слушаешь, слушаешь и тоже скажешь:

— Кто бы хоть разок радиофельетон или юмореску прочитал бы. Об этих… о ловкачах, о лгунах…

4

Как говорится, шутки шутками, а хвост набок.

Безусловно, ни у кого не вызывает сомнения простое, ясное: лучше всего узнаешь жизнь, если подольше в колхозе поживешь.

Один мой коллега по перу серьезно допытывался у меня: почему это только одни фуражные коровы доятся?

Я посоветовал ему — поезжай в колхоз. Поживи, присмотрись и узнаешь — почему.

Не знаю, ездил он в колхоз или нет, но только долго еще

бродил по тротуарам и тыкал пальцем в небо. Угадывал, должно быть, не потому ли эти коровы доятся, что им больше дают фуражу…

Может, он и не ездил в колхоз. Может быть, испугался свою машину испортить.

— Поедем в село… В колхоз… Тут неподалеку… Вот так прямо, прямо… мимо верб.

— Вот так, прямо, прямо?

— Ну да!..

— Мимо верб?..

— Да, да!..

— Я что, с ума сошел?! Вот этими ярами? Что вы, господь с вами! Ездил, ездил, двести тысяч километров наездил, и на тебе — трах-тарарах! — нет машины! Застряла там — никакие крылатые и рогатые меня не вытащат.

Тогда вы километра три идете ярами и лугами и потом спрашиваете деда:

— Здравствуйте! Далеко еще до колхоза?

— Здравствуйте! Да как вам сказать: и далеко, и недалеко. Вот так и так… Затем вот туда и туда… Затем — вот так и так… А вы, извините, откуда будете?

— Из Полтавы, — говорю.

— Ага, ага!.. Хорошо, хорошо. Значит, вот так и так, а оттуда — влево… Влево и влево, а затем — поверните направо. Направо и идите, идите до самой фермы. Птицеферма в яру стоит.

5

— Не пугайтесь, — говорю. — Берите палочку и, как симпатичный дедусь советовал, идите вот так и вот так…

И вы попадете в самую гущу колхозной жизни. Сначала птицеферму посетите. В хорошем месте, в яру птичий двор стоит.

Птичий двор хорошо оборудован. Есть где курочкам яички сносить.

Радуются люди: зимой ежедневно по яичку несушка дарит.

Моя соседка спрашивает:

— Какие же это курочки, что в зимних условиях и на таком высоком уровне яички несут? Должно быть, там птичницам легко живется — поют песенки и яички в гнездах собирают.

Отвечаю соседке: вы почти угадали. Курицы на насест садятся, а птичницы весело поют:

Коли б мені, господи, та й сонечко зайшло.
Та, може б, моє серденько тай до мене прийшло…

Споет такую лирическую песню, — глядишь, и есть яйцо. Легко работать птичницей. Может, поедете, поработаете?

— Э, боже упаси!.. Там же, наверное, курам нужно и корм давать. То воды дать, то пшена, то свеклы и мелку, да и угля… У меня их когда-то было с десяток. Измучилась… «А чтоб вы, — кричу, — сдохли! Как вы мне надоели!..»

Не поехала моя соседка птичницей работать. Она по-охотничьи поступила — лису поймала… Ту лису, что кур хватала. Поймала лису, шкурку ее на плечи нацепила и ждет, когда куриные яички начнут с неба падать.

А юные девушки, хорошенькие, молоденькие комсомолки Галя Мороховец, Галя Шиян и Паша Падченко из Опошнянского колхоза Полтавской области, другого мнения. Говорят: светлое будущее приходит только в упорном, но благородном труде.

И они добиваются этого. Добиваются сердцем и чудесными руками.

РЕЦЕНЗИЯ

В многоплановой волнующей повести «Бывает ли любовь с первого взгляда?» автор завязал смелый сюжетный узел и смело его развязал: бывает и не бывает.

Заслуга автора заключается еще и в другом: трудно девятьсот двадцать две страницы написать, но еще труднее в издательстве массовым тиражом выпустить. Только подумать: монумент такой сложить, слепить и в издательский план пристроить!

Перед читателем автор поставил еще более сложную и еще более острую задачу: все это без валерьяновых капель прочитать до конца. Терпеливый наш читатель на этот раз и с каплями оплошает — не прочтет!

На первой читательской конференции председатель колхоза, книголюб Трофим Трофимович объявил: «Кто прочитает вот эту толстенную повесть, тому будет начислено шестьдесят трудодней». Отважных не нашлось. А сведущая в тонкостях художественной литературы старенькая библиотекарша со знанием дела добавила: «Трудодни не помогут. За такие произведения читатель берется лишь в непогоду: в пургу, в метель или в проливные дожди».

И все же разберем, чем должна очаровать читателя эта оригинальная повесть.

Она прежде всего чарует логически ясной мыслью. С первых же строк автор динамично вводит читателя в духовный мир своих героев. Читаем: «На сельскохозяйственном производственном совещании Петро впервые взглянул на Галину, девушка ласково кинула взор на парня — готово. Влюбились».

Просто, ясно и современно. Где влюбились? На совещании. Не на танцульках, не возле традиционной сирени и сентиментальной акации, а именно на производственном совещании.

Далее по тексту: «Овеянные нежным трепетом немого чувства, влюбленные с производственного совещания на крыльях весны полетели к ветряку».

Характерная, колоритная деталь. Автор, придерживаясь в манере письма новизны, избежал штампа. Повел героев к лирическому ветряку, а не к каким-то архаичным камышам… Хотя в критическом обзоре «Ветряки и будяки» глубокоуважаемый литературовед Лысый отрицательно доказывает: «Старый ветряк своими корявыми крыльями не способен навеять романтические нюансы молодой влюбленной паре», — мы решительно отбрасываем его происки в отношении образов, которыми

пользуется автор. Напоминаем маловерам: у ветряков веками цементировалась настоящая любовь.

Одновременно раскроем автору глаза на его досадные промахи и недостатки. В повести есть места типичные, характерные, а есть и нетипичные, нехарактерные. К сожалению, последних значительно больше. Будем последовательны…. Описывая чудесный вечерний пейзаж, автор поскупился и не донес до читателей красоты сельской природы. Автор пишет: «Смеркалось… На горизонте весело замигали первые небесные звезды. Во тьме кого-то догонял разъяренный бугай. Под сильными ногами хрустели лапчатые лопухи и лопались спелые кабачки…»

Кого именно догонял разъяренный бугай, автор стыдливо умолчал. Может, он догонял незадачливого председателя колхоза? Почему, мол, силосные ямы до сих пор не заполнены зеленой массой? А председатель — куда? В силосную яму!

Эх, и такую острую ситуацию автор проворонил! Упустил из-под пера увлекательную драматическую ситуацию, которая намного украсила бы несовершенную, бледноватую повесть! Подумайте: председатель колхоза сидит в силосной яме!

Анализируем далее. «Петра раздирали сомнения: любит Галина или не любит? Бедняга страдальчески топтал землю у чапыжника и без остатка изгрыз принесенные степные цветы».

Ей-ей, душевные шатания героя ни к чему. В предшествующих четырех главах автор добросовестно доказал: любит Галина. Пылает любовью к Петру. Зачем же грызть ни в чем не повинные цветы?

Чересчур много страниц уделил автор и поцелуям. Учтите: шестьдесят две страницы отвел! Ей-богу, автор пересолил! Скромность, говорят, украшает человека. Поцеловались на двух страницах — и довольно, хватит! А тут автор слишком расщедрился: на двух с половиной печатных листах люди целуются!

На шестьсот двенадцатой странице зашаталась и сюжетная линия. Выпал из канвы сюжетно щекотливый момент: в какую пору центральные герои впервые поцеловались? До жатвы или после жатвы?

Чересчур много тут и сногсшибательных приключений.

Ну, любит, ну, увлечена. Разве это дает повод современному культурному юноше подражать старомодным холостякам: в вывернутом полушубке взбираться на грушу а до самого утра сидеть на ветке под окном любимой девушки?…

Неприятное впечатление производит и невежество автора в области овцеводства. На просторных полях своего

монументального произведения автор ни единым словом не обмолвился, каким способом и образом доят овец. Выходит, овцы не доятся.

А как же тогда подают к столу вкусную брынзу?

Откуда она?

Подведем итог: книга толстая, переплет солидный, бумага хорошая, и это главный залог того, что повесть пробьет себе дорогу к книжной полке.

Мы пророчим книге большое долголетие. Нет никаких сомнений, что повесть займет на полке свое почетное место и будет там стоять годами.

Прочитав слово «конец», мы с облегчением вздохнули. И, откровенно говоря, в нас загорелась надежда: зайдя в книжный магазин, дотошный и пытливый читатель, возможно, обратит внимание на толстую книгу и, вполне возможно, возьмет ее в руки.

Отсюда и наше удовлетворение: повесть дошла до читателя.

БОЛЕЕМ И ПЕРЕЖИВАЕМ

Любим мы футбол. Ей-богу, любим, болеем и переживаем. Не дай бог, наша футбольная команда проиграет — беда! Печаль и слезы застилают чело болельщика. Он рыдает и, вытирая и глотая горькие слезы, ревностно изрекает:

— Наши лопухи сегодня проиграли!

Когда же наша команда побеждала, радость болельщика достигала наивысшей степени. В такую минуту он готов каждого обнимать и целовать.

— Молодцы! Голубчики! Дали прикурить! Два — ноль!

— Кому? Где?

— Как — кому, где? Ты что, не был на стадионе?

— Не был.

— Да ты что? Может, скажешь — не ходишь на матчи?

— Не хожу.

— Тю!.. А я и замечаю, что с тобой что-то не то…. Не туда вот здесь крутится…

Кто не посещает стадиона, того болельщики, как у нас говорят, разыгрывают вовсю.

— Вася! Ты утром делаешь омовение головы?

— Какое омовение?

— Холодной водой полощешься?

— Умываюсь, конечно.

— Не то, Вася, не то. Ты утром мой голову холодной водой, вечером пей кислое молоко. И ты никогда не пропустишь ни одного футбольного матча.

Честно вам признаюсь, я тоже болельщик. Иду на стадион, и моим существом целиком завладевает футбольное поле — кто кого?

Спокойно, но глубоко болею и страдаю… Из равновесия меня выводят только реплики особенно завзятых болельщиков.

С правой стороны болельщик «со стажем» высоким фальцетом кричит:

— Судью на мыло!

С левой — болельщик, профундо-басом выкрикивает:

— Судью на вилы!

Очевидно, на сеноуборочные вилы.

Наверное, местные болельщики искренне считают: хотя судья сам в ворота противника мячи не забивает, но нашим пусть хоть свистком забивать помогает.

Порой болельщики острое, но несправедливое словцо бросают и помощнику судьи. Ошибся или зазевался тот — бывает

ведь такое, — тогда болельщика «со стажем» медом не корми.

— Мальчик! Возьми у того дяди судейский флажок! — кричит он с правой стороны.

А с левой:

— И дай ему соску!

Выигрывает наша команда — судья на высоте.

— Вот это судья! Никому спуску не давал.

А другой:

— Что ты хочешь? Человек судил!

. . . . . .

Любим мы футбол! Чаруют нас и мастерство, и тактичность, и каскад футбольной игры…

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТЕХНИКА

Солнышко уже начало подниматься. Такая уж у него обязанность — подниматься каждое утро. Ехать нам нужно было недалеко — в новое село Лиман.

Собственно говоря, село это не новое, старое село, но жить начали там по-новому, по-артельному. Коллективно. Организовали в селе первую в районе сельскохозяйственную артель «Путь Ленина».

Зашли во двор Петра Ивановича. Из степи потянуло свежим запахом ржи и конопли.

— Ну что, друг, подвезете?

У Петра Ивановича слабовато с индивидуальной техникой. На веревочках построена его техника: для «удобства» он привязывает к телеге доски бечевкой и прибивает ржавым гвоздем.

— Сколько раз я заходил в кооператив. И все: гав-гав! Гвозди есть? Нет! Ремни есть? Нет! Кооператор, говорю. Гнать бы такого кооператора метлой!..

И Петр Иванович сказал, какой именно метлой гнать такого кооператора.

— Если б там человек направлял дело. А то… Затесался такой, черт знает что… Хату себе вон какую под железной крышей поставил! Коровы, овцы… и земельки прихватил… То на тещу, то на свата, то на брата… И какая земля!… Одна пахотная! Хитрющий виндувалист… Тому литр, тому пол-литра… И пролез… Пролез и все к себе, все к себе тянет… Такой смиренный да тихий… Живым к богу лезет. Нет на него двадцатого года. Ух!..

Петр Иванович запряг, и мы поехали. Возок наш скрипит и дребезжит, стучит и насвистывает. Будто не возок, а фисгармония.

— А вы хорошо знаете дорогу? Это вон туда…

— Слышал, знаю. В прошлом году приходилось бывать. О, я куда проеду раз, то все доподлинно припоминаю. Иной семь раз проедет и обязательно собьется. А я нет, я — раз проехал и уж черта с два собьюсь. А другой — так просто смех берет. Вот недавно Кириллов сын едет и спрашивает: «Дядька Петро, сюда ли я поехал? Мне на Шевченковскую». — «Так чего ты, говорю, сюда заехал, тебе вон туда надо… Это же, говорю, не такая мудреная штука. Выедешь на высокий бугор — и ты прямо в селе. Потом поворачивай влево, налево у дороги будет хата Грицька Ганды. Хотя, говорю, там теперь живет его сын Омелько, а старый

Грицько выехал. Одни говорят — к старшему сыну в Полтаву перебрался. Старший сын в Полтаве в депо машинистом работает. А другие — мол, в Плоское к брату Панасу уехал. Панас давно в партийных состоит. Такой брат — куда ваше дело. Герой! Он и на фронтах, в Красной Армии был. Гонял и патлатых, и кудлатых. И Махно, и Петлюру гонял. Панас этот в Плоском артель организует. Возможно, Грицько к нему переехал. Григорий тоже такой — никому спуску не давал. Его на хуторе во власть выбрали. Оно какая власть? Бедных вдов коровками наделял! И мне, как комбедовцу, корову определили, дерева на хату дали. Но-о!..

Жить стало легче. Но тут началась чертовщина — немцы пришли. В касках, а с ними двое с черными хвостами. Один из них здешний: сынок Лобачова… Кулак был, душа из него вон!

Приезжают верхом на конях и сразу цап Грицька за грудки: «Рассказывай, голодранец, где ваша гарнизация?..»

Погнали Грицька Ганду в долинку, туда за пруд, за вербы. Пропал, думаем, человек. Замордуют палачи.

Вывели в долинку и кричат: «Говори, где брат? Где твои большевики?»

«Не знаю, — говорит, — мое дело сторона».

«Врешь, голопузик, знаешь! Ты же у власти был?»

«Какая я, — говорит, — власть? Вы вот когда подходили, ревкомовцы сели на телегу и уехали».

«Куда уехали?»

«Ей-богу, — говорит, — не знаю. Может, на Харьков, а может, и дальше. Они мне ничего не сказали. Уехали они, а вас нет и нет. Собрался народ. Кого, спрашивают, назначим на этот промежуток? Ну, а народ в один голос а крикнул: «Грицька назначим! Старый, глупый, ни кола ни двора, — если и убьют, то не жалко!»

Какой-то из карателей, видать главный, в очках, ударил Грицька дважды нагайкой по спине и говорит: «Господа! Разве вы не видите: дурак дураком! Оставьте его!»

Отстегали Грицька нагайками да и бросили в канаву. Но как потом оказалось — Грицько все знал. И ружья, и всякие припасы он партизанам передавал.

Да, вернее всего, к Панасу уехал, потому что, говорят, хутора тоже в их артель пристают.

Но-о!.. Шагай веселей!

Да!..

Вот я Кириллову сыну и говорю: «А потом, парень, бери правее, правее… Сбоку будут вербочки. За вербами левада. За левадой опять вправо, вправо…» Там когда-то выгон был. Ничего

не сеяли. Разве нашими плужками да нашими лошадками поднимешь такую целину? Туда хороший плуг надо. «А сколько же, — спрашивает Кириллов сын, — еще верст будет?» — «Да так, говорю, чтоб тебе не соврать, верст, верст… по-старому четыре было… Может, теперь что набежало? Кто знает?» Но-о! Хвостом машешь!..

Словом, парню разжевал и в рот положил. А вот сбился парень с дороги. Молодой, не тертый, не бывалый… Я уж… нет, уж не беспокойтесь. Довезу в самый раз.

Возок дребезжит, а Петр Иванович уверяет нас, что он сроду не плутал, и вдруг — стоп!

— Тпрр!.. Волки б тебя съели. Куда это ты нас завезла? У, чертова скотина!.. Я зазевался, а она!.. Стой! Крутишь головою!..

Повернули назад, начали искать настоящую дорогу. Искали, переспрашивали. Нашли дорогу, выехали, и тут другая беда приключилась: начали съезжать с горы, а на лошадке шлея лопнула.

— А, сгорела б она! Вот вам и ремень!

Начал Петр Иванович сбрую чинить — со штанов поясок упал.

Молодухи идут мимо, смеются:

— Держите, дядько, штаны, а то убегут.

Сказал им Петр Иванович кудрявенькое словечко, поправил что нужно в сбруе, стегнул лошадку кнутиком, и возок покатился. Только ненадолго. Пришлось еще раз Петру Ивановичу соскакивать и подтягивать супонь:

— Сгнила б она, проклятая! Как ехать, так и разладится!..

Теперь уж Петр Иванович как сел, так ни слова не сказал. Все думал. О чем он думал, кто его знает.

Может, о том, кто затесался в кооператив да все к себе тянет… Все к себе… А может, Петр Иванович думал, что единоличная техника — ерунда. Надо из нее скорее на широкий путь выбираться. Переходить на социалистический лад.

Может, он именно так думал: коллективом лучше жить, лучше хозяйствовать.

Говорим, неизвестно о чем думал симпатичный Петр Иванович.

А только, когда мы подъехали к артели «Путь Ленина», у Петра Ивановича радостно засияли глаза. Засияли, потому что увидели на полях таких же, как и он, крестьян, которые вместе сеяли, вместе пахали и, возвращаясь домой, вместе песни пели.

Наверное, Петра Ивановича одна-единственная мысль радовала: «Хорошо жить там, где гуртом работают люди!»

Побывали мы еще раз в колхозе «Путь Ленина» и опять встретили симпатичного Петра Ивановича. Директор МТС сказал нам:

— Рекомендую! Непременно заезжайте в колхоз «Путь Ленина». Познакомьтесь, товарищи, как там славно хозяйничают.

— А кто же нас подвезет? — спрашиваем.

— Кто? Да председатель колхоза вас и подвезет. Василий Петрович! — позвал директор. — К тебе люди хотят заехать. Подвезешь?

— А почему добрых людей не подвезти? Прошу! Садитесь! — пригласил Василий Петрович и открыл дверцы голубой «Победы». — Садитесь рядом со мной. Я и председатель, я и шофер. Сам управляю…

Дорогой разговорились.

Василий Петрович — агроном. Его колхоз посылал учиться. Закончив Полтавский сельскохозяйственный институт, Василий Петрович с дипломом агронома приехал работать в родное село…

Работал агрономом, а затем колхозники избрали его председателем колхоза.

Ехали, беседовали и не успели оглянуться, как легковая машина прямо в колхозный сад вкатила.

Роскошный сад вырастили колхозники, чудесный, в нем высокосортные груши, яблони. Обильные плоды крепкие ветви книзу пригибают.

За садом на пригорке — школа. Светлая, просторная школа-десятилетка. Больница хорошая в селе построена.

Хороши в детские ясли. Детей в ясли не носят — возят. В колхозе более тысячи велосипедов, двадцать два мотоцикла. Есть на чем маленьких ребят привезти в ясли. Подвозят без опозданий.

Телятницы, свинарки, доярки посмотрят на часы — пора! Закрутят педалями и айда с юным поколением в детский санаторий.

Чудесным стало обновленное село. Зажегся электрический свет в окнах, и в каждую хату радио из Москвы передает счастливые песни.

Что и говорить — славно колхозники живут, славно и хозяйничают. Одних дойных коров шестьсот голов. А телок тысяча, да еще и двести двадцать!

А поросят, ягнят?…

Какие прекрасные коровники, свинарники построили. Выстроили и различными механизмами их оборудовали. Долго мы с Василием Петровичем ходили по колхозу, а потом в клуб завернули.

Идем, а навстречу нам… Кто бы, думали? Петр Иванович.

Пожилой, но статный, выбритый, в вышитой сорочке, направляется в клуб.

— Отец, а где же мама? — спросил Василий Петрович.

— Мать раньше с Галкой ушла в клуб. Галя из Донбасса в гости приехала.

Вспомнили, как мы когда-то ехали с ним да непредвиденные остановки делали.

Петр Иванович добрым словом вспомнил и Панаса, и Грицька.

Какие дорогие люди! Не зря они, стиснув зубы, мужественно дрались за победу великого дела.

КАК Я ТОНУЛ

Утро. Солнечное, прозрачное утро. Я иду на речку. Дома меня предупреждают:

— Иди, да гляди, утонешь, так и домой не приходи!

Этого совета я точно придерживаюсь. Знаю — утону, как же я домой приду?

Прихожу на речку. Тут гам и суета. Смеются, прыгают, ныряют, выныривают… Я разделся, пошел на берег и остановился: не знаю, куда лучше прыгать.

— Прыгай вот здесь. Тут тебе будет по колено.

Я недолго думал, взял и прыгнул.

Ноги погрузились и меня за собой потащили. Погружаюсь и погружаюсь, ибо плавать не умею.

Говорили же мне: «Учись, Сашко, плавать. Учись — не пожалеешь».

А я думал: «Плескаться в воде — разве это наука?»

И вот вам, опускаюсь на дно. Гребу руками, помогаю ногами, верчу головой, а меня на дно тянет.

Хлопцы, стоявшие на берегу, начали дискутировать.

— А ну, — говорят, — вынырнет или не вынырнет? Может, и вынырнет, ноги длинные.

Они дискутируют, а я чувствую, что тону.

— Хлопцы! — кричу. — Спасайте! Потопаю!

— Не кричи, — говорят, — а то в рот воды наберешь.

Еле-еле спасся. Вылез и упал на берег. Конечно, ко мне тогда все прибежали.

— Наверное, — говорят, — надо воду выкачать.

А как выкачать, никто не знает.

Один говорит:

— Я, — говорит, — где-то в книжке читал, что прежде всего надо веслом на живот надавить.

— Дурень ты, — отозвался другой. — Первая помощь — это веслом по голове бить.

Словом, кто-то меня как шарахнет веслом по голове, я и очнулся.

Так вот я и говорю: учитесь плавать, с вышки прыгать, глубоко нырять и мастерски выныривать.

МОСТИКИ И ДОРОЖЕНЬКИ

Хорошая, прекрасная дорога — большак! Едешь — одна красота! Никто тебя ни возом, ни автомашиной не зацепит. Ровная-ровная дорога, как струна.

— Э, — скажете вы, — то ж большак! Шлях — куда ваше дело! Вы попробуйте под вербочками, вот по той крутой дороге проехать. Вот это штука! Ты влево — ямки! Ты вправо — пни! Ну хоть на аэроплане лети!

— Дядя Ефим, так можно же те ямки лопаткой заровнять… Да одним заходом и пенечки посбивать!

— Такое скажете… Чтобы это я да бежал с лопатой? Нашли меньшого — Ефима! И зачем бы это я туда бежал! Если мне и придется раз в год за снопами по той дороге поехать, так из-за этого первым и беги? Пусть кум Свирид бежит первым — он в тех канавах на троицу ночевал…

Поговорили вот так с дядей Ефимом, запрягли коровок — серую да палевую — и поехали той дорожкой за снопами. Приехали, наложили пару копен, набросили веревку на рога, сами забрались на воз, трубку в зубы — и:

— Цабе!..[2] Жвачку жуете!.. Цоб![3]

Съезжает дядя Ефим с горы, съезжает по неровной и размытой дороге. С воза не слазит, а, посасывая трубку, посматривает по сторонам да все:

— Цоб, цоб!.. А ну, опрокинется или не опрокинется? Куда же вы это поворачиваете? Цоб! Все-таки опрокинется… Да цабе! Цабе!.. Ей-богу же, опрокинется.

И — опрокинулся.

— А чтобы тебе!.. Все же моя правда — опрокинулся-таки… Вот вам и кум! Тяжело ему выбежать с лопатой и заровнять.

Посетовав на кума, дядя Ефим слезает с воза. Хотя, правда, не слез… а сполз…

Схватил в сердцах веревку и повел коровок дальше. А дальше — сухой пенек.

Ведет мимо пня — и:

— Цоб!.. Цабе!.. А ну, зацепится или не зацепится?.. Цоб, цоб!.. Ей-богу, зацепится! Вот чтобы мне до дому не доехать — зацепится!

Вдруг ось — хрясь! Зацепилась…

— Чтобы тебе добра не было! Чтобы тебе пути не было!.. Какая же это чертяка вот тут пенек поставила? А чтоб ему! Какая ось добротная была, а треснула!

* * *

В самую рань, еще до рассвета, я видел, как дядя Ефим с кумом Свиридом шли. Не с пустыми руками шли, на плечах лопаты несли.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ

Какая радость — наши дети! Веселая и звонкая радость. Любуются, утешаются родители: чудесная смена растет. Но нечего греха таить, порой родители дают своим деткам не очень-то хорошее домашнее воспитание.

Начинается это обучение с маленького, игривого:

— Покажи маме фигу!..

— Учи, учи на свою голову! Иди сюда, доченька… Прыг, доченька, прыг! Не слушай папу, маму слушай… Мама цаца, а папа бяка… Плюнь на папку… Ткни папке в глаз… Вот любимая доченька, мамина доченька… Она уже умеет папе в глаза ткнуть. И маме ткнешь? Ой-ой! Мама боится…

Игривая забава заканчивается невесело:

— И в кого он, вот такой чертенок, уродился? Слыхали — сегодня чуть глаз не выколол. И кто его научил? У нас такого и в роду не водилось!..

Отец и свою характеристику дает:

— Вот видите!.. Носи его, учи его, а он, вишь, к чему приноровился — в лицо плевать! Вот и желай ему добра! Ведь он только на ноги поднялся. А что из него выйдет, когда подрастет?

С возрастом ребенка расширяется и прикладное воспитание:

— Попугай, сынок, отца! Путай, Вася, пугай! Вот так — гр-р!..

Испугали отца. Упал отец на пол.

Переняв чудные штуковины, детки стаскивают с кровати подушки, одеяла, натягивают в хате палатку и оросят отца:

— Папа, вот видишь — шалаш! Мы спрячемся в середине, а ты бегай вокруг и лай. Только громко-громко, чтобы нам страшно было…

Порой домашнее воспитание безрассудно сочетают с чаркой:

— На, сынок, опрокинь. Для примера хватани грамм двадцать.

— Вы видели, чему он детей учит? Да в своем ли ты уме? Сам пьешь, гуляешь, да еще и сына приучаешь!

— Пей, сынок, пей! Это отец дает. Глотай.

Сынок опрокидывает, морщится, чихает… Слезы из глаз катятся.

— Вот видишь, сынок, какая она противная? Вот так и я страдаю. Глотнешь — словно дегтя хватанешь. А мать думает, что я мед пью!..

Веселая наука кончается невесело:

— Ты еще молод отца учить! Какую привычку взял: «Дай, отец, на сто грамм!» Молоко на губах не обсохло, а ему сто

грамм! Я тебе таких сто грамм покажу — в двери не попадешь!

— Отец! Давайте это дело замнем. Вы же сами меня учили: «Потяни, Васюня!» А Васюня, какой разговор, тянет. Отец дает!

Здесь бы можно было и точку поставить. Не будем точки ставить. Пусть родители поставят. На то они и родители!..

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КАКОФОНИЯ

Какие у нас выросли музыкальные и вокальные таланты! Пречудесные. А танцоры! Боже мой! Как пойдут танцевать, как топнут, как гопнут, да еще с прибаутками:

Від Полтавы до Хорола
Черевички попорола…

Куда ваше дело! Даже мать сыра земля усмехается.

Мастерски танцуют.

Пусть по струнам ударит диканьская троистая[4] — не усидишь. Ей-богу, не усидишь и не устоишь. То правая, то левая нога только дрыг-дрыг… Трясет и молодого, подбрасывает и старого.

А какие чудесные песни поют на нашей Советской Украине!

Запоют решетиловские вышивальщицы «Киевский вальс» или «Шахтерочку». Или, или… Или «У нас у Полтаві всі садочки кучеряві…».

Что и говорить — очаровательны и народные и современные советские песни. Слушаешь — и душа радуется, и сердце тает. Умеют советские композиторы очаровать душу людскую. Что умеют, то умеют.

Недавно мне довелось побывать на колхозном празднике.

Праздник обычный. Передовой доярке стукнуло двадцать лет.

Вот доярки, телятницы, свинарки и устроили товарищескую вечеринку. Наварили, напекли и это все печеное и вареное на коллективный стол снесли. Хлопцы и свою долю в сумке принесли.

Прихватили и бубен, скрипку, гармонь.

Пропели за столом «Правда, дівчино, правда, рибчино…», а потом казачка лихо станцевали… А за казачком — метелицу.

Танцевали молодые, а затем пошли вприсядку и старые.

Хорошо танцевать гуртом!

К чему мы все это ведем? А ведем мы вас к танцплощадке.

Скажем, подошли и смотрим — стоит столб. На столбе громкоговоритель. Возле столба танцы…

Танцуют под радиоло-громкоговорительную музыку… Что-то гремит, ухает, скрипит…

Говорят, это модернизированный танец — «ковбойская коза-дереза». Чтобы ты, значит, танцевал и разные фигуры ногами и рогами выделывал…

Танцплощадка небольшая, огорожена железяками. Ей-ей, напоминает загон.

Вот, значит, туда, в середину, и впускают желающих потанцевать.

Плата за вход скромненькая — тридцать копеек с носа. Шестнадцать тебе лет или пятнадцать — безразлично. Гони тридцать! Перешел ты в пятый класс или не перешел, давай тридцать — и пожалуйста залетай.

Аудитория — молодежь. Есть совсем юные, а есть и подростки.

Заходит в эту танцевальную ограду девушка и ищет пары. Ждет, с кем бы потанцевать.

Подходит юноша — ростом бог не обидел. В стиляжной пижаме, в узеньких синеньких брючках, подходит к девчонке:

— Детка, сбацаем?

Начинают стильно «бацать». Черт его побери!

Вот выказывали чудеса — и руками, и ногами…

Изгибались и выгибались… «Джентльмен» то приседал, то ястребом взмывал вверх. У бедной девушки под самыми облаками ножки дрожали.

Глянешь и подумаешь: где же та краса людская?

А вот те… Те, что на голове длинные хвосты носят. И крутят здесь, и вертят…

Вы спрашиваете, чем крутят, чем вертят?..

Да тем же самым, о чем и вы подумали.

Постоял я минут двадцать, каюсь. Всю ночь черти снились.

Снилась какофония…

* * *

А какая же у нас чудесная музыка! Какие прекрасные народные танцы! А где они? Нет их на танцплощадках!

«ТЫ БЫ ТАК ПРЯТАЛ, КАК Я ПРЯТАЛ…»

В каждом населенном пункте есть почта, а на каждой почте есть сберкасса.

Факт

Так вот, едем мы в хорошем автобусе и по хорошей дороге. Асфальтированной, по той, что через Диканьку проходит. Едем — радуемся. Радуемся потому, что богатеем. Беседуем.

— Все у нас есть, — говорит симпатичный сосед. — Зайдите в любую хату — одно удовольствие. И радио, и электрика. И всякие шкафы, шифоньеры… И диваны, и стулья, и столы… Не стесняются люди, есть что и на стол поставить. Белый хлеб на стол подают. Конечно, есть что и к хлебу подать. И уж извините, не без того, как говорят: «Эх! Да оно бы и не мешало!..»

В дороге как в дороге. Всякие разговоры бывают — кто и что приобрел, кто и что продавал и куда деньги спрятал.

Одна тетенька советовала:

— Лучше всего деньги прятать за пазухой. Никакому бесу и в голову не придет, что именно там открылся филиал сберкассы…

Другая тетенька тайничок устроила в самом надежном месте.

— Прячьте, — говорит, — ниже ложечки. Ни один черт туда не залезет.

— Залазят, кума! Ей-богу, босяк и там нащупает. Вот послушайте меня, старуху. Послушайте да и подумайте. Откормили мы подсвинка. Хорошего поросенка вырастили! Повезли в Гадяч и продали. Сегодня пошел четвертый месяц, как продали. Мой Ефим и говорит: «Явдоха, отнеси деньги на почту и положи в сберкассу!» — «Отстань, говорю, не болтай черт знает что! Вот где у меня касса!» Взяла, завернула деньги в тряпочку, закрутила узелком и веревочкой привязала ниже ложечки. Затянулась, извините, даже дышать тяжело стало. На зеленой неделе собрались мы да и поехали с дочкой снова-таки в Гадяч, на базар. Модельные туфли покупать. И что я, дурочка, хотя бы половину денег не сдала в сберкассу? Как будто в то время на меня что-то нашло. Не сдала — вот и все. Так с полным узелком и поехала. Хожу по базару — да лап! Ложу — да хвать! — ощупываю, на месте ли деньги. А какой-то жулик и заметил. Кружит возле меня и кружит. «Чтоб ты, думаю, кругом света

закружился». Ходил он, ходил, да как рванет за веревочку — пропал поросенок! Из души выхватил… Рванул, сатанюка, думала, что и пуп оторвет…

— Ох, голубонька, правда ваша! Правда, нащупают, окаянные. Нащупают и найдут! Старший сын из Донбасса раз и второй присылал мне деньги, да продала я то то, то се. Меньшенький, Петька, и просит: «Мама, займи — отдам!» — «Зачем тебе, сын, деньги?» — «Куплю, говорит, вот то, что чихает…» — «Вот то, спрашиваю, что бегает и рычит?.. Не дам, говорю. Будешь мне во дворе кур пугать!» Не дала и не дала. Узлом завязала, в валенок запихнула и спрятала на печке под дерюгой. Кто же, думаю, будет летом валенки надевать? А он, нет на него погибели, взял и залез в валенок, — залез не ногой, а рукой! Спрятала баба в валенок на свою голову!..

— Слушай-ка, вчера на рассвете моя сваха появилась на пороге да на весь двор как закричит: «Люди добрые! Спасайте! Телка из кувшина выпрыгнула!»

— Тю!.. Из кувшина?

— Хоть тюкайте, хоть удивляйтесь, а я вам сущую правду говорю. Продала сваха телку. Хорошая телка была, в теле. Свахе бы те деньги и отнести в сберкассу. Так нет — положила в кувшин. Запихала и поставила в погребок, между сметаной и молоком. А он, видать, распроклятый, вынюхивал сметану, а нанюхал телку… За хвост — да наутек.

Симпатичный сосед отозвался:

— А я, чтобы никаких сомнений не было, чуть только копейка завелась — туда ее, в сберкассу. Чтобы не случилось, как с тем: «Ты бы так прятал, как я прятал…»

* * *

Так вот мы и говорим:

— Храните деньги в сберкассе. Удобно, надежно, выгодно!

ГАЛУШКИ

Петру Иосифовичу Колеснику — с почтением

Полтавскую галушку так просто не проглотишь. Ели мы галушки — как бы вам сказать — молитвенно.

Что это была за церемония такая, спрашиваете?

А вот какая: наварит, бывало, нам мама галушек в казане, садимся мы вокруг стола и жмем. Жали так — острую палочку загоняли в галушку, а ложкой хлебали юшку.

Казан облепляло подходящее звено — четырнадцать ртов.

Парадом командовал отец. Он брал в руки самодельную деревянную ложку и этим хлестким инструментом очень проворных к галушкам приводил в сознание, профилактично по очереди щелкая и хлопая по голове.

Особенно эта щелкалка щедро ходила по нашим лбам в праздники.

В праздничный день отец становился в красном углу и торжественно читал свою любимую «Верую во единого…». Громко читал.

— «Верую во единого бога-отца, видимым же всем и невидимым…» Ты чего ерзаешь? — Хрясь! — «…и во единого господа, Иисуса Христа, сына божьего…» Черт тебя разъерзал! — Хвать! — «…единородного, иже отца рожденного…» Тебе куда — на двор? «…Свет от света, бога истины от бога истины, рожденна, несотворенна, единосуща…» Как только молитву читать, так его черти на двор несут! «…Нас ради, человек, и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от духа святого и Марии-девы вочеловечшася…» Настя! Поведи на двор, а то еще за столом наделает!.. «…Распятого же за нас и страдавша, и погребенна….» Настя! Не веди на двор, поставь возле помойницы! «…И восшедшего на небеса…» Ты сопли вытри! «…И седяща одесную отца!» Слышишь — вытри. А то как терану, так одесную и сядешь! «…И паки грядущего со славою судити живых и мертвых…» Настя! Смотри, штаны расстегни! «…Его же царствию не буде конца. Исповедую единокрещение во оставление грехов…» Компот, компот с пола убери! «…Чаю воскресения мертвых…» Убери, убери, а то еще в компот напустит! «…И жизни будущего века…»

Далее шел «аминь», но перед окончанием молитвы господней отец подступал ко мне ближе и своей ложкой по моей голове делал дважды вот так — хлоп-хлоп!

— За что, отец?

— Знаешь, за что… Вон вверху, над тобой, преподобные ангелы летают, а ты им неподобный дух пускаешь. Понял?

И только тогда провозглашал «аминь».

«ПАРОДИЙНЫЕ КУРЫ…»

Молодой баснописец написал коротенькую басню про вора Хоря:

Как ночь, так и беда —
Двух курочек в курятнике не хватает…

Басню напечатали в газете. Утром звонок. Звонят из районного учреждения:

— Вы писали? Ваша басня?

— Моя.

— Просим вас пожаловать к нам.

Автор пришел. Сел. А ему вежливенько:

— Будьте любезны, опишите обстоятельно: имя и отчество Хоря, где живет, где его нора, какие спиртные напитки употребляет, одну или две жены имеет, курит ли папиросы или, может, курил? Случайно не он ли в субботу магазин сельпо поджег? Когда он хватал кур, кто ему помогал?

— Простите! Вы, очевидно, басню поняли буквально? Имя моего Хоря аллегорическое. Я пародийно намекаю…

— Ага-га!.. Ясно. Понятно… Вы, значит, намекаете, что в нашем районе есть пародийные куры и пародийные воры?

— Кто знает, может, воров и нет. Басня написана в манере Эзопа, широко известного всей области.

— Ах, Эзопа? Так, говорите, он уже работает в областном центре? Тогда простите! Простите, что мы вас побеспокоили…

КАК РАСПОЗНАТЬ МОШЕННИКОВ

За охотничьим завтраком Федор Федорович хвалился:

— Черта с два меня обведут! Иному кивнули, моргнули — готово! Вокруг пальца обвели. А меня — нет. Что нет, то нет… Мой барометр вот здесь! Сердцем чую — мошенник! По глазам вижу — проходимец! Авантюру, боже сохрани, никто не подсунет…

В кабинете по телефону он уверял:

— Может, может… Не ручаюсь… Бывает, что и подпишешь… Но чтобы такое подсунули — нет! Уверяю тебя, я мошенника по одежде распознаю. Гляну — пройдоха! Сгинь, падаль! Так, говоришь, подсунули? А много?.. Ой-ой! Вот так рванули! Вот так хапнули! Не узнаешь, какой дурень фактуру подписал?.. Выясняют… Да! Перепадет слепцу!

Ожидая, когда же закончится начальственная похвальба, главбух минут десять мялся. Наконец вкрадчиво спросил Федора Федоровича:

— Вы какой птице фактуру подмахнули?

— Как какой?

— Припомните, я вам в пятницу цидульку передал: «Придет к вам от Шпака. Высокий, худощавый, белявый… Рябенькую кепку носит и штаны в полоску. Знайте — это босяк, мот, фактуру не подписывайте».

— У меня такого босяка — штаны в полоску и рябая кепка — от Шлака не было.

— А кто был?

— Приходил вежливый, корректный… Элегантно одетый, шляпа велюровая. Пенсне золотое.

— Высокий?

— Высокий.

— Худощавый?

— Худощавый.

— Белявый?

— Белявый.

В кабинете наступила безмолвная тишина.

КОТЫ И КОШАЧЬИ ХВОСТЫ…

Кот — домашнее животное. Основная профессия кота — ловить мышей.

Это из теории… Из энциклопедии…

Из домашней практики другое: по «совмещению» профессий кот ловит сало, жареную печенку, пирожки, вареники. А если на близкой дистанции висит колбаса, и колбасу не обойдет — подберет….

Все перечисленные вкусные кушанья кот-лакомка запивает не менее калорийным раствором — сметаной, молоком.

Уксус, хлебный квас кот принципиально не пьет. Понюхает и моментально отвернет морду — неподходящее блюдо.

Порой кот хватает творог, недожаренную печенку. Но это в отдельных случаях — когда толстенькая, коренастая тетушка поучает хорошенькую, опрятненькую соседку:

— Оксана! А где ваша Марийка?

— Утром в детсадик отвела.

— В детсадик?.. Напрасно! Я сама… Сама и присматриваю, сама и к порядку приучаю.

— Ходят слухи, что вы шлепками приучаете?

— А что же здесь плохого, если и шлепну раз-два?.. И меня родители так учили. Не слушалась, капризничала, то и по роже попадало. И что же? Слава богу, не сглазить бы, — здорова! Вчера встала на весы, так, простите, и пружина не выдержала, лопнула!

— Нет, нет, Алла Никитична! Ваша рука неправдивая. Деток надо учить терпеливо. Морально влиять…

— А я морально и влияю… Терпеливо надаю и по губам, терпеливо отхлещу и по щекам… Выдеру — и не узнаете ребенка! Как будто подменили… Как три бабы пошептали…

Воспитательный разговор на этом пункте заканчивался, наступал конец и недожаренной печенке: во время интимной беседы котище до крошки смолотил всю печенку.

Вы думаете, шкодливому коту попало?

Где там! У толстеньких, коренастеньких коты живут на льготных условиях. Без прописки на мягком диване и днюют и ночуют.

Признаюсь — выпестовал и я одного такого здоровенного кота. Вырастил и сказал: «Лови мышей!» А он, клятый, и усом не повел. На теплом месте лежит да мурлычет.

Вместо кота я ловил мышей. Поймаю мышеловкой и угощаю. Хватает!..

И до того этот кот привык: хлопнет мышеловка — мяукает.

На всю хату кричит: почему я ему очередной мыши не поймал?

Вечерком мне как-то и говорят:

— Вы здесь свежим воздухом дышите, а ваш кот за столом ужинает.

— Да ну?..

— Ей-богу, ложкой ест!

. . . . . .

Хапугам и ворам ленивый кот — правая рука. Все кооперативно-торговые грехи на кошачью породу валят. В актах черным по белому выводят:

«Потеряв совесть, рыжий кот целую ночь непробудно спал. Пользуясь тем, что раззява сладко храпел, распроклятые мыши в магазине натворили непоправимой беды. Прилагаем реестр убытков: а) с подошвами слопали четыре пары модных туфель; б) с обручами съели бочку сала; в) в нору затащили два мешка риса; г) из тридцати колбасных килограммов грызуны оставили только два вещественных доказательства — короткое воспоминание и длинный шнурок.

Зато мы не дремали, соню-зеваку тяжело покарали. Кота запихнули в мешок и перевезли на тарантасе в самый отдаленный магазин. Пусть там искупает вину — усиливает борьбу с мышами».

Согласовали, значит, и оттарабанили, еще и на мешке рекомендательную надпись сделали: «Сала не гребет, водки не пьет, не спит, не храпит, не дремлет, бдительно кооперативные колбасы охраняет».

. . . . . .

Честное слово, есть такие коты, что их в торговой сети из магазина в магазин «для пользы службы» в мешке перебрасывают…

Да разве только в торговой сети?

Коты не только вот так сторожат, но еще и вещают, пророчат…

Сообщаем две приметы.

Первая примета: мурлычет, мяукает и стремглав бросается под ноги хозяину — неприятная новость. Какого-то незваного гостя черти принесут.

Вторая примета: не мурлычет и не мяукает, а с разгона хозяйке к ногам прыгает — приятная новость. Ангелы дорогую куму на крыльях несут.

Гостеприимная хозяйка и туда и сюда, и то и се, и студень на стол.

Выбежала хозяйка уважаемую гостью встречать, возвращается — нет ни кумы, ни кота, ни студня.

Тогда в хате подымается крик:

— Вот наколдовал! Вот навещал! Чтоб тебя разорвало! Весь студень слопал!

Коты сильно влияют и на психику людскую. Приходит муж домой, а жена и спрашивает:

— Что это ты, Вова, такой бледный?

— А то, что кот дорогу перебежал.

— Вовочка, а ты уверен, что кот? Может, тебе дорогу перебежала кошка?

— Люсенька, разве ночью разберешь — кот или кошка?

— Я бы разобрала!..

— Как же ты распознала бы? Разве станешь догонять и в зубы засматривать — киса или кисун!

— Почему в зубы? По хвосту узнавай. Ночью коты носят хвосты вверх, а кошки еще выше — трубой!

— Люся, ты, ей-богу, о каком-то суеверии болтаешь! Какое это имеет значение — кот или кошка?

— Вовик! Не говори так… Ничего нет худшего, если кошка дорогу перебежит. Разве тебе тяжело было присмотреться?

— Ерунда!

— Вовонька! Не ерунда. В нашем деле надо внимательнее к хвостам присматриваться. Припомни тот вечер, когда я от тебя несла две чернобурки. Несу, а на повороте черная кошка только шмыг! Я так и присела. «Господи! — вскрикнула. — Открой мне глаза — кошка или кот? Если кот — следят. Если кошка — выследили. Пронюхали!» Оглянулась — да бегом, бегом… Два квартала бежала, расспрашивала. Дозналась. Слава богу — кот! Еще два квартала стрекача дала, и вспомни, какую хорошую цену твоя Люсенька тогда за чернобурки взяла, Правда, хорошо сбыла? Поцелуй, Вовик, свою Люську. Я знала, что тебе какая-то зверюка дорогу перебежит. Я ведь весь крепдешин в разборном диване до ниточки припрятала…

Вова и Люся целуются. Нашли точку опоры — кошачий хвост!

Сны о котах лучше всего отгадывают святые провидцы.

— Реки, Лука, какое тебе наваждение снилось?

— Черный кот снился.

— Бесовский сон! Черных котов Ной и в ковчег не пускал — лукавая скотина! Говори.

— Смотрю, а он пшеницу лапами подгребает и по нужде зерно оскверняет…

— Сатана еси явился к тебе, Лука. Оскверненные зерна продай, а деньги на алтарь христолюбивой пастве сдай.

— Так пшеница заработанная! Мне и старухе дали на

трудодни.

— Трудодни — суета земная! Всевышний трудодней не приемлет. Брат! Советую — скорее загоняй нечестивые злаки. Повествуй!..

— Я за дубину — и на кота: «Тю! Свят-свят!.. Га-ла-ла!.. Сгинь, сатана!». Кот прыгнул, да куда — в курятник! Всполошил бедных кур, криком кричали.

Провидец теребил бороду и качал головой.

— Ай-яй-яй!.. Окаянный кот! Дьявольскую силу в кур вселял. Не теряй времени — кур передай отцу Иллариону. Он святым кропилом благословят блудных пташек на тайную вечерю. Что же нечестивый вытворял?

— Ох и вытворял! Ох и выпендривался! Обнюхал каблуки моих сапог, вытаращил глаза и сел сверху на голенища. «Куда же ты сел?» — кричу. «Да воскреснет бог…» — читаю. Сидит. Тогда я начал читать с другого конца: «Так тебя и перетак! Да расточатся врази твоя!» Помогло, слез.

— Худо, Лука, худо! Отдай сапоги мне, брату твоему во Христе! В рай небесный тебя и босого пропустят.

— Вам мои сапоги? Мою премию? Отче! Я вам лучше наяву эту фигуру поднесу! Нюхайте! Простите! До свидания!

. . . . . .

Вот такие бывают на свете коты и кошачьи хвосты!

«НЕ ИГРАЙТЕ НА НЕРВАХ!..»

Прекрасная пора — солнечное утро. Чудесен и утренний ветерок. Веет-повевает и зеленые веточки, как зыбку, качает.

Радостно, трепетно шепчет молодой лист.

Пожелтевший лист кружит, скачет, — вихрем его гонит, а он упирается.

Да лети же, не останавливайся! Свежие ветры подгонят, все равно занесут в канаву!

Но и резкий ветер не смог сорвать пожелтевший листок. Уцелел он на сухой ветке.

Вот на этой-то ветке и примостился наш герой, охваченный одной мечтой — увидеть муху-цокотуху…

На краю, у самого кончика листочка, пристроилась зелененькая тоненькая мушка. Крученая да верченая… Цокотала, лапками дрыгала и подведенными глазками туда-сюда водила.

На остальной его территории расположилась муха диаметром посолиднее. Чернющая, толстющая…

Разложив свои манатки, толстенная муха хлопала в ладоши и громко выкрикивала:

— Молчи! Не говори! Знаю я этих женихов… Прохвосты! Говоришь, и этот шалопут бросил?

— Бросил, Спиридоновна, бросил. Без вести пропал. Он в одну щелочку шмыгнул, а я, неглупая, в другую щель да другого комара приняла… Старенького, добренького…

— Вот живодер! Такую молодую завлекательную женщину бросил! Чтоб его бросало да подбрасывало до самой могилы! Говори, говори же, как он из тебя жилы тянул, как он твою душу выматывал? И кто только тебя до этой беды довел?

— Меня, Спиридоновна, родные тетушки сбили с толку. Сватали — говорили: «Он тебе и принесет, он тебе и привезет… Не теряй времени, бросайся комару на шею». Я сдуру и бросилась… Так он мне и принес, и привез. Бил, колотил да день и ночь пил…

— А чтобы он сам кровью изошел! Вот ироды! Говори дальше.

— Вот так душу мотал да все шику-моды требовал… Губы мажь, нос крась и парижские фасоны перенимай: взлохмачивай на голове кобылий хвост!

— О господи! Светопреставление!.. На такое диво пошли! Из мухи кобылу сделали! А где же ты, голубушка, на свои нежные губки краску взяла? Я весь базар избегала — метут. Сурик и тот замели… Наступает пасха, яички надо красить… Слава всевышнему, есть еще комары, что не забыли бога, они и

христосоваться и по-православному красить яйца будут.

— Спиридоновна! Я вам из моего запаса подброшу двадцать два тюбика.

— Подбрось, голубка, подбрось. А старенький комарик — как он, не пьет, не бьет?

— Этот комар — ангел! Лежу и ни за холодную воду не берусь. Встанет, сам подметет, сам приберет… Еще и вежливо спросит: «Мусенька! Чем бы нам позавтракать? Покажи, в каком углу кислятинка стоит». Греха, Спиридоновна, перед тобой не буду таить, люблю красоту. Люблю лежа в зеркало смотреть на себя, любоваться. Так я не рукой, а ногой показываю. Высуну из-под одеяла правую ножку и показываю: вот там бурдятина! Высуну левую: а вот там кислятина! Лопай!

— Ох, голубушка! Ох, сестрица!.. Наградил тебя господь бог умом. Так им, паразитам, и нужно! Так им, разбойникам!.. Пусть знают!.. Пусть понимают, как на свете жить! А то ты ему и навари, ты ему и напеки, и постель постели. А он наелся, напился… И, чтоб его гром небесный убил, к другой мухе, бездельник, подался… Не верь, голубушка, не верь комарам! Не верь ни молодым, ни старым… Все они собаки!

— Э, нет, Спиридоновна, нет! Не говори. Этот комар — душа. Угождает мушеньке — куда там!.. Ублажает да во всякие хорошие, тепленькие места свою женушку проталкивает. То на базу, то в кассу…

— Извини, голубка, извини. Может, я и не то слово ляпнула. Расскажи, как он тебе угождал, как тебя уму-разуму учил?

— «Хочешь, говорит, муся-дуся, роскошничать? Хочешь доверие испытать — пиши! Пиши, не жалей чернил!». — «Про что, спрашиваю, писать? Про какие мудрости сочинять?» — «Балансируй, говорит, перед начальством крылышками, шепчи и пиши: «Не тот…», «Не такой…», «Такой-сякой»…» Как только усвоила я эту мудрость, сразу повеселела… Ей-богу! Настращала!.. Начали мухи бояться меня… Лечу по коридору, а они от меня, как от чумной, кто куда! Убегают… Конечно, пробовали и на меня писать: «Кому муха шепчет в ухо?» Так я же не промах. Сажусь и на машинке выстукиваю. Цок — коллегии… Цок — комиссии. Цок-цок — подкомиссии… Кому я писала? Кому я шептала? На кого клепала?.. Проверили — рука не моя. Слышишь, Спиридоновна, — не моя! Все бумажки составлял и руку свою прикладывал комарик! А муха чиста-чистехонька…

— Ох, моя ты правдоокая! Сам бог послал мне такую советчицу! Черкни, голубушка, на двух моих заклятых врагов. Оглуши их, анафемских, под псевдонимом… Не секрет, я варю…. Варю на совесть. Кто хлебнет — чихает. Двуствольно чихает…

Огненная продукция, до самого нутра доходит… Правда же! Ей-богу, правда. Так вот я сварила, вскипятила и побежала к проходной на благовещение. Стою угощаю… Мне ведь все равно, кто православный, а кто неправославный. Выпьет, десяточку сунет, — значит, нашей веры… А этот ваш долговязый подошел к моим кошелкам — и хвать! Ты его, Муся, знаешь. Он у вас на контроле стоит…

— Ефим Ефимович? Такой, в кожаной фуражке?

— Он, он… Щупал-щупал, проклятый, и что же ты думаешь — нераспечатанную посудину нашел. «Нечестно, говорит, нечестно». И вылил, сукин сын, первачок на землю, а бутылочку конфисковал. «Куда же ты, спрашиваю, праведник, бутыль забираешь?». Холера, говорю, ому в бок, если он был когда-нибудь честным! Напиши, голубка, в самую высокую комиссию, напиши. Пиши так: это издевательство! Это разбазаривание дорогого продукта… Пусть оплатят трудоднями. Я три дня и три ночи варила.

— Три ночи не спала? Это ж, Спиридоновна, сверхурочная работа!

— Правду говоришь, голубка, ей-богу, сверхурочная… Не дремала и не спала, по каплям собирала… Записывай и другой случай. Несу я на вербное воскресенье ведро… Кто бы мог подумать, что несу в подойнике вербное удовольствие? Нашлись же такие, что подумали. Попался один такой окаянный. Тот, что учит: «Не пейте… Не курите… Не сорите…» Он в том учреждении работает, где и ты.

— Семен Семенович?

— Да, да… Взял подойник и нюхает. «Не будь, говорю, тем, чем твой отец был. Не нюхай, а наклоняй и пей. Вот тогда она и полезна…» — «Я, отвечает, этого стрихнина не пью!» Позвал понятых и забрал меня вместе с подойником. Я в крик: «Где же правда?» А они отвечают: «Мы по правде делаем. Портить свеклу не позволим!» — «Господи! — кричу. — Чтоб вас столбняком выправило, как вы по правде делаете! Праздничное удовольствие забираете!» Черкни, голубка, в свою дистанцию — обижают мухучернуху!

— Я, Спиридоновна, в той дистанции не работаю.

— Почему же ты там не работаешь?

— За нервность сняли. Очень я унеррвенная стала. Я утром то волосы в порядок приведу, то брови наведу, прихожу, а посетителей — полным-полно. Тому это, тому то… Третьему пятое, четвертому десятое. Ты им расскажешь, ты им в рот положишь. По буквам прочитаешь: «ЦНУ направило в МНУ… А МНУ написало письмо в ЦНУ: угодили или ни тпру ни ну?

Понятно?» — «Нам, отвечают, не много надо — стекла вставить». — «Говорят вам, прием закончен!»

Стоят. Так я как закричу на всю приемную: «Не играйте на нервах!..»

Крикнула тоненькая, зелененькая да от собственного крика и шлепнулась на землю. Чернющая, толстющая схватила свои манатки — и наутек.

Но ее по запаху узнали:

— Спиридоновна! Куда?

Толстющая завопила:

— Не трогайте меня, гром вас убьет!

А понятые:

— Мы грома, Спиридоновна, не боимся. А зла людям не делай — зелье не вари!

ВЫ ПРИБЫЛИ НА ФЕРМУ

Чудесная колхозная природа. А какой душистый, чистый воздух — аромат! Озон! Дышишь, и дышать хочется. Как говорила моя тетка Явдоха: «И еще б дышала, да некогда».

Значит, вы прибыли на ферму. Доярки вам и рассказали — поделились чудным и смешным.

…Доярка Оксана от хороших коров перешла к плохоньким. Заявления не подавала и резолюции не ждала.

Взяла без резолюции и перешла.

Начала «отсталых» коров кормить, поить и ласково за ними присматривать. И «отсталые» коровы поправились. Стали хорошими коровами.

По удою молока доярка Оксана снова передовых подруг догнала и перегнала.

Вот здесь-то и вплелось то смешное, то удивительное.

Хорошие руководители с хорошими, пожалуй, и мыслями зачастили в автомашинах на ферму, начали к Оксане наезжать.

Подкатит человек на колесах, снимет шляпу и спрашивает:

— А где же ваша славная доярка Оксана?

— Доярка Оксана? — переспрашивают. — Она там, там… Вон! Коров доит…

— Будьте любезны, позовите! Позвала.

— Здравствуйте! Будем знакомы. Вы — украшение колхозных степей. Садитесь, поговорим.

Уехал один, приехал второй, просит:

— Позовите.

Позвали.

— Здравствуйте! Вы — красота степная! Садитесь, поговорим!

Третий, четвертый, пятый… Зовут да все спрашивают:

— А окна у вас застеклили?..

— А новую кровать приобрели?..

— А рано ли поднимаетесь? А пьете ли парное молоко?

За хорошими руководителями и хорошие фотокорреспонденты нагрянули. Фотографируют коров анфас, в профиль, фотографируют и с тыла.

Просят — подержите хвост (чтобы ваша корова не стегнула хвостом по лицу).

В газете появилось фото — одно, другое… С надписями: «Принцесса легла», «Принцесса жвачку жует»…

Внизу, под фото, обстоятельная производственная аннотация:

«Фуражная корова Принцесса. Рекордно доится на

все четыре дойки. Дала молока пять тысяч литров. В следующем году обещает дать шесть тысяч. Берите пример!..»

Фото не маленькое, фото светленькое. Четко обрисованы копыта, ноги, рога… Вымя снято крупным планом. Мол, смотрите, люди добрые, какое упругое вымя, — божьей росой коровка напрягла!

А вон там, вдали, в самом уголке широкого фото, маячил белый платочек.

Кроссвордный платок: кто? Свинарка Татьяна или доярка Оксана?

Ласковые, теплые вызовы породили на ферме химерную присказку: «Стали коровы худеть, стали меньше молока давать!».

— Что же вы, голубушка, на мель сели?

— Эх, дорогуша, хорошо кормили, хорошо присматривали и подкачали…

Спустя некоторое время на колесах и указания подкатили — изучить!

Изучить, почему уменьшились удои молока.

Просили заполнить незаполненные параграфы: а) когда сильнее корова ревет — утром или вечером; б) установить, над какими сортами трав корова больше всего задумывается; в) проанализировать, почему задний левый сосок оскудел — легонький стал.

Кто-то на районных указаниях наискось шутливо начертал:

«Причина простая — от излишних посещений тугой сосок увял».

Говорят, шутливая надпись помогла — вызовы прекратились.

Веселее стало доярке, ожили и коровы. Удои молока с каждым днем стали расти.

. . . . . .

Мораль: в колхозы не наезжайте, а помогать приезжайте.

ЗА СОСОК ДЕРГАТЬ НАДО ЛАСКОВО

1

Так вот и мы говорим: пусть наши славные доярки знают, изучают и никогда не забывают, как когда-то доили.

В юности своей я в науках плохо разбирался. Мои знания, скажем, в животноводстве я впервые почерпнул от отца.

— Сашка! Пожалуй, сегодня ты в школу не пойдешь. Поведешь корову к бугаю…

Теперь о доении. Корову у нас доила старшая сестра. Девушка. Прибежит с поля — и куда? На улицу. На бревна.

Немного попоет, немного попрыгает. И то радость.

Мама, бывало, и говорит:

— Доченька, не спеши. Возьми подойник, подои корову. А потом хоть в камыш прыгай!

Убежит сестра, погуляет. Прибежит домой. Мама дверь открывает и грустно укоряет:

— Ходи, ходи… Бегай, бегай… Добегаешься… Узнает отец — он с тебя три шкуры спустит!

Услыхав эти удивительные слова, я ощупывал себя, исследовал: в самом ли деле господь бог людям по три шкуры выделил? Ощупывал-ощупывал и пришел к выводу: пожалуй, всевышний парней обидел — одну шкуру натянул на них. А женщин, очевидно, более щедро одарил: по три, а может, и больше каждой выделил. Ведь по соседству не раз слыхал:

— Спиридон со своей жены каждый день шкуру спускает. И сегодня чересседельником полосовал…

— За что? Сдурел, что ли?

— Есть за что!.. Забыла жена теленку ежика на морду нацепить. Теленок и высосал молоко.

— Но разве ж бедной женщине не забьют голову? Ведь у нее же и цыплята, и утята, и поросенок, и теленок… Истопи да навари… Еще и его, черта рябого, приласкай…

Вот такое это было доение.

2

Знаю — коровы доятся. А есть такие, что не доятся. Один председатель колхоза, показывая кнутовищем на стадо телок, пояснил мне:

— То!.. То яловые. Не доятся. Но я и мой заместитель спать не будем, а добьемся — будут доиться.

Некоторые мои товарищи почему-то сравнивают доение с птицеводством. Снесет курица яйцо и кричит: «Куд-куда! Яйцо снесла, забирайте!».

Так вот они представляют себе доение так: приходит корова к чану, ревет, а молоко в чан течет.

Попытаюсь этим хорошим товарищам элементарно рассказать. Попробую рассеять их неверное представление.

Делается это дело проще. Берут подойник, подходят к корове, садятся, ведерко под вымя подставляют и дергают за сосок.

Дергать надо ласково, нежно:

— Мань, Мань… Стой, стой!.. Я же тебя хорошо кормила, я же тебя хорошо поила. Стой, голубушка!

Ласковое отношение очень способствует высоким удоям. Молоко течет щедрее.

— А почему, — спрашивают меня, — вон-вон у той молоко плохо бежит?

Скажу. Выслушайте, почему…

— Кормили?

— Да!.. Паслась…

— Поили?

— Да!.. Пила…

После такого неопределенного — пила ли, ела ли — садятся доить и сердито кричат:

— Стой! Да стой, чтобы ты окаменела!

И потом возмущаются:

— Смотрите! Смотрите, как напрягла вымя! Это не корова, это какая-то сатана. Посмотрите! Ей-богу, поглядите — полведра дала.

3

Не помогают развитию животноводства и вот такие выступления:

— Мы достигли!.. Достигли конструктивно! Раньше коровы жевали и не облизывались. Применив правильную организацию кормов, мы сделали скачок вперед! Теперь коровы жуют и облизываются!..

На удои молока негативно влияют и сухие палки. Это когда палкой под ребро подпихивают и по поджилкам толкают…

Особенно коровы «стесняются», когда силос только матерщиной заготавливают… Сердятся, брыкаются и копытами

подбрасывают. Ну никак коровы не любят брани.

Вместо брани требуют зеленого силоса, комбинированных кормов и чтобы в коровниках по дырищам завируха не гудела.

Не выдерживают дойные коровы собачьего холода.

Даже мне как-то довелось заступиться:

— Молочко же дает. А вы: «Гей, чтобы тебя волки съели!».

Возражают:

— Крикнешь: «Гей!», — ей-богу, идет как мертвая. А крикнешь: «Да гей!». И, значит, гейкнешь, как надо… Бежит, окаянная…

— А на пастухов отчего вы вот так и переэтак?

— Спрашиваете — отчего? Есть же такие злодеи, что хорошего слова не понимают. А пошлешь разок… смотришь, человек и образумится… Зашевелится… Да!..

И мы говорим — да! С такой «словесностью» кончать пора!

4

Чудесных доярок вырастило цветущее колхозное село. Их тысячи! Их сотни тысяч! Образованных, культурных, гордых и… храбрых.

Мне в одном колхозе рассказывали. Во время оккупации плюгавый эсэсовец требовал от молодой колхозницы:

— Млека… Млека…

Храбрая доярка плеснула ему в надменную рожу густой кислятины. Надела на голову ведро, а сверху погладила увесистой дубиной.

Словом, победоносный эсэсовец напился по самую завязку…

ПРИВЕТ ТЕБЕ, МОСКВА, ПРИВЕТ!

1

Припоминаю… Пламенные годы воскрешаются… Бурно на площади. Кипит, клокочет село — кого в Москву делегатом избрать? Кого посланцем к великому Ленину направить?

— Деда Дениса! — чабаны крикнули. — Дениса Онуфриевича Запару! Он знает, где правда, а где кривда. Он сорок лет гнул спину на панской стерне!

А националистические шептуны:

— Дед Денис! Куда вы едете? В Москву? Свят-свят!.. Перекреститесь и не рыпайтесь. Вас же там в котел бросят, ей-богу, схватят за ноги — и бу-бух вниз головой. Только вы сойдете на Курском вокзале, а там вашего брата уже ждет глубокая посудина. Слева стоят чаны, справа — котлы. Женщин бросают в чан, мужчин — в казан.

А пожилая симпатичная тетка Килина на все это не обращает внимания и к своему старику обращается:

— Денис! Ты же едешь к людям, в Москву едешь, Надень, голубчик, новые штаны. Побрейся, помойся…

Дед Запара усмехнулся:

— Разве ты, старуха, не слышишь, что гинтелигенция шепчет — в котел будут бросать? Так пусть бросают небритого и немытого…

2

Приехав из Москвы, дед Запара рассказывал:

— Вот я приехал в Москву. Посмотрели мой документ — и сразу в Кремль, к самому Ленину.

Владимир Ильич, наверное, все дела отложил, а меня принял. Взял за руки и посадил рядом с собой.

Принимал Ильич у себя дома. Как раз Надежда Константиновна варила кофе и пекла лепешки.

Владимир Ильич усадил меня в кресло и начал спрашивать да расспрашивать.

— Как в вашем селе? Всю ли землю отобрали у помещиков?

— Всю, — говорю, — отобрали, всю. Сила же народная! Весь мир пошел за большевиками.

— А комитет бедноты есть, организовали?

— А как же! — говорю. — Вот же меня комитет бедноты и направил в Москву.

Долго расспрашивал Владимир Ильич, а потом пригласил на завтрак.

— Прошу к столу, — говорит. — Выпейте с нами кофейку.

— Спасибо, — говорю, — спасибо. Я из дома и своего припаса захватил.

Вынул из мешочка паляницу, сало и говорю:

— Давайте и это мое в гурт, на стол.

Владимир Ильич, увидев паляницу и сало, даже плечами пожал.

— Такой хлеб у вас все едят? — спрашивает.

— Чтобы без вранья, — говорю, — считайте, почти все.

— А бедняки?

— Да такие паляницы уже и беднота начала печь. Ведь мы у помещиков и землю, и инвентарь, и весь хлеб из амбаров забрали. Тысячи пудов они гноили, пропадал хлеб, чтобы только людям не давать. Но вот перед моим отъездом наше село сто подвод с хлебом на вокзал отправило. Рабочим Москвы полтавчане гостинец повезли.

Ленин усмехнулся.

— Значит, жизнь в украинском селе поднимается, растет. Вы только, когда поедете, передайте крестьянам мой сердечный привет и пожелания: школы, клубы стройте! Знания нам нужны. Образование и культура!

3

Ожесточенная борьба продолжалась. Бесились враги.

Одетые в англо-американские мундиры, глухой ночью в село ворвались белогвардейцы.

Вожака сельской бедноты Дениса Запару схватили и повели в степь. Повели на месть, на расправу.

Стоит Запара, стоит среди степи широкой. Стоит, как Прометей, как запорожец, окруженный ханами-панами.

Мужественно в лицо палачам бросил:

— Разбойники вы плюгавые! Не убить вам души человеческой! Не сломить вам воли народной! С нами Москва! С нами Ленин!

Упал могучий колосс. Упал, срезанный ятаганом продажных янычар.

Упал, чтобы внуки и правнуки новую жизнь построили. Новые, вольные песни пели.

4

Какая радость — едем в Москву. Едем на Декаду украинской литературы и искусства в Москве.

В вагоне солнечное настроение. На Декаду в украинских национальных костюмах едут внуки и внучки славного деда Дениса Запары.

Едут с музыкой, с песнями. С радостью везут москвичам эстафету о расцвете украинской советской литературы и искусства.

Ну, приехали, вышли из вагонов. А нас обнимают. Цветы преподносят…

Сердечно встречали и приветствовали своих гостей.

Разместили нас в гостинице «Украина» — так назвали гостеприимные москвичи одну из лучших гостиниц столицы.

Я шутливо сказал своим землякам:

— Хлопцы и девчата! Видите, ехали-ехали и с Украины снова в «Украину» приехали!

Вечером в Доме культуры имени Ф. Э. Дзержинского мы встретились с рабочими и работницами подмосковного города Люберцы.

В нашей бригаде: Евгений Бандуренко, Яков Баш, Дмитро Белоус, Федор Залата, Юрий Мокреев, Микола Нагнибеда, Наум Тихий, Агата Турчинская, Михайло Чабанивский, Микита Шумило, Алексей Ющенко и автор этих строк.

Председательствовал наш дорогой друг, талантливый рурский поэт Александр Прокофьев.

Теплой, сердечной была эта встреча. По народному обычаю нас встречали с хлебом-солью, как и мы всегда встречаем русских братьев.

Яков Баш, принимая хлеб-соль, поцеловал хлеб-соль, а потом поцеловал и ту милую девушку, которая хлеб-соль подносила.

5

В следующий вечер сердечным теплом повеяло на нас в актовом зале танковой академии.

Больше других вниманием пользовались Павел Григорьевич Тычина и Юрий Петрович Дольд-Михайлик.

Их просто взяли в окружение…

— Вот, — говорят, — наши авторучки. Вот ваши книги. Пишите, пожалуйста, автографы.

Любят в Москве украинскую литературу и искусство, очень

любят. Любят и глубоко понимают.

Председательствующий на этой встрече писатель Аркадий Первенцев горячо заявил:

— Нас, русских писателей, всегда чаровали украинская литература, музыка, киноискусстве… Но то, что в эту Декаду украинцы привезли, превзошло все наши ожидания. Они привезли воистину величественное, прекрасное.

Скажу вам без всякого секрета: уважают москвичи и украинский юмор, и украинскую сатиру.

Уважают и от души смеются, слушая юмористические рассказы.

Я думаю, что от дружного смеха не у одного коллаборациониста под ложечкой засосало…

6

И где бы мы, украинские писатели, ни побывали, где бы мы ни выступали, всюду нас приветливо и душевно встречали. Приветливо и тепло провожали.

Незабываемые братские встречи! Вся Москва увлеченно аплодировала неувядаемому расцвету украинской литературы и искусства.

В этих приветливых и теплых встречах ярко выявилась нерушимая дружба украинского и русского народов, великая любовь к родной Коммунистической партии, к Советскому правительству.

Слушайте и глядите же, наши друзья, и радуйтесь! Слушайте же, и наши враги, если у вас, простите, уши не заложило…

КАК ВЫ — УТЕПЛИЛИСЬ?

Говорили… И говорили, и передавали — зима будет. Ей-богу, передавали — придет зима, придет холодная. Повеет завируха, закрутит вьюга.

— Как вы — утеплились? — спрашивали.

— Утепляемся! — вы отвечали. — Когда там еще зима будет… Успеем! А может, даст бог, оно и не похолодает…

А оно не послушало, взяло да и похолодало. Взяло да и повеяло. Да и закрутило…

Конечно, к слову будь сказано, есть еще такие завы, и помзавы, и председатели, и их заместители — умеют утепляться… Пусть в коровниках веет-повевает, зато в собственной хате уютно. Тихо-тихо и тепло. И на столе порядок. Завфермой пугает в хате мороз «обобществленной» чаркой.

Хорошо здоровенной чаркой морозяку пугать. Опрокинул — мороз не знает, куда и деваться. Тогда завфермой «сурьезно» выступает:

— Граждане! Чего вы кричите? Я уже утеплился!

Ну, пусть это мы выдумываем. Возьмем свое слово назад. Завфермой горяченькое молочко пьет, ручаемся — пьет! Пьет и председатель колхоза, пьют и его заместители.

А вы знаете, когда выдуешь крынку горячего молока — никакой мороз не страшен… Смело можешь на Марс лететь — не замерзнешь.

А ведь горяченькое молочко дают коровки. А эти коровки в коровниках и пьют, и едят, и доятся… А в коровниках дырки. Есть дырки, а есть и дырищи. Холодина по коровнику гуляет… И куда же ты ту правду денешь — молоко ветер выдувает.

Не верите? Поверьте: у кого в коровниках тепло, у того и молоко!

Так вот утепляйте сараи и коровники.

Утепляйте — не пожалеете.

«ДА ОНА, ИЗВИНИТЕ, В ЮБКЕ…»

1

Если бы, говорю, моя бабуся встала из могилы, она сразу бы меня спросила:

— Петро, а что это за химера с хвостом? Такое крылатое…

— То, бабуся, не химера. То самолет.

— А что он — сеет или пашет?

— Нет, он летает. На самое небо поднимается.

— О боже! На самое небо?! — вскрикнула бы моя бабуся. — А кто это возле него вертится?

— То вертится Катерина, Катруся… Ваша правнучка.

— А чего она там вертится? Не думает ли на небо лететь?

— Думает. Думает и полетит. Ей-богу, полетит. Ведь теперь, бабуся, женщины глубоко ныряют и высоко взлетают. Всюду женщины наравне с мужчинами и новую жизнь строят и хозяйством руководят.

— Скажи же, внучек, что это такое сделалось, что женщина и управляет и руководит?.. Изменения какие-то произошли, что ли?

— Большие изменения, бабуся, произошли. Великая Октябрьская революция вольную, счастливую дорогу женщинам открыла.

2

Первые революционные дни в нашем селе. Первое крестьянское собрание. Впервые и животрепещущий вопрос поставлен: выбрать женщину делегаткой на районное женское совещание.

На первом собрании первое удивительное решение вынесли:

> «Ввиду того, что в нашем селе женская сознательность еще не поднялась на должную высоту, делегаткой на женское районное совещание выбрать осведомленного в женском движении Ефима Нечипоренко…»

Прочитав решение, председательствующий сказал:

— Может, у кого будет какая-нибудь другая кандидатура, то давайте.

Пауза. Потом:

— Да какая там другая кандидатура! Ефим вполне подходит…

— Пусть Ефим едет. Если не так, то у него есть жена. Она ему пояснит, какие на совещании узлы развязывать, а какие завязывать.

А где-то от самого порога:

— Мне можно внести предложение?

— Почему же… Конечно, можно Вносите…

— Вот я стоял-стоял, слушал-слушал, да и подумал: чтобы на женском совещании никакого недоразумения не возникло, то, пожалуй, пусть Ефим сверху штанов наденет юбку…

3

Еще собрание, многолюдное, большое. Большевик матрос Самойленко снял бескозырку:

— Товарищи, я предлагаю избрать в президиум женщину из бедного сословия Олену Деркач.

Ладур, крепенький, зажиточный хозяин:

— А что это — президиум?

— Это значит — избранные вами представители будут руководить собранием.

Молчание. Тихо. Вдруг голосина:

— Да она, извините, в юбке. Как же она будет руководить?

Снова тишина, и снова голос разорвал тишину:

— Это, значит, чтобы нами правила баба? Это же форменное издевательство!..

А молодицы — га-ла-ла:

— Какое издевательство?! Что вам юбка плохого сделала — хлеба не напекла?

А председательствующий:

— Кто за то, чтобы в президиум избрать Олену Деркач?

Женщины все «за», мужчины — нет, десять — «за», остальные — «против»:

— Чтобы я да руку за женщину поднял? Чтобы, значит, мной женщина правила? Да никогда!

Нежданно-негаданно от самой печки:

— Ну и потеха!

Председательствующий:

— Позвольте? Какая потеха?

— Да как-то оно потешно… Если, говорю, мы начнем женщин во всякие президиумы выбирать, кто же тогда нам будет борщ

варить?

4

В президиум собрания избрали Олену Деркач.

Пузатый Ладур:

— Царя скинули, а Олену посадили. Баба во власть пошла. Конец света!

А по селу:

— Пойдемте посмотрим, как Олена Деркач в президиуме сидит!

— Да ну! В президиуме? Олена? Деркачиха?

— Ей-богу, Олена, ей-богу, Деркачиха. Сидит в президиуме, как королева!

5

Шли года, расцветало советское село. Расцветало и росло. Росли и люди.

В школе открытое партийное собрание. Особенное партийное собрание: впервые в нашем селе в ряды Коммунистической партии вступает женщина-крестьянка.

Председатель собрания:

— Товарищи, мы принимаем в партию женорганизатора села — Олену Павловну Деркач. Просим высказывать свои мысли и «за» и «против». Давайте, спрашивайте…

— Позвольте?

— Прошу.

— А разве в партию с детьми принимают? У Олены же их четверо…

— Принимают. Кто еще просит слова?

— Я.

— Пожалуйста, говорите…

— Скажу: Олена Деркач хорошая женщина, аккуратная. Своих деток воспитывает и за чужими присматривает. Это так. Это правда. Так вот я и думаю: может, сначала пусть Петро, ее муж, вперед бы шел, а тогда уже и Олене открыть двери в партию. Ибо что ни говорите, а она таки баба. А это же дело серьезное!

Взяла слово и старейшая женщина в селе. Мокрина Ганда:

— Люди добрые!.. И что там говорить… Олену нашу, все мы ее знаем. Знаем как облупленную. Это же она в селе переворот сделала. Издевается муж над женой, а она его за усы — не

бесчинствуй! А ясли-то кто устроил? Олена! А детский садик?.. Олена наша дорогая его организовала и украсила… Так пусть наша Олена идет в славную Коммунистическую партию. Мы, женщины, всей душой за это голосуем.

6

Как в водовороте клокотала новая, социалистическая жизнь. Спустя много лет судьба забросила меня в колхоз «Завет Ленина».

Иду по чистой, ровной улице и встречаю Петра Деркача — мужа Олены Павловны.

— Здравствуйте, — говорю. — Вы как, — спрашиваю, — очутились здесь?

— Как? Разве вы не знаете?

— Не знаю.

— Да моя жена здесь председательствует. Она — председатель колхоза, а я — бригадир!

Заглянул я к своей землячке, как говорят, непрошеным гостем. Но немного ошибся, Олена Деркач встретила меня как желанного гостя и пригласила поглядеть, как хлеба высокоурожайные колосятся, как кукуруза вверх тянется, как на щедро удобренных степях густо свекла растет.

Радуется Олена Павловна, радуются и люди, смеются и колхозные ноля.

Потому что все растет, все цветет, все буйствует…

Хочется в этот раздел вставить одну интимную деталь. Пошли, сели мы под вербами компанией. Ну, известно, появилось и сальце, и чеснок, и то, о чем говорят: «Выпьем тут, на том свете не дадут…».

Предлагают Петру Деркачу чарку — отмахивается и руками и ногами.

— Капли, — говорит, — в рот не беру.

На прощанье я и спрашиваю:

— Олена Павловна! Петро же вроде основательно закладывал. А вчера пригласили — отказался. Что? Не пьет водку, что ли?

А Олена Павловна шутит:

— Он же мой подчиненный… Так он не только водки, воды скоро не будет пить.

Училась женщина и выучилась. И мужа хорошему делу обучила.

7

Еще один раздел об этой милой, славной крестьянке.

Раскрываю газету, читаю:

> «Кандидатом в депутаты Верховного Совета УССР избиратели выдвинули Деркач Олену Павловну».

Выдвинули и единогласно избрали депутатом украинского советского парламента.

Какая это большая радость! Как высоко выросла советская женщина!

ВЕСНА — ВСЕНАРОДНАЯ КРАСА!

Весна!.. Чарующая, душистая весна! Давайте кратенько проанализируем — кто и как весенние дни встречает и как их воспринимает.

Первый наш герой — это рецензент-оптимист. Рецензент-оптимист радостно весну встречает, с подъемом. От его рецензии всегда веет искренним оптимизмом. Он вдохновенно пишет:

> «Книга новелл «Весна пришла» воистину дышит нежным дыханием весны. Каждая страничка читателя радует цветами — петушками, любистками, васильками.
>
> Читатель может радоваться: на книжную полку прорвалась в самом деле солнечно-весенне-цветочно-душистая книга.
>
> Разве это не творческое достижение: в каждой новелле синеют синие степные васильки! И не только синеют, но и зеленеют, буйно растут и расцветают. Давно мы таких любимых цветов не нюхали. Спасибо автору, он в своих многотиражных новеллах от души призывает — нюхайте! Сам понюхал — дай соседу, пусть и он в новеллистическую прозу нос воткнет и нюхает.
>
> Это наши рецензентские розы, но мы должны автору подсунуть и литературоведческие тернии!.. Зачем автор в розовые цветы сунул лохматый стебель донника?
>
> Донник, как известно, растение негативное. Лучше бы уж пусть в новелле «Коло млына, коло броду», рос молочай! Молочай начали употреблять от куриной слепоты…
>
> …Завершая нашу доступную и школьному возрасту литературную монографию, говорим: книгу новелл «Весна пришла» можно читать не только дома, на кушетке, или в Парке культуры и отдыха, но и лежа на мягкой, шелковистой траве.
>
> Положив книгу под голову, требовательный читатель, озаренный весенним солнцем, начнет мечтать. О, наш дотошный читатель умеет мечтать и знает, о чем мечтать!..
>
> Удобно положив голову на книгу весенних новелл, читатель долго и терпеливо будет мечтать о тех досадно пропущенных компонентах, которые, к большому сожалению, автор не раскрыл в книге «Весна пришла».

…Другой, наш не менее славный герой — это рецензент-пессимист. Рецензент такого теоретического направления свою рецензию начинает так:

> «Взяли мы в руки только что изданную, скажем яснее, весомую книгу «Весна пришла». Взяли, говорим, в руки и, стиснув зубы, прочитали до конца. Подчеркиваем, терпеливо читали и, не станем лукавить, сопели, кряхтели и грустно качали головой. Качали и возмущались: «Караул!» Право же, в книге не слышно современной бурной весны! Не видно и современного весеннего искрометного смеха.
>
> Смех есть, но он вселился в самого автора. Если же у автора есть жена, то и она зычно засмеется и со смехом скажет: «Как я рада, что и тебе, мой родненький, улыбнулась счастливая тиражная весна!»
>
> Что же касается авторовой тещи, то мы уверены: современная подкованная теща в данном случае не согнет своей монолитной поясницы и не станет надувать свои розово-красные губы, а реально и правдиво вымолвит: «Вы меня проблемой «Весна пришла» не агитируйте. Сама вижу, не ослепла».

…Третья наша персона — бюрократ. Не тот бюрократ, что стандартно и нудно бубнит: «Выходи! Заходи! Закрой! Открой!»

Нет, не такого бюрократика мы на свет весенний вытаскиваем.

Мы вам рекомендуем бюрократа вежливого, тактичного, въедливого и учтивого, который говорит:

— Голубчик! Конечно, я сам вижу, что весна пришла в нашу институцию. Пташки летают, поют. Сирень под окнами растет, цветет. Но, мой ты дорогуша, мой ты миленький, не попрекай, принеси мне вот такусенькую справочку: «Сим и этим удостоверяется, что, согласно природным условиям, в наш город действительно заглянула весна. Что подписью и печатью удостоверяется…» Вот и все, мое золотко.

Так этот, простите, корректный администратор зазвал к себе в кабинет всех сотрудников и сказал:

— Я вас, товарищи, пригласил на интимный весенний разговор. Какая-то, — прости, господи, что так говорю, — невежа подсунула мне на подпись химеру.

Доверяя подчиненным работникам нашего высокоуважаемого учреждения, я с ходу тот химерный вымысел подмахнул. Сочиненная бумажка пошла в главк. Возвращая эту лучезарную писанину, главк приказал — протирайте весной глаза.

Давайте, товарищи, коллективно протирать. Прошу выслушать, какую каверзную фокусенцию мне подсунули. Слушайте:

> «Весенние нормы и лимиты на вежливость и корректность.
>
> § 1. Поцелуи. Поцелуи квалифицировать как подсобную работу. Как осушку забоя. Разряд — третий.
>
> § 2. На весенние поцелуи установить такие лимиты: а) жену целовать каждый день; б) любимую девушку — раз до киносеанса и дважды после киносеанса; в) бухгалтера — во время выдачи аванса; г) директора — тогда, когда он подпишет приказ о премиях.
>
> § 3. Просим планово-экономический отдел главка утвердить установленные нормативы».

Слыхали? Все слыхали? Прошу в дальнейшем мне весенних шуток на подпись не давать. Я вас больше не задерживаю.

…Четвертый образ — образ симпатичный. Парень, которому уже пошел двадцатый год. У него весенние глаза и кудрявые волосы.

Он идет и поет. Что-то радостное навевает ему весенний ветерок. Подошел к дому — и условно щеколдой: цок-цок-цок…

А со двора мужской голос:

— Чего бы это я ночью железякой стучал? А? И зачем это под заборами слоняться? А?

А скромный парень несмело:

— Дядя, весна же!..

— Ну и что из того, весна? Надя давно уже спит.

— Ну и пусть спит. Я разве что… Я же ничего. Я разве… Весна, а я иду и думаю: «Дай проведаю Надю. Может, думаю, Надя и не спит». А разве Надя ваша?

— А ты такой глупенький, вроде и не знаешь? А чья же? Моя дочка. А ты кто?

— Да мы с Надийкой на одном заводе работаем и в одном цехе. Ей-богу, правду говорю. Спросите Надю.

— Так, говоришь, весна?

— Эге ж, дядя, весна. Звезды как чудесно на небе сияют. Соловушка — тьох-тьох — поет.

— Ну раз говоришь — в одном цехе работаете, и звезды сияют, и соловьи поют, то заходи.

Ох и ох!.. Что только весна-красна с людьми не выделывает?!

У меня сосед токарь, Андреем звать. Молодой, красивый и высокий. Ей-богу, чтобы вам не соврать — великан.

Как-то мы в воскресенье собрались пойти в лес. Пригласили

Андрея.

Пора отправляться — нет Андрея. Сюда-туда — нет. И вдруг слышим — новость. Маленькая, чернявенькая Варя великана к речке Ворскле за руку увела.

Скажем по секрету: высокий Андрей очень любил маленькую Варю.

Вот она его, как теленка, к воде и повела.

Что значит — весна!

* * *

Известно, всем и всяким шальным и бешеным трудовая цветущая весна в нос колет.

Скачут, прыгают, бесятся:

— Весна идет!.. Весна цветет!.. А кто позволил, чтобы весна шла, чтобы весна цвела! Я же не позволял!

А весна — весна-красна — шла и идет, идет и любимыми народными цветами расцветает.

Потому что весна — всенародная краса!

* * *

Было бы непростительно, если бы я не вспомнил, как встречает весну мой уважаемый сосед, старый рабочий Мефодий Коваль. Он говорит:

— Моя весна — мой завод!

— Мефодий Осипович, — спрашиваю, — разве вы еще работаете? Вам же, наверное, годочков — о-го-го!

— Да это верно — о-го-го! Я — пенсионер. Но тянет на завод. Советы молодым даю. Прихожу на завод и всегда чувствую радостную трудовую весну.

Великую правду сказал рабочий Мефодий Коваль.

Все мы любим и горячо приветствуем светлую, трудовую первомайскую весну.

ВОТ ТАК — ПЕРЕСЕЯЛ, А ВОТ ТАК — НЕДОСЕЯЛ…

1

Спрашивают меня, как я работаю и над чем работаю.

Отвечаю — чаще всего я работаю по утрам. Встаю, умываюсь, обуваюсь и одеваюсь.

К столу сажусь одетым.

Пробовал писать раздетым — ничего путного не выходит. Творческий тонус падает.

— Почему творческий тонус падает? — допытываются. — Ведь вас же никто по голой спине не хлещет?

Разумеется, никто по спине не бьет и не хлещет. Допекает другое — холодина щиплет за пятки.

Спасая пятки, я их искусственно подогреваю. Открываю окно и начинаю спортивно прыгать. Прыгаю — даже до косяков достаю.

Прекрасно. Чудесно. И дыши гея тогда хорошо, и пишется легко. «Отогретый», окрепший, сажусь, беру перо в руки, кладу перед собой чистый лист бумаги и начинаю мыслить…

Сижу и думаю. Бывает, часа два-три думаю и думаю, а чистый лист бумаги лежит чист-чистехонек. Лежит нетронутый, неприкосновенный.

Мысли в голове снуют, а вот на бумагу не скачут…

Случаются, конечно, и урожайные утренние часы. Только положу бумажку, а мысли туда сразу — скок-скок-скок… На бумажку прыгают и рядышком ложатся. А уж как лягут, то хоть топай, хоть кричи — не встанут. Вот так крепко сплетаются и переплетаются.

Когда пишу, наклоняю голову, чтобы виднее было, что я пересеял, а что недосеял. Недосеял — качаю головой. Пересеял — дрыгаю правой ногой.

— А к чему тут правая нога? — кое-кто спрашивает.

— Э-э… Не скажите… Правая нога помогает, вдохновенно подсобляет. Дрыгает… Вот так: дрыг — пересеял! Дрыг — пересолил… Дрыг — переборщил!..

Сноровисто подрыгаешь ногой, смотришь — что-то коротенькое, но веселенькое и появилось…

Переходим к другому вопросу — над какими юморесками я работаю.

Отвечаю: герои моих рассказов уже известны читателям. Это — шептуны, лгуны… Очковтиратели, бюрократы, казнокрады, хапуги, воры, моты… Короеды, дармоеды… Попы и дьяки.

Я своим героям давненько и частенько рекомендовал и рекомендую: «Сгиньте! Да будет вам царство небесное!».

Не хотят пролазить в царство небесное. Говорят: «Нам и на грешной земле неплохо живется».

А кто же мои любимые герои?

Самые любимые мои герои — это доярки, телятницы, свинарки. Трактористы, комбайнеры…

А больше всего люблю тех, что на свекле в белых платочках голову свою трудовую склоняют, мотыжат и высоких урожаев при любой погоде достигают.

Писал о них и буду писать. Потому что люблю их и уважаю.

Скромен и воистину велик наш Герой Социалистического Труда.

Не за горами тот счастливый день, когда этот главный герой вытеснит из юморесок всякую мелкоту, хапуг, ворюг, мотюг…

Дай боже дожить до этой захватывающей радости.

И, наверное, доживу!

Буду жить и острым пером вспоминать очковтирателей. Мастаков длинным языком плести:

— А теперь перейдем к грачам-вредителям. Подобрали посеянное, склевали и пересеянное…

Из зала кричат:

— Почему вы на птиц нападаете? Вы конкретно скажите: когда сало и мед из колхозного амбара стащили — до сева или после сева?

А мастаки-врали:

— Кто там кричит? Мы серьезные дела рассматриваем…

— Так мы и спрашиваем: всю зиму грачи в поле неубранную кукурузу всерьез клевали или, может, просто так — шутили?

После такого длинного и путаного доклада голосуют.

— Максим Максимович просятся еще побыть председателем. Какие будут суждения: кто «за», кто воздержался…

И от печки, во-о-он оттуда, дядя Филипп кричит:

— Я воздержался, и вот возле меня кум Петро спит, — тоже воздержался…

Я где-то читал, что в древнем Риме таких ораторов во время доклада принуждали стоять на одной ноге. Оно и неплохо: на

одной ноге много о грачах не напоешь…

Хотя очковтиратель и здесь может втереть очки — спрячет свои ноги за трибуну. Еще и побожится, еще и клятвы начнет давать:

— Буду заботиться, радеть, беспокоиться… Буду своевременно сеять, своевременно засевать и вовремя пересевать… Выберите меня еще разок председателем.

Не выбирайте лгунов! Пусть сеют не языком, а делом!

3

Смешное и чудное, известно, и в поездках случается. Я никогда не обхожу дорожных усмешек.

Вот у нас в Полтаве много произошло изменений, чудесной стала Полтава. Похорошела, расцвела.

Все изменилось, изменилась, к слову сказать, и брань. К примеру, в Полтаве вместо: «Чтобы ты день и ночь в люльке качался!» — кричат: «Чтобы у тебя капитальный ремонт начался!..».

По дороге Полтава — Плоское, точнее — Мачухи — Плоское, дорога такая, что хоть прыгай, хоть скачи.

Довелось и автору этих строк ехать по такой «битой дороге»… Автобус — грузовое такси. Верх затянут брезентом. Задняя сторона прикрыта черной занавеской.

Лето, жара, в автобусе темным-темно, хоть глаза выколи.

Тронулись, слышу — какая-то молодица кричит:

— Куда же вы, человече добрый, садитесь? Вы же на мою юбку сели!

Вторая молодица просит:

— Откиньте, пожалуйста, занавеску. Дышать нечем!

Третья сердится:

— О боже! Такого черта придумали!

Будучи в городе, я остановился в гостинице «Украина».

Остановился и сразу схватился за «Правила внутреннего распорядка». Читаю:«Утверждено Министерством коммунального хозяйства УССР. 2 июля 1951 года».

Читаю, значит, и глазами пробегаю «Правила пользования телефонным аппаратом… § 4. Палец следует всунуть в ту дырку, в которую и рекомендуется. Сунете палец в другую дырочку — разговор не состоится».

Читаю дальше: «В гостинице жильцы не имеют права: ж) вводить в комнату животных…».

Не сказано только, каких животных — дойных или яловых?

Вы только подумайте — какому же это жильцу придет в голову вводить в комнату дойную корову?

Там же: «Не разрешается в гостиницу заносить и птиц…».

Каких птиц — перепелку, воробья, индюка или гусака? Живых или убиенных?

Эти коммунально-гостиничные распоряжения мне напомнили железнодорожные указания — я в тридцатых годах работал на Южной железной дороге. Указания оповещали: «Перевозить в вагонах кур, уток и гусей запрещено. В отдельных случаях в пригородной зоне перевозка птицы разрешается, но при условии, чтобы птицы не кричали и не гоготали».

И что вышло? Начали в вагонах перевозить птицу «конспиративно». Кур, уток и гусей незаметно прикрывали платками или в широкие полотняные штаны прятали.

Сидит себе симпатичный дедок в полотняных штанах и тихонько покрикивает:

— Сиди! Не гогочи!..

И никто ничего. Кто же догадается, кого дедусь успокаивал, на кого он вот так покрикивал?

И только перед самой Полтавой одна молодица от удивления перекрестилась и ахнула:

— Господи! Людоньки! Чего я только на своем веку не встречала, но такого дива не слыхала и не видала, чтобы из прорехи гусиная голова выглядывала! Да еще и ягоды клевала!

Вот до чего могут довести неясные путаные указания. А вы говорите — мало смеха на земле?

И ПРИСНИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ…

Припоминаю: в детстве я видел, как под Новый год мои сестры ставили в изголовье миску с водой. На миске сооружался небольшой камышовый мостик.

Значит, ставят мостик и засыпают с мыслью: какой хлопец на мостике приснится — чернявый или белявый.

Но, как это правдиво говорят, иные времена — иные песни. Иные и литературные образы.

Я, скажем, под Новый год поставил у изголовья миску с фиолетовыми чернилами. Сверху вместо камышинок пристроил две разнокалиберные авторучки.

Лег и думаю — что же приснится? И приснилось мне то, о чем я и не мечтал, — бурное заседание секции малой прозы.

Передаю почти стенографически.

Шум, гам, оживление в зале, но держат себя пристойно: курят и прячут папиросы в рукав.

Председательствующий:

— Товарищи! Друзья! Коллеги по перу! Соавторы! Объявляю — кворум секции малой прозы есть, благодаря приглашенным очеркистам и неприглашенным юмористам.

(Смех. Аплодисменты. Возгласы: «А кто их впустил? Двери же были на крючке!»)

Один из неприглашенных юмористов встал:

— Простите, каемся… Мы пробрались через черный ход.

Второй неприглашенный юморист добавил:

— Я честно говорю… Вы не думайте, что я такой-сякой… мол, по блату пролез… Признаюсь — есть у меня рука в президиуме, но, ей-богу, я вместе с другими пришел. Как я вошел? Вижу — народ. Культурная, литературная, трудящаяся масса. Вижу — идут… Идут и идут. Если, думаю, стихийно, значит, в буфет привезли кетовую икру. Если же организованно, значит, хорошая примета: начинает работать секция малой прозы.

Слышу — не ошибся, говорят об очерках. Остро, живо спорят. Один басом растерянно кричит: «Никак, говорит, не выберу места, где лучше о киево-святошинских доярках очерк писать — в Мацесте или в Одессе!».

А я прохожу вперед и сам себе думаю: «Господи! Сотвори чудо, намекни хоть словечком о юморе и сатире!»

Голоса с мест:

— Регламент! Пусть закругляется!

Председательствующий:

— Не волнуйтесь, товарищи! Вы все знаете, что на

литературных совещаниях, на конференциях и на секциях большой и малой прозы ораторы толерантно и доброжелательно о юморе и сатире всегда упоминают в двух-трех словах…

Реплика трагика:

— Жирно очень. Хватит и одного слова.

Два голоса вместе:

— Бис!.. Браво!.. Разумеется, хватит!.. Пусть устно смеются!

Один, особенно справедливый, сказал:

— Товарищи! О смехе не обязательно писать, не обязательно выступать, не обязательно полемизировать. Смешно тебе — смейся, хохочи!.. Мой близкий коллега написал комедию. И кто же смеялся? Смеялся сам автор, смеялись его соседи… У меня все. В заключение прошу председательствующего авторитетно заявить: будет ли на данном заседании что-нибудь сказано о юморе?

Председательствующий:

— Товарищи! Не волнуйтесь! Даю справку. Несмотря на отдельные пессимистические выступления — уделить смеху только одно словцо, — мы решительно заявляем: своей принципиальной позиции будем строго придерживаться и на данном этапе. Будем максимальными. Юмору и сатире великодушно подарим два, а может, и три слова. Продолжаем заседание. Напоминаю: наша повестка дня такая: творческое обсуждение книги новелл под общим названием «Посіяла огірочки…».

В книге девять новелл: «Шумлять верби в кінці греблі…», «Ой, не шуми, луже, зелений байраче…», «Ой, хмелю, мій хмелю…», «Не щебечи, соловейку, на зорі раненько…», «Тече річка невеличка…», «Розвивайся, сухий дубе…», «Ой наступає та чорна хмара…», «Не бий мене, муже…» и «Посіяла огірочки…».

Должен вас, друзья, проинформировать вот о чем: читатели буквально забросали издательство недоуменными письмами. Спрашивают, как эти новеллы читать — с конца или с начала? Говорят — во многих новеллах не разберешь, где начало, где конец.

Иные о другом допытываются: какую эпоху автор описывает?

Так вот, перед нами стоит кардинальная задача: развеять сомнение и установить художественную истину — какая эпоха изображается в новеллах и у кого автор позаимствовал оригинальный стиль: «Кахи, чернява! Ахчи, білява!» В прениях записались: Манько, Кийко, Терпужный, Жемчужный, Низенький и Высоконький…

Слово имеет Низенький. Прошу!..

Низенький:

— Позвольте… Я скажу пару слов. Я на пять минут… Я ненадолго… О главном. Я попытаюсь остановиться на конкретном факте — почему автор избегает принципиальной критики? На первом обсуждении мы спрашивали автора: откуда он взял такую норовистую кобылу?

Вот новелла «Шумлять верби в кінці греблі…». По гребле[5], насвистывая арию «Пливе човен, води повен…», на кобыле гнедой масти едет грязный, неумытый всадник.

Сразу скажу: почему автор не умоет всадника, хотя бы простым мылом?

Товарищи, где это бывало, кто это видел, чтобы человек, садясь на кобылу, не умывался?

Пусть, скажем, этот образ — образ всадника — автор подает в негативном плане. Но почему же он тогда поет чудесную народную песню «Пливе човен, води повен…»? Пусть бы он лучше пел «Зануда Манька, зачем ты задаешься…».

Тут что-то не так. Еще два слова о кобыле. Ей-ей, меня, как читателя, очень раздражает такое: почему кобыла бежит по колхозной гребле, а хвост держит трубой?

Вокруг индустриализация, а она вон как! Это — нереалистично. Пересолил автор. Скажу больше: очевидно, и кобыла ничего не знает, очевидно, и сам автор этой ситуации не представляет — почему она хвост задирает.

Я еще попрошу пять минут… Я ненадолго… Я остановлюсь лишь на одном загадочном… Надеюсь, вы мне позволите остановиться? Этого вопроса еще никто не ставил. Никто не поднимал. А я, с вашего разрешения, ставлю и поднимаю. Вот в наших баснях фигурирует основной герой — длинноухий осел.

Меня и терзают сомнения — кто кого переживет: осел басню или басня осла?

Я заканчиваю. Я прошу еще только пять минут. Мой совет автору будет такой: сократить новеллу «Шумлять верби в кінці греблі…». Как и где сократить? Первое — хвост кобылы безапелляционно отрезать. Второе — пусть всадник обязательно умывается. Пусть и зубы чистит ароматной пастой. Это я говорю, если всадник — образ современный. Если же этот образ не современный, то на кой черт нам такое дело, чтобы по современной плотине, под современными вербами ездила несовременная персона! Нам таких героев не надо. Я закончил.

(Бурные радостные аплодисменты — наконец кончил Низенький. На трибуну поднялся Высоконький.)

— Друзья! — начал Высоконький. — Я с предыдущим оратором не согласен. Почему мы нападаем на автора? Возьмите основное. Возьмите главное: новеллы написаны на современной

бумаге и современным пером.

И хотел этого автор или не хотел, а он помимо своей воли осовременил свои небольшие произведения. Вот и все.

Председательствующий:

— Слово имеет Манько. Предупреждаю: придерживайтесь регламента.

— Так! — сказал Манько и научно-исследовательским оком окинул аудиторию. — Я буду говорить с позиций филологических… Автору новелл намекают и совсем неуместно. Говорят — автор заимствует стиль и манеру письма у классиков.

Я ставлю вопрос ребром: а у кого автор должен заимствовать художественное слово? Разумеется, у классиков.

Ведь это же не муку занял, и не сито, и не ведерко — занял и не отдал. Автор позаимствовал творчески и надолго. Творчески осмыслил и творчески переработал.

Так что в критике дерзайте, но на автора так оскорбительно не нападайте.

Слово взял Терпужный:

— У меня есть замечания по новелле «Тече річка невеличка…». Мои замечания целиком литературного порядка. На странице шестой герои новеллы наклоняют подсолнечник. Автор, к сожалению, не подчеркнул, кто первым наклонил подсолнечник — герой или героиня. В новелле Ветхого завета это историческое событие описано четче, рельефнее. Первой яблоко сорвала Ева. Не сорви яблоко первой Ева, возможно, не было бы на белом свете ни автора, ни самой новеллы «Тече річка невеличка…».

Об этом я хотел сказать и на предыдущем обсуждении, но забыл.

После Терпужного выступил Жемчужный:

— Я кратенько. Я о новелле «Не бий мене, муже…». Товарищи! Никто до этого времени ее по достоинству не оценил. Я беру на себя смелость оценить это небольшое произведение. Новелла «Не бий мене, муже…» легка по теме, легка и по весу.

Новелла весит всего-навсего два грамма. Это ярко свидетельствует, что автор добился сжатого, лаконического изложения. Не гонялся легкомысленно за весом.

Председательствующий:

— Список ораторов исчерпан. Как, товарищи, подведем черту или пусть еще выступают желающие? Дадим им слово?

(Голоса: «Дадим! Актуальную тему рассматриваем. Пусть выступают!»)

Первый официально не записанный оратор:

— Мне хочется знать, кто в новелле «Посіяла огірочки…»

виноват — корректор или редактор. У автора: «У деда Пимена расстегнулась мотня»…» Кто-то исправил: «У деда Пимена расстегнулась мантия…»

Разве можно спутать мотню с мантией? Это явный пробел в языкознании!

Второй официально не записанный оратор:

— Новеллы имеют хорошие названия. Вот, скажем, «Ой наступає та чорна хмара…». Народное и оригинальное название. Читатель сразу берет книгу в руки. Название привлекает. Недаром новеллы уже четвертый раз переиздаются. Я прямо скажу, это наибольшая заслуга автора.

Третий официально не записанный оратор:

— Конечно, новеллы хорошие. Чем они чаруют читателя? Своим небольшим объемом. Понравились или не понравились, раз-два пробежишь глазами — и готово. Талантливые новеллы: не много времени отнимают. Одно плохо — новеллы бесконфликтные. Герои живут мирно, тихо. В глаза не лезут, не плюются. И фиги друг другу не показывают. Кто-нибудь, для примера, хотя бы разок показал. Теперь еще о героях. Герой должен изображаться в натуральную величину…

Голос с места:

— Как это понимать? До потолка или выше?

В связи с тем, что третьего неофициального оратора сбили с панталыку и он сел, слово взял четвертый.

— Друзья! Дорогие друзья! Будем логичны и последовательны. Вот в новелле «Розвивайся, сухий дубе…» есть все: и украинские тополя, и украинская сирень, и украинская бузина, — а украинской колбасы с чесноком нет. Нет и цибули. Я все новеллы прочитал и нигде не нашел украинского сала. А это же витамины. Классики никогда не чурались описывать вкусные яства. А наши авторы непременно кормят читателя ржаными сухарями. А наверное, сам автор любит сало? Не стыдится — уминает и колбасу с чесноком. Пусть автор самокритично признается: ест колбасу или нет?..

В конце полемической дискуссии выступил автор.

— Благодарю, товарищи! Большое вам спасибо за совет. Больше всего вы меня критиковали за новеллу «Не щебечи, соловейку, на зорі раненько…». Признаю — новелла плохенькая, новелла слабенькая. Признаю — и по ней начну писать пьесу. Поймите меня правильно, какое же это чудесное название: «Не щебечи, соловейку, на зорі раненько…».

Тут я и проснулся. Фу! И привидится же такое под Новый год!

И где ты увидишь такого слабого писателя с чахлыми «Огірочками»!

Наша литературная хата и чистая, и светлая, я богатая. А главное — много в ней искренних душ, разумных людей работает!

ВЕЛИКИЙ СМЕХОТВОРЕЦ

1

Остап Вишня! Ей-богу, правду говорим: Остап Вишня — самая яркая звезда на украинском советском юмористическом небе.

Самая значительная и самая яркая.

Впервые я познакомился с произведениями Остапа Вишни в 1923 году. Работал я тогда секретарем сельсовета. Однажды приходит председатель сельсовета Давиденко Андрей Данилович.

Скажу, Андрей Данилович — прекрасный, культурный человек — всегда приносил что-нибудь свеженькое, интересное.

На этот раз он принес газету «Червоне село»[6] и посоветовал:

— На вот, прочитай рассказ Остапа Вишни. Сам почитай и сегодня на собрании людям прочитаешь.

Это была исполненная искрометного смеха антирелигиозная юмореска Остапа Вишни «Возьмите мой кувшин для капусты, чтобы и я была Химка».

Чудесный-пречудесный юмористический рассказ. Любители его инсценировали, и я со временем слыхал, как в многочисленных клубных залах бурными волнами раскатывался сочный смех.

Смех разительный, смех остроумный, смех глубоковоспитательный.

Прочитал я тогда на сельском собрании этот чудесный рассказ, и с тех пор в селе зародилась приятная традиция: на каждом собрании повестку дня дополнять текущими делами — чтением произведений Остапа Вишни.

Читать, разумеется, поручали мне.

Юмористические произведения помогали успешно решать государственно-хозяйственные дела.

Величие, говорим, писателя Остапа Вишни заключается не только в том, что он свой значительный, неповторимый талант полностью отдал Коммунистической партии, советскому народу, а и в том, что он — выдающийся самобытный творец и новатор — создал оригинальную школу юмористов.

Остап Вишня, как никто другой, своими рассказами пробудил не в одном поколении смехотворцев любовь к острому слову юмора и сатиры.

Могучий клик Остапа Вишни и меня заставил взяться за перо — не святые горшки обжигают.

Признаю и всегда признавал: Остап Вишня был и остается

моим лучшим учителем. Учителем и наставником — как творчески погружаться в неисчерпаемое море народного юмора.

С большим удовольствием читал я юморески Остапа Вишни и на общих собраниях, и на встречах с друзьями, и в избе-читальне.

Со временем я начал работать инструктором-лектором Общества содействия развитию авиационно-химической промышленности. Много ездил по селам, часто выступал в цехах фабрик и заводов, и, как ни уставал, я охотно читал на многолюдных собраниях едкие и остроумные юморески Остапа Вишни.

Читал и мечтал лично встретиться с великим смехотворцем.

Попытался и сам что-нибудь смешное, интересное сочинить. Написал и впервые прочитал студентам. Седоголовый литературовед — заведующий кафедрой литературы — подошел ко мне и тепло посоветовал:

— Дорогой юноша! Упаси вас боже, не бросайте пера! Идите по стопам Остапа Вишни… Учитесь у него. Это — великий юморист!

2

В те дни у меня гостил мой незабываемый друг, поэт Владимир Николаевич Сосюра.

Мы вместе выступали на заводах, в учебных заведениях. Однажды вечером Сосюра мне говорит:

— Олесь! У тебя есть что-нибудь свое? Я попрошу Павла Михайловича[7], пусть он тебя послушает.

И Владимир Николаевич, припоминаю, написал такое письмо:

> «Дорогой Павел Михайлович! Очень хочу вас познакомить с молодой юмористической плеядой. Знакомьтесь — Александр Ковинька. Послушайте его».

А я почему-то постеснялся — не отнес записку. Но желание познакомиться с известным чародеем смеха не покидало меня.

Такой, как говорят, счастливый повод вскоре подвернулся. Я написал юмореску «Мостики и дороженьки…». Поехал в Харьков и, волнуясь, понес свое творение в газету «Сельская правда». Затаив дыхание сел против секретаря редакции…

Секретарствовал тогда в «Сельской правде» Остап Вишня.

Отдал я ему юмореску и, честно говоря, с трепетом жду: какое будет решение Павла Михайловича?

Он прочитал, посмотрел на меня улыбчиво и коротко бросил:

— Пайдьот!..

Впервые тогда мне тепло пожал руку прославленный Остап Вишня.

3

Итак, можно смело утверждать: Остап Вишня пробудил желание писать и у меня и у многих других…

Такие чудесные юмористы, мастера художественного слова, как Кость Котко, Петро Ванченко, Юрий Вухналь, Василь Чечвянский, в разговоре со мной делились: вдохновенно-творческим смехом Остап Вишня и нас призвал к юмору, к сатире.

Да, ей-богу, не совру, если скажу, что и на современную когорту писателей-юмористов имел и имеет влияние талант Остапа Вишни.

Мастер украинской советской басни Никита Павлович Голованец признавался:

— Знаешь, кто меня на пути юмора и сатиры частенько и с душевной теплотой поддерживал? Остап Вишня.

Конечно, я не говорю, что мои коллеги по перу — старшего и младшего поколения — целиком переняли творческую манеру и стиль Остапа Вишни.

Нет и нет! Да и сам Остап Вишня на Всеукраинском совещании писателей-юмористов, созванном в редакции журнала «Красный перец», говорил:

— Порой меня в бок толкают: вон тот и тот под ваш стиль пишет — подражает… Не согласен. Каждый из присутствующих идет своей собственной литературной тропой. Имеет свой стиль, свою манеру письма. Ничего в том плохого нет, если мы все говорим: «По правде берешь? Пусть у тебя от такой правды очи вылезут!» Значит, не чураемся народного выражения. В заключение скажу: подражать можно только в одном — на парижский манер задом вертеть!..

Все мы знаем скромность и тактичность Остапа Вишни, но согласен: копировать литературный почерк — вещь, бесспорно, невозможная.

Разумеется, чудесные юморески Остапа Вишни и тогда имели и теперь имеют большой успех — учили и учат, как надо мастерски раскапывать богатейшие залежи украинского народного юмора, которым так талантливо и так непревзойденно владел прославленный Остап Вишня.

Хочется, ей-ей, очень хочется вспомнить нам знакомое, то смешное и удивительное, что отличало литературную славу Остапа Вишни.

Известно, что в двадцатые годы ежедневно в газете «Вести», на третьей странице, красовался фельетон или юмореска Остапа Вишни.

Творческая активность Остапа Вишни в то время достигла самого высокого уровня. Его юморески, фельетоны, интермедии, очерки, новеллы охотно печатали все республиканские журналы.

Приветствовали и печатали. Но, конечно, бывали и казусы: в одном журнале некий литературный гурман брал шило и выбрасывал им остренькие словечки. Порой бросался и с дубинкой — целые абзацы вычеркивал.

Как-то заходит Остап Вишня к этому охранителю словесной чистоты. Вошел и весело спрашивает:

— Кто это в моих юморесках выбрасывает смешное, а вставляет грустное?

А он:

— Это я… Это я, Павел Михайлович! Ей-богу, я.

Павел Михайлович посмотрел ему в глаза и мягко, спокойненько сказал:

— Аг-га!.. А я думаю-думаю, что это за… а это вы? Тогда извините!

Смех Остапа Вишни звучал, звучит и вечно будет звучать.

Но одно время вынырнули «чудотворцы» печального… Плели сеть паутины: мол, смех нам не нужен.

Иные по-другому плели: «Народный юмор, — говорили, — это примитив».

Один из них, как мне передали, прямо заявил: «Наталка Полтавка» Ивана Котляревского — примитив!»

Присутствовавший при этом разговоре великий корифей украинского театра Николай Афанасьевич Садовский бросил реплику: «Может, и примитив, но примитив — гениальный!»

Так вот, о примитивном и нужен ли нам смех.

…Припоминаю, весной 1932 года писатели и литературоведы собрались на Всеукраинское литературное совещание.

На этом совещании выступал и оратор с пессимистическим настроем. Пытался «научно» пропихнуть теорию — юмор и сатира нам не нужны.

Среди делегатов совещания прошел шумок. Павел Михайлович на трибуну, пред ясные очи оппонента, положил чистый лист бумаги с надписью:

«Прошу не переворачивать».

Того заинтересовало это, разобрало любопытство, что там за оказия, — взял и перевернул. А на обороте стояло:

«Ах ты, дундук, дундук! Не выдержал-таки — перевернул! Значит, есть у нас смешное!»

5

На вечере воспоминаний об Остапе Вишне Владимир Николаевич Сосюра рассказал:

— Сидели мы у Павла Михайловича. Были в гостях по случаю его именин. Из гастронома прибегает Варвара Алексеевна (жена Остапа Вишни) и хвалится:

— Павлуша! Мне сейчас в гастрономе дали тридцать! (Тридцать лет вместо шестидесяти.)

Павел Михайлович сразу ответил:

— Варя! Бери скорее, а то завтра не дадут.

* * *

В Политехническом институте литературный вечер. Встречаются писатели-юмористы с педагогами и студентами. Приходит записочка. Студентки спрашивают:

«Дорогой Павел Михайлович! Вы мудрый человек. Скажите, пожалуйста, бывает ли любовь с первого взгляда?»

Павел Михайлович, согнутый годами, читает записку и отвечает:

— Уважаемые девушки! Вы спрашиваете, бывает ли любовь с первого взгляда. Отвечаю: ей-богу, я уже забыл.

6

В легковой автомашине путешествовали выдающиеся наши деятели литературы и науки.

С ними ехал и Остап Вишня.

Шофер нарушил какое-то правило…

Заметив это, инспектор ГАИ, капитан милиции, остановил

машину.

Из автомашины вышел известный государственный и литературный деятель и уверенно говорит:

— Товарищ инспектор! Будем знакомы… Я такой-то… Не задерживайте машину.

— Э, нет, нет… Тем более что вы такой-то…

Вышел из машины еще более влиятельный:

— Не шутите, товарищ капитан! Вы, наверное, меня знаете: я…

— Знаю, знаю и глубоко уважаю вас. Но нет, нет…

Тогда поднимается Павел Михайлович, подходит к государственному инспектору и скромненько просит:

— Товарищ капитан! С кем греха не бывает. Помилуйте на первый раз.

Капитан милиции:

— А вы кто?

— Я — Остап Вишня.

— Остап Вишня?.. Это правда?

— Правда… Вот и мой билет из редакции «Перца».

Капитан вскинул руку, козырнул.

— Дорогой Остап Вишня! Рад вас видеть. Пожалуйста, проезжайте!

Засвистел, поднял жезл и приветливо вслед помахал рукой.

Какой же вправду великой силой юмора обладал человек, носивший имя — Остап Вишня, и как велика была и есть его популярность в народе.

Потому Остап Вишня и незабываем, потому он и народный.

…И МЕНЯ В СЕМЬЕ ВЕЛИКОЙ, В СЕМЬЕ ВОЛЬНОЙ…

1

Как-то урядник Лосев и волостной старшина Нетеса в нашем селе схватили кобзаря и посадили в холодную.

Мы, ученики, мальчишки и девчонки, вечером тайком всякой еды кобзарю принесли, и он нам тихонько запел, сначала «За Сибіром сонце сходить…», а потом «Думи мої, думи мої…».

Мое тельце тогда взволнованно затрепетало: наша песня! Наш язык!

Было это в тысяча девятьсот десятом году. Как вам известно, в царское время на украинском языке в школах не преподавали.

А господа еще и издевались. Говорили — ваш язык хохлацкий… Так, мол, какой-то диалект — цоб-цабе!..

А тут такое волшебство, такая неувядаемая поэтическая краса:

Привітай же, моя ненько,
Моя Україно,
Моїх діток нерозумних,
Як свою дитину.

2

Село Плоское… Родное, милое село. В твоем жилище под соломенной стрехой я, одиннадцатилетний сельский мальчишка, впервые познал чарующую силу огненной поэзии гениального Тараса Шевченко.

В 1911 году я окончил земское начальное училище. После экзаменов любимая учительница позвала меня к себе в хату, дала томик «Кобзаря» и ласково сказала:

— Дарю тебе книгу. Эту книгу написал великий поэт Тарас Шевченко. Читай родным и близким… — Обняла меня и поцеловала. — Тебе, Сашуня, доверяю. Читай, чтобы урядник не пронюхал.

И я читал. Читал родителям, братьям и сестрам. Читал и невыразимо радовался, потому что читал на родном языке.

Ведь до этих глубоко душевных стихов Шевченко я не знал, не представлял себе, что есть книги на украинском языке.

Осмелел, начал читать стихи соседям. Вдруг — нежданная напасть. Меня в то время не было дома, когда в нашу хату ворвались три здоровенных рожи — урядник, жандарм и какой-то сыщик в штатском.

Первым к матери подступил волостной урядник.

— Где та, — спрашивает, — веселая прокламация, которую Сашко читал?

Мама, простая, неграмотная крестьянка, сразу сообразила — лютая вьюга повеяла!

— Какая прокламация? И что оно такое — поется или играется?

— На губах играется, бестолковая! — перебил жандарм. — Где книга, которую твой сын читал?

Мама спокойненько сняла с матицы новенький, но запыленный Часослов и подала:

— Вот эту книгу Сашко читал. Так хорошо, так душевно читал. Ей-богу, бабы слушали, всхлипывали и плакали.

Часослов перехватил сыщик. Раскрыл да как швырнет в лохань.

— Что ты нам, старуха, очки втираешь? Нашла дураков!

А мама загоревала:

— О боже, боже! Святую книгу в лохань бросили… Стыда у вас нет!

На маму накричали и строго-настрого приказали привести меня в волость.

Ушла из хаты верноподданная троица… Мама же, не теряя времени, послала за мной двух меньших братьев — Ивася и Петруся, а сама огородами-огородами вышла навстречу.

Встретила и спрашивает:

— Сашуня! Где та книга «Думи мої, думи мої…»? Спрячь, сыночек, спрячь, дорогой. Приходили урядники-собаки, спрашивали, где она.

Я мигом в сарайчик: томик лежал там в кошелке. Мама дала мне чистый-чистый рушник, я опрятно завернул «Кобзаря» и спрятал в овине за перекладиной.

Дома думали, волновались — как быть?

Отец настаивал на своем:

— Отдай ту книгу, ведь это же приходили черти рогатые… Не отступятся…

Мама повторяла свое:

— Не отдавай, сыночек, не отдавай! Спрячь! Дорогая, святая книга. Важнее Часослова. Пойдем, сынок, в волость.

Когда пошли в волость, мама напутствовала меня:

— Скажем неправду, сынок, бог нас простит. Скажешь: «Кто-то дал, я взял, прочел и порвал».

Так я и сказал. Поверили или не поверили мне, но отпустили.

Однако еще не раз какое-то привидение в окна заглядывало…

3

Весна тысяча девятьсот четырнадцатого года…

Знаменательная дата: сто лет со дня рождения великого Шевченко.

Становые и волостные церберы тянут носы к самому порогу. Нюхают — не послышится ли из хаты:

…Оглухли, не чують;
Кайданами міняються,
Правдою торгують…

Но бдительные фараоны все-таки не устерегли нас. У ветряка, на самой высокой горе, кузнец Степан Черпак вслух на память читал:

Схаменіться! Будьте люди,
Бо лихо вам буде.
Розкуються незабаром
Заковані люде…

Волостные и становые ищейки всюду вынюхивали — кто читает Шевченко, что читает, где?..

Крестьяне отвечали:

— Слыхали, Степан читал что-то хорошее. Ага, вспомнил… Оно ведь так: и деткам смолоть надо, и переживаешь, — а хватит ли чем посеять? Думаешь, хватит ли зерна засеять ту десятину? Да!.. Так эге ж… Вспомнил… Читал Степан, чтобы образ божий грязью не оскверняли…

Другие говорили иное:

— Вроде о Днепре рассказывал. Хорошо и ласково рассказывал. Жаль, что вас не было.

Окончательно волостных успокоила тетка Мотря:

— Повезла я, значит, смолоть полмешка. Не думайте, что лошадьми или на коровах повезла. Взяла свой возок и своими ногами и своими руками повезла. Ни у кого ни рук, ни ног не

занимала. Не буду от вас скрывать: хлеб взяла в долг. Вот хлеб, взятый в долг, и повезла. Так вот я и послушала Степана, спасибо ему. Ох и хорошую проповедь сказал. Говорит, немцы кругом поналезли, картошку нашу едят, и если волостное начальство недосмотрит, то и волость съедят…

Становой пристав удовлетворенно буркнул:

— Справедливо человек говорит…

4

Адепты веры христианской и свою поганую руку к величественно-огненной поэзии протянули. С амвона кричали: «По селу бродит антихрист! Бунтарские слова произносит. «Расковывайтесь!» — призывает! Крещеный люд с венценосной тропы сбивает».

В те годы — годы империалистической войны — в село частенько приезжали односельчане: рабочие — печатники и железнодорожники.

Приезжали и крестьянам читали:

…Оглухли, не чують;
Кайданами міняються,
Правдою торгують.
І господа зневажають, —
Людей запрягають
В тяжкі ярма. Орють лихо,
Лихом засівають,
А що вродить? Побачите,
Які будуть жнива!

По селу пошла молва:

— Тарас Шевченко… Пророк… Апостол!.. Это его паны обидели. Из библии выбросили.

На зеленой неделе поп Иоанн проповедь произнес:

— Православные! Не верьте выдумкам антихриста! Тарас Шевченко богохульник! Бунтарь! Нет его в списках апостолов!..

А люди не соглашались:

— Врет, патлатый!.. Ей-богу, врет! Шевченко — пророк! Послушайте, к какой правде призывает:

…Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю

Волю окропіте.

5

В селе шли очередные церковные поборы. Впереди, в шелковой черной рясе, из хаты в хату быстренько перебегал отец Иоанн, за ним рысцой поспешал дьяк, за дьяком пастырские кони шли и пастырскую подводу с дарами везли.

Отец Иоанн быстренько вбежал в хату кузнеца Черпака и остановился в изумлении: в красном углу, убранный цветами, висел портрет Тараса Шевченко.

— О, святотатство! — крикнул ошалелый поп. — Раб божий, богохульствуешь?

Скажем правду: у кузнеца Черпака не кулак — кувалда. Он поднес эту грешную кувалду под святые пастырские очи и предупредил:

— Батя! Никому ни слова! Но если, не дай боже, ляпнете — пойте аминь!..

Батя с перепугу долго крепился, но не стерпел — сановным сатрапам все-таки подал молитвенную петицию: «Степан Черпак — анафема! Православное вероучение отклоняет, а крамольные стихи крамольного Шевченко всем крестьянам читает…»

Черпака угнали на фронт. Взяли, ибо еще неистовствовала первая мировая война.

6

Тысяча девятьсот семнадцатый год… На сельской трибуне стоит Степан Черпак:

— Слава Великой Октябрьской социалистической революции! Слава революционному народу! Сбылась заветная мечта великого Шевченко — сбросили панское ярмо!

КАК И КОГДА НАЧАЛО НА МЕНЯ НАХОДИТЬ ВОТ ТО ЧУДНОЕ

Юрию Олиферовичу
Збанацкому — с любовью

1

На одном молодежном литературном вечере юноши и девушки попросили меня обстоятельно пояснить:

— Почему возникает смех? Или вы его, — спрашивают, — организуете, или оно, то смешное, само находит на вас?

В своем прекрасном рассказе «Так и пишу» обо всем этом очень хорошо рассказал выдающийся мастер сатиры и юмора Остап Вишня.

На мою долю выпало просто и коротко ответить на симпатичный вопрос: когда и почему начало то чудное и на меня находить?

Впервые, как и вы, дорогие читатели, я улыбнулся своей родной маме. Я — маме, мама — мне.

За точность не ручаюсь, но уверен, что мои братики и сестрички тогда говорили именно так:

— Мама! Оно уже смеется… Два раза уже засмеялось.

— Прочь отойдите! Пусть смеется…

Значит, я так себе думаю: юмористов рождает родная мать.

Мамино молочко веселило… Кормят — смеешься, не кормят — плачешь. Да еще сколько рева было, боже мой, на всю хату горланишь!..

Очевидно, отец моим сестричкам тогда так говорил:

— Девчата! А посмотрите-ка, почему это самый старший кричит. Может, рыбы наловил?

Так я до шести лет или смеялся, или коротенькой сорочкой карасиков ловил…

Шестилетнего — это я хорошо помню — начали меня вводить в курс божественных наук.

Вводили серьезно… Преподавали ее, ту науку, стоя и темном углу, где висели иконы угодников и преподобных. А вокруг них, вверху и внизу, смиренно летали непорочные ангелочки и весело подпрыгивали лукавые чертенята.

Пристроились там и неизвестные святители. Бабуся, перечисляя их имена, сама сбивалась:

— Вот этот святой… Сюда, сюда, Сашуня, смотри! Вот этот… что на коне сидит… Это — Пантелей… Нет, это не он. Это, пожалуй, Лука. Э, нет, Сашуня, это и не Лука. Это, наверное, Егорий… Разве ты его узнаешь? Залез на коня и глаза закрыл! Да бог с ним, пусть верхом гарцует. Он хлеба не просит. Становись сюда ближе. Вот так становись…

Бабуся брала мою руку, из пальцев складывала трехперстную щепоть и учила:

— На лобик… На пупик… На это плечо, потом на это… Вот так, вот так… На лобик… На пупик… Вот хороший внучек… Любимый… Он уже умеет богу молиться… Помолился?.. Теперь плюнь на того чертенка! Плюй и говори: «У-у!.. Нечистая сила! Глаза вытаращила!»

Я плюнул и промахнулся — попал не в чертенка, а в ангелочка.

— Куда ты, скаженный, плюешь? Люди добрые! Видали вы такое — ангельские крылышки обслюнявил! Вот куда надо. На этого… на рогатого… На копыта плюй…

Я плевал на копыта и опять не попадал. Мне становилось смешно, и я смеялся.

— Еще и смеется, глупый! Чтоб ты до слез смеялся!..

2

Бабуся таки напророчила: я частенько «смеялся».

Впервые это случилось на уроке словесности…

При царизме нашего брата в большинстве учили в церковноприходской школе. Учили строго. Не дай бог вымолвить какое-нибудь «мужицкое» словечко. Нам здорово за это попадало.

«Неуды» ставили в две основные графы: глушили букварем по голове и острым карандашом кололи язык.

Идет урок… Учитель показывает картинку. На картинке нарисована роскошная, пушистая шуба. Такой пышной одежды я сроду не видал.

— Что это? — спрашивает.

— Кожух, — отвечаю.

— Дурак! Это шуба. Смотри и раздельно читай: «Шу-ба»!

Я смотрю, дрожу и раздельно читаю:

— «Ко-жух»!

— Господи, какой же ты бестолковый! Повторяй за мной.

Словесник громко читает, а я еще громче повторяю:

— «Ше… Ше… у… шу… б»!

— Ну! — крикнул учитель. — Понял? Поворачивайся к

дверям и кричи: «Ш-ш-шу-б-ба!»

Я поворачиваюсь к дверям и изо всех сил кричу:

— «К-ко-о-ж-жух»!

Разгневанный учитель со злостью хватал карандаш и немилосердно колол мой язык.

— «Шу… шу… ба… ба… ба»!

На переменке мы друг другу показывали исколотые языки и смеялись.

Эх!.. Если бы это иголкой! Вот бы защемило!

3

Наверное, смех нельзя остановить. Нельзя ладонью закрыть рот и перестать смеяться. Хоть ты губы сожми, хоть иголкой язык коли, смех прорывается и через большой грех…

В нашем селе жил Варивон Метелица. Бывало, плетется он тихонько улочкой, а вслед ему в спину тычут пальцем:

— Штунда пошла… Нехристь!

Правда, о нем ходили и чудодейственные небылицы: дядько Варивон — светлый провидец! Одним махом из грешного тела выгонял двадцать чертей. Поэтому кое-кто даже склонен был примкнуть к святому евангельскому учению.

— Вот чудо! Вот диво! — говорили они. — Сразу вытуривает двадцать чертей, а я из своей жены и одного черта никак не могу выгнать.

Тараторили, говорили, сомневались… И вдруг новость: Метелицу не принимают в компаньоны к маслобойщику Петру Гугнявому. Не принимают из-за той неверной штунды.

Вот и решил дядя Варивон покаяться…

— Пусть, — говорит, — православная церковь снимет с меня губительное неверие. Снимет и столкнет в чистое маслобойное лоно…

С этими покаянными мыслями Варивон Метелица пришел в церковную сторожку и разделся догола. Оставил на себе только старенькие подштанники.

Приняв такой благочестивый вид, дядько Варивон понес свое грешное тело в храм божий — снова освятить…

Мирян нашло в церковь видимо-невидимо. Повели и нас, учеников, посмотреть на это божье диво.

Стала покаянная душа перед отцом Иоанном и взмолилась:

— Отче, берите святое кропило и выгоняйте из меня сатану! Аз есмь нечистая штунда! Кропите. Подгоняйте под православный калибр — высвячивайте!..

Произошло это дело в первый понедельник великого поста.

Богомольная паства и волнуется и удивляется. Господи праведный! Господи милостивый! Голым перед богом предстал! Пусть бы хоть до зеленой недели подождал: к тому времени уже хорошие лопухи вырастут.

— Ей-богу, кума, правду говорите. У нас тут, возле канавы, такие лопухи растут, что, боже мой милый, одного лопуха хватило бы и душу прикрыть и пуп закрыть, а то стоит страшнющий, ни стыда, ни сраму. Хотя бы дерюжку набросил, что ли… Тьфу! Такое непотребство сделали!

— Эге ж!.. Человек свой век прожил и такую химеру придумал. Разве ж можно в стареньких подштанниках проскочить в царство небесное? Да и не говорите, сроду не пропустят.

В вышитой золотом ризе, с поднятым вверх крестом, отец Иоанн весело размахивал кадилом.

Ходил отец Иоанн, ходил. Махал вокруг, махал да как хлестнет пойманного кропилом по немироносному месту — подтянись! Не выпячивай!

Неожиданный удар с тыла привел кающегося в нормальные человеческие чувства: дядько Варивон засмеялся. Звонко, на всю церковь, и мы, малыши, захохотали. А я еще Орисе на ухо шепнул:

— Вчера и меня отец по этому месту кнутом кропил…

Дома спросили:

— Чего ты смеялся? Тебя спрашиваем — отчего ты на чуде божьем пасть раскрывал? А ну, давай язык…

Вытянули мой язык и искололи иголкой в два ряда.

4

Разве тогда я один так смеялся?

Моей школьной подруге, чернявенькой, стройной Орисе, еще и шестнадцать не стукнуло, а уже родители ее со двора выпихивают:

— Ты что себе, девушка, думаешь? На отцовской шее век сидеть? Попался человек — иди!

Что ж это за человек попался нежной, певучей Орисе?

Вдовец. Богатый. Глаза — желтая луковица. Нос — синяя картофелина. Старый.

Встретимся — Орися смеется. Придет богатый, ненавистный — Орися плачет.

А мать свое бубнит:

— Какого тебе еще черта надо? Такое добро само идет в руку.

Чего ты губы надула? Иди! Иди, привередливая! Не пойдешь — я с тебя три шкуры скалкой спущу!

Я и думаю: сколько же надо носить шкур?

В приходской школе ее смычком снимают, отец лозиной стаскивает, мать скалкой целых три спустить обещает, да еще и та желтая цибулина богатая перекрестится и начнет девичью спину чем попало стегать…

Добросердечная соседка советовала Орисиной матери:

— Вы, Христино, скалкой не бейте. Вы на девушку душевно влияйте.

— А я, кума, так и делаю. Душевно влияю. Я ее в чулане душевно как схватила за косы, скрутила и спрашиваю: «Ты долго будешь каверзничать? Пойми, дурочка, какая тебя роскошь ждет. У него одних только овец сто штук. Ты вся будешь ходить в шерсти…»

Одним словом, спешно готовились юной девушке свадебным и нежеланным рушником очи завязать.

Осталось небольшое препятствие — с венчанием не клеилось. Возраст мешал — до полных шестнадцати Орисе не хватало пяти месяцев.

Вдовец не поскупился — бросил на венчальный клей катеринку[8]. Пусть только отец Иоанн не смотрит на это, закроет глаза.

Катеринка помогла, пастырь великодушно согласился: рушником так рушником, цепью так цепью руки стянет. За такую щедрую мзду благочестивый отец готов был и родную тещу к вдовцу приклеить…

Не успели молодую девичью жизнь загубить. Счастливая доля улыбнулась Орисям… В Петрограде скинули царя. Свалили коронованного и за некоронованных вплотную принялись.

Прогнал жениха-вдовца матрос Самойленко, родственник Орисиного отца. Деликатно встретил, деликатненько огромный кулак поднес жениху под самый нос.

— Нюхай, гидра! — сказал он. — Понюхал? Заворачивай оглобли назад и сам жди сватов. Что-то ты много нахватал коровок и овечек…

5

Приходило ли на ум в те времена что-нибудь смешное написать? Признаюсь честно: такая мысль возникала.

Начну, бывало, составлять, в кучу стаскивать — не получается. Не выходит. Не хватало чего-то. А устно вроде

выходило неплохо. Рассказываю — люди смеются.

Так родился устный рассказ «Появление самолета».

Над селом пролетал славный русский пилот Уточкин. На второй или третий день у колодца собрались женщины. Делились впечатлениями — что это в облаках носилось, крылатое, хвостатое?

Воздушное событие тетушки трактовали по-разному.

— Подоила я после обеда корову, — начала соседка Мокрина. — Несу себе молоко да и несу — без всякого внимания. Вдруг слышу — что-то вверху звенит, грохочет. Подняла голову, смотрю — боже мой! Железная птица над картофельным полем летает. Крылья, чтобы мне с этого места не сойти, такие длинные, такие широкие, что закрыли и погреб и сарай, еще немного — и коровник зацепили бы. Летает, крыльями машет и глазами водит — высматривает… Потом как налетит на цыплят! Куры кричат, а я скорей побежала в хату, поставила ведерко на лавку и схватила половник. «Я тебе дам! — машу. — Я тебе покажу цыплят!» Оно увидело половник, испугалось, задрожало и повернуло за Гандин огород. Покружило-покружило да где-то там и присело. Наверное, за плетнем примостилось. Потому что когда я на рассвете поднялась кормить поросят — посмотрела, а оно на плетне сидит. Такое гнедастое… Прищурилось и глаза зажмурило. Я тихонько подошла да как крикну: «Кыш! Кша! Нашел где сесть!» Оно как зафурчит, как захлопает, расправило крылья и… и… прямо на Решетиловку полетело. Может, слыхали вчера, ревело вверху. Это оно… Побей меня крест, оно…

Высокая молодица Секлета добавила:

— Вот и в заутреню отец Иоанн в церкви, во время проповеди, сказал: «Паства, жертвуйте на храм божий. Кощунственная птица появилась в небесах. Глаза — вот такие… Когти — вот какие… Клюв — вот такущий! И клюет птица хищно — мужиков спереди, а баб сзади. Ходите в храм божий, — говорил отец Иоанн, — и жертвуйте».

— Кому верить, сама не знаешь, — отозвалась тетка Явдоха. — В Левенцивке, в молельне, пресвитер Хвамалеон — черт, его и не выговоришь — другое говорил! «Ваш поп врет, в святой библии давно записано: «Железная птица клюет мужчин сзади, а женщин спереди». Вот и разбери, кто из них врет, а кто правду говорит…

6

Какое счастье! У меня в руках неоценимые сокровища —

«Кобзарь» Тараса Григорьевича Шевченко и произведения Николая Васильевича Гоголя.

Подарила книги хорошая, незабвенная Нина Андреевна — учительница земской школы.

Читаю, плачу и смеюсь. Такие огненные слова. Такой чарующий смех!

Возле школы многолюдное собрание. Это первое в селе собрание, где прозвучали великие слова великого Ленина: земля — народу!..

Председательствовал матрос Максим Самойленко. Фронтовик-большевик.

Пели «Як умру, то поховайте…» и «Смело, товарищи, в ногу…».

Максим — чудесный, ласковый Максим — взял меня за руку и подвел к трибуне.

— Сашко! Прочитай вслух: «Схаменіться! Будьте люди, бо лихо вам буде! Розкуються незабаром заковані люди». Всему народу прочитай. Народ — сила. Это его фабрики и заводы, и земля, и книги… Читай!

Взошел я, взволнованный, на импровизированную трибуну и с волнением до самого конца прочел «И мертвым, и живым, и не родившимся землякам моим на Украине и не на Украине мое дружеское послание».

Люди похвалили мое чтение.

Читал и на собраниях, и на свадьбе, и в других местах… Читал и радовался: вольно читаю, вольно пою.

Приглашали читать и в хаты. Очень приглашали. Слушали до петухов.

Сердцем тянулись разбуженные люди к огненному «Завещанию», к чарующей «Сорочинской ярмарке».

На хутора не звали… На хуторах жила «соль земли». Патриархи… Один патриарх все же позвал однажды:

— Будем знакомы! Демократ Бараболя! — Он покрутил длинные усы, погладил широкое брюшко и процитировал: — «І ставок, і млинок, і вишневий садок».

У демократа Бараболи и в самом деле были собственные немаленькие и пруды, и мельницы, в вишневые садочки. И земельки прилично нагреб. Одного только подсолнечника сеял двадцать десятин с гаком!.. Подсолнечное давил из полольщиков. Давил и смеяться не давал.

Гнул и я спину на его подсолнечных плантациях. Гнул за гривенник в день на своих харчах.

— Читай, читай, — говорил Бараболя. — Бог и украинский язык сотворил. Да только вот… Тем всяким не читай… Разве они

поймут? Ты прочитай «Кобзаря» в церкви.

И начал, и начал…

— Пусть и украинский язык в церкви божьей зазвучит. Прежде нас затирали, не дозволяли на родном языке говорить. А я тебе, голубчик, скажу, исторически, скажу, что еще Иисус Христос, царь назаретский, на этом певучем языке разговаривал. Когда его попросили воскресить утонувшего в яме фараона, то бог-сын на чистом украинском языке ответил: «Не могу воскресить, ибо он уже смердит». О!

Взялся Бараболя в селе церковь демократически «автокефалить». Из свежей лозы пытался автокефальный плетень между украинцами и русскими поставить. Чтобы не братались.

Наставлял людей:

— Наведайтесь к преподобному монаху Савватию. Савватий — щирая украинская душа. Страж креста божьего. Сей крест апостол Петр великомученически принес из Иерусалима прямо на Украину и установил под Полтавой, возле Крестовоздвиженского монастыря. Воздвиг и изрек: «Пусть православные полтавчане грызут свой крест, лечат зубы». Идите и хлеборобские дары несите.

Поверили люди, пошли. Пятым колесом и я прилепился. Все-таки диво немалое: сам апостол Петр на Украину дубовый крест притащил!

Пришли. В самом деле, крест здоровенный. Дубовый. Обкусанный, обгрызенный и зацелованный.

Лечились по таксе божьей: грызанул — полтинник, поцеловал — гривенник.

Рядом — касса. Лечись, не отходя от кассы. Откусил щепочку — клади деньги. Положил — жуй щепочку, лечи зубы.

От этих божественных щепочек монах Савватий до того растолстел, что, — прости меня, господи, если скажу, — рожа стала такая круглая, что хоть щенят на ней бей!

Щедрые дары слуга божий охотно принял, выпил и закусил.

Веселый монах. Разговорчивый. Все поговорки и песни украинские знал.

Плотно позавтракав, Савватий нас, юношей, спросил:

— Отроки! Кто из вас знает «Посіяла огірочки…»?

Я возьми да и спроси:

— Отче! Верно ли, что это тот крест, который на Украину из Иерусалима сам апостол Петр принес?

— Очень уж ты любопытный, юноша. Тебе по секрету скажу: ей-богу, при мне это четвертый крест догрызают!

Будучи в городе, встретил я человека, щедрой душевной красоты и сердечности. Извините, запамятовал имя. Знаю — железнодорожник. Молодой, жизнерадостный.

— Всякие пузатенькие демократы — обманщики. Обманывали и обманывают простого, бесхитростного человека.

Мы лежали на траве, и он раскрывал мне глаза.

— Лгут, что на облаках сидит какое-то высшее небесное существо — Саваоф-бог. Выдумка, друг мой. Выше всего — трудовой человек. Куда ни глянь, все создано человеческим разумом, трудовыми, рабочими руками. А небо — атмосфера. Планеты… Галактика…

Не спал я ночь, не спал и вторую… Переворачивалось, дрожало все внутри. Какая новость — страшного Саваофа нет! Нет и не было!

После того, как раскрылись у меня глаза, попытался я родной матери эту весть пересказать. Сидим обедаем, я и говорю:

— Мама! Вы знаете — бога Саваофа нет.

У бедной матери кусок в горле застрял.

— Нет? А куда же он девался?

Я своевременно спохватился — пощадил родную маму.

— Скинули, — говорю. — Людям не угодил.

— Не угодил?.. А как же это, перевыборы были или на общем собрании скинули?

— На общем собрании.

— А кого же назначили?

— Николая-чудотворца поставили. Один, говорю, железнодорожник выступил и сказал: «Оставим бабам Николая-чудотворца…»

— Боже мой! Боже мой! Как же его, голубчика, звать, за кого свечку ставить? Такой хороший человек. Так, значит, и сказал: «Бабам оставим Николая-чудотворца»? Господи! Дай боже тому железнодорожнику долгих лет жизни… Ну, ты, сынку, обедай, а я побегу тетке Мокрине эту новость передам.

Слыхал, мама тетке Мокрине передавала:

— Приехал Сашко из Полтавы и говорит: «Скинули Саваофа, он плохо относился к людям. Очень вредил людям. А Николая-чудотворца оставили. Железнодорожник проголосовал — «оставить для баб…».

Тетка Мокрина перекрестилась.

— Я же вам, кума Елизавета, давно говорила: свет не без добрых людей. Слава тебе, господи, что и нас, баб, не забыл!

Как же это писать? — думаю. Вокруг такие дела — и смешные, и чудные…

По улочке быстренько ковыляет спекулянтик. В селе его звали Осипом. Еще — Еська, Ея, Есенька. По отчеству никто не именовал.

Навстречу идет мой родной дядька Филипп. Симпатичный, спокойный человек. Мастер на все руки. Коня подковать — подкует. Ведро полатать — полатает. Печь поставить — и печь поставит. Горю людскому надо помочь — и горю людскому сердечно помогал.

Что и говорить — мастер. В руках всегда свежая копейка.

Спешит к монополькe и тоскливо поет, ибо для четвертинки гривенника не хватает. А тут — ба! С гривенниками ходит спекулянт.

— Осип Сидорович! Можно вас на одно словечко?

— Слушаю вас, Филипп!

— Осип Сидорович! Не могли бы вы для утоления жажды одолжить гривенник?

— С моим удовольствием… Надеюсь, вернете…

Спекулянт дал монету и задумался. Через минуту крикнул:

— Дядька Филипп! Позвольте вас спросить. Почему вы меня по имени и отчеству назвали? Никто не именует, а вы меня величаете…

— Честно вам скажу: когда выпью, то, простите за правду, я тогда по имени и по отчеству всякую сволочь величаю.

9

…Народный юмор хоть лопатой греби! «Учитесь у народа!» — эти правдивые слова принадлежат талантливому писателю-юмористу Филиппу Осиповичу Капельгородскому.

Хороший учитель и хорошо, заботливо учил. Советовал: «Недостает остроумной мысли — ставьте точку. Точка-благодетельница вас всегда спасет…»

Работал я в то время инструктором-лектором Общества содействия обороне и развитию молодой советской авиационной промышленности.

Смех — он-таки есть смех.

Собрание… Я романтично излагаю будущее советской авиации.

— Самолетами, — говорю, — будем молниеносно больных спасать. Пожары будем гасить, вредителей на полях глушить. И сеять начнем самолетами…

Спрашиваю: может, что неясно?

— Все ясно! — крикнул председатель сельского комбеда. — Что неясно? Конечно, ясно. Летать — так летать! Сеять — так сеять! Оно, конечно, сеять сверху еще лучше. А вот как же мы будем с самолета пахать?

10

Заважничал я: пишу — и печатают. Задрал нос, из головы выскочил дорогой совет — учиться!

Думаю — да я ж!.. Да мы!.. Да я уже ученый!

Ударился в искушение. Соблазн даровитости нашел на меня. Попытался налечь на грешные капельки. Думал, опрокину чарочку чистенькой, она мне и подбавит вдохновения.

Начал колотить в двери высокой интуиции.

— Милостивый, — прошу, — позволь стеклянного мерзавчика раздавить? Того, что с перцем… Поддержи меня творческим запахом, ибо я пишу интермедию.

— А о ком же ты пишешь интермедию-комедию? Может, ты пишешь о моих сподвижниках, суть сущих на земле грешной?

— Эге ж… Эге ж, — говорю, — о них, о них…

— О них?.. Ах ты ж супостат! Не дозволяю! Соси минеральную!

Умоляю всевышнего:

— Минеральная не помогает. Горло пересыхает… Разреши, хотя бы вечерком, чтобы никто не видел. Пожалуйста, дозволь вдохновенно поужинать и вдохновенно пописать.

— А что тебе дают на ужин?

— Соленые огурчики… Маринованные грибочки… Селедочку… Лучок… Сжалься, милостивый!

— Подожди… Не спеши… Чтобы не влепили мне каверзного выговора, я себя акафистом перестрахую: «И не введи нас во искушение, и избави нас от лукавого». Ох и дьявольский закусон! Сколько тебе надо для творческой зарядки? Тебе дать или сам будешь брать?

— Отче, вы только черкните резолюцию: «Согласовано», а я сам сбегаю в гастроном.

Покропил губы капельками и сел писать.

Написал, прочитал и тотчас же порвал. Выбросил в корзинку. Нелепость!

Все-таки правду друзья говорили: без кропотливого, без упорного труда — ничего не создашь.

Еще, видите, и маленькую дочку Яринку обидел. В

раздражении дернул за рубашечку. Дочка встала в независимую позу и говорит:

— Вишь какой! А еще и писатель! И наверное, еще пишет, чтобы деток не обижали? А сам родную дочку вон как обидел!

11

Смех — очень благородное дело. Смех и утешает, смех и донимает. Зловредных сатирическое слово просто бросает в дрожь. Лихорадка их бьет, хватает и подбрасывает.

Еще в те дни, когда я устно читал свои рассказы, смиренная, богобоязненная «соль земли» готова была меня бурлящим кипятком ошпарить.

— Какой чертенок! Слыхали, что за диковину сочинил на писаря и попа?

— На святого отца?.. На него?! С ума сошел, дурной!..

— В их роду все такие малахольные. И дед такой, и отец такой-переэтакий, и мать такая-сякая… Греховодница… Уже четырнадцатого принесла. Да все двойни. Плодит, как котят. Чем она их кормить думает?

— Губы набить, чтоб вот так распухли! Да в три палки, да в три батога!.. Привесть в волость, снять штаны и перед честным народом сказать: «А ну, господи благослови, начинайте, пока до бумаги не добрался!..»

Как и все советские сатирики-юмористы, в двадцатые — тридцатые годы я долго работал в газетах.

Писал. Читали. Смеялись, гневались, протестовали: «Что же вы публично клеймите? У меня ведь не три дома, а два».

Частенько на острое перо попадали и пьянчуги-хапуги. Эти автора корили скромнее: «Я же чистую глотал, а вы намалевали с укропом!.. Сделайте удовольствие, прекратите всякие насмешки…»

12

Ага, думаю, берет за живое? Сатира нужна. Перешел на сатирические рассказы.

Как они пишутся, эти сатирические рассказы?

Напишу, прочитаю и порву. Не то, не то и не то. Раз восемь переделываю — все не то и не то. На десятый раз как будто то.

Как-то я выступал на литературном вечере в клубе железнодорожников. Встреча была чудесная. Хорошо принимали.

Я был в ореоле. Радуюсь, смеюсь. Слесарь-железнодорожник, большой поклонник сатиры и юмора, по дороге из клуба и говорит мне:

— Хорошие у вас юморески. А есть и такие… Беспредметные, так себе… ха-ха…

Это задело мое самолюбие. А слесарь с теплотой продолжал:

— Мы любим вас. Любим и уважаем. И нам хочется, чтобы вы свое перо направляли и сильнее и острее. Изучайте, друг мой, жизнь! Глубже вникайте в нашу многогранную жизнь!

Пришел я домой, сел и задумался: железнодорожник и на этот раз мне чистую правду сказал…

ПОЙ, ДЯДЬКА, ОНА ДЛИННАЯ!

Пошли слухи: какой-то панок, очень уважаемый за океаном, взял и заплакал. Горько-прегорько заскулил. О судьбе украинского советского народа горячую слезу пустил.

«Исчезает, — плакал заокеанец, — язык украинский на Украине. Не слышно чумацкого — цоб! цабе!»

Правда, «освободительская» слеза на его растерзанную грудь упала здесь верно: что не слышно — цоб! цабе! — то не слышно.

В Крым за солью на волах не ездим.

По широким асфальтированным дорогам родной Советской Украины тысячами бегают добротные автомашины, сделанные на украинских первоклассных заводах.

Не скроем — подбрасывают нам классные автомашины и братья-русские и братья-белорусы…

И они, эти машины, везут украинцев и украинок в крымские санатории, на курорты…

Везут, разумеется, принудительно…

Как это «насилие» проводится?

— Ты почему в парке гуляешь?.. Тебе еще вчера надо было быть в Алуште!..

Да путевку тебе в зубы. Да билет тебе в руки, да на автобус-экспресс.

— Не упирайся! — кричат. — Езжай! Отдыхай! Лечись!..

Вот так нас, украинцев, терзают…

На нашем украинском языке это — счастье людское. Еще никогда украинцы так счастливо не жили, как зажили в единой советской трудовой семье.

А на вашем языке, уважаемый пан, это — страдание.

Дай боже, чтобы в вашем «свободном» мире хоть половина вот так «страдала». По своей склонности работали, учились в институтах, техникумах, ходили по кипарисовым аллеям, ходили по берегу моря и пели.

Вы, пан, всхлипываете: «Пресвятой, всемогущий, смилуйся! Посмотри всевидящим оком, какая несправедливость на берегах Днепра. Кто, — кричите, — на Украине украинскую песню запоет, того за руки хватают и рот закрывают!»

Чтоб за руки хватали, то здесь вы, мягко говоря, пересолили. А что рот закрывают, то бывает.

Что бывает, то бывает… Запоет человек, а его сразу — хвать! Да куда? В консерваторию имени Лысенко… Хвать! Да куда? В институт имени Карпенко-Карого… Хвать! Да в оперный театр имени Шевченко…

Еще и ругают:

— Знаешь что: мы тебя накажем. Да еще как накажем: на государственные средства будем учить!

Словом, пан, чем вам слезки впустую проливать, приехали бы вы к нам, скажем, на Полтавщину. В села полтавские прикатили бы, в те села, где жил и свои чудесные юморески творил великий украинский смехотворец Остап Вишня.

Приехали бы и услыхали, что поют.

Зайдите в любую колхозную хату. Взгляните — и там веселятся, поют «Реве та стогне Дніпр широкий…».

Посмотрите, а на столе — высокий колхозный урожай, украинское сало, украинская колбаса…

Забегите и в школу. В школу-десятилетку, которую по-заграничному именуют гимназия. Украинские мальчики и девочки поют по-украински «Вічний революціонер».

Разумеется, вам не слышно, какие песни мы на Украине поем. Может, говорим, не слышно, а может, — слова из песни не выкинешь, — может, простите, вы оглохли…

Недавно мы избрали в украинский советский парламент доярку Задуйвитер и рабочего-каменщика Недайборщ. Такие уж украинцы — куда там! И что же — единогласно избрали.

Почему? Да потому, что в нашей стране трудящийся человек любой национальности дорог и глубоко уважаем.

Что же еще можно сказать?

Был в нашем селе панок. У того пана батраком служил дед Матвей. Дед очень любил панов. Даже молился.

— Пошли, боже, — говорил, — всем панам царство небесное.

Когда над полями украинскими освободительным громом грянула Октябрьская революция и на панов нашла хвороба, этот пан слезно зарыдал. Раньше, когда грабил людей и под свои благородные ноги награбленное подгребал, — смеялся. А тут, значит, взревел.

Дед Матвей и спрашивает:

— Пан, чего это вы так громко ревете?

А пан и говорит:

— Дал бог голос, вот и реву.

Дед Матвей спокойно:

— Да оно, как вам, пан, в сказать: бог дал голос и ослу. Ревите, пан!

Может, этот панок, если его черт не схватил, где-нибудь и теперь за океаном ревет.

Пусть ревет, бог всем дал голос…

ВПЕРЕД И ВПЕРЕД…

1

Высокие-высокие горы. Каменистые. Скалистые…

— Туда двинемся! — подала клич Правда. — Туда, на горы высокие, на горы крутые. На горы кремнистые, тернистые… Всенародно двинемся, чтобы черные тучи разогнать и печаль и горе людское одолеть!

Сильные духом сразу, без всякого колебания, смело пошли. Мужественно шли, радостно пели и с радостью призывали:

— Веди нас, Правда, веди!

Слабые заколебались. Тихонько говорили:

— Скала… Тернии… Не долезем!..

Это одни, а другие:

— Полезем, а нас в дороге настигнут снега да подуют ветры. Да, не дай боже, поднимется метель… И получится так — ни в гору, ни под гору…

Третьи иной акафист пели:

— Что мы на той круче забыли? А? Чего мы там не видели? А? Такое придумали — черт знает куда переться! К самым тучам карабкаться! Разве нам в долине плохо? Жили же наши деды в низине, жили и прадеды. Жили, век свой проживали и никогда на такую высоту не взбирались. А нас черт несет!

Оно бы, конечно, можно и попробовать, есть ли на горе мед. И как его там раздают — на кило или, по-старому, на фунты. Так, видите, уже и сейчас веет, веет-повевает… Мокро, скользко… Если дорога станет сухой, гладенькой, ровненькой… Тогда — да! Тогда возьмем ложки и палки и потихоньку-полегоньку начнем карабкаться. Говорим — были и такие, были и этакие!

— Куда — вон туда? На данном этапе и при данной технике мы не доберемся. Вершина эта нам не под силу. Какие гиганты человеческого разума до этих высот добирались — и то не добрались. Ей-богу, не тащите людей в пропасть! Посмотрите, какие глыбы! Колоссаль!.. Сорвешься — прямо в пропасть дурной тыквой угодишь!

А Правда непрерывно звала:

— Вперед! Только вперед и вперед! Кто в лаптях, кто в холщовых рубашках — за мной! В гору и в гору!

Шли… Шли и спотыкались… Шли и падали… Поднимались, вставали и снова храбро и терпеливо шли…

2

Прибегали всякие желтые, серые, белые, пепельные. Лопотали, шептали:

— Мужички… Деревенщина… Вы куда — в гору? Что вы, галушками объелись? У вас же дома поросята, телята… А ну-ка, хлопец, подойди. Ну-ка, опрокинь чарочку!

А хлопец:

— Дядька, не надо. По-хорошему говорю — отойдите!

А товарищ хлопца, еще больше горькой жизни хлебнувший:

— Кому говорят — уйди! Тебе говорят — уйди, гад! А то сам с ушами в землю войдешь!

А пепельные ехидно нашептывали и ехидно припевали:

— «Разлука ты, разлука…» Бабоньки! Вы куда? Куда вас черти несут? В гору — да? За равноправным венком — да? А бога забыли? Милостивый вам же завещал: «Жена! В гору не беги, косы заплети да борщ вари и перед мужем поясницу гни!» Ты чего, курносая, смеешься?

А курносенькая:

— Вы, дядя, простите, малахольный! У нас вчера на собрании мужья и жены единодушно решили: «Отречемся от старого мира».

А седенький, старенький кочегар сказал смутьяну:

— Ты чего воду мутишь? Зачем теткам баки забиваешь?

— А тебе чего, старина, надо? Я культурно пою: «Маруся ты, Маруся, отравилась колбасой тпру-тпру…» Отойди, не лезь в глаза.

— Не отойду.

— И почему ты такой вредный — не отходишь?

— А потому…

— Почему?..

— Почему, почему… Присматриваюсь. Ты случайно не сынок Пуришкевича?

Шум, гам, крик поднялся:

— Поймали!

— Кого поймали?

— Зубастую акулу поймали.

3

Словом, зубастые вдоль и поперек прыгали и сновали. Сновали тут и елейные:

— Слыхали, говорят, в Донбассе голодранцы вскарабкались на высокую-высокую гору. Залезли да и смотрят — чудо! В

небесном сиянии, в золотых ризах сидит бог-отец. Освященным рубцом бог Саваоф достойных причащал. Глянул господь бог — нечестивцы к сияющему небесному престолу лезут.

Слушательница, затаив дыхание, накрест сложила руки.

— К престолу?.. К небесному?.. Лезут! О боже, супостаты! Таки долезли?!

— Верьте, сестра, не верьте — с черного хода проскочили. Подходят, а бог-отец и спрашивает: «Вы, замурзанные, чего вы притащились? Какая вас анафема сюда направила?» — «А ты кто?» — спрашивают нечестивцы. «Я есмь бог Саваоф». — «Какой это Саваоф?» — «Всевидящий, всемогущий и всесильный!» — «Подумаешь, цабе! Слазь!» Тогда всевышний как крикнет, как загремит: «Ангелы и архангелы! Мечи обнажите и этих поганцев иссеките!» Множество негодяев погибло. Пусть голодранцы не заглядывают, чем отцы небесные освященный рубец запивают!

— Ох, азиаты!.. Культурных людей наверх не пускают. Вчера отец Никодим просился. «Паства! — молил. — Я с вами пойду». Не допустили, окаянные. Спрашивают: «Что вы, батя, у нас будете делать?» — «Буду, говорит, в горькую годину таинством причащать и молитвой благословлять». Так один супостат поднес грязный кулак к преподобным очам и говорит: «Нюхай, батя, и давай отседова!»

4

Ведя сложную титаническую борьбу, одолевая лукавые враждебные выпады, Правда непрерывно звала:

— Выше! Вперед и выше! Пусть живет свобода! Пусть живет лучшая людская доля!

Тяжелый, тяжелый путь. Но с победами шли вперед и смело до вершины дошли.

Посмотрели — на горе премудрые архаровцы в касках сидят. Мохнатые, рогатые… Носятся, прыгают и честных, хороших людей с горы сталкивают.

Кое-кто даже из смелых заколебался — такая сильнющая сатанюка зубы оскалила! Гляньте — с рогами!

А Правда:

— Люди труда! С вами мужество, и сила, и храбрость! Вы не такому черту рога сломали, а этим и хвосты поотрываем. Вперед! Вперед и выше!

С новыми силами двинулись вперед и выше. Развеяли нечестиво-плюгавую орду. Засияли в горах и долинах красные знамена победы. Знамена счастья трудового, свободы и радостной

людской доли.

КИСЛЫЕ ЯБЛОКИ…

Каждый писатель моего поколения должен рассказать потомкам, как его пропихивали и втягивали в царство небесное.

Меня, признаюсь, тащили за уши.

Наставник духовный наставительно хватал меня за ухо, поднимал до потолка со словами:

— Разве первого человека в сарае сотворили? Реки, дуралей, истину — сотворили в раю!

Я на всю школу глаголил истину:

— Отче! Вы ж мне ухо оторвете. Меня ж, — плачу, — без левого уха не пропустят в царство небесное!

Законоучитель бросал меня на пол и бодро кричал:

— Тебя, дуралея, и безухого в рай пропустят!..

Дома я рассказал, как нам, ученикам, тяжело познавать сотворение мира, а мой любимый, ласковый дедушка Спиридон искренне посоветовал:

— Говори то, что в библии написано, — из глины лепили… Так и говори. А повернут на овсюг, говори: из овсюга люди появились.

На следующий день я, согласно библейскому трактату, начал на уроке излагать историю богословского сотворения мира.

— Взял, — говорю, — господь бог кусок глины, помял, послюнявил и слепил ноги.

Отец духовный погладил меня по голове.

— Так, так… Потом?

— Потом, — говорю, — всевышний нагнулся, потрогал, хорошо ли вылепил колени, я взял еще один ком глины и приделал человеку руки…

— Так, так… Не тяни. Дальше?

— Дальше, — говорю, — пошло дело веселее. Господь бог посмотрел по сторонам и подумал: «Чего же еще человеку не хватает? Что же еще, — думает, — человеку прилепить? Или, может, где-то еще что-то и просверлить?»

— Так, так… Правильно. Продолжай.

Подбодренный, я продолжал.

— Глянул, — говорю, — небесный мудрец, хорошенько осмотрел все и крикнул: «Ох! Сзади несполна налепил. Вот это забыл!»

В подтверждение словесно сказанному я практически похлопал себя по половинкам.

— Вот это, — говорю, — бог забыл прилепить.

— Не тяни, не тяни! — загремел пастырь духовный. — Скорее

о делах небесных говори!

— Прилепив, — говорю, — половинки, господь бог прицепил еще и пуп.

— Эге ж, эге ж… А потом?

— А потом, — говорю, — приставил голову.

— Верно, верно.

— После головы вдунул душу и нарек: «Ты Адам». Значит, бог как дунет, Адам как прыгнет да как крикнет: «Здравствуйте, дядько Ефим!»

— Сие речешь богохульное. Небесный творец именуется не дядько Ефим, а его высокопреподобие. Во-вторых, Адам создателя приветствовал величественнее: «Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный». По-апостольскому сказал. Теперь глаголь, из какой породы всемогущий деву Еву сотворил?

Говорю:

— Моя тетка говорила, что деву Еву архангел Гавриил под вербой нашел.

— Врет твоя тетка. Чтобы вы все знали: Еву господь Саваоф выстругал из Адамова ребра. Спрашиваю, что же было дальше?

Я смело ответил:

— Позвал господь бог Адама и Еву, поставил их рядом и приказал: «Еще, говорит, в рай не привезли ни ситца, ни бумазеи. Поэтому ходите голенькими. Идите, да не грешите».

— Ну и что?

— Согрешили. Сатана кислым яблоком искусил. Залез на дерево, дал Еве кислое яблоко и посоветовал: «Милая, хорошая! Ты только попробуй. А потом тебя все время на кислые яблоки будет тянуть».

За удачно скомпонованный ответ законоучитель поставил мне наивысшую оценку. Потом спросил:

— А теперь всем классом отвечайте — чем дьявол искусил Адама и Еву?

Мы хором кричали:

— Кислым яблоком!..

— Верно. Что же после того случилось? Кто родился?

— Каин и Авель!

— Спрашиваю — отвечайте: от каких фруктов родились первые люди?

— От кислых яблок! — всем классом кричали мы.

. . . . . .

Давненько эту химеру вбивали в головы. Однако еще и теперь кое-кто этот дурман пытается протаскивать.

Да вроде, говорят, уже эта богословская чепуха не лезет людям в голову.

СВЯТОЙ ДА БОЖИЙ

Пресвитера Михаила Галасливого мы знаем давно. Знаем все его апостольские деяния.

Горилку на людях пил — перестал. Не подобает по евангельской летописи горькое зелье глотать.

Трубку курил — курить бросил.

Любить молодиц не переставал: по святой библии молодицы считались сестрами Христовыми.

Впервые, когда богу угодный Михайло Галасливый облачился в тогу пресвитера, он, выйдя из молельни, услыхал, как молодая красивая сектантка Килина, держа в руках библейское писание, колоратурным сопрано запела:

Коли б мені, господи, та й повечоріло…

Пресвитер Михайло вокальный талант ближней своей оценил с позиций праведных: сестра во Христе требует индивидуального подхода.

На очередной проповеди прихожане спросили преподобного учителя:

— Отче, пожалуйста, расскажите: почему сестра Килина удостоилась вашей высокой чести? Под небесными звездами, под пение славословия показывала вам, где просо растет, а где гречка цветет…

Отец пресвитер с видом святого смиренно ответил:

— Братья и сестры! Вместе ходите и вместе гречневую кашу варите! И говорю: сестры! Не допусти вас боже кашу варить с богоотступными бригадирами. Аминь!

Отводил глаза пастве своей. На путь истины наводил.

Однажды сестрица возьми да и спроси:

— Батюшка, поясните мне, почему это так: церковные наставники душу искали в пазухе, а вы душу ловите аж… аж…

Пастырь в самое ухо шепнул сестре:

— Небесными велениями мы, отцы пресвитеры, удостоены — когда и как…

— Вам, отче, виднее. Ловите душу, наставляйте ее на праведный путь…

И елейно-преподобный Михайло Галасливый ловил и наставлял…

Наставлял словом божьим:

— Глад и мор ждет всех, кто бога в себе не ищет, кто пастыря

от себя отталкивает.

И потихоньку гладил смазливую сестрицу — божеское искал…

Блуждал-блуждал пресвитер Михайло по разным краям и притащился в наше село. В нашем селе и начал свою пастырскую деятельность. Об этом попечении заблудших душ и я слыхал. Слыхал, как две тетеньки говорили.

— Что ни говорите, кума, что ни скажи́те, — начала первая, — а отец Михайло, ей-богу, рожей на святого не похож. Вот, кума, хоть верьте, хоть нет, он какой-то… будто с печки упал…

— Хороший тебе печник!.. От него только в нашем селе уже третья принесла ребенка в подоле. А хату какую воздвиг — дворец!

Гонялся-гонялся пресвитер Михайло за сестрами, и сестры, раскусив его, погнались за ним. Бежали с кочергами и ухватами.

— Ах ты!.. Святой да божий!..

В последний раз я видел пресвитера Галасливого в Крыму. Возле Байдарских ворот, там, где бывшая церковь стоит… Теперь там буфет. Крестов на буфете нет, но образ Иисуса на стене висит.

Михайло Галасливый в сопровождении какой-то монашки — очевидно, новую веру основал — подошел к буфету, широко, по-экзархистски, перекрестился и громко произнес:

— Господи! Владыко живота моего, сколько дозволяешь — сто или сто пятьдесят?

Монашка даже дыхание затаила. Тихо и благоговейно спросила:

— Сколько позволил сын божий?

— Позволил сто пятьдесят с прицепом.

Подруга Христова закрыла глаза и зашептала:

— Слава в вышних богу…

Бродят, ищут наивную людскую душу, в свои черные когти хватают.

Но говорят:

— Хватал-хватал волк, да и волка схватили!

Правду говорят! В это мы глубоко верим.

ЗДРАВСТВУЙ, БРАТЕЦ МЕСЯЦ ЯСНЫЙ!

Вторая советская космическая ракета 14 сентября 1959 года доставила на поверхность Луны вымпел с изображением герба Советского Союза с надписью: «Союз Советских Социалистических Республик».

Сообщение ТАСС

1

Впервые увидев, как по дороге бежит автомобиль, я упал от удивления.

Лежу, а мне кричат!

— Сашко! Хватайся руками за землю!

Я и вправду крепко держался за землю и зачарованно смотрел: какая же это сила толкает его и подпихивает?..

Все село приворожила удивительная машина. Тюкать не тюкали, а креститься крестились.

— Такое чудо! Без коней, само бежит на колесах!

2

Автомашина остановилась возле роскошной усадьбы Оверка Кожушного.

По селу ходили слухи: в просторной Оверковой хате вечерами собирались стар и млад. Псалмы пели и с молитвой на устах чертей из грешного тела изгоняли…

Ночью псалмы пели, днем на широких Оверковых десятинах гнули спину: пахали, жали, а молодые полольщицы бахчу пропалывали.

Так и говорили: «заграничный» дядя (не то американец, не то немец, не то англичанин) присосался к хозяину — к Оверку Кожушному.

Сам прилип и штундистскую библию к хозяйскому карману пристроил.

История была такая: иностранный дядя пухленькую библию сначала пешком приносил в богоспасаемую усадьбу, а потом на лошадях, на тарантасе, привозил. А теперь — без коней, на дьявольском газе подкатил.

Помогли молитвы и псалмы…

3

Во второй его приезд или в третий, а может, и в четвертый (за это время Кожушный успел святым словом добротную маслобойку воздвигнуть) мы, сельские мальчишки, смелее подошли к загадочной машине, стоявшей возле маслобойки.

Трогаем, осматриваем — почему она сама и крутится и вертится?

Сначала нас отогнал иностранный дядя:

— Ви техника ничего не понимайт! Ви харашо понимайт телята пасти!

Оверко Кожушный прогонял выразительнее:

— Что вы, босячня, божественные колеса руками хватаете? Вола за хвост хватайте! Хватайте и с богом кричите: «Гу-гу-гу!..»

«Заграница» по-братски обняла Кожушного за талию, и они, как говорят, два сапога — пара, на всю улицу хохотали, даже брюшко тряслось.

— Замурзанные! Рожденные ползать — ползайте! Машину не лапайте, не пачкайте!

4

Великий гром грянул — царя скинули. Дышать стало легче.

Но в усадьбе Кожушного изменений не произошло: погремело-погремело и утихло.

Ночью Кожушный, по старому обычаю, громко пел псалмы, а днем в маслобойке подсолнечное давил из грешной братии…

А в автомашинах сновали иностранные дяди…

5

Удивительную технику создали и трудовому человечеству навеки подчинили славные историко-революционные выстрелы «Авроры» по Зимнему дворцу.

В те волнующие, в те прекрасные дни я ходил возле

автомобиля с Гришкой Вухналем, таким, как я, голодранцем-деревенщиной.

А большевик Светлов и говорит:

— А ну, ребята, садитесь на эту буржуйку, да поедем буржуев колошматить… Поедем эксплуатацию уничтожать!

Невыразимо радостный трепет нас охватил. Мы сели в машину.

Чудесная машина запыхтела и повезла нас, чтобы земли и маслобойки народу возвратить.

Кожушные и бормотали и лепетали:

— Царица небесная и бог в трех лицах вещали — недолго будут голодранцы ездить! Вот вам святое евангелие — перевернутся окаянные!

6

«Заграница» тоже квохтала, предвещала:

— Заводы строят? Без нас не построят! Фундамент под электростанции закладывают? Пусть, пусть!.. Пусть копают! Накопают и сами себя под фундамент закопают!

Иноземные пророки пророчили, иноземные сычи вещали, а мужественные советские люди электросияющий Днепрострой героически сооружали.

Строили и учились. Учились и строили.

Заводы-красавцы росли и украшали Советскую страну.

Пышно зацвели и колхозные степи, густой пшеницей заколосились.

Ушел строить авиационный завод и мой напарник — вместе телят пасли — Василь Чередник. Работал Василь и учился. Инженером-конструктором стал.

Василь — мой дорогой друг, и меня авиационному делу учил и впервые на самолет посадил.

Полетел… Вот тут моя душа на свежем воздухе прямо запрыгала… Самолет качнется, а сердечко забьется! Радуется!

Подумайте — на самые облака забрались!

7

Прилетели мы и в родное село. Летали и односельчан «воздушными крестинами» угощали.

Вечером только и разговоров: «Вася! До Луны можно долететь?»

Пусть Васе легонько икнется, ласковым словом вспомним: чудесный инженер-конструктор вышел из пастуха. С каким увлечением рассказывал он о великом ученом Циолковском! О тогдашней фантазии будущих полетов в космос.

Признаюсь — я сам слушал его с открытым ртом.

Васю спросили:

— Ты сам летал на Луну?

Вася возьми да шутя и скажи:

— Летал. Прилетел и кричу: «Здравствуй, братец Месяц ясный!» А мне отвечают: «Здравствуй, мать сыра Земля!»

— Ну и как там? — допытывались односельчане. — Есть ли сельсовет? Равноправны ли там женщины? Или их, может, и поныне угнетают? Есть ли детские ясли, детские сады?

— Детских яслей нет, а женщины есть. Хорошие женщины, замечательные, но их пресвитеры покорными ангелицами сделали.

— А песни поют?

— Нет. Благочинные строго-настрого наказали: каблучками не выбивать и песню «И хліб пекти, й по телята йти…» не петь! И боже сохрани земного мужчину вечерком под вербами поцеловать. Словом, с молитвенником предупредили: ничего, сестрицы, не творите и деток не плодите!

— Да неужели такое? Ни обняться, ни поцеловаться? А женщины молчат или протестуют?

— Затосковали женщины, заплакали. Но услыхали по радио, что на советской земле женщины больших успехов достигли. Работают и учеными, и инженерами, и академиками, и депутатами, и агрономами, и астрономами. Услыхав все это, архиерея на высокую гору загнали, бороду общипали и рясу оборвали. Кричат: «Будем петь, будем танцевать! Будем работать и будем деток рожать!»

— Вот это по-нашему! А архиерей удрал?

— Куда же от баб убежишь? Схватили его тетки за грудки и спрашивают: «Признавайся, врал, что деток святым духом плодят?» — «Сестры! — вскричал архиерей. — Помилуйте меня, грешного! Ей-богу, врал! Живите, сестрицы, по-земному. На рай небесный не надейтесь! Я сам вчера проголосовал, чтобы там организовали художественную самодеятельность, А то такая скука — мухи дохнут».

— А что он делал, когда увидел, что вы подлетаете?

— Перекрасился… Увидел — подлетаем, дал знак, и архиерейский хор как грянет: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед!…»

— Шутишь, Вася… Но нас интересует не это. Нас интересует

главное: значит, признался — врал?

— Признался!

8

Великий Октябрь волю и силу трудовую возродил и первоклассную технику создал.

И еще: кто плуги ковал, кто телят пас — в техническом прогрессе стал реальнейшим фантастом.

Мы первыми в мире с далекой Луной ракетно поздоровались!

«ХЛОП — И ВАШИХ НЕТ»

Есть на свете гора Арарат. В Турции эта гора.

Заокеанские «туристы» любят на эту высокую гору взбираться.

Вы спрашиваете, зачем их туда черт несет?

Скажу. Не таясь скажу. Американских «туристов» на высокую гору не черт подпихивает.

— А кто же? — допытываетесь вы. — Ангелы их на крыльях несут?

— Нет, и не ангелы. Американские зеленые хаки ухватом подпихивает желтый дьявол — дьявол наживы и эксплуатации.

Так вот, о высокой горе. Заберутся «джентльмены» аж, аж… Берут бинокли, посматривают в нашу сторону и бубнят:

— Ах, какие цветущие долины! А сады!.. А виноградники! А нефть!.. А золотая пшеница!..

Лихорадка их трясет. Лихорадит… И так повернут бинокль, и этак — видят: все растет и расцветает. И ей-ей, правду говорю, агрессоры с пеной на губах вопят:

— Коммунизм строят! Свободно трудятся, вольно танцуют, вольно поют! Вот кто агрессоры — советские люди! Ни одного безработного нет!

Нет и не будет!

Конечно, не скроем, есть у нас «агрессия»… «Агрессивно» перешли на шести- и семичасовой рабочий день.

А кто захромал или печеночка запрыгала — куда его? В санаторий везут.

Господа заокеанские дипломаты! Скажу вам по секрету: мои родственники — рабочие. Им по старости лет Коммунистическая партия и Советское правительство дали пенсию, — дай боже, чтобы трудящимся в вашем «свободном» капиталистическом мире хоть половину такой давали.

Вот вам и «агрессия»…

Конечно, мы понимаем, воинственным зеленым хаки не спится и не лежится. Наше благосостояние, наша социалистическая жизнь в нос колет. Покоя не дает. Потому вы, господа милитаристы, и беситесь.

Видный украинский поэт О. Колесса писал: «Шалійте, шалійте, скажені каты…»

Вы строите тюрьмы, кормите шпионов. Выкормили же шпиона Пауэрса? Посадили на самолет «У-2» и приказали: «Лети! Разведывай! А не повезет — в сердце себе отравленную иглу вонзи!»

Вот какова ваша хваленая цивилизация!

Ну вот и послали. Полетел!.. Ну и сел… Как говорят — приземлился… Приземлили советские воины, приземлила советская техника.

Слыхали! Знаете вы, знает об этом и весь мир; советская ракета — хлоп! — и ваших нет!

Не покаялись. Не каются… Опять суют свой длинный нос. Нюхают…

Советские соколы и говорят:

— Нам холодненькой воды не жаль — купайтесь, плещитесь!

Купали мы агрессоров и в Черном море, и в Балтийском…

Воды на белом свете хватит. Пейте, чтобы вас разорвало!

С миром — пожалуйста, прилетайте. Агрессивно — и не думайте: ощиплем!

У известного украинского советского писателя Остапа Вишни есть такой диалог:

> «— Архангел Гавриил! Ты зачем прилетел?
>
> — Миропомазать… Советскую власть миропомазать…
>
> — Беги, голубчик, беги. Тут не такому черту рога обломали. А с тебя и перья полетят!»

Добавим: обломали и обломаем.

Это не я говорю. Это весь советский народ уверенно вот так говорит.

А народ — великая, непреоборимая сила!

ИСЦЕЛЕНИЕ И ИСЦЕЛИТЕЛИ

Из многочисленного синклита — преподобных высокопреподобных и распронаипреподобных — наибольших успехов, бесспорно, достигла святая дева Мария.

Рекордно творила чудеса…

Скажем — прорыв! Поколебалась вера православная на Полтавщине, пришла в упадок и на Харьковщине. Кого в первую очередь бросают на отстающий участок? Разумеется, чудотворную. Она и ласковым оком моргнет, она и губками шепнет: «Братья и сестры, не вешайте нос! Кладите на алтарь гусочку. Нет гусочки — тяните курочку. Несите!.. Несите и яйца. Нет яиц — рублик катите. На воротах апостол Петро не станет проверять, кто с каким приношением, лишь бы деньги…»

Словом, призывала, веру христианскую спасала.

В разных местах небесные дела творила — в оврагах, в сараях, во ржи…

Возле нашего села владычица творчески в колодец залезла.

Чья-то невидимая рука на срубе пристроила царицу небесную. Двумя гвоздями крепенько прибила.

До восхода солнца объявилась и обновилась.

Узреть диво неземное первой удостоилась дебелая бубличница Варвара Чернохмара.

Бублики и благочестивые просвиры пекла.

На рассвете кинулась заквашивать, а воды — ни капли. Проворненько схватила ведра — и бегом к колодцу.

Прибежала, глянула — сияет! Матерь божья с младенцем засияла! Господи! На колени упала, стала креститься и во всю мочь завопила:

— Голубушка! Царица!.. Милостиво нас осенила и грешную водицу освятила!

Сбежались люди.

— Чего, Варька, голосишь? Утопился кто или, может, черт рогатый приснился?

— Какой там черт? Чтоб у вас язык отнялся! Вон спасительница сияет! Защитница наша небесная! Люди добрые, верьте не верьте: пропели третьи петухи, а меня словно кто граблями с подушки тянет. Стягивает и кричит: «Проснись! Отталкивай мужа, не блуди! Зри — я пришла вас спасать! Пришла исцелять!..»

И провозвестница Варвара Чернохмара, набрав полные ведра воды, кометой полетела к своей хате, горланя:

— Исцеляйтесь, хроменькие! Исцеляйтесь, слепенькие!

Начали выяснять: чей колодец? На чью долю выпала такая щедрость небесная?

Выясняли-выясняли и выяснили: господнее благоволение попало в колодец собственника-богатея Кондрата Солопия.

Пока там говорили, выясняли, пока разговаривали, церковный причт уже кропил кропилом, а бубличница Варвара Чернохмара сладко пела:

— Бублички свеженькие! Просвирки святенькие! Святую воду брала, святой водой и заквашивала! Хватайте, разбирайте!

Всем чудотворным действом руководил коммерческий друг Солопия, смышленый странник Евсей Колодий.

Он и удачный совет подал — богородицу на срубе пристроить. Пристроить и длинными гвоздями приколотить.

Вначале много было вариантов — куда и где? Ограниченный Солопий домогался примостить чудотворную где-нибудь в загоне. Но сообразительный Евсей Колодий хозяйскую химеру резонно отклонял:

— Кондрат Осипович, положитесь на меня. Это уж будет мое четырнадцатое чудо. И учтите — все тактично, все в цель! Вы же подумайте, дорогой! Ну, прибьем возле свинарника — сразу же спросят: почему царица небесная полетела к поросятам? Что она, поросных свиней не видела? Вы говорите — под стреху. Но под стреху, кроме воробьев, ни один святой никогда не залетал. Опять рекомендуете повесить на бересте. Если бы это еще Христос, тогда верно, тогда вы попали в точку. Спаситель снижался на землю, зацепился трусами за ветку и кричит: «К вам, грешным, гряду!» Голубчик, — логично доказывал Колодий, — а вы подумали, надолго ли нам хватит продавать чудотворный берестовый лист? А освященной воды — по горло хватит! Хватит торговать и летом и зимой…

Так вот смекалистый Евсей Колодий тут же, недалеко от колодца, для прихожая профилактически-исцелительный комбинат соорудил. В чашках и в бутылках святую воду направо и налево лихо за денежки раздавал.

На бутылке или на чашке стояла такса и лечебный диагноз: от немоты, от глухоты, от слепоты.

Позже в собственном домике, построенном им в Полтаве, интимные друзья спросили хозяина, Евсея Колодия:

— Евсей, скажи по правде, помогла ли кому-нибудь вот та святая колодезная вода?

— Точно не знаю, — ответил Колодий. — Но нам, подвижникам, — мне, Солопию и Варваре Чернохмаре, — по самую завязку помогла. И хорошо карманы покропила, и новые хаты освятила…

Давненько все эти описанные мною события произошли. Но, к сожалению, и до сих пор нет-нет да где-нибудь и выплывают такие исцелители…

Будь они неладны!

ДИРЕКТИВЫ И КОРРЕКТИВЫ…

Ей-богу, в последнее время Наум Наумович переродился. Стал учтиво посетителей принимать и вежливо подчиненным отвечать. Он уже не говорит: «Закрой свою пасть! Не твоего ума дело!» А тихонько, ласково шепчет: «Вася, твое дело телячье. Сиди молчи…»

Зашел как-то посетитель, а он ему стул предложил и рукой показал — пожалуйста, садитесь!

Расспрашивал, допытывался и с улыбкой спросил:

— Так вы женаты?

— Женат.

— Ага, ага! Очень приятно… Вы непременно и справку о браке сюда же приложите… Коротенькую. Вот такую: «Выдана справка такому-сякому, что он такой-сякой и имеет жену такую-сякую…» Вот это, соколик, и все.

— Моя жена со мной в приемной сидит.

— Понимаю, понимаю. Поймите, голубчик, и вы меня. Мы вашу жену к делу не пришьем. Да, да!.. Ха, ха!.. Не приклеим.

Корректный стал Наум Наумович Пухвир.

— Знаю, знаю и говорю — вы наша гвардия! Вы кадровая единица. Если так можно сказать, опора нашего завода. Слыхал, слыхал… Ваша дочь, а наша молодая сотрудница, выходит замуж. Что ж — благословляю… Пусть живут… Пусть милуются… Пусть внука любимой бабушке принесут… Какая это радость, какое это счастье! Однако же… Однако ж, говорю, дорогуша вы моя, не могу, ей-ей, тогда хоть караул кричи!.. Моя золотенькая, ей-бо, подымут шум. «Разве ты, — закричат, — не читал вышестоящей директивы?» Да за правое ухо — цап! «Ты что делаешь? В вышестоящие директивы, — закричат, — контрабандой пропихиваешь нижестоящие коррективы?» Да потом за левое — цап! Сцапают и за ушко на солнышко — на низовую. Сиди, скажут, искупай грехи. Не крути и не верти — ни директивами, ни коррективами.

Вы теперь, серденько, поняли, какой у нас железный финансовый порядок? Мое вам уважение, низко вам кланяюсь. Кто следующий, заходите!

А через какой-то час-другой главбух в интимных тонах докладывал:

— Наум Наумович, горим!

— Что? Где? С какой стороны подожгли?

— С парадной. Партийно-государственный контроль постучал.

— А какая у нас там свечка не потушена? Спрашиваю, где и что мы не погасили?

— Позвольте расстелить географическую карту наших путешествий. У речки Псел смалили поросенка. По случаю ваших славных именин костер разожгли… Поросенку хвост обмывали, себе зубы полоскали — двести рублей.

— Дальше.

— На той же природе жарили на сковороде окуня, щуку, карася… Мои именины и именины вашей жены совпали… Сумма та же — двести…

— А еще были именины?

— Не именины, а высокого гостя принимали. На охоте принимали… Огненным коньячком в хитрую лисицу стреляли… Бах! — и нет сто пятьдесят…

— Еще что?

— Дышали свежим воздухом. С волнением о красоте природы рассуждали и в лозняке среди зарослей разговаривали, соленого зайца гоняли — сто!

— Глупости! Подумаешь — двести да сто… Для такого завода — сущая ерунда! Спишите на культурно-массово-спортивные расходы.

— Ясно! А куда вот эту пятерку?

— Кому выдали?

— Припоминаете, к нам пришла директивная бумага, в которой указывалось: «В честь кадровых работников, у которых подошла пенсионная дата, устраивайте достойные вечера. Приглашайте молодежь…»

— Вспоминаю, вспоминаю… Такие директивы были.

— Эге ж, эге ж… И если вам, Наум Наумович, память не изменяет, вы написали резолюцию: «Аналогичные памятные вечера в финансах ограничить до минимума». Так, дорогой Наум Наумович, вы кстати в директивы внесли коррективы… Пятерку истратили на вечер, посвященный кадровику Сергею Посполитаку.

— Конкретно?

— Играл баян — рубль. Цветы дарили — рубль. Распорядителю — трояк.

— О! Вот тут пусть ревизоры укажут. Пусть нас клеймят, пятнают… Пусть и потерзают… Пострадаем!..

В одном из колхозов нам рассказали о целом потоке указаний: «заготовить», «подготовить», «развернуть», «возвратить»…

На такие невыразительные директивы невыразительно слагались и «коррективы»: «заготовили», «подготовили»,

«развернули», «исправили», «перевернули», «возвратили»…

Значит, говорим, такая сила-силища бумажек собралась, что ее с трудом волы до сарая довезли.

В сарае сложили, и, к счастью, их телята и поросята изжевали.

Во время завтрака, говорили, случилась такая деталь: рябой поросенок одну бумажку жевал-жевал и с трудом проглотил. Плотная бумажка попалась. Говорили, что на той бумажке было написано: «Бросайте печеное и вареное и ищите слезное заявление Наума Наумовича Пухвира».

В том заявлении Наум Наумович просил доверить ему руководство колхозом. В городе уже наруководился…

Говорят — не разрешили. Но Наум Наумович на собраниях с покаянием кричал: «Я же так хотел директивно и коррективно сеять, веять!.. А вы отклонили!..»

Добавим: отклонили — и хорошо сделали.

МУЖЕСТВЕННАЯ, ВЕЖЛИВАЯ…

Я сижу в клубе в третьем ряду, внимательно вслушиваюсь, навострив уши. Интересно же рассказывает доктор наук:

— То было грозное и суровое время — шел бурный девятнадцатый год. А я, сельский парнишка, волостной милиционер. Произвели…

Вызвали в ревком и произвели. Председатель ревкома и пояс на мне застегнул, и кобуру приладил, и какой-то допотопный револьвер в кобуру вложил. Словом, экипировка на все сто. Еще и четыре заповеди — как себя должен вести волостной милиционер — с ходу прочитал.

— Первая заповедь, — торжественно сказал, — держи, Вася, фасон. Шагай твердо. Тебе поручили большое дело. Поручили охрану революционного порядка во всей волости. Вот эта револьверная железяка — твоя сила! Она, конечно, не стреляет, но громко щелкает. Допустим, ты идешь и по дороге встречаешь гидру. И не дай бог, гидра движется на тебя своим корпусом, вынимай железяку и щелкай. Щелк — гидра падает. Ты тогда бери в руки бумагу, карандаш и задай вопрос: «Ты долго, паразит, будешь пить кровь людскую?»

Вторая заповедь такая. Ты, конечно, знаешь Матвея Люшенко. Знаешь и то, что он ведет пропаганду, будто земля не вертится. Вертелась, говорит, но бог приказал — тпру, не вертись! Ты подойди к Матвею Петровичу, вежливо поздоровайся и вежливо, с понятием передового человека, докажи: бога не было и нет, а земля вертелась и вертится. При агитации и убеждении железяки не вынимай.

Третья заповедь — присматривайся. Наблюдай, у кого под ногами на вверенной тебе территории зашаталась земля. Не смотри на ранги. Качнуло председателя кооперации или еще какого-нибудь руководителя — бери двух понятых и выясняй, когда и после какой дозы у него под ногами завертелась земная планета, где он ту дозу взял, из какой бочки дозу качал и из какой продукции ее гнал.

Четвертая заповедь — непоколебимо стой на страже революционной законности. Выявляй, кто глумится над нашими товарищами женщинами. Кто их, бедняг, мужскими руками по спине дубасит или бечевкой стегает. Таких приглашай в ревком на предмет морального влияния. Ну, будь счастлив, Вася! Исполняй!

Вышел я на улицу, подумал и пошел сначала к родному дяде. Слыхал — вчера тетку «потчевал», хворостиной по двору гонял.

Пришел. Дядя тепло, ласково поприветствовал и спросил:

— Значит, наши пошли в гору? Тебе и пушечку на бок прицепили.

А я дяде:

— Дорогой дядя, нельзя, — говорю, — тетю хворостиной полосовать и босой по снегу гонять.

У дяди даже голос осел:

— Как нельзя? Нельзя жену бить? А кто же такой закон выпустил?

— Революционный комитет, — говорю, — такой закон издал.

С дядей мы так и договорились: еще хоть раз тетку ударит — приду и сам его в ревком отведу.

Дядя дал зарок — не буду, а у тетки Приськи и глаза радостно засветились и слеза от радости скатилась. Нежно-нежно тетка заговорила:

— Спасибо тебе, Вася, что зашел. Может, ты у нас и пообедаешь? У меня варенички сами в рот скачут.

Поблагодарив за внимание, я ушел. Проводил меня дядя. Когда мы проходили мимо усадьбы Свирида Нетесанного, то дядя горячо и взволнованно заговорил:

— Я-то что ж… Я ведь ничего… Нельзя бить — не бей, терпи! А вот, — он палкой ткнул в плетень кулака-мироеда, — как с этой гадюкой быть? Напился, гад, людского пота!

При нашем появлении Нетесанный спустил с цепи собак, а сам лукавыми глазами поглядывал из-за высокого плетня. Простившись с дядей, я пошел дальше, но ясно услыхал, как Нетесанный позвал дядю:

— Ефимович! А подойдите ближе. Здравствуйте! Что это — ваш в политические подался? Наверное, туда влез, вон ведь какую бомбу нацепил. Что ж, привесили так привесили. Что он вам рассказывал?

— Ничего такого, — говорит дядя. — Говорит, жен теперь нельзя бить.

— Эге-ге… Вишь куда стрижет. Это его настраивают вот те всякие…

Как-то председатель ревкома пригласил меня к себе в кабинет и конфиденциально поделился:

— Вася, гидра зубами щелкает. Даю тебе в помощники двух хлопцев, — комсомольцев Петренко и Овчаренко, — и отправляйтесь на базар. Пусть ребята караулят на главной дороге, а ты на выгоне зорко следи за арбой, запряженной воронами.

— Есть следить за арбой, за воронами! — сказал я и подался на базар.

Поясняю: гидра — это кулаки. Они приезжали на базар на

огромных арбах, наполненных съестным и жидким…

В сторонке на базаре становится и за съестное и за жидкое дерут втридорога…

Остановился такой субчик-купчик, распряг коней и водит носом, нюхает воздух — чем веет-повевает и откуда повевает. Нанюхавшись, бросает своей половине: «Смотри стереги! Рта не разевай и зубы не скаль!» — и не спеша направляется в людскую гущу.

Идет, как гончая по следу, выгодного покупателя искать, а то и что-нибудь тайное, такому, как сам, нашептать, а толстенькая, пухленькая половина садится на сало, колбасы и следит: не прорывает ли какая-нибудь сатана снизу дырку?

Вы спрашиваете, как и кто дыры в мешках прорывает?

…Штука немудреная — зубами прогрызает… Подходит измазанный хлопчина, на голове у него рваная желтая шапчина. Подходит, держится рукой за челюсть и кричит:

— Ой, жжет! Ой, печет!.. Тетя, дозвольте к вашему возу прислониться!

— Иди себе, иди прочь, острожник! Носит вас тут нечистая сила!

— Тетенька!.. Печет же! Господи! Боже мой, пресвятой, как же печет! Так печет, аж голова трещит!

— Где же у тебя печет?

— Коренные дергают. Даже искры из глаз летят. Разрешите, тетя, спицы в вашем колесе погрызть. Может, они, клятые, занемеют.

— Ты что же, глупый, с ума сошел? Разве спицы помогают?

— Помогают, тетя, помогают. Вот святой крест кладу, пособляют.

— Тогда грызи, черт с тобой!

Хлопец к колесу припадает, грызет спицу и корешу глазом моргает — не зевай! Хватай!

В это время пышная хозяйка, сидевшая на мешке с колбасой, привстала. Видите ли, ей захотелось посмотреть, как тот сумасшедший голодранец зубы спицами будет лечить.

Она поднялась, а кореш хвать — и нет колбаски.

— В тот базарный день, — продолжал после паузы оратор, — нам удалось обезвредить злой вражеский заговор. Заговорщики пытались разгромить ревком. Несмотря на хитрости и маскировку, народ своевременно распознал преступников, разоблачил их и этим нам очень помог. Скажу: предводителем разбоя был хозяин арбы с колбасой…

Поучительные воспоминания. Недаром на вечере было

немало работников милиции. Глянешь в зал — сердце радуется. Как выросла наша славная советская милиция. Ни одного без образования. Говорим — без среднего. А еще больше радует: у многих на мундире вузовский значок.

Младшие и совсем молоденькие чины милиции поднимались на трибуну и говорили, как стойкие городские и сельские дружинники активно помогают своей милиции успокаивать и сдерживать тех, кому море по колено, кто во все горло кричит: «Раздайся, море, Сеня-дух плывет…»

И мы так думаем. Хорошая и храбрая, мужественная и вежливая наша советская милиция в каждом случае всегда сумеет разобраться: к кому обратиться с добрым сердцем, а кого угостить горьким перцем…

КРЕСТОНОСЦЫ

1

На хуторе Тихие Копылы тихо набрасывали на людей тугонькую петельку. Набросят, вокруг крепенько обмотают, и еще и трехперстной щепотью в лоб ткнут:

— Не гневи бога — терпи!

Великодушный, степенный хозяин Кирилл Тугокопылый для хозяйского дела и черной кромки не пожалеет — доточит. Чтобы длиннее петля была. Чтобы можно было и руки связать и ноги обхватить.

Скрутит прочненько, крепенько, чтобы ты только то и делал, что исправно, смирно за хозяйским плугом ходил.

А уж благодатью божьей почтенный хозяин задаром полную пазуху набьет:

— Человече, не противься, паши! Паши, голубчик. На солнышко не поглядывай, отдохнешь в раю…

Но и сам хозяин не почивал, не спал. Беспокоился… Заботливо осиротевшую земельку себе под свои ноги загребал. Где подгребет, где припашет, а где и просто ночью отхватит, а днем властно крикнет: «Мое!».

Господи! Какая это напряженная работа — в одну кучу стянуть сто десятин!

Еще на дворе кромешная тьма, а неусыпный хозяин ходит, всматривается в потемки, рыскает. Пристально-пристально хозяйским оком в степные просторы вглядывается: не нарушают ли односельчане земельного кордона?

Пригнул голову — боже мой! — нарушают: на меже нагло рвут травицу-кострицу.

Кирилл Тугокопылый трусцой бежал на место преступления. Задыхался, сопел, но бежал. Бежал и по ровной степи, бежал и по лужам. Пусть ноги по колено вязнут (пусть терпят!), пусть сверху еще и проливной дождь хлещет, гром небесный по спине бьет — ничто не могло остановить ненасытного хозяина.

Добежит Тугокопылый — и голоса его не узнать. Мягко, смиренно заговорит:

— Дай, боже, день добрый! Эх, человече, человече, разве ты не видишь, на чьем поле своего чахлого теленка пасешь?

— Межа… На меже пасу.

— Межа?.. Господи праведный! Не зришь ли ты с высоты небесной, какая на свете неправда? Он на меже своего глупого

теленка пасет!.. На моем пасешь, Христос с тобой. Дурень ты! Раскрой глаза — на моем! Я горевал, не спал… А он — на меже!..

— Это ваши степи, а это моя полосочка… А это — межа.

— Боже, боже!.. Совесть у тебя есть? Что ты плетешь — «моя полосочка…»? Когда она была твоя? При Царе Горохе! Опомнись и больше не греши. Это чьи же волы припахали? Вон, там-там… Видишь, аж до камыша? Чьи? Мои! А он бормочет — его полосочка. Она уже давно с торгов продана мне. Эх ты, бедняга! Живешь-живешь да все на чужом пасешь? Хе-хе-хе!.. Да бог с тобой, грех поделим пополам. Половину я тебе дарю, а половину отработаешь. Приходи на молотьбу. Молотьбы у меня — ой-ой, до покрова хватит. Хлеб будешь есть мой. И не говори, не рассуждай, — и хлеб и харчи мои! Спекут, сварят и принесут тебе в степь. В степи и спать будешь. Ляжешь на широкой скирде и ворочайся, как на перине. Я для людей — боже меня сохрани…

Щедрый, ласковый хозяин… Кому пудик ржи одолжить — одолжит. Не погнушается и подсобить:

— Согни, человече, шею, а я тебе мешочек на спину подкину.

Поверит человек, подставит спину, смотрит, а милосердный хозяин на шею петлю набрасывает.

— Я тебе, ты мне — по-христиански… Я тебе хлебца, а ты мне отдашь ту полоску, что под горой. Она же тебе без надобности…

Потихоньку-полегоньку, то одолженным хлебцем, то льстивым словцом хитроумный Кирюха и загребал в большую кучу маленькие земельные лоскутки своих ближних.

2

Невдалеке, на высоком пригорке, в роскошной усадьбе жил привередливый Кириллов конкурент в небесных делах — ревностный старообрядец Терешко Тягнирядноосебе.

Иногда в степи или в садике встретятся и бранятся до полуночи, решают — двумя или тремя перстами достойнее божьей милости просить.

— Кирилл, — душевно убеждал Тягнирядноосебе, — возвеличься в делах духовных. Не иди по пути нечестивых. Не уподобляйся проклятым попам. Праведным двуперстием проси у бога милостыню: «Боже, еще достаточка пошли…» Усердствуй, брат Кирилл. Всевышний узрит!

Приглядывался всевышний к перстам или не приглядывался, а брат Кирилл со скотиной тремя перстами еще больше преуспевал: одних волов загнал в загон пять пар. Да телята, да жеребята, да коровки…

Успевай только креститься — говядины хватит…

Одна беда — не спится. И не спится, и не лежится… Хозяйственные мысли покоя не дают, бешено снуют: «На такие овраги, горы, долы — одна паровая молотилка! Глумление да и только. Люди хлеб уже продают, а я еще молочу. Вторая паровая до зарезу нужна. Или жатки… Людям на смех — три жатки на такие раздольные степи. Маловато, ей-ей маловато — не управляются. Хлебец господь родит и высоконький и густенький…»

Почесал Тугокопылый поясницу, повернулся на правый бок и аккуратненько прикинул на пальцах — деньжат хватит. Одна касса в сарае, под бочкой, зарыта, вторая — под грушей, третья — возле свинарника. На черный день лишнюю копейку спрятал. Полный горшок золотых червонцев в землю закопал. И возле отхожего места, под старым фургоном, тоже зарыл. Так зарыл, что никакой черт не догадается.

Копеечек хватит и на молотилки, и на жатки, и на плуги…

Тут бы спокойненько и заснуть, так нет — новые мысли неспокойно шевелятся, засели и не выходят из головы: где строить маслобойку?

Закроет глаза неусыпный хозяин и так, с закрытыми глазами, начинает кобчиком по хутору кружить: просторное, удобное маслобойное место ищет.

Хорошее местечко на краю хутора, на большаке. Боже, какое доходное место! Кто бы ни ехал, кто бы ни шел — никто мимо не пройдет. Заедет или зайдет. Проклятая двуперстая штунда опередила, раньше этот кусочек захватила. На дороге каменную молельню поставила. Первачком, сучий сын, торгует. Днем молится, ночью глотку заливает — пьет!.. Чтобы из тебя горячую кровь выпили!..

На том конце сам дал зевка. Бесов волостной служака Мусий Нетесаный давно хороший уголок захватил. Паровую мельницу там воздвиг. И где он столько денег нагреб? Где же?.. Пятый год волостным старшиною лает — и, видишь, мельничку налаял!

Тугокопылый повернулся на другой бок. Так-так, облюбовал местечко. В центре хутора, рядышком, возле самой церковки божьей. Отец Иоанн, не сглазить бы, любит за красненькой протянуть свою пастырскую длань. Пусть протягивает — помаслим. Поплюю, где мое не пропадало, а оно, смотришь, и меня бог не забудет. Смотришь, и в мой карман поплывут тысячи…

Так с тысячами и уснул Кирилл Тугокопылый. Но и во сне хозяйственно-земельные дела не покидали крылатого степняка. Подхватился Тугокопылый как ошпаренный. Подхватился — да

скорее к окну: не светает ли? Не пора ли во двор сонных работников скликать, на хозяйские дела со скотиной поднимать?

Подошел к окну, а сильные северные ветры ставнями по окнам — грюк!

Ударило так, что даже стекла зазвенели. Великая новость — престол упал! В Петрограде свергли вседержавную корону. Нет царя! Свалился главный тиран.

Тугокопылый ударил лбом о пол перед позолоченным иконостасом:

— Святители, дорогие! Скажите, не мучайте, прикосновенные или неприкосновенные хозяйские отруба?

Немо взирали пышно убранные иконы на угодливо распластавшегося перед ними раба божьего.

Встал Тугокопылый, отряхнул пыль с колен и от удивления глаза вытаращил. Молчат. Как сговорились, гуртом молчат.

Сорвался хозяин и побежал в ригу. Снял с балки самые длинные вилы-тройчатки: «Сам острыми вилами отруба защищать буду!»

3

В это время на хутор Тихие Копылы на земском тарантасе прибыл щупленький чиновник по прозвищу горькой травы — Симон Белена.

Посреди улицы земец пересел с тарантаса на лошадь. Пересел неспроста. Сидя на лошади, объявил:

— Почтенные хозяева! Радуйтесь! Я — ваш мессия!

Степные, довольные крепкие хуторяне почтительно поклонились.

— Радуемся, радуемся!.. Кто вы и откуда вас милостивый послал в наши края?

Белена надменно отставил правую ногу и ткнул пальцем в небо. Этот величественный жест говорил: «Я!.. Я днем облака останавливаю, ночью небесные звезды снимаю!..»

Вслух он декларативно оповестил:

— Меня к вам направило земство. Верховодить!..

Слово «земство» поначалу ошарашило Кирилла Тугокопылого. Однако немного погодя он пришел в себя.

Подойдя ближе, смело переспросил:

— Извините, ваша земская милость, какой же вы нам совет привезли? Будут ли хозяева при своей земле? Или, может, вот та голытьба придет распоряжаться? — Тугокопылый тройчатками показал в сторону соседней слободы Бедная Долина. — Вот та,

долинчанская. Что годами у нас, хозяев, работала. Работала-работала — и здрасьте вам: «Давайте землю поровну делить! Мы тоже есть хотим!» Пожалуйста, приходи и ешь! Накормлю, насыщу. Но ты же, человече, совесть имей! Ты приди попаши, заборонуй, засей, скоси, сгреби, смолоти… Вот тогда мы с тобой честно и поделимся куском хлеба. А вырывать землю из хозяйской души — дудки! — Тугокопылый без всякой деликатности помахал острыми вилами перед земским носом. — Вот это тебе хлеб. Вот это тебе и земля. Приходи — накормлю!..

Полненькие, крепенькие хуторяне захохотали, зашумели и завопили:

— Форменное безобразие!.. Есть захотели! «У вас, говорят, хлеб в амбарах гниет!» Но какое твое распособачье дело? Я хозяин! Мне, а не тебе всевышний послал! Так вот, извините, мы, хозяева, между собой и говорим: нет ли у вас за пазухой лишней программы? Более аккуратной… чтоб она с твердым намерением сказала: «Пусть будет порядок на хозяйской меже! Не подступай! Осади назад!»

Белена, не слезая с гнедой кобылы, перекрестился.

— Клянусь — порядок будет! Пусть никто на хозяйские межи не посягает. Огородим хутор Тихие Копылы высокими плетнями!

По улочкам и проулочкам пошли слухи: «Хозяева, целуйте иконы! Спасительное счастье с неба упало, Облака останавливает и звезды снимает. И межи!.. И межи хозяйские охраняет…»

Правда, Белена по облакам не ходил, телят у бога не ел и звезд с неба не снимал.

Сидел в земских апартаментах и темными вечерами на счетах гадал: быть или не быть? Скоро ли наступит то долгожданное время, когда и он, забытый людьми и всем светом, из уездного окна махнет и хоть на плохонькую клячонку сядет? Взберется на нее — и айда по степям, хуторам. Понесется дела вершить… Независимый плетень городить…

4

Прибывшего земского спасителя первым щедро почтил Кирилл Тугокопылый.

На собственных руках трепетно понес щупленького мессию под прохладную бузину, где на чистой, расшитой воробьями скатерти стоял гостеприимный, вкусный ужин.

Именитый ужин состоял из яств, приготовленных по сугубым правилам стародавней хуторской кулинарии: борщи, лепешки, вареники, студни, колбаса и чарка…

Блюда — гуляш, щи, пельмени, отбивные котлеты, бифштексы — Белена собственной рукой решительно вычеркнул, как блюда иноземного происхождения, которые могут пагубно повлиять на хуторской словарь и, чего доброго, начнут расшатывать свежесплетенные, независимые плетни хутора Тихие Копылы.

Мокренький ужин хорошо намочил уважаемую особу, ибо до рассвета земского мессию церемониально волокли по росистым лопухам в любезно отведенную резиденцию — крытую камышом просторную ригу.

В риге, на грядках двух заблаговременно сдвинутых арб, состоялось и первое торжественное хуторское учредительное собрание под лозунгом: «Мы — соль земли! Мы — испокон веков властелины!»

5

История учит нас, что там, где на чашу весов кладутся субъективно-индивидуальные интересы, там неизбежно вспыхивает непримиримая вражда.

Вспыхнула она и в просторной, камышом крытой риге.

Противоположную оппозицию в камышовой риге породила ненасытная зависть Кирилла Тугокопылого. Вечно завистливый, он давно косо посматривал на кошель штунды. Бывало, идет мимо старообрядческой усадьбы, трехперстной щепотью махнет и сам себе шепчет:

— Какие деньжищи двумя перстами гребет!

Отойдет немного в сторону и истинно по-православному заскулит:

— Гонишь? Гони, гони!.. Дери! Рви! Я из тебя, дьявола, и душу вырву!..

Счастливый случай — вырвать душу с кошельком — подвернулся на вечернем совещании. На закрытом вечернем совещании — «Какие творческие силы должны стать у хуторского руля?» — Тугокопылый конфиденциально шепнул спасительному мессии:

— Штунда не дает ходу. Шкуру с православных дерет… Непомерную таксу гребет…

Земец и сотворил державный акт: «Монополизировать перваки! Понеже штунда начнет упираться, увиливать и покорно не согнет спины, приказываю: подсобить ей согнуть спину увесистой дубинкой!»

Тугокопылый добился-таки своего, загнал враждебную

штунду в самый угол риги, где оскорбленный Тягнияднодосебе оппозиционно примостился на сырых вымолотках.

6

Смиренный брат Терешко Тягнияднодосебе, не будем скрывать, водочное производство поставил на довольно широкую ногу.

Сам же, боже сохрани, капли в рот не брал. Все высокоградусные капли с христианской добротой по скромным ценам ближним своим раздавал… Бутылочка — гусенок, вторая — утенок, две вместе — рябенький поросенок…

Да и рук своих благочестивых не поганил. Переложил это канительное дело на более опытных… Из Полтавы вызвал ловкого человека, плута и болтуна Микишу Винника.

Прозвище свое Винник целиком оправдывал. Умел словом мутить и из прелого хлеба винное питье варить.

Монтаж винокурни много времени не потребовал: затратили две темненькие ночки. Винокурню ловко замаскировали в чащобе ветвистых столетних дубов на краю хутора и с божьей помощью начали кипятить и варить…

Любезно-корректный знаток библейских легенд Микиша Винник тихими летними вечерами частенько читал поклонникам Бахуса рекламно-популярные лекции:

— …Первак нашей фирмы — чудесно возбуждающий напиток. Ничто в мире так легко не возбуждает, как наш шестидесятиградусный первак! Граждане! Уверяю — чарующее питье! Он имеет чудодейственную силу — одним запахом влияет на человека. Самый сильный человек от двух кружек впадает в детство. Опрокинет, ляжет и лежит в бурьяне, как невинное дитя. Вяжи его, пеленай, сунь ему в рот мокрую соску, пхни сухой навоз — безразлично. Будет неподвижно лежать и глазом не моргнет.

Свои популярные лекции предусмотрительный Винник дополнял доходчивой и действенной практикой: вежливо подносил слушателям на пробу из глиняной миски еще теплого первака. Но сперва мочил собственные губы. Отхлебнет и скажет:

— Попробуйте. Утром нацедили. Животворнее святвечернего узвара. Целебная! Болят зубы — опрокиньте этот горшок и будьте уверены — зубы онемеют.

Спасительные капли!.. В любой беде спасут тебя. В библии, глава пятая, страница шестьдесят пятая, черным по белому сказано: «И разгневался господь бог на неверность людскую.

Много холодной небесной воды шугнул на землю. Всемирный потоп — сорок дней лило. Лило день и ночь. Гибель! Куда бежать, где спрятаться? Мудрый муж Ной первым понял: беги в корчму! Спрячься, закуси и пережди обложной сорокаденный дождик!»

Мои любимые братья! Будьте бодрыми, употребляйте наши душеспасительные капельки. Пусть вас потоп не пугает! Пусть вам будет море по колено…

Порой словесного выдумщика внезапно перебивали. Тягниряднодосебе, не выдержав библейских длиннот, с черного хода бубнил:

— Не забивайте людям баки. Торгуйте! Когда там дело было, а вы рассусоливаете… Вот человек жертву вечернюю принес. Видите, сухой язык показывает? Хочет за здоровье принесенной овечки горлышко промочить. Не мучьте человека! Ублаготворите жаждущего, а я покорную овцу в хлев загоню.

Да разве ты паршивенькой овечкой удовлетворишь требовательного Винника?

Но несмотря на ловкость проповедника и на то, что Винник был остер на язык, простые посетители простым словом приперли дошлого евангелиста прямо к стене. Не верили, чтобы, залив глаза, можно было впотьмах, по грязи, доползти босым до райских вершин.

— Может, оно и так, — сказал долинчанин в стоптанных лаптях. — Может, кому-нибудь и посчастливится в рай попасть… Да, наверное, это очень долгая песня! И долгая, и тяжелая… Мы с кумом Ефимом вчера до слез переживали, душой болели, глядя, как наш праведный дьяк на четвереньках полз к райским воротам. Боже, боже! Какая это адская работа! Да еще, бедняга, сбился с прямой стежки и весь вечер полз по вонючему рву…

Винник перебил:

— Каждый дьяк — свинья! Какие бы он божьи тропари ни читал, как бы ни маскировался, чтобы незаметно подползти на четвереньках, — ни дьякам, ни попам ни один апостол райских дверей не откроет. Церковных вралей в рай не пускают… Им одна дорога — огненный ад…

Кого немилосердно будут жечь на том свете, долинчанам было безразлично. Их интересовали земля и хлеб.

— А скажите, пожалуйста, в какой волости пятью хлебами целую слободу накормили? Из какого амбара зерно брали или у Тугокопылого занимали?

Винник молитвенно сложил руки:

— Братья, ну его к лешему! Кто да кого там в старину кормил… Давайте лучше выпьем!

Но долинчане — нет, не то. Не пьют. Не хотят пить, хотят

правду знать.

— Скажите, отчего оно так: миллионы недоедают, а десяток жиреет? В хуторе амбары от хлеба трещат, а в слободе с голода детки пищат. Как оно в библии об этом сказано?

— Братья! К вам обращаюсь! Забудьте раздоры!

А тут, как на грех, Тягниряднодосебе неустанно колотит и колотит в дверь.

Винник и сюда и туда — вопит, проклятый. Не сдержав гнева, крикнул в дверную щель:

— Чего ты грохочешь? Чего ты бубнишь? Чтоб у тебя язык отнялся! Разве не слышишь — в молельне бунт?

7

В риге заседали только зажиточные, крепкие хозяева.

Держа в руках палки, советовались, шумели:

— Земство не в состоянии помочь, будем католиков просить хозяйские земли спасать…

Как только земский верховода Симон Белена стал ногой на дышло, шум в риге стих. Хозяева смолкли и благоговейно сняли смушковые шапки.

Терешко Тягниряднодосебе и Микиша Винник воздержались, овечьих шапок не сняли. Свой протест они сформулировали просто и ясно: «Откуда он, сукин сын, на нашу голову взялся? Такие прибыли норовит отхватить!»

Собрание в широкой риге разделилось на различные хлеборобские группировки и корпорации. На арбе слева расположилась первая опора земской программы «Аграрно-степной союз». Ее лидер Кирилл Тугокопылый на возу чванливо оттопырил губы: первым пропихиваюсь в сватья хуторской коалиции.

На другой арбе примостился «Просветительно-лесной филиал». Вожак филиала, кругленький, полненький Варивон Кирпатый среда присутствующих выгодно отличался высокими полномочиями. На его плечи возложили духовную миссию: реорганизовать хуторской церковный синклит, палкой загнать распроклятых экзархистов в светлое автокефальное лоно.

Отдельно на свежем сене сидела нейтральная троица сахарозаводчиков.

К нейтральным записался и бывший волостной старшина Мусий Нетесаный. И ему в риге нашли государственную работу — поручили персонально охранять земского деятеля.

Свои новые функции Нетесаный честно исполнял. Держал в

руках длинную дубину и зорко наблюдал: все ли присутствующие дышат лояльно?

Словом, бдительный охранник даром хлеба не ел. Войдя в роль, он уже дважды намекнул осиротевшей штунде: «Кайтесь! Переходите в нашу веру! Тяните первачок!»

Тягниряднодосебе сигналов правительственной дубинки не понял и тихонько шепнул своему советчику:

— Микиша, ты понимаешь, о чем вот то мурло разглагольствует?

Винник лучше понимал жесты сурового охранника.

— Оно требует залить сухую глотку… — доложил.

Старообрядец подумал-подумал и коротко бросил Виннику:

— Глаголь! Черт с тобой! Промочим! Гони деньги!

Нетесаный не поленился, черкнул короткую записочку:

> «Вашу руку, дорогие союзники! Валюты хватит. Сегодня конфисковал два горшка керенок. Будут и гривны… Печатают… Рад вожаку доложить: внутрисоюзный кризис преодолен…»

8

Вожак тем временем дошел до основных пунктов земской программы.

Территорию хутора Тихие Копылы и его окрестности объявить неприкосновенными.

Носить иностранные головные уборы — кепки, картузы, шляпы, шапки-ушанки и фетровые шляпки — в хуторе и его окрестностях не рекомендовать. Вышеуказанные головные уборы не свойственны хуторскому духу и неприятно унижают достоинство степенных хуторян.

Брюки перекроить, узенькие штанины заменить широкими. Мотню опустить до колен. Узенькая мотня нивелирует самобытные обычаи и сводит на нет старинную этнографию.

Женщинам наряжаться в разноцветные очипки[9]: молодым — зелененькие, в среднем возрасте — красненькие, старухам — черненькие. Корсеты ввести тугой конструкции. Пусть хуторские женщины, туго затянутые в талии, выходят в высший ряд — шляхетно-степной.

Тягниряднодосебе наклонился к вожаку «Просветительно-лесного филиала»:

— Кого мы выбираем? Это же земский проходимец! Что он мелет? Зачем нам затянутые или незатянутые талии? Лишь бы

покорно сгибались… Земля как? Винокурни, пруды, мельницы?..

Неусыпное охранительное око люто помахало дубиной на дерзкого старообрядца, а молчаливый Варивон Кирпатый скороговоркой заговорил:

— Убирайтесь! Не болтайте черт знает что! Пусть нас сам черт ведет, лишь бы наша взяла. Не стройте дурачка, слушайте дальше!

Привезенная на тарантасе земская программа своей концовкой порадовала и старообрядческую душу.

— Уважаемые хозяева, поздравляю вас с победой! — сказал Симон Белена. — Благоденство! Собственность остается священной и неприкосновенной!

В риге поднялся невероятный крик. Все галдели:

— Веди нас! Слава! Да здравствует неприкосновенность!

Варивон Кирпатый, стоя на возу, предложил спеть новый гимн: «Неужели, неужели наша не возьмет…»

9

Аграрную бурную радость неожиданно омрачила неприятная обструкция: Тягниряднодосебе подвел.

Самому не верилось: вот такой накинул обруч на голову земского деятеля.

В поисках, кого спеленать, кого в купели духовной искупать, Тягниряднодосебе частенько в соседнюю слободу Бедная Долина заглядывал. Не поймает ли простачка на штундистский крючок?

Кажется, поймал… Поймал подходящего человечка. Не любит ни попа, ни верховода.

Еще вчера бедняк Ефим Перепичка спрашивал:

— Терешко, поясните, как это отец духовный не сеет, не жнет, а вот так роскошно живет?

— Брат мой! Патлатый роскошно живет, ибо неверным перстом гребет!

И на духу взболтнул:

— Развеселись, брат мой… Иди за мной! В риге будут окаянным гривы обрезать, а церковно-монастырские земли людям раздавать.

Выждав, когда неистовый аграрный рев стих, Перепичка обратился с коротким вопросом:

— Какую землю следует считать священной и неприкосновенной: ту, что ты сам пашешь, или ту, что годами пашут и обрабатывают чужие руки? Кто раньше эту программу выдумал — верховода или столыпинский держиморда? Вашему

совету никто в слободе не рад.

Людская честность кисло ударила в нос Белене. Бедняка Перепичку схватили, связали руки веревкой и бросили в затхлый старообрядческий амбар.

На стенах паровой мельницы, маслобойки и риги вы весили сенсационные уведомления:

> «Схвачен подрывной агент с Невского проспекта города Петрограда».

Хуторские следователи завели толстенное криминальное дело. Название на папке всеобъемлюще говорило:

> «Предательски-подрывное дело по обвинению представителя слободы Бедная Долина Ефима Перепички, который своими злонамеренно-разрушительными действиями и тайными кознями пытался изнутри преступно расшатать основные столпы государственного хуторского строя. А так как эти столпы недавно вкопаны, то они начали от дующей пропаганды шататься, чем злостный агент причинил хозяйственно-финансовой мощи Тихих Копылов непоправимый ущерб, вызвав страстными речами бунтарское сопротивление со стороны слободы Бедная Долина. Слободяне, пренебрегая священными правами уважать и обрабатывать земли степных хуторян, объявили забастовку».

В конце вдумчиво следственного трактата следователи просили высшего соизволения:

> «Поскольку вышеименованный Ефим Перепичка в своих показаниях громко кричал: «Да здравствует дружба народов!» — считаем нужным по отношению к нему, такому и переэтакому, применить испанскую кару: повесить на бересте вниз головой, чтобы он отрекся от своих богопротивных показаний». Подписал «Варивон Кирпатый, богослов и значковый есаул».

ПОКАЗАНИЯ БЕДНЯКА ПЕРЕПИЧКИ

В о п р о с. Когда вы были в Петрограде?

О т в е т. Сожалею, но в этом славном русском городе еще сроду не был. Дважды был в Полтаве, ездил

на базар. Один раз с подводой ездил, другой раз поросенка продавал, чтобы недоимки уплатить.

В о п р о с. Кто вам подсказал лозунг: «Землею будем мы владеть, а паразитов ждет беда!»?

О т в е т. Родные братья.

В о п р о с. Где вышеназванные братья подвизаются?

О т в е т. Вышеназванные браты четыре года подвизались в окопах. Вшей кормили и за ненавистное панство кровь свою проливали.

В о п р о с. Братья щирые украинцы?

О т в е т. Щирые. Щиро на Украине желают того, что и наши дорогие русские братья: захваченную помещиками и кулаками землю вернуть народу.

В о п р о с. Какой ранг у ваших братьев?

О т в е т. Солдаты-большевики. Меньшому брату, Василию, еще большее счастье улыбнулось: он великого Ленина в Петрограде видел и слушал.

В этом месте запись протокола прерывалась…

10

Долинчане выдвинули требование: немедленно освободить Ефима Перепичку.

Земец созвал совещание — как быть? Верить или не верить людской молве? Но люди говорили и показывали пальцем на смирненького Тягниряднодосебе:

— Хитрая змея!.. Подколодная… Сюда перстом, а туда хвостом…

Войдя в доверие верховоды, Тягниряднодосебе первым посоветовал Ефима Перепичку милостиво выпустить из темного амбара. Выпустить и, выписав на широких полотнах евангельские заповеди, двинуться в слободу Бедная Долина и словом божьим склонить долинчан жить с хуторянами в мире. За пятый сноп выходить на жнива.

Но не дремали и автокефалисты:

— Как — за пятый? Что ты мелешь, богохульник, — за пятый? Долинчане испокон веков нам косили и жали за шестой! Смирение свое показываешь?..

Тягниряднодосебе непоколебимо стоял на своих позициях:

— Братья! Сам бог велит уступить…

— Чей бог? Твой?.. Штундистский?! — заорал Кирилл Тугокопылый и обратился к земцу: — Ваша земская милость!

Позвольте от имени православия протестовать… — И, не сдержав кипящего гнева, через стол схватил за грудки старовера. — Имеешь ли ты бога в животе или не имеешь?

Терешко Тягнияряднодосебе глубоко верил, что евангельская секта наиправеднейшая, чистейшая и светлейшая, что ей, и только ей, благоверные отцы и страстотерпцы завещали тихим преподобным словом вывести человечество на праведный путь, замолить тяжкие людские грехи. Православие же, хотя оно и одето в пышные золотые ризы, ведет людей только к гибели и умножает работу чертям в аду — плодит грешников.

Вобрав все это в свою душу, Терешко Тягнияряднодосебе в эту минуту загорелся единственным желанием — от слов перейти к делу, стукнуть косматого оппонента увесистой гирькой.

Но гирьку забыл прихватить с собой и острыми зубами вцепился в правое автокефальное ухо.

— Докажу подлецу! Докажу, что я имею бога! Отец Абакум таскал вас, неверных, за волосы руками, а я тебя, свинью, ощиплю зубами!

Тугокопылый видит, что шутки плохи, может доказать, и выхватил длинное сапожное шило.

— Не докажешь, богопротивный! — люто прорычал он и с разгона всадил шило в левую штундистскую ягодицу.

Тягнияряднодосебе, мужественно защищая честь благочестивой секты, ловким рывком оторвал вражеское ухо.

— Безухая корова, покорись! Наш бог самый праведный!

Дискуссия, чья вера достойнее, оставила честного человека, бедняка Перепичку, сидеть и далее взаперти в затхлом старообрядческом амбаре.

11

Утром тихокопыловцы письменно известили:

> «Вчера на совещании после дебатов, какой хоругвью лучше людей к правде склонять, развернулись оживленные споры. В ходе обсуждения защитнику святой автокефалии Кириллу Тугокопылову проворные оппоненты расквасили челюсти: нижнюю подняли вверх, верхнюю передвинули вниз. Поиски, куда девалось правое ухо, непрерывно продолжаются…»

Потерпевшего первым навестил волостной служака Мусий Нетесаный. Поклонился в пояс.

— Кланяюсь! В ноги вам кланяюсь! Хвалю за буйство! Ай-ай!..

Какими петушками вашу рожу разукрасили!

Хуторские женщины свое сочувствие выражали громче, голосистее:

— Боже, боже!.. Ненавистные! Без понятия в клочья разрывают. Рви ухо, бог с тобой, отрывай. Так отрывай же, окаянный, оба. А то — ни пятое, ни десятое… Только вид испоганили…

Но справедливое и кардинальное утешение подсказал лишь земец Симон Белена.

Потрогав поврежденное место, Белена с профессиональным гонором заметил:

— У меня есть земская практика, спасу вас. Не пожалею племенного кабанчика, ухо приставлю. Прилеплю — ни один ветеринар не разгадает, чей кончик торчит, ваш или свинячий.

12

Прилепили ухо или не прилепили, а десять десятинок слободского выгона Тугокопылому прирезали. Своя рука — владыка. Земский верховода сторонникам своим щедро раздавал милостивые дары. Кому пруд, кому лесок… А кому и чинок…

За умение вилять языком и вашим и нашим Микишу Винника земец назначил чрезвычайным уполномоченным. Отправил в далекое путешествие — покорно поклониться старшему настоятелю храма святого Юры.

Учтя, что дорога не близкая — придется ехать почти к самым Карпатам, — посланцу снарядили подходящий мешок; бутыль первака, жареного поросенка, два арбуза и венок свежей цибули.

На прощальной беседе верховода тепло обнял плута-проходимца.

— Спросишь, не маловата ли бутыль? Рече святейший — маловато налили! Падай на апостольские ковры и трепетно обещай: «Не гневайтесь, ваше преподобие! Почтим, бочонка не пожалеем. Во имя дорогой неньки пригоним и коровок, и бычков, и кабанчиков…» Пусть перед Европой хлопочет. Слыхал, голодранцы бросились в черную измену? Под слободой экономические земли у щирого-прещирого Харченко забрали и подступают к независимому хутору Тихие Копылы.

На самом пороге Симон Белена интимно шепнул:

— Передай его святости — пусть проявит волю свою. Пусть из цесарского склада трехдюймовку подкатит. Доказывай — ситуация изменилась. Теперь бог без пушки ничто.

Тихокопыловцы своего посланца отправляли с

церемониальными почестями. Почетная стража шумно била в бубны, а полненький Варивон Кирпатый, удостоенный за верную службу приличного лесочка, шел сзади и единолично подвывал: «А все ж, а все ж наша взяла!..»

13

Светлым октябрьским утром тысяча девятьсот семнадцатого года на Неве раздались выстрелы. Революционный залп с «Авроры» возвестил новую эру.

Над жилищем украинского бедняка засияли ясные зори: воля, земля, трудовая жизнь.

Окрыленные революционными петроградскими ветрами, долинчане двинулись ломать хуторской тюремный забор. Пошли вызволять бедняка Ефима Переписку из неволи.

Аграрная коалиция переполошилась, но вскоре и успокоилась. Крепким хозяевам бросили подмогу — отряд наемников «Черные хвосты».

Сахарозаводчики наняли.

Кирилл Тугокопылый проявил необыкновенную храбрость — стал в авангарде. Возле собственных амбаров занял выгодные позиции. Вилами махал:

— Не подходи! Заколю!

Тягнирядноdосебе повел себя не так воинственно: потихоньку бухнулся на колени в арьергарде. В молельне молитвенно шептал:

— Боже праведный, помог ты мне кульки деньжатами наполнить. О всесильный, укажи своим перстом, куда их теперь припрятать?

Варивон Кирпатый мотался по улицам, как щепка в полынье, то туда, то сюда. Мотался и по-просветянски похвалялся крестоносным походом Бедную Долину сокрушить. Огнем и мечом слобожан покорить.

Взяли аграрные мечи, ударили в колокола и стали наготове: сопротивление сломить и крестоносным сапогом вольную долину истоптать.

Подготовились к походу сполна. Нерешенной осталась лишь одна закавыка — на какую лошадиную масть земского верховода посадить. На белую или на черную?

— Белую!.. Белую!.. — драли горло просветяне. — Белая — наша сила! Да воскреснет белая!

— Черту в зубы вашу белую! — загорланили аграрные степовики. — Ваша белая крутит хвостом. Бьет задом…

Брыкается!.. Вороную! Вороная — символ красоты!

Представители нейтрально-христианского союза сахарозаводчиков степенно посоветовали:

— Посадим заправилу на осла!

Знатоки хуторской фауны нейтральным союзникам резонно возразили:

— А разве у нас ослы есть?

— Слава богу, есть. Такое, ей-богу, скажете! Чтобы в нашей богоспасаемой коалиции да не было ослов? Есть и будут!.. Сделаем, господа, по-христиански — посадим верховода на ишака. Скотина тихая, смирная, сена ест мало. А ревет, как иерихонская труба! Пусть только верховный на сапоги нацепит блестящие шпоры, чтобы люди добрые не перепутали, где чьи ноги.

14

Ускакал земец на вороной кобыле. За ним скакали наемники в серых жупанах. Скакали и шомполами размахивали. Фатально верили: махнем, крикнем — и бедная слобода покорно падет ниц.

Но нет, не пали слобожане. Гуртом поднялись на угнетателей. Да и слобожанам большая подмога подоспела; помочь украинцам-полтавчанам одолеть панство ненавистное пришли русские братья — туляки.

Симон Белена видит — перцем запахло. Поменял вороную на гнедую и во весь дух пустился на Святогорскую гору.

Оттуда и телеграмму отбил:

> «Хвала всевышнему, на горе в святых пещерах спрятался. Не дремлю — болею. Самостийным кадилом подбрасываю. Высочайшим независимый ладан в глаза пускаю. Правлю молебен. Молю бога о ниспослании второго крестоносного похода».

Прямо из-под святого кропила Симон Белена — бух в ноги старшему баварцу:

— Ваше высочайшее! Спасайте! Курку берите! Яйки тяните! Тяните и кабана… Только в хутор нас подвезите…

Высочайшее баварское с большой охотой бросилось на дармовых кабанчиков. Раскрыв рот, оно гаркнуло:

— Хальт! Запихивайте шпек!

Полтавчане и тамбовчане закордонных лакомок встретили гостеприимно кто молотом, кто кочергой, а кто и метлой… Не жалея сил, хорошо угощали… И масленым и немасленым

лупили…

Цесарское величие не выдержало полтавского молота — треснуло.

Величие лопнуло, но, на горе людям, целыми остались беленята…

Симон Белена еще тепленьким с разгона сиганул в другие панские покои.

— Целую ручки… Падаю к ногам панским… И мы не мы, и я не я, то Богдан Хмельницкий вашей милости панские ребра ломал. Ваша милость! Махнем из полтавских кувшинов сладенького молочка хлебнуть? А? Прошу пана!

Поскакали паны молочного киселя на берегах Ворсклы попробовать.

Не удалось панам на Ворскле «млека» попробовать! Не добежали до Полтавы. Возле Шепетовки потомки Хмельницкого встретили панов острыми клинками.

Встретили и по горло напоили. Бежали паны — не догонишь.

Славным буденовцам приходилось им вдогонку кричать:

— Паны! Какое молочко — горькое или кислое? Не забывайте, вспоминайте! Да и другим панкам привет передавайте!

* * *

Долго бродил Симон Белена по западноевропейским ярмаркам. Трубка в зубах, веревка в руках.

Продавался. Надоели марки — перешел на франки…

Расторговался… На другую валюту перешел. Купили где-то за океаном. Тридцать сребреников в пазуху запихнули. Залез Белена на нью-йоркский небоскреб да и заважничал, олух:

— Видите, где я?.. Аж на облака забрался! Теперь я вам… Теперь я вас… Зажму!.. Сотру!..

Говорит — выпрямится, просит прибавки — согнется.

— Алло! Алло! Мистер! Гуд бай, мистер! Подкиньте еще… Я их тогда!.. Ой-ой!.. Эге-ге!.. Подкинули?.. Щиро благодарю, потому что я и сам щирый… Трепещите, долинчане!.. Теперь я вам!.. Теперь я вас!.. Испепелю!.. Вот что! Ага!.. Попались!..

Молол-молол да и полетел, дуралей, крестоносной башкой вниз. Шлепнулся на тротуар, только гул раздался.

Все это я написал кратенько, чтобы и мои внуки знали. Знали и не забывали, что такая белена еще где-то по свету бродит…

ДУМА ПРО БАШТАНКУ

1

Баштанка! Это она, наша славная, героическая Баштанка! Большое культурное село!

В Баштанке три школы: две семилетки и одна десятилетка. В центре села прекрасный Дом культуры. Не дом — театр. Библиотека хорошая. Больница, аптека, гостиница-Пышным цветом расцветают в Баштанке и два колхоза: «Коминтерн» и «Украина».

На колхозных фермах бекает, мекает и молочко дает тысяча сто голов дойных коровок. Да молодняка — бычков да телочек, а всего рогатого скота — три тысячи голов.

Вот овечек, признаться, не знаем, куда причислить: к рогатым или безрогим? Чтобы не ошибиться, давайте прикинем на счетах: плюс скотины с шерстью четыре тысячи семьсот голов.

Правда, хорошенький плюс. Дай боже каждому селу вот так густенько плюсовать овечьи хвосты!

Не забывают баштанцы позаботиться и о толстом, в две ладони шириной, украинском сале.

Да что и говорить — умеют баштанцы свиной студень с хреном готовить! Куда ни зайдешь — на столе белый хлеб, сальце и колбаска с чесноком.

Так вот, плюсуем еще и свинину. Считаем — плюс две тысячи шестьсот голов свиней.

Сосчитали? Спасибо. Пусть эта солидная цифра еще раз скажет — умеют баштанцы хозяйствовать?

Не станем скрывать и винодельческих способностей: умеют баштанцы и виноград растить, умеют из винограда и сок давить. Что умеют, то умеют… Полные чаны стоят.

Сам видел, сам вокруг этих чанов ходил. Наверх не взбирался, а носом чуял: хорошего винца надавили…

В колхозах Баштанки всякая птица водится: куры, гуси, утки, индюки… Воробьев на учет не берут. Мелкая пташка… По правде сказать: в селе воробьев маловато.

— Почему воробьев в Баштанке маловато? — спросите.

— Очень просто! Отвечаем: стрех нету. Камышом и соломой баштанцы перестали крыть хаты. Крыши над домами в Баштанке покрывают только черепицей и шифером.

А какие у баштанцев домики хорошие! Опрятненькие, беленькие и просторные.

Чистенько, прибрано и на улицах Баштанки. Улицы широкие да просторные. Ровные-ровнехонькие!

Мы идем по центральной улице. Слышим, гудит бас, скрипка играет. Танцуют и поют. Девчата каблучками выстукивают мелко-мелко. Хлопцы, наоборот, гопака широкими прыжками вытанцовывают. Отплясывают — куда ваше дело! Баштанцы на службу в Советскую Армию призывников провожают.

Дедусь Стратон Божко стоит возле двора, тепло благословляет:

— Счастья вам, дети. Народу хорошо служите! Чтобы никакой черт погаными копытами не посмел рыть нашу вольную, советскую землю!

Дед Божко — прославленный человек. Он в бурные дни 1918—1919 годов храбро боролся за установление советской власти в Баштанке.

2

Мы, можно сказать, хорошо уселись в колхозной легковой машине «Волга».

Председатель колхоза «Коминтерн» меня как гостя усадил посередине.

Въехали на гору, а там пешочком пошли.

— Вот видите, — начал председатель, — тут жили мы, баштанская беднота. А там — они… Помещики. Вот тут, в этой рощице, мы вместе с николаевскими рабочими-большевиками нелегально собирались. Бывало, соберемся, а мой дядько становится в охрану. Наблюдал за входами и выходами. С утюгом сторожил. Чтоб, значит, никакая собака не проскочила. Однажды было сунулся продажный пес, да дядько не промах: хорошенько его утюжком погладил. Долго болван скулил.

…В дни Великой Октябрьской революции в Баштанке беднота под руководством большевиков провозгласила советскую власть на селе. Начали помещичьи земли делить, бедноте скот раздавать.

Дали и мне телочку, собрался и я на хатку. Выделили мне с панского имения — на стены, на стропила… Лазаю я по крыше, покрываю хату камышом… В фуфайке, в полотняных штанах, покрашенных синькой, вроде казацкие… Босой крою хату, так как сапог не было.

Вдруг слышу с улицы голос старшей сестры:

— Слезай, Гаврило!

— Что там такое? — спрашиваю. — Горит что или земля

провалилась?

— Говорю тебе, слезай.

«Тю! — думаю. — Может, снова какая-то сатана прется?»

— Да слезай скорее! — кричит сестра. — Тебя во власть выбирают!

Пошел это я босиком, в полотняных штанах, в фуфайке.

— Здравствуйте! — говорю.

— Здравствуй, Гаврило! Это мы за тобой сестру посылали. Выбираем и тебя в народную власть.

Начали по-новому жить, по-новому хозяйствовать. Открыли школы, ликбезы. Организовали кооперативы.

Как вдруг — напасть. Продажная Центральная рада Украину немцам продала.

Пришли хвостатые, прибежали и патлатые и давай у бедноты землю отбирать да балло-дудникам возвращать.

Баштанцы не дремали: с помощью городских большевиков партизанский отряд организовали. Вот тут, возле кладбища, наш отряд во главе с коммунистом Михаилом Прядко ночью и накрыл гетманских карателей. Тут им, возле кладбища, дали и сладенького, и горькенького…

Тогда на Баштанку послали немецкие регулярные войска. Окружили мы их возле станции Явкино и разоружили целый батальон.

Прогнали оккупантов, прогнали патлатых, дали перцу и хвостатым…

На тебе — новая саранча налетела! Белогвардейцы, сынки помещиков, на штыках англичан, французов, греков вошли в Николаев и подступили к Баштанке, как те черные вороны двинулись на наши вольные украинские степи. С одной стороны Пилсудский Петлюру на арбе везет, а с другой — англо-французские десанты монархиста Слащева на рессорной бричке прут…

Как один поднялась Баштанка против врага. Присоединились и села: Балицкое, Привольное, Пески, Христофоровка, Сергеевка. И женщины шли в бой, детвора и та помогала. У нас были очень сообразительные командиры. Михайло Прядко такую штуковину придумал. Взял да и расставил по степи то там, то сям ржаные снопы, а сверху понатыкал подсолнухи и приказал хлопцам — бахайте!

Хваленые белогвардейские тактики и двинулись в атаку на ржаные снопы. Дали им баштанцы и снопиков и подсолнухов…

Не пустили мы врага в наш вольный Баштанский партизанский край.

— Эта мужественная, всенародная борьба за советскую власть

в нашем округе, — сказал в заключение председатель колхоза, — и вошла в историю под названием «Баштанская республика».

КАК Я ВПЕРВЫЕ НАПИСАЛ ФЕЛЬЕТОН, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Кто впервые приносил рукописи в редакцию, тот меня поймет, какая бывает на свете температура: умеренная или с ветрами?

Вот такое и со мной было. То жарко, то холод по спине пробежит…

— Хороша тема… Актуальная… — сказал редактор. — Нам эта тема подходит. Пьянство — великое зло. Что это у вас в начале написано: «Бураковая нового урожая идет хорошо»?

— Это, — говорю, — тетка Олена дает телеграмму: наварила из бурака полную бутыль…

— Ага!.. Ясно. Все ясно.

И редактор, советуя, ткнул пальцем в рукопись:

— Вот сюда соли добавьте… Сюда перцу… А вот сюда — горчички… Хорошо было бы, если бы вы еще и на это место соли сыпанули… И соли сыпанули, и хорошенько горчичной мазанули… Рекомендую, не помешает. Пусть попечет…

Посолил я, как это мне и советовали. Хорошо поперчил, да еще хорошенько и горчицей помазал.

Напечатали мой фельетон.

Как начали тогда приперченные персонажи и меня самого горькими словами пропаривать:

> «Что же вы такое малюете? Что же вы такое рисуете? Вы написали, будто я перед зеркалом кричал: «Тю! Тю на тебя, сатана! Сгинь!» Это же брехня. Верно, я звал, но звал жену: «Василина! — говорю. — Посмотри ты, голубка, что это за чучело из зеркала на меня смотрит? Волосатое, кудлатое!..» А жена и говорит: «Поменьше заливай, а то, ей-богу, на тебя начнет еще и лаять…» В другой раз, когда будете писать про лукавого искусителя, прошу этот факт реально выправить. Напишите, как я на самом деле с зеркалом разговаривал: «У-у! — говорю. — Нализался!! Насосался! Да еще из зеркала очи вылупил? Бессовестный!» Извините за почерк».

В другом письме по-иному опровергали:

«Эх, вы! Ну никак не входите в весьма трудное райпотребсоюзное положение. Войдите, пожалуйста, в мое состояние. Я стою. Торгую. Продаю всякий сельскохозяйственный инвентарь: сапоги, ведра, вилы, хомуты. Ну, конечно, и вот ту… Вот ту, что в бутылках… Навязали мне ее как нагрузку. Говорят, что с нею и инвентарь охотнее идет, и она легче плывет. Возьмет человек сапоги, глянет на подошвы да и скажет: «А дайте-ка мне чего-нибудь такого, чтобы они не скрипели…»

Так вот с этой нагрузки и пошло, и пошло… Присылает как-то председатель записочку: «Овксентий! Вылечи! Поясница не сгибается! Подателю этой цидулки передай те лекарства, что и вчера передавал, — двухсотграммового «мерзавчика» и триста граммов колбасы.

Медицина уверяет, что один «мерзавчик» без колбасы поясницу не вылечит».

Другой председатель присылает другого посыльного. Другая и резолюция: «Дорогуша! Зубы пекут, хоть криком кричи. Спасай! Капни по десять граммов на каждый зуб. Не возражаю, можно и по двадцать… Может, они, проклятые, скорее онемеют…

Расход записывай в графу: «смазывание спиц в облпотребсоюзе».

Вот так мне с полгода мотали душу — дай и дай. А потом приходят с арифмометром, круть-верть — тысяча недостачи. Вот вам и Овксентий! Вот вам и дорогуша! А вы рисуете? А кто виноват?»

Пришло письмо, как говорят, ретроспективное — чем закусывать?

«Слушайте, товарищ, что же вы меня так недостойно в фельетоне разрисовали? Такое написали, что и вкупе не держится. Я занимаю пост. Хороший пост. Ответственный. Иду я на собрание. Не могу же я прийти на собрание, чтобы от меня, извините, как из бочки несло? Вот нам и закавыка — чем закусывать? Конечно, вы правдиво пишете, что я перед собранием сухим пшеном рот набил. А что же ты будешь делать? Пробовал я и чай жевать. Ерунда! Чай не перебивает запаха… Не перебивает запаха и лавровый лист. Жевал я и пырей, и полынь, и сирень… Не берет — несет. Вот вы пишете: сдерживайтесь и удерживайтесь… А вот чем закусывать

или загрызать — такой инструкции никто и не напишет. Хотя бы коротенькую написали: сколько надо пожевать сухого на сто граммов мокрого?.. А вот недавно для молодежи я делал доклад: «Культура в быту», так, поверите ли, килограмма полтора изжевал. Даже икота напала… Сколько же можно вот так страдать?.. До свидания!»

Получил я письмо и очень опровергающее. Письмо начиналось небесным громом:

«Чтоб тебя мать сырая земля не приняла! Чтоб тебя из дубины перевернуло в палку, а из палки в лозину, а из лозины в камышину. И чтоб тебя по утрам бурями качало, а по вечерам лихорадкой подбрасывало. Ну, варю. Ну, продаю!.. Все для людей. Для людского удовольствия кипячу…. Как вскипячу — огонь! Можно родителей поминать. Пусть кто хоть раз попробует моей «свяченой», так холера тому в пуп, если он не упадет без задних… Вот такая моя продукция! За что же меня критиковать? Вчера по вашему пакостному доносу пришла сельрада и говорит: «Ой, тетенька, у вас и вправду целое заведение! Значит, про вас, тетка Олена, недаром написали?» Сама себе думаю: «Чтоб вас коромыслом по спине писало и расписало! Кто же мне эти убытки оплатит? А? Вас спрашиваю. Я же одной закваски двухведерную бочку заквасила! »

А в четвертом опровержении автор просил пощадить стародавнее лечение:

«Мне одна бабуся посоветовала: «По глазам вижу, — говорит, — вижу, одно парное молочко тебе не поможет. Раз голова кружится, пей молоко с пивом. Это тебе, — говорит, — наилучшее исцеление… Попьешь недели две, одышку как рукой снимет». Попил две недели — не снимает. Тогда другая бабуся дала другой рецепт: «Пей, — говорит, — молоко с перцовкой. Сделай, — говорит, — по старинному обычаю. Нарежь в черепяную миску старого сала. Намни туда хлебца. Хлеба не жалей — сколько влезет, столько и мни. Накроши жалящей крапивы, лопуха и щавеля. Потри все это, щедренько полей горилочкой-перцовочкой и со словами: «Господи, помоги!» — начинай внутрь пропихивать без ложки. Хочешь болезнь изгнать — не стесняйся. Без

стеснения наклоняйся, хватай губами и употребляй… И у тебя никогда не будут дрожать колени. Задрожат — еще наливай. Две мисочки — это мужская порция. Опрокинешь — колени выпрямятся и сам, сердечный, на ноги станешь — выправишься».

Эту мешанину я в хате из мисочки потягивал, а вы черканули, что я во дворе из корыта хлебал. Это форменный поклеп. Это вас кто-то ввел в заблуждение. Поясняю, как дело вышло: колени мои все-таки затряслись. Не выдержали фасона, зашатались и в темноте толкнули меня в ту свинячью посудину — поросячье корыто, которое кто-то специально для подрыва авторитета поставил перед самым порогом. А вы этот факт не приняли во внимание. Прошу вас, возьмите фактически: мои каверзные колени всегда, когда подходишь к хате, по-предательски подгибаются. Сами падают, а меня, проклятые, валят на землю. С покорной просьбой к вам бывший завфермой Непитущий».

Присылали и коротенькие, лаконичные, но негодующие опровержения.

«В какой это чайной я на полу чертиков ловил? Действительно, я, как начитанный человек, за столом выкрикивал: «Классики! Вы писали правду — черти есть! Вот поглядите — целых два прыгает у Грицька на галстуке!»

Вы не туда загнули! Кто же против песенного фольклора? Я же ничего… я только возле ограды ногами выбивал и новую песню пел: «Ой горе тий чайци, що не дают по чарци. Як би вони горе знали, вони б и по дви давали…» Песню надо уважать…»

«Уточняю… Не я — земля закачалась, а я, не выдержав подземного толчка, упал сверху на начальника. Всегда он на меня падал, а в это воскресенье какой-то черт меня на него неучтиво пихнул. Что касается хомута, то никто меня не заставлял. Я сам добровольно нацепил хомут, затянул супонь и для развлечения под аккомпанемент балалайки громко заржал. А то, что на лугах жеребята отзывались, так то они тоже выпить захотели…»

Но самая симпатичная открытка была последняя:

«Сатирический фельетон в газете радует нас, как ясное солнышко. Оттачивайте свое перо, разоблачайте пьяниц. Мы, доярки, любим юмор так же, как любим и повеселиться в компании. Наша подруга Галя недавно вышла замуж. Славно отметили свадьбу, хорошо погуляли. Не без того, и винца выпили, и песни попели, и потанцевали. На природе, возле кудрявых верб, гуляли. Все как у людей было. Желаем вам творческих успехов! Доярки».

Вот это письмо и стало для меня любимым, самым дорогим.

ДЕБЕТ

На базу Федя Вертун пришел скромненьким, тихоньким.

Скромно, тихо подал завбазой мокрую записочку. Ту небольшую цидулку мелкими слезами поливали два родича: батенька и дядечка.

Щедро политая слезами бумажка сразу помогла. Завбазой Семен Семенович начальственной авторучкой черканул: «В штат… Верткий… Проворный…» И Вертун стал экспедитором.

Нацепил Федя на свой пос дымчатые очки и приступил к исполнению служебных обязанностей: начал приглядываться к завалящему деревцу… Да одним заходом и ходы-выходы изучал: через какую дырку можно просунуть знакомым на столбы, на стропила…

Вертун работал и бухгалтерские тонкости штудировал. Вытянет синенький блокнот и вежливо-вежливо переспросит:

— Скажите, пожалуйста, что это за химера — дебет? Извините, я спрашивал Ольгу Ивановну. Старшего бухгалтера… Но она рисовала на балансе каких-то пташек, засмеялась и ответила: «Это птаха!»

С горем пополам Вертун осилил эту науку. Разобрался, каких птиц в дебет надо заносить…

Он был человеком дальнозорким. На расстоянии распознавал: что плавает, а что летает. А что и на месте стоит…

Вон-вон, издалека, увидит — почему оно буксует. Почему в заднем колесе сухая спица скрипит… Заметит и аккуратненько размочит. Пускай смазанное колесико лучше крутится.

Без чванства подмажет и поплюет…

Умело и плескал… Знал — когда, где, и кому, и из какого ковшика плеснуть в глаза мыльной водичкой.

Плеснет — готово. Он уже произносит тост за наше жилищное счастье.

— Братцы! Вот этот домик, что мы с вами строили, наш зав, наш Семен Семеныч, сегодня утром возле вешалки категорически взвалил на мои плечи. Снял пальто, схватил меня за руки и сказал: «Гордись, Федя!.. Решили на тебя повесить двухэтажную хату. Носи! Строй! Проявляй инициативу! Братцы, какая это для меня честь! Обещаю вам: инициативу проявлю, окна вставлю. Такие окна вставлю, каких еще никто не вставлял. Буду жив, здоров, я вас и высокой крышей накрою…

Начал Федя Вертун проявлять на строительстве кипучую инициативу.

Проявлял вдохновенно, лирично. Схватит пайщика в уголке,

расстегнет сорочку, выпятит грудь и начнет уговаривать:

— Вот это моя грудь! Открытая! Бюрократизма — ни грамма! Бери, хватай, она твоя! Хочешь, чтобы тебе комнату формально расписали? Хочешь? Советую — не чурайся архитектурного минимума!

Вот видишь косяк? Надеюсь, видишь! Не стыдись, положи сюда минимально трояк, и косяк никогда тебе на голову не упадет.

Возьмем, голубчик, другую мелочь — пол. Что такое пол? Доски. Дерево. А дерево, как известно, гнется, выгибается, коробится… Вот тут-то и не давай промаху. Подсунь пятерочку… Гарантирую — скорее нас с тобой покоробит, чем эту своевременно закаленную дощечку!

Что же тебе про двери сказать? Древняя поговорка советовала: «Стучите — и они откроются». Ты хорошо знаешь, что двери древней поговоркой не зашпаклюешь. Слушай! Резонно слушай. Подмажь двери десяткой, и они у тебя будут и открываться, и закрываться. Минимум — десятку! Что такое для хороших дверей десяточка? Ерунда! Зато черт из трубы не будет кричать: «Ага-га-га-га!.. Забыли двери подмазать! Слышите, как скрипят?»

Наловчился Вертун и на высокую крышу влезать. Ловкенько влез и в душу людскую.

Лез не один, за собой и черно-бурую лисичку пропихивал. С лисичкой, говорил, легче за пазуху залезть.

Э, не скажите… Вертун неплохой охотник. Хорошо охотился.

Вы только подумайте, как ни хитра лиса, а он и ее вокруг пальца обвел. Без капкана хитренькую сцапал. Пронырливая зверюшка пятилась черным ходом, а пронырливый Вертун хвать ее с тыла! Цапнул и, не теряя времени, расстелил чудесную золотистую шкурку на столе завбазой.

— Семен Семенович, буду рад персонально поднести вашей половине. Позвольте осчастливить!

А каким Вертун стал корректным! Боже! Как он артистически спину гнет — ни одна косточка не хрустнет.

Один намек высокопоставленной половины: «Феденька! Хочу свеженького… Зеркального…» — И Федя с согнутой спиной бежит рыбачить. Днем или ночью, а угодливая рыбка жарится на сковороде…

— Ах-ах! — щебетала довольная половина. — Вы, Федя, чудотворец! Целое ведерко притащили. Возьмите фактурки. Оформлены… Я Семе сказала: «Подпиши!..»

Служебная аудиенция с глазу на глаз частенько пособляла Вертуну в лихое время.

Однажды утром завбазой доложили:

— Федя в парке культуры спортивные упражнения делает — лазает на четвереньках.

— Зачем его туда нечистая сила понесла? — спросил Семен Семенович.

— Перед бюстом физкультурницы дает горячую клятву: больше в рот не брать перцовки. Сбивает, проклятая, с ног.

Семен Семенович про себя подумал: «Глупенький… На коленях ползает… Мучится, голубчик. Страдает…» Громко позвал шофера:

— Вася! Катай, дорогуша, в парк. Федя сплоховал — нализался. Хватай его за поясницу, связывай и заталкивай в автомашину. — На пороге интимно предупредил: — Вася! Ты только того… Молчок. Спросят, чья машина, скажи — «скорая помощь». Спасаешь чудака. В буфете пробкой подавился…

А как уж мне попало, пусть ему будет пусто.

— Это вы написали? Не говорите — вы! По почерку вижу, ваша шпилька! Да, Федя повел себя недостойно. Это верно. В парке культуры в одних трусах хрюкал! Но простите… Человек не рассчитал… перебрал. Поллитровочку вылизал… А вы не маленький… Вас учить не надо. Вы хорошо знаете, что от поллитра не только захрюкаешь — залаешь!..

Но вы забыли одно: Федя — сила! Кипучий, энергичный. Ногтями из-под земли строительные материалы вырывает! Кирпич с неба хватает! А вы такого способного, солидного человека опозорили. Вы написали: «В мутной воде носится щука на дне».

Эх, вы! Сочинитель! Разве можно сравнивать человека с рыбиной? Экспедитор Вертун по базе ходит ногами, а вы все факты извратили. Черканули: «Какая-то щука плавает с поплавками…»

Хвалю вас за мешки. О мешках вы написали истинную правду. Мыши таки здорово повредили мешкотару. За это преступление дьявольские коты понесли заслуженную кару. Понесли и понесут… Да, понесут!

Мы это позорное дело рассматриваем серьезно, по-деловому. Назначили тебя экспедитором — гори! Погорел — гаси себя персонально, на ходу. Сам зажег, сам и гаси. Не погасишь — пеняй, неосмотрительный, на себя. Нянек у вас нет. Взялся за дело, не шуми: трудновато, мол, тяжеловато. Мы пессимизма не признаем. Мы очень важное учреждение. Доить себя, простите, мы никому не позволим. Или дергай, или будь ты неладен, не высовывай вперед свою мелкособственную психологию!..

На базе шум, гам, столпотворение! Федя Вертун занес было ногу в кресло замзавбазой, а бухгалтер Ольга Ивановна осторожненько его за ногу — хвать!

— Извините! А дебет?

— Какой дебет?

— Разве вы забыли — дебет? Припомните, вы по-латыни учили: де-бет?

— Ах, дебет? Изучал, изучал. Припоминаю… Дебет… То дебет, а то дебеты, а то — де-бет… Припоминаю… Левая сторона бухгалтерского счета… В ту сторонку заносятся наличные поступления… Почему же — припоминаю…

— Верно… Так вот по этому дебету на ваш счет занесено: кирпич, краска, стекло, доски, ошейники…

— Какой кирпич?.. Какие ошейники?

— Не знаю, какие ошейники — собачьи или телячьи.

— Ах!.. А я думал… Спросите Семена Семеновича… Он всему голова.

— Семен Семенович сдает дела. Вам это известно?

— Известно. Вчера его половина говорила: «Едем в Ялту».

— Не знаю, куда он поедет… Потворствовал хапугам. Сняли с работы.

Не сел Вертун в кресло замзавбазой. Латынь подвела…

ПО ДОРОГЕ НА ВОРСКЛУ

Да что и говорить: солнце, свежий воздух и вода — наилучший отдых, наилучшая красота в природе. Нырнешь в воду, вынырнешь, поплывешь, выберешься на берег, ляжешь на песочек… Ляжешь, а тебя солнышко тепленько обогревает, тебя и ветерок вокруг обвевает…

Ох какое это большое человеческое удовольствие!

Чудесно! А что уж на свежем воздухе аппетитно обедается. И не говорите, и не скажите — и ешь, и пьешь, не знаешь, куда оно и девается.

И разве ты правду скроешь: одну опрокинешь, так вроде возле речки одной и маловато…

Так вот я и думаю: «Разве я у бога теленка съел? Разве я не могу нырнуть и вынырнуть? Разве мне не хочется на живописном берегу на одной ноге попрыгать!»

Заявляю — хочется. Пришло воскресенье, и я куда? На речку, на Ворсклу! А как на грех, к речке только два автобуса ходит. А желающих и в пять автобусов не войдет.

Подошел автобус, я туда! А оно — тпру — ни туда, ни сюда. Спасибо добрым людям, на руках внесли.

Втиснулся. Сел. Как вдруг кто-то как прыгнет, да и упал на меня.

— Извините. — говорит, — это я. Разве вы меня не узнали? Я же ваша соседка. Хорошо, что я на вас налетела. Не дай бог, на другого — беда! Не доехала бы до Ворсклы, сбросил бы с дороги. А вы, ей-богу, порядочный человек. Терпеливо, спокойно сидите. Другой бы на вашем месте брыкался, кричал: «Кар-кар-раул! Спасайте! Вы меня задавите!»

А если подумать — чего кричать? Зачем шуметь? Сиди, молчи, вместе ведь на речку едем… Да и автобус все равно не остановится. Значит, будь благородным, терпи. Вы очень терпеливый! Сколько у вас людского благородства. Вот я навалилась на вас, а вы хоть бы пикнули. Как я завидую вашей жене! Она, наверное, на вас и утром, и вечером ездит… Да и то сказать: надо же и жене когда-нибудь на муже посидеть. Хоть немножечко, хоть чуточку, а чтобы, значит, и наша взяла.

Соседка говорит, а я чувствую, что уже будто второй раз испугался — потом обливаюсь.

А дородненькая соседка успокаивает:

— Вы же, пожалуйста, не шевелитесь — терпите! Давайте я вам на другое плечо кошелку переставлю. Не крутитесь, а то пироги выпадут. Я вас и пирогами угощу, вы только довезите

меня до речки целой, невредимой.

Вдруг чувствую, что-то мне мокрое на шею капает.

— Не обращайте внимания, — ласково предупредила соседка. — Нате вам рушничок. Вытирайтесь. Это компот! Я вот наварила компота, налила в горшок, и, когда сунула в двери, какая-то раззява взяла да и прижала горшок. Вот, наверное, компот и течет. А может, и ситро потекло. Когда вот оттуда нажимают, отсюда налегают… Я вам так благодарна, такое вам большое спасибо. Только благодаря вашей пояснице, я как-нибудь доеду до Ворсклы и искупаюсь в холодной воде.

На предпоследней остановке мне полегчало: соседка свои мешки поставила кому-то на ноги. Тот завопил:

— Гражданка! Вы на мою ногу свой мешок поставили!

— Извините, дедушка, не врите. Мешок стоит на моей ноге.

— Ну-ка, потрогайте, на моей! Не выдумывайте! Вот это? Так это же моя нога.

— Как ваша? Разве я своих ног не знаю. Я свою ногу пятьдесят три года ношу.

Соседка в крик:

— Что же это на свете творится? Не могут разобраться — где чья нога!

Но тут объявили: «Ворскла!»

Я скорее к киоску: хоть полстакана холодной воды! А мне резонно отвечают:

— Скорее ныряйте на дно. Там такая холодная вода — льда не надо!

КУРИЦА — ПТИЦА СЕРЬЕЗНАЯ

Живописное колхозное село Мандрики. Хаты беленькие, тополя ровненькие и высоконькие. Чудесные садочки. Всякие фрукты в этих садочках растут.

Идем мы по чистенькой улочке и встречаем симпатичную тетеньку.

— Здравствуйте! С воскресеньем, будьте здоровы!

— Спасибо! Здравствуйте и вам!

— Далеко ли до вашей птицефермы?

— Э-э… Это вы, голубчик, не тудою пошли. Вам надо сюдою… Вот сюда!.. Сюда и сюда… Затем будет школа. Десятилетка. Минуете школу, идите вот туда. Пройдете вот туда, тогда вот такочки… Никуда не сворачивайте: так, так и так… Влево, вправо, мимо больницы и выскочите на гору. На горе стоит Дом культуры. От Дома культуры спускайтесь вниз, вниз, в самый овраг. Потом оврагом, оврагом и оврагом. А там вам тропинку и малое дитя покажет. Да вам не надо много и спрашивать. Идите напрямик! Вот видите хату с зелеными ставнями? Вот, вот… Сюда смотрите!.. Там Домаха, наша звеньевая, живет. Первая хата — Филимона. Вторая — Варивона… А третья, со ставнями — Домахина… Сразу за Варивоном… Это же он на той неделе сына женил… Максима… С действительной пришел. Позвали и меня на свадьбу, спасибо им. Хоть я им и родичка никакая: десятая вода на киселе… Максим узнал меня. «Здравствуйте, — говорит, — тетка Килина! Садитесь рядом». Воспитанный! А взял он Оверкову Галю. Она у нас и делегатка, и депутатка… Дивчина — золото. Умненькая да красивенькая…

Тьфу! Забила человеку баки!.. Может, вы и не завтракали? А я и не о том… Человек стоит голодный, не евши. А я тараторю. Растарахтелась на дороге… У меня же сегодня пироги! Да и не говорите, заходите. Рыбы нажарила… Карпов… Ей-богу, зайдите. Это нашему звену всякой всячины в премию надавали. Сюда, сюда, идите. Я напротив Домахи живу…

Зашли. В хате опрятно, чисто. Мебель хорошая, радио поет. На столе и в шкафу книги.

— Это моя Оленка науки всякие изучает. После десятого класса пошла в доярки, а книг не бросает… Вы, наверное, издалека? Так хоть и из далеких краев, а Домаху, нашу звеньевую, должны знать. Ее вся округа знает… Вы ешьте, ешьте! Я вам еще пирогов поставлю. Слава богу, есть и себе чего поесть, и людей угостить… Чего я вам только не наговорила. Спасибо, что хоть слушаете. Так я вот у Домахи работаю в звене. На

бураках… Господи! чего только нам не приходилось выслушивать. Один говорит одно, другой — другое… «Попалась, — говорят, — дармовщина теткам! Что такое бурак? Посади, прополи, он сам растет!» Эге ж!.. Так сам и вырастет? Мы вот посадили восемь гектаров в долине, а два возле верб. Взошел буряк возле вербочек, взошел да и завял. Мы к нему, а он голову клонит. Что делать? А тут еще и завьюжило… Холодом повеяло.

Не вам говорить, бывало, ночами не спишь да все думаешь: как же посев спасти?

Ешьте, ешьте, не стесняйтесь. Пирогов хватит!.. Подпушили мы вот тот бурачок, подкормили… Еще раз подкормили и еще раз подпушили… Что же вы думаете, начал наш бурак уши подымать.

Поднимал, поднимал, да и сам поднялся. Такой бурак уродил — хоть на выставку вези.

Унялись насмешники. Начала их зависть брать. «Вот сколько баба заработала! Это что-то не то!»

«Пусть бог милует, — говорим. — Почему же не то? Вы едете на рассвете базаровать, а мы едем на рассвете бураки прорывать».

…Так вот мимо Домахиной хаты огородами, огородами и огородами. Прямо, прямо…

По точному компасу гостеприимной колхозницы — вот сюда, вот туда и вот так — мы и дошли до птицефермы.

Ферма расположена в хорошем живописном месте. В затишном, огражденном самой природой уголке.

Вот так — одна гора, вот так — другая. А вот так — третья. На взгорье садик. Еще выше — рощица. Низом, низом — ставок. Путящий ставок — глубоконький.

В ставке плещется водоплавающая птица, а вокруг ставка, в рощице, в садочке и на широкой низине копошится «сухопутная» курочка…

Куриное «поголовье» — пепельное, рябенькое и беленькое — клохчет и громко кукарекает.

Сколько же его, этого «поголовья» в перьях?

— Галя! — зовет Гаврило Васильевич. — Бери карандаш. Высчитывай!

Гаврило Васильевич — директор, Галя — помощница. Гавриле Васильевичу шестьдесят с гаком. Гале — восемнадцать без всякого гака. Она прямо из десятилетки на птицеферму пришла.

— Взяла? Пиши… В правом флигеле — две тысячи двести… Написала? Во флигеле над водой — три тысячи сто… Есть? Пиши далее… В новом кирпичном — ровно три тысячи…

— Восемь тысяч триста, Гаврило Васильевич!

— Подожди!.. А на дереве дописала? На дереве ночует сто

двадцать две. До самых снегов на дереве ночуют. Галя! А вот та пестренькая и до сих пор на дерево летает?

— Летает, Гаврило Васильевич!

— Дописывай… Сто двадцать две плюс пестренькая. Вот это наши куры. Да гусей пятьсот, да уток шестьсот… Слышите, на ставке — гел-гел. На-на… Курица — это птица более смирная. Тихая. Бывает, и она кричит. Кричит недаром… Или она яйцо снесла, или же ее обидели… Недосмотрели и своевременно не накормили, не напоили. Да! Курочка любит, чтоб ее ласково позвали: «Тю-тю-тю…» Да проса ей, да ячменя, да картофельки сварили… Курица очень любит картошку. Да! И соли, и мела чтобы дали. Почему это она белую хатнюю стену клюет? Ей нужен мел… И песочка подсыпь. Дай ей черепашника. Всего в пропорции дай. Вовремя давай. О!.. Тогда курица важная птица. Да еще какая важная — яйценосная! Тогда не надо говорить — «Села-села»… Не надо ее и щупать, сама яйцо принесет.

По правде сказать, щупать курицу надо не там. Щупать с другого боку — полненький ли у нее зоб. Разве это присмотр? Выйдет да: «Дядько! Вы не видели моей рябенькой?» — Видел, — говорю, — вон там за селом ходит, провианта ищет».

«Аж за селом? Куда ее нечистая понесла! И дорогу нашла, чтоб ты сгорела!»

Блуждает вот так несчастная птица, блуждает, потом берут ее в руки, и начинается индивидуальная баталия: «Это вы, кума, моего петуха переманиваете? Третью курицу щупаю — и без яйца!» — «Вашего петуха? Пусть он у вас околеет. Я ж, кума, не вашего нрава. Не успел мой Василь с хаты выйти, а вы: «Добрый вечер, кум!» — «А когда я говорила — добрый вечер, кум?» — «Вы, кума, не когдакайте! Вот щупаете, так и щупайте. У вас есть свой муж и свой петух…»

Гаврило Васильевич рассказывает и показывает хозяйство птицефермы.

— Вот тут воспитательный провиант: кукурузные отходы, пшено, ячмень, картошка. А вот тут черепашник, песок…. А это — часы. Курица — птица умная. По часам встает, по часам на насест садится. Деликатная птица! Пришло время завтракать — давай! Обедать — давай! Да-да!

— Гаврило Васильевич! А как ваши несушки яйца несут?

— Дай боже, чтобы все так яйца несли, как наши. Корми, присматривай, так курица вам яйцо принесет и в выходной день. За лето…. Галина! Сколько за лето несушка яиц принесла?

— По сто шестьдесят два…

— А? Слышите?.. Сознательная птица… Хорошая, правильная, прибыльная… Большой доход колхозу дает! Галина,

сколько мы в этом году сдали государству свеженькой курятины?

— Двадцать девять центнеров…

— О! Такая курица птица! Серьезная!..

— Гаврило Васильевич! А что это на горе за новые кирпичные дома?

— Фермы… Всякие фермы… там коровы, там свиньи, а вот там овцы… Механизация — куда ваше дело. Электрикой доят. А вот там высоконькое здание — это клуб. Для доярок соорудили. Как там девчата танцуют и поют! Мы как-то были на областном совещании, нас и пристыдили: «Одеты, — говорят, — как инженеры… На доярках шелка, а про культуру забыли…» Что значит срам: за одно лето клуб соорудили!

— А давно электрикой доят?

— Давненько. Чтобы вам не соврать, года три. Поначалу доярки стеснялись. «Руками, — говорили, — лучше доить. Рукой легче дойку нащупать. Схватишь, — говорили, — сразу у тебя и дело идет». А потом привыкли, одно удовольствие, а не работа.

— Гаврило Васильевич! А кур не хватают ястребы, лисицы?

— Нет, нет… Мы из ружья их бьем. Повадился было тут один хорек, его вилами отогнали. Мужчина с виду полный… Роскошный… Любил курятинку… Говорил, что его где-то там на снаббазе не поняли. Так вот он приехал на низовую работу каяться… Грехи на курятине отпускал.

Меня ж то туда, то сюда… То на правление, то в район, то даже в область зовут: расскажи да расскажи… Да расскажи со всем вниманием: каким ты зельем кур чаруешь? А моя помощница — молодая несмелая девчушка. Он придет при галстуке, с портфелем и приказывает: «Лови вон ту беленькую!» — «Так то же, дядя, несушка». «Лови!» — говорит.

Я его тут однажды и поймал.

«Несушек, — спрашиваю, — хватаете? А кто ж нам яйца будет носить?»

А он стал в гордую позу и вымолвил: «Я, — говорит, — теперь в ваших руководителях. Я буду носить».

«Вы будете яйца носить! Тьфу! А еще в руководители лезете! А такое мелете».

Да за вилы. Оно, извините, на человека нельзя вилами махать, но я махнул.

Ноги его тут не стало. Не слышно и не слышно. Слыхал, что его куда-то передвинули. Может, на гусятине больше перепадет…

Для чего мы здесь выращиваем кур? Так просто? Нет, не так. Государству сдаем и сами богатеем. А подшефному заводу надо гостинец повезти? Конечно, надо. Рабочий класс нам всю эту механизацию наладил. У нас с рабочим классом крепкая дружба.

Будете чего писать о нас, то и про этот драгоценный союз, пожалуйста, напишите…

КУТЬЯ С МЕДОМ

Как-то и мне кутья боком вышла.

Понес я на сочельник кутью родному дедушке. Темно-темно на дворе, а я, маленький хлопчик, иду вдоль плетня и несу узелок.

По дороге меня встречает здоровенный рябой пес.

Встретил и норовит, окаянный, вцепиться зубами в то место, что пониже спины.

«Эх, — думаю, — напасть! Порвет штаны. Праздничные, новехонькие, в клочья разорвет».

Слыхал я, бабуся рассказывала, что от святого пирога грешная собака вмиг гибнет. Подавится!

Отломил я полпирога.

— На! Подавись!

Пес съел, не подавился.

Думаю: «Должно быть, полпирога маловато. Брошу целый-целехонький, — наверное, не пролезет, застрянет в горле».

— На, — говорю, — хватай! Погибай!..

Схватил пес целый пирог. Смотрю, и целый пирог не застрял в горле, пролез.

Пес даже не поперхнулся.

Дедусь, к которому я с кутьей приковылял, утешает: «Не плачь, Сашуня, не плачь. Подавится! Завтра он вот тут, на огороде, и ноги протянет».

Побежал я на другой день на огород. Посмотреть на диво, как рябой пес от моих пирогов вытянул свои ноги.

Прибегаю. Мама моя! Пес как прыгнет, как повалит меня лапами.

Вот была кутья!

В кутью меду добавляют по-разному.

— Кум, собрались люди!.. Такой день… Наливайте и хлопцу…

Батько:

— Да оно… конечно… Давай, сынок… трахни!.. Люди просят…

Под конец вечера:

— Вася! Племянничек… Возьми еще и эту. А то будет бегать за тобой. Возьми, пусть не бегает…

— Дядько, это вы меня, ей-богу, хотите споить?

— Васька! Без разговору!.. Я тебе дядько? Дядько. Я тебе хочу добра? Хочу, Кутью мы едим? Едим. Так чего же ты нос воротишь.

Утром:

— Вчера, чтоб мне с этого места не встать, на кума лихорадка нашла: «Будьмо да будьмо… Без пары ничто живое не бывает… Да бог троицу любит… Давайте ж и по четвертой: ведь хата о четырех углах…» Ну, никакого у кума понятия… А теперь, поверите, как кто доску вставил — не сгибается поясница. Хоть лопни, не согнешь. Вот такая кутья.

— И на мою куму нашло. Пристала и пристала к моему Васильку: «Пей, сынок, это мед. Пей, дитятко, это медок… Вкусненький, сладенький…» Я и не думал, а он молоденький, глупенький, и нализался…

…Эти вечера начинаются просто. Простенькая и обстановка. Стол. На столе всякая всячина: кутья, взвар, свиной студень, колбаса… И вот та…

В этот вечер ее называют — «вот та».

— Вы, кум, какую кутью готовили: ячменную или пшеничную? Соломой или дровишками топили?

— Нет, я варил по-новому, на антраците.

— Кто же против антрацита? Давайте, кум, попробуем вот той.

— Давайте так давайте. Кум, вы человек грамотный. Скажите, сколько было апостолов?

— Двенадцать… Двенадцать, кум. Хорошо писали. Ох и писали же душевно: «Приидите ко мне, алчущие и жаждущие, и я утолю вас…» Давайте, кум, еще и ее, вот той… Она хорошо утоляет…

— Говорите, кум, двенадцать?.. А я думаю, почему евангелие такое толстое? А почему же они по-разному писали? Матфей одно писал, а Павел — другое?

— Эге-ге!.. Это вы мне, кум, задачу задали. Вы лучше запросите открыткой. Коротенько напишите: «Мы слыхали, что в нашем районе благотворно работает Общество по распространению политических и научных знаний. Пожалуйста, приезжайте к нам в село. Мы вас с радостью встретим и машину вышлем. Сотворите в нашем клубе чудо — прочитайте лекцию». Вы знаете, кум, я сегодня был в клубе — холодина!.. Даже замерз! Давайте разогреемся вот той…

— На здоровьечко… Угощайтесь… Закусывайте колбасой.

— Вы что, кум, ошалели? В такой вечер — закусываете колбасой? Грех же!

— Какой там, у беса, грех? Грех, если не наливают. Вы думаете, ангелы не пьют? Пьют!.. И ангелы в чайную залетают!

— Да оно и правда. Разве ангелы не такие люди, как мы? Будьмо!

— Опрокиньте, кум, опрокиньте… Лишь бы на душу шло…

А рано утром, еще, как говорят, начинает только на свет благословиться:

— Ой, жена, спасай! Печет!

— Где, голубчик, печет? В спине, в коленях? Или, может, под ложечкой сосет?

— Голова горит! Вот тут… Вот тут, будто кто рога приделал… И крутит, и вертит, даже в глазах темнеет…

Вот оно, значит, апофеоз сочельника — кутья рогом лезет….

Бывает, что к кутье не только мед дают, но еще и свинью подкладывают…

— Василь! Я же сегодня кабана заколол. Приходи хвост смалить!

Свиной хвост кум умел и смалить, и хорошенько уксусом намочить. Хватанешь — аж в носу закрутит.

Да разве только в носу?.. И земля под ногами закрутится. Приходится тогда ее, горемычную, руками держать. Чтобы не так качалась…

А в бригаде горячая пора — время завозить семена.

Спрашивают:

— Машина к вывозке готова, заправлена?

Отвечают:

— Не знаем, заправлена ли машина, а Василь Михайлович подходяще заправился… Лежит!..

— Зовите, пусть встает!

Говорят, чтобы быстро встать, надо освежающий снег к голове приложить. Но по новой процедуре не снег к голове, а голову к снегу надо с разгона приложить!.. Вот эта процедура хорошо, говорят, освежает…

Не знаю. Не пробовал. Рекомендовать не буду.

ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ

Какой-то Липник, возможно, иекзархист, а может, иеговист, на имя полтавского областного Дома народного творчества прислал письмо, в котором пишет: «Писатель Ковинька перед микрофоном доказывает, что его из глины не лепили и святым духом не сотворили. Предупредите его, пусть он внесет за упокой своей души десять тысяч, иначе кипеть ему в адской смоле…»

Факт

1

Чего скрывать, я давно хотел в пекло попасть.

Вы, спрашиваете, что меня туда тянуло? Признаюсь — не терпелось разглядеть, за какие же винтики многоженцев хватают, когда в казан бросают.

Хотелось увидеть и другое: как возле казанчиков выгибаются и изгибаются пьянчуги, хапуги, бюрократы, казнокрады…

Да!.. Что хотел, то хотел. Родичи, правда, не пускали. Более того — пророчили. Бабуся говорила:

— Тебе стежечка выпадает прямо в рай!

Может, старенькая и правду говорила, потому что я не сквернословил, по воробьиным гнездам не лазил и на девчат не поглядывал. Возьмите и другое: на улицу не выбегал, возле плетня не стоял, не кахикал, не чихал и не звал: «Апчхи, чернявая! Кахи, белявая!»

Почему я не кахикал и почему я не чихал? Не буду от вас скрывать — боялся.

В нашем селе росли девчата стройненькие, красивенькие и в руках были дебеленькие.

Кахикнешь, а какая-нибудь подойдет, схватит за грудки, прижмет к плетню и начнет по неписаной анкете расспрашивать: «А ну, хлопче, с чем ты тут кахикаешь?»

И… И… пропала моя репутация.

Дома сидел. Дома бабушке Ветхий завет читал и своими

словами райские картинки передавал.

— Вот это, видите, Ева в раю стоит.

— Без юбки?

— Без, — говорю.

— Бесстыдница!.. Бесстыдница!.. Неужели ей трудно было на себя какую-нибудь мешковину набросить? А это кто рядом?

— Это, — говорю, — Адам.

— И он без рубашки? О боже! Царица небесная! Бесстыдник! Без штанов стоит! Хоть бы кто-нибудь тюкнул; что ж это ты, бесстыжий, в раю голым телом светишь?

Самые серьезные коррективы бабуся внесла утром:

— Возьми эту ветхую книжку, положи ее в торбочку и иди в рай. Пойди и вот тем — Адаму и Еве — передай: придет моя бабуся, она знает, какую крапиву рвать и по каким местам стегать. Я не посмотрю, что они и такие, и сякие, и райские, — отстегаю! Я и твоего отца, и твою маму разве ж так хворостиной гоняла… Бывало, станут вечером под грушей и шепчутся, и шепчутся… А я из-за угла шав-шав… Да по ногам, по ногам… «Хвороба вашей матери! Не блудите! — кричу. — Венчайтесь! — кричу. — Без венца вас черти в пекло загонят!»

Так вот, говорю, и мне такое выпадало: в адский казан или в светлый рай… Куда — сердечно меня, уже взрослого, убеждала черноокая Палазя. Любила меня Палазя, и я ее любил. Да не так я ее, как она меня. Бывало, сядем под той самой грушей. Палазя прильнет и убеждает:

— Чего тебя в тот рай тянет? Что ты там будешь делать? Ни тебе прильнуть, ни тебе поцеловаться. Ни потанцевать, ни попеть… Одна нудота! Посмотри, какая в садике краса! Лучшего места, как под грушей, и на свете нет…

Я и кручусь, я и верчусь, и деликатно предупреждаю:

— Палазю, не льни! Бабуся говорили, что это блуд! Черти подсмотрят и тебя, и меня в пекло потянут.

— Подумаешь, напугал! Пусть тянут! Не так страшен черт, как его малюют!

И лукавого Палазя не боялась. Еще сильнее ко мне льнула. Вот под грушей мне впервые правдивая мысль пришла: «Чем, — думаю, — ангельскую нудоту в раю терпеть, то лучше с блудницами в смоле кипеть».

Да все, извините, некогда было адского кипяточку попробовать… То то, то се… То учился, то работал, то в творческих командировках странствовал…

Но, как говорят, свет не без добрых людей. Нашлась праведная душа — похлопотала… И в нежных тонах теплую

реляцию написала. Мелким-мелким почерком та реляция на бумаге начертана. Даю по оригиналу: «Их экселенции, чертячей обер-резиденции. Поскольку сочинитель Ковинька в своих насмешках доказывает, что его из глины не лепили и святым духом не сотворили, коленопреклоненно вас умоляю: наглеца острыми когтями схватить и немедленно в адском казане утопить. Любитель высоких небес и лукавых чудес, ваш покорный слуга Сидор Липник».

Подумайте, какая химера! Какая оказия!

Только я лег, только хотел глаза закрыть, смотрю — наваждение! Из спичечной коробочки вылезает малюсенький чертик. За ним другой, третий…

Вылезли, перевернулись и сделались такими, как жеребята. Ржут, копытами бьют, задки подкидывают.

— Черти! — кричу. — Черт вас побери! Чего вы повыскакивали?

— Выставляй, — говорят, — из-под одеяла грешные колени, будем хватать!

— А резолюция, — спрашиваю, — у вас есть?

— Есть! Даже две… Вот на, читай!

Беру. Читаю. Лукавые не соврали, правду сказали. Действительно, две резолюции. Первая длинненькая: «Жалобу преподобного отца духовного удовлетворить. Ненавистного насмешника за колени схватить». Вторая коротенькая: «Согласовано. Хватайте! Вельзевул».

Схватили. Потащили. Под навесом нас встретило привидение в черном. Молитвочки шептало, руки ехидно потирало и елейным голоском спросило:

— Куда это чертяки раба божьего прут?

За меня ответила соседка:

— Вы спрашиваете, куда прут? Чтоб у вас самих глаза выперло! Разве не видите — в пекло несут!

Привидение как захохочет. Я по хохоту узнал: тот самый Липник, что реляцию писал. Проклятый смеялся, аж захлебывался:

— В пекло тянут?.. Ха-ха-ха!.. А я за упокой юмористической душеньки вот такущую свечечку поставлю! Ага! Дописался! Наговорился по радио — из глины не лепили!.. Святым духом не сотворили! А из чего же тебя, спрашиваю, сделали? Из дерева выстругали или из инкубатора выпустили? Ха-ха-ха!

Хохотал, хохотал… Слышу, язык отнялся. И его черти за фалды потащили.

Волокли, окаянные, волокли и перед рассветом в лоно нечестивых приволокли.

Повезли меня по пеклу — страшными картинами пугать и примеривать, какую же сковородку грешным языком лизать…

По церковному изобразительному искусству пекло я представлял себе так. В ряд стоят казаны, чаны и негасимым огнем горят. А хваткие до погибели чертенята в эти посудины вилами подбрасывают греховодников по установленному графику: в воскресенье — бюрократов, в понедельник — казнокрадов, во вторник — многоженцев, в среду — насильников, в четверг — брехунов, в пятницу — хапуг, в субботу — пьянчуг.

Само собой разумеется: блудников и блудниц бросают вне очереди…

Но чтобы богословов поджаривали и ухваты в поясницу всаживали — моя фантазия до этого не доходила.

Черт-экскурсовод по знакомству рассказывал:

— Попадают и отцы духовные! Вот я тебе покажу одного богослова. Вчера вместе с тобой приволокли.

— А что недостойного смиренный муж учинил? — спрашиваю.

— Сказать по совести, он жизненное творил: грешных сестричек на покаянные лекции в гречку водил. Белявеньким апостола читал, чернявеньких уверял — один бог без греха. Лукавые и устно предупреждали и анонимно писали: «Отче! Опомнитесь!» Не слушал искренней правды. И снова за свое — в гречку! А оно все до поры до времени. Небесные дозорные раз пропустили, второй… Третий, слышат, что-то не так. Оно ж, видишь, как вышло. Духовный отец читал лекции, читал и переспрашивал: «У кого будут вопросы?» Сестричка возьми а громко спроси: «Батя, какой вас черт научил в пазухе душу искать?» «Эге-ге-ге! — подумали дозорные. — Беда! Лукавый христианскую душу в гречке раздирает». Туда смотрят, наоборот: солидная особа, слуга церкви, полненькую сестричку целует, обнимает, еще и к сердцу прижимает.

«Отче! — кричат. — Святотатствуешь!»

«Помилуйте, — завопил тот, — я не виновен. В гречку загнали и благоверную сестру искушать черти подсобляли».

«Не ври, отче», — крикнули мы. За бороду — и сюда. Видишь, он стоит возле казана, трясется…

3

Подошел и я ближе к казану. В самом деле, богослов жалобно

трясется. Чревом дрожит и зубами цокает. Больше черта пекельной посуды боялся.

Мне даже жаль беднягу стало — вот так беспардонно издеваются!

Вы только поймите, до чего додумались черти. Мужа благоверного, мужа чудодейственного (господи, какую каверзу придумали!) обротью зануздали!

Не вытерпел я и в сердцах вскрикнул:

— Чтоб вы, окаянные, взбесились! Нет на вас погибели, распроклятые!

Взяли и привязали батюшку, как лошадь на коновязи. Хорошо, что хоть не стреножили!

Ох и выдумки придумывают, лукавые!

Глянул я вокруг, аж на сердце похолодело.

Возле чанов и казанов нагими стояли многоженцы, насильники, соблазнители, блудники. И какая нестерпимая обида: все были засупонены в новые кожаные шлеи.

С хапугами и пьянчугами обошлись еще строже: на высоких и тощих крепкие ошейники надели, полных и тучных в намазанные хомуты впрягли…

Тьфу! Вот какое недопустимое унижение!

Черти еще и издеваются:

— Отче! Не вешайте нос! Умели в гречку скакать, сумейте и вонючую смолу глотать.

Хорошие тебе шутки! Когда на ваших глазах под казанюку вот такими охапками смолистые дрова подкладывают.

Картина, скажу вам, невеселая. Повторяю — грустный-прегрустный этюд получается.

Могучий столп церковного движения, движения часословного возле казана окончательно пал духом. Морально разложился…

Сняв с себя церковное облачение, отец духовный, выставив напоказ греховодный пуп, горячо уговаривал рогатых:

— Тюкайте, рубите, а пекельной смолой не карайте!

Странная просьба вызвала веселый смех у хвостатых лукавцев. Чертенята хохотали, как малые дети.

— Батя! — кричали. — Не нам поручали за пупки цеплять, не нам их и уничтожать!

Обидный отказ вконец обессилел батюшку: по всему телу разлилась печальная тоска.

Оно ж, видите, как бывает на свете: огненным страшилищем простодушных парафиян пугал-стращал, а когда сам попал в пекло — навеки перепугался.

Я хотел посочувствовать, утешительное слово сказать в подошел совсем близко. Когда я подошел, батюшка протянул мне

здоровенное письмо.

— Прочитайте, — просит, — мое слово, слово пастыря. Я же правдиво проклинал! Адом стращал… Хулу борзописцам посылал.

Взял я письмо. Свирепо накатал гневный летописец:

> «Есть, — пишет, — лоза… Есть верба! Есть прямые палки, есть выгнутые ковиньки. Но откуда взялась эта анафемская Ол. Ковинька — ума не приложу. Боже, боже! Твоей грозной десницей прошу — покарай! А если не сила твоя, то пусть писаке могучий сатана сломает поясницу. Аминь!»

Раскусив по письму, что передо мной знакомый призрак — Сидор Липник, я деликатно предупредил:

— Батя, батя! Меня в ад толкали, а сами в казан попали. Ай-яй-яй!.. Бывайте здоровеньки! Кипите веселенько.

Свое путешествие я, разумеется, выдумал, ибо твердо знаю — нет ни ада, ни рая, есть красивая трудовая жизнь. А это — так, для верующих и неверующих…

КАК КОГДА-ТО ЛЕЧИЛИ

Больница наша, или проще «аптека», была и маленькая, и узенькая, и темноватая.

С улицы одни узенькие двери, с огорода два маленьких окошка… Темно!

Одно оконце закрывал Бровко (хоть ты его убей, ляжет, дьявольский пес, и спиной все окно закроет), второе мы сами закрывали. На подоконник ставили лекарства: йод и порошки.

Спрашиваю больного:

— Что с вами?

— Горло… Сужается и сужается.

Лекарь подводит больного к окошечку, стучит роговой ложечкой по стеклу и профилактически кричит:

— Слезай! Слезай, чтоб ты сдох!.. А ну, скажите: а!.. а!.. Вот барбоса нажили!.. Тю на тебя! Говорите за мной: а… а… Куда ты морду суешь? Вот чертов пес!.. Еще — а!.. а!.. Сашко! Возьми палку, сгони этого черта с окна! Еще ра-зок — а!.. а!..

Лекарь Сергей Павлович «медицинских наук» набрался, будучи полковым санитаром в Елецком полку. Была у него красивая фигура, пышные усы, больного называл «пацент», и одному лишь богу известно, как в его руках очутилось свидетельство: «Может быть в сельской аптеке фельдшером…»

Я — помощник «лекаря». Медицинские функции помощника скромные: мыть посуду, вытирать, подметать пол и вот того лохматого «черта» с окна палкой прогонять.

Помощнику двенадцать лет. Он важно шмыгает носом и долго-долго разглядывает высоконькую бутылку. На бутылке страшный рисунок — голый череп! А сверху неразборчивые буквы: «Spiritus».

О, боже! Что это за страховидное диво «Spiritus» там на дне сидит?

Набравшись смелости, я, оставшись один, заглянул в бутылку. Ничего страшного нет. Пусто, и донышко сухое. Вот какое чудотворство!

Помощнику и невдомек, что там в самом деле сидело лихо, да вчера Сергей Павлович на пару с волостным старшиной это лихо, эту бешеную жидкость всю ночь терпеливо тянули через узенькое горлышко. Тянули, тянули и сами под завязку набрались… Утром их, утомившихся, нашли в арсеньевском хлеву. Старшина милостиво перевесил рябой свинюшке начальственную цепь с бляхой и бормотал: «Носи!.. Хрюкай!.. На то ты и свинья!..»

Прием… Болезни разные…

— Ногу в колене раздуло… Меланка, жена моя, и папоротник прикладывала, и горячими отрубями припарки делала, и любисток с луком прикладывала… А оно гонит и гонит…

— Что это у вас — косой резануло?

Больной о своей хворобе рассказывал шепотом:

— Какая там коса — урядник нагайкой резанул.

Деды жаловались на «божеские» проделки:

— Живот!.. Извините, раздуло, как бубен. Мы же вот это… со старухой посвятили на спаса яблочек и грушек… Да и свяченых наелись… До этого не ели, закона держались… Старуха одну-две грушки пожевала, и все. А я в охотку — две мисочки хватанул. Так теперь хоть кричи: кар-ра-ул!..

— А у меня под ложечкой сосет. Сосет и тянет. Тянет, тянет и не отпускает. Выпьешь чарочку-две, оно немного и отпустит.

С детьми целая морока.

— …Привязала я ее к возу за ножку. «Играйся, — говорю, — Оленка, играйся… Маме некогда, маме жать, снопы вязать. Играйся, деточка, сама». А она игралась да что-то, глупенькая, и схватила… Может, лягушонка проглотила…

От всех болезней лекарства одни — йод и порошки. Ставится банка с йодом, рядом кладется кисточка, и внимательно по очереди лекарь спрашивает:

— Что у тебя, Вася?

— Зубы болят!

— Ага… Раскрывай рот.

В баночку всовывается кисточка, и больному смазывают зубы. Известно, больной, сжав зубы, дрожит… А Сергей Павлович, смазав зубы и нёбо йодом, на прощанье еще и в лоб ткнет.

— На всякий случай… Может, голова заболит.

А очередь все подходит и подходит.

— А у тебя, Степа, что?

— Печет.

— Где?

— Вот тут.

— Подними сорочку.

И снова йодом смазывается голое тело.

— Где же вы, Сергей Павлович, мажете? Я же вам сказал — вот тут, а вы вон где кисточкой мажете.

Больные, у кого болят глаза, подставляют затылок. Лекарь мажет и ненароком спрашивает:

— А что у тебя, Петя, с затылком?

— Да у меня, видите, с затылком ничего. Он, можно сказать, здоровенький, вот глаза… Да мама еще дома сказали: пусть

помажут сзади, а то спереди если мазанут, то и глаза повылазят.

Сергей Павлович удовлетворенно кивает головой и продолжает мазать.

Побывал я недавно в родном селе! Мама моя родная! Встань посмотри! Какие огромные перемены. Какая просторная и красивая больница! Чистая, светлая. Окна большие, двери широкие, врачи квалифицированные. Среди них доктор-гинеколог.

— Разве вы не припоминаете Надийку? — говорят мне. — Вот ту Надийку куцоволосивскую. А ну вспомните!

— А-а!.. Помню, помню… Как же не помнить? Мы с ней вот тут, на этой дорожке в мисочки играли! Надия! Такая беленькая…

— Эге ж, эге ж! Так это она… в Харькове закончила институт. Комсомол ее туда послал. Кончила и говорит: «Поеду в родное село работать… доктором». Гинекологом работает. Такая аккуратная, душевная…

Конец печальной старой медицине!

И ПРЫГАЛО, И СКАКАЛО

Ивана Максимовича Гичку медом не корми — дай позаседать.

Внимательно, терпеливо папки складывал, перекладывал, раскладывал и любовался, сам себе нашептывал — мои вы миленькие. Мои вы родненькие! Вы моя душа и сердце!

Иван Максимович на каждой папке собственноручно каллиграфически вывел: «Совещание — практичное», «Совещание — теоретическое», «Экстренное совещание», «Совещание не очень экстренное», «Внеочередное совещание», «Текущее совещание», «Совещание, не терпящее отлагательств», «Совещание, с которым можно повременить»…

Вот так день и ночь заседал — не ел и не спал.

«Заседательство» до того глаза Ивану Максимовичу заволокло, что жена не раз и не два ласково предупреждала: «Ваня! Дорогуша! Не заседай хоть по ночам. У тебя, ей-богу, даже глаза запали!»

Намеки жены Иван Максимович с ходу отбрасывал:

— Запали, говоришь? Не выдумывай! Глаза тогда западают, когда недоливают.

Натягивал сапоги и про себя бормотал:

— Баба, она всегда баба! Только и слышишь — то то, то се, то не туда руки торчат. А в государственных вопросах нет понятия… И громко крикнул: — Оксана! Сама подумай, какая может быть пахота без совещания? Или сев, или жатва…

Обул сапоги, выпрямился и сказал:

— Моя ты дорогая половина! Пойми меня, каждый выдвинутый мною сельскохозяйственный вопрос непременно должен рассматриваться и комментироваться только совещанием. Не созовешь, голубушка, совещания — вовремя не вспашут и не засеют. Это тебе — хе-хе — это тебе, Оксанко, не борщ варить!

— Так, Ваня, снова ж тебе говорю — заседайте днем, а не ночью. Я же тебя жду-жду не дождусь. Уже и третьи петухи прокукарекали, а тебя все нет и нет.

— Мы ночью подкрепляемся: до совещания забегаем в буфетик и после совещания. А кое-кому, вот как мне, дозволено заглянуть и во время совещания.

На каждом совещании руководящее слово произносил Иван Максимович.

— Что такое бурак? — зазывно бросал. — Я вопрос ставлю ребром — что такое центнер бурака с позиция экономико-математической? Это — сила! Мы, говорю, на него налегаем и будем налегать. Но мы должны заблаговременно знать — с

какими десятыми и сотыми мы будем дальше налегать на бурак?

И, не дай бог, Иван Максимович узрит на диаграмме экономических показателей, что стрелка качнулась вниз — возмущение и клекот огнем пылают.

Он не брал, он хватал в руки диаграмму и гневно-прегневно кричал:

— Василий Петрович! Где вы работаете — у нас в авангардном хозяйстве или в каком-то отстающем? Сколько раз я вам говорил и предупреждал: по надою молока никогда стрелки вниз не ведите. Рисуйте только вверх и вверх, и за это вас с поклоном поблагодарят не только доярки, но и те коровы, которых они доят.

Или возьмем кукурузу, Василий Петрович! От вашей диаграммы кукуруза совсем завянет. Пусть ваша рука не дрожит. Пусть выводит показатели на верхнюю шкалу. Поймите, Василий Петрович, не вы, а я свою руководящую шею подставлю. Значит, на будущее давайте договоримся: как приказывает моя терпеливая шея, так и рисуйте.

Однажды темной ночью, после продолжительного совещания, Иван Максимович остался один. Должен был подготовить предложения к завтрашнему совещанию.

Читал и поправлял: а) Слушали: совка подняла голову. Постановили — принять меры; б) Слушали: несушки сдали темпы. Решили — выявить и доложить, какой фактор тормозит яйценоскость. Дать объективную оценку — какой породы завезли петухов на нашу птицеферму…

Иван Максимович не успел закончить свое любимое выражение — налечь на опорос… — как двери неожиданно раскрылись и долгоносики валом повалили к столу.

— Вы зачем сюда? — завопил Иван Максимович. — Кто вас просил? Совещание закончено!..

Долгоносики схватили Ивана Максимовича за руки, за ноги и предупредили:

— Не сопротивляйтесь! Совещание продолжается…

В то время когда Иван Максимович болезненно переживал — ах ты, проклятая букашка, куда долезла! — довольно высокий долгоносик усиками показал на большой и раздутый шкаф:

— Грызуны! Загляните, что там творится?

Долгоносики открыли, а оттуда тучей полетело «Принять меры…», «Предупредить…», «Повлиять…», «Ускорить темпы…», «Избежать проволочек…», «Не затягивать…», «Не растягивать…», «Указать…».

Сверху загудело:

— Хватайте! Читайте!

— Ша! — предупредило самое маленькое. — Читаю! «Мероприятие номер две тысячи. На вредных долгоносиков бросить хорошо оборудованные опрыскиватели».

Высокий долгоносик перебил чтение и спросил того жучка, который нюхал и проверял опрыскиватели:

— Говори — исправны ли опрыскиватели?

— Ни один опрыскиватель не исправен, — ответил черненький жучок. — В первом опрыскивателе насос не льет и не сопит, у другого форсунка не работает, у третьего двигатель не шумит и не пыхтит.

— Годится! — закричали букашки. — Какой приговор вынесем?

Высоконький с усиками заморгал.

— Вношу такое предложение: за неисправность опрыскивателей гражданина Ивана Гичку активно почествуем — штаны и сорочку съедим, а сапоги и картуз оставим.

Иван Максимович подумал — шутят собачьи букашки! Если нет, — сгрызут. Съели верхние штаны и начали рвать на куски исподние.

Тогда вот тот высоконький — тот, проклятый, до чего додумался — влез на оголенное бедро да как грызанет распроклятый за то, что повыше. Вот тут Иван Максимович и проснулся.

— Фу! Даже в пот бросило!

А жена и говорит:

— Вожусь возле печи да и слышу, ты стонешь, сопишь, кряхтишь… Думаю, наверное, тебе во сне что-то на голову прыгнуло… Да ты же вчера ничего и не пил…

— Прыгало! — сокрушенно молвил Иван Максимович. — Ой, прыгало, скакало, грызло и кусало.

— Вот тебе, голубчик, ночные совещания боком вылазят. Живи, как все живут.

Вы спрашиваете — влился ли Иван Максимович в настоящее жизненное русло?

Говорим уверенно: голос жены — голос народа.

КАК МЕНЯ ЧЕРТИ ПОД НОВЫЙ ГОД ВОДИЛИ (Рассказ Панаса Деркача)

Глянул, говорит Панас Панасович, на часы — пора! Пора в чарку что-то наливать, пора Новый год встречать. Смотрю — без двух минут двенадцать. Собственно, набегает уже двадцать четыре…

Налил и промолвил: «С Новым годом, Панас!» Хотел пригубить чарочку, как откуда ни возьмись — черт!

Рожками шатает и копытцами по полу стучит. Раза три перевернулся да и к моей чарочке когти протягивает. Хочет, проклятая его душа, перехватить и в свое нечестивое горло перелить.

Нет, думаю, теперь дураков нет. Не те времена, чтобы каким-то там чертям поддаваться.

«Отойди, — говорю, — грешная ты зануда, подальше, пока я хоть пару чарочек не опрокину».

Нечестивец ни в какую — не отходит. Свернул хвост бубликом — и ко мне. Пытается вырвать драгоценное… Н-нет, сам про себя думаю, не на такого ты напал. Чтобы ты у Панаса вырвал новогоднюю, да никогда в жизни. Раз она полная, Панас может идти в атаку не на одного, а на двух чертей!

Лихой крутился, крутился, но видит, что ничего сделать не может, начал тогда ко мне ладком подступать.

— Дай, — просит, — попробовать. Капни хоть двадцать капелек…

Я переспрашиваю:

— На язык?..

Черт высунул свой длиннющий язык и говорит:

— Панас, не шути! На этот, — говорит, — мой аршинный двадцать капель ничего не значит. Ты мне фугани по двадцать граммов на зуб.

— Эге-ге, — говорю, — доза не маленькая. Это тебе, рогатый, надо скакать к бабке Одарке. У нее в углу целая бутыль первака стоит.

— Пробовал, — говорит лукавый, — скакал и через трубу в хату прыгал, да там мои номера не прошли. Тетка Одарка связалась с другим чертом. У него и рога более крутые, и хвост больше, и тому подобное…

Ничего не поделаешь, пришлось нечестивца угостить

чарочкой.

Опрокинули. Черт облизнулся и подставляет еще. Давай, мол, наливай.

— За что, — спрашиваю, — тебе такая честь, еще одну наливать?

А хвостатый, опрокинув ту первую, оживился, как петух на току.

— Ты, — говорит, — Панас, славный человек. Ты на сцене читаешь смешные оказии… Читаешь? И ты хорошо знаешь, ни один юморист поганым словом черта не помянет. Все-таки и наш брат вашему брату в чем-то подсобляет. Спроси, кто кузнеца Вакулу на собственном горбу тащил до самого Петербурга? Черт! Кто в болото людей затягивает и из болота их вытягивает? Черт! Что тебе своя жена говорит, когда ты охмелевший перед рассветом домой приходишь? Она тебе, Панас, говорит: «Где тебя всю ночь черти носили?» А что о Петре Свербигузе в выходные говорят? А говорят вот что! «Петра снова куда-то черти понесли».

Слышишь, какую мы имеем в мире популярность? А ты, голубчик, позавчера, когда водил внуков во вторую детскую библиотеку, которую запроторили в такой чулан, что днем с огнем не найдешь, что ты говорил? Забыл?.. А я слыхал. Ты бурчал: «Вот куда детскую загнали. Тут сам черт ногу сломит, а библиотеки не найдет», А я вот перед Новым годом в Ворскле в проруби прыгал, хотел карасика или щучку поймать. Нету. Всю рыбу извели. Ведь ты, Панас, знаешь или не знаешь, что завод все нефтяные отходы сбрасывает в Ворсклу, а из Полтавы тоннами всякие нечистоты летят в эту славную речку. Если обо всем рассказать — ужас! Там не только рыба, слоны бы заревели — спасайте! Вчера один рыбак идет и громко-громко кричит: «Кому писать? Кому подавать жалобу?» Постоял, постоял, подумал и добавил: «Разве, говорит, чертям черкануть? Пусть хоть рогатые врагов природы в то самое остренькими поколют? Возможно, поможет!»

Тирада, что и говорить, логична: пришлось и второй непрошеного гостя попотчевать.

Опрокинул черт и эту и просит — наливай и третью! Вы подумаете, ей-ей, по моей привычке. Слышите, лезет за третьей.

— Ты, — говорит, — Панас, наливай, а я тебе расскажу новость. До того как к тебе прыгал, я в проруби на Ворскле лазил. Смотрю — идет кума Христя, та, что с Крутого берега. Высокая, высокая. Не меньше двух метров. Глянул напротив — насосавшийся, как верба весной, идет дядя Ваня. Низенький. Ростом метр. Подходит и: «Кума Христя… С Новым годом! Давай я тебя по такому приятному случаю обниму и поцелую!»

А кума Христя: «Так ты ж, Ваня, до моих губ не дотянешься…»

«Дотянусь», — говорит дядя Ваня и с этими словами снимает шарф и обматывает куме колени. Обмотал, встал на него носком, обнял, с Новым годом поздравил и поцеловал.

От такого чудодейства кума даже руками всплеснула? «Ваня! Какой тебя черт такому диву научил?»

А я вылезаю из проруби да и говорю: «Сам первый раз такое чудо вижу!»

За интересный рассказ пришлось налить и третью. Пожалуй, наливал и четвертую, ибо когда я проснулся, то оказалось, что я лежал у кума в хате за печкой.

Очевидно, очень-таки щедро мы с кумом Новый год встречали, и как же ты это скроешь — частенько и опрокидывали.

Словом, пересолили. А народная пословица справедливо говорит: «Недосол на столе, пересол — на голове».

Так оно, извините, и вышло. В голову ударило. Вместо того чтобы тебя жена ласкала да голубила, возле тебя всю ночь нечистая сила прыгала…

НУ И СОСЕДУШКИ!..

Второй раз женился и на другую квартиру переселился. Квартира, скажу вам, — дворец! Светлая, чистая, просторная. А мебель какая пречудесная: шкафы, диваны, тюльпаны…

Умела моя жена роскошную квартиру приобрести. Умела и квартиру обставить, и мебель расставить. Правду не скроешь, сумела и меня к себе причаровать….

Вчера, значит, перебрались в новое семейное жилище, Лена, моя молодая хозяйка, — статная, полненькая, хорошенькая, — предупредила меня: со своими порядками в чужой монастырь не суйся. Выполняй то, что я тебе скажу: собачку корми три раза в день, а кота и корми, и мой в ванной через день.

Первую жену, я вам из практики скажу, не сразу распознал. Как это говорят — не раскусил… Будто и по сердцу, и по душе. Жили мы, ей-богу, дружненько. И вот, вы только подумайте — однажды утром прихожу я от верного товарища домой, а она меня ни с того ни с сего тряпкой по роже — шлеп! Да еще если бы сухой, а то мокрой-мокрющей, как стеганула по затылку, даже чвакнуло.

— Где ты шлялся? — крикнула. — По морде вижу, всю ночь горькую хлестал!..

Слышите, уже я и не выпивал, а как та свинья — хлестал. И уже у меня не лицо, а морда! Эге-ге, думаю, ты уже мне не голубка!

А тут произошло событие, которое меня настойчиво толкнуло — ищи себе другой приют.

Получил я одновременно зарплату и премиальные и пошел с закадычным дружком покропить премию…

Проснулся рано утром и не разберу, где я. Где я и где мой пиджак. Да и в карманах, как вы уже догадались, гуляет ветерок. Смотрю, ко мне подходят какие-то хорошие люди, я и прошу: займите, пожалуйста, гривенник. Больше не надо, только гривенник, чтобы на автобусе доехать домой, к жене.

Поглядев на меня, они спросили:

— А что с вами? Потеряли деньги или что?

— Да вышло, — говорю, — такое: вчера я получил зарплату и премию, посидели немного с дружком, и вот не знаю, то ли я их потерял, то ли вытащили, то ли с чаркой поплыли.

— Вот оно что!.. — промолвили. — Теперь поедете домой, что же вам жена скажет?

А я им честно и отвечаю:

— А чего же вы хорошего хотите от жены?

Приехал. Зашел. Жена сидит у порога. Всю ночь не спала: все меня ждала. Ждала и с надеждой рассуждала — с этой зарплаты надо одеть сына. А я, как вы уж догадались, домой принес от той зарплаты одно воспоминание…

На этот раз ничего не сказала, веником не махала и тряпкой не стегала. Пошла и легла возле сына.

Прихожу с работы, глянул — на столе записка лежит:

> «До свидания, шаромыжник. Пей, чтоб тебя разорвало! Бросишь хлестать — приду, не бросишь — прощай!»

Прочитал и про себя подумал: придешь не придешь, голубушка, а играть на моих нервах я не позволю.

Ушла от меня жена, и начали меня тогда соседи шельмовать, корить: такую, говорили, славную жену свел с ума — пропил!

Переселился и, откровенно скажу, снова попал в царство темноты. Сосед справа почти каждый день устраивает шумные кошачьи концерты.

Спрашиваю:

— Уважаемый и почтеннейший сосед! Что у вас, извините, по вечерам происходит? Ваш котище до такой степени мяукает и визжит, что даже в ушах звенит.

— Исполняю, — говорит, — чистоплотные функции: купаю кота.

— Так и я ведь кота купаю, но он не воет шакалом.

— Так вы, наверное, только купаете кота, а я своего еще выкручиваю.

Ну и соседушки!..

Проходят дни. Со временем, говорят, и человек становится мудрее. Начал клуб посещать, как дискуссия — и я там, как вечер вопросов и ответов — я в первых рядах сижу. Спрашивают, что муж должен делать перед тем, как варить обед.

Первым ответил я.

— Муж должен помыть руки с мылом и позвать жену, пусть начинает чистить картошку.

По залу пробежал смешок. Подумал: значит, моя голова еще варит…

Второй задают вопрос: собираясь на охоту, что прежде всего охотник должен положить в рюкзак? Снова я первым поднял руку. Говорю: прежде всего охотник должен в рюкзак положить хоть каких-нибудь поллитра.

Ей-богу, кое-кто громко засмеялся и зааплодировал.

Третью загадку-шараду задали такую: кому легче и удобнее вертеться среди людей — лысому или дураку?

Я сразу эту шараду раскусил: дураку, говорю, легче.

— Почему? — спросили.

— Потому, что не так заметно.

— Правильно, — крикнули и зачислили меня в актив клуба.

Но дома все пошло «вверх дном»: Лена забастовала.

— Мне, — говорит, — клубные активисты не нужны. Я тебя брала на квартиру с надеждой, что ты будешь кормить животных. Чтобы от голоду не мяукали. Понял? Так вот забирай свои манатки и катись на все четыре стороны.

Забрал я свои пожитки, вышел на улицу и стал рассуждать. Думал, думал и надумал: пойду к моей любимой Наталочке, упаду на колени и скажу: во имя сына — прости. Ты моя милая, ты моя единственная!

КАКИЕ ЭТО СНЫ БЫВАЮТ

Шут с ним, дивный сон мне на днях приснился. Вроде я — не я, техник Гринько Кныш, а жена моя Палазя.

И приснится же вот такое странное: из мужского рода превратился в женский…

И юбка такая, и туфли, и косы на голове заплетенные…

Словом… Да что и говорить — вы сами хорошо знаете, что надевает муж, а что жена.

А где же, думаю, моя Палазя, моя женушка? Вожу глазами и не верю своим глазам. Жена моя Палазя — так это вроде не жена моя, а я — Гринько Кныш. Лежит на кровати и храпит вовсю. Спит!..

Думаю, пускай муж, значит, моя Палазя, спит, а я домашним хозяйством займусь.

Оно, как вам сказать, домашняя работа и не тяжелая. Веялки не крутить и мешков на себе не таскать.

Возиться в хате — так это одно, другое… Разные мелочи…

Честное слово, домашняя суетня — сущая ерунда.

Так что вы, товарищи, мужчины, не очень пугайтесь, когда всевышний позовет: Юхим! Подожди!.. Не надевай штанов! Может, ты и не мужского рода!..

Не бойтесь, если и вас во сне перевернет, как это меня перевернуло.

Допустим, вас перевернуло. Вы жена! Начинайте тогда вертеться в хате, как и я вертелся.

Пусть муж спит, вы его не беспокойте. Вот и мой, значит, Грицько спит, а я тем временем дочку Ярину и шестимесячного сынка Таська выкупал, накормил, постелил и спать положил.

Вот и вся моя домашняя работа.

Ну, что там посуду помыл, коврики повыбивал, мусор веником вымел, картошки начистил, ибо есть и самому хочется…

Вот и все. Разве это много?

А если взять еще мельче: носки поштопать, пуговицы пришивать, сорочки полатать, костюм мужу выгладить, пеленки постирать, так это и совсем несложная работа!

Сделал это все, сел и сижу. А уж если сел, то тут тебя и мысли одолели: чем же утром мужу угодить? Что ему вкусненького на завтрак спечь, сварить? Что на завтрак детям приготовить?

Решил — это сварю, а это спеку, да, пожалуй, и спать ложиться. Хотел уж лечь, да вспомнил… ой! Я же забыл еще про одну мелочь: галстуки и носовые платочки выгладить! Пусть муж

не вытирает нос рукавом!

Выгладил платочки, лег и задремал. Вдруг слышу, мой муж, Палазя, меня под левый бок — толк!

— Встань, голубка, посмотри. Что-то Тасько кричит.

Я прошу:

— Может, ты встанешь? Я недавно лег.

— Такое выдумал! Ты теперь жена. Ты и вставай!

Встал я, а оно, бедненькое, мокрое-мокренькое. Поменял я постель, высушил пеленки и немножечко, с полчасика, сыночка забавлял. Смеялся, смеялся Тасько и заснул.

Прилег и я. Спал не спал, когда Палазя — мой муж — снова толк меня в правый бок. Подними, пожалуйста, голову. Чего-то доченька просит.

Я поднял.

— Чего тебе, Яринко? — спрашиваю. — Пить?

— Нет! Мне…

— Иди вот в уголок.

— Там темно. Я боюсь… Поведи меня.

Пришлось вставать. Глянул на часы — шестой час. Уже некогда и спать. Надо же о завтраке позаботиться: деткам молочка вскипятить и манки сварить.

Умылся, оделся. Сбегал в гастроном, купил банку томата, поставил борщ, пусть кипит, а сам начал пол мыть.

Помыл пол, накормил дочку и отправил ее в детсад. Детский садик недалеко — два квартала пройтись…

Теперь утренних забот стало меньше. Накормлю маленького манной кашей да буду собираться на работу. Занесу по дороге в детясли и сынка Таська.

Вожусь в хате да еще и напеваю. Не журюсь. Радуюсь — детки маленькие живут в тепле, в добре.

Какая это, думаю, помощь матери будет! Вот если бы еще, думаю, наши мужья научились пеленки стирать или там мусор подметать.

Ведь оно, думаю, и наука несложная. А математика и совсем простая: раз ты сынка накормил манной кашей, другой раз я.

Или пол. В ту субботу я помыл, в эту — ты.

Сплю я и переживаю: какая несправедливость! Все домашнее хозяйство на мне и только на мне. Деток покорми, пеленки выстирай и трижды на день сор из хаты выметай.

Нет, мыслю, негоже. Неправильно. Если мне посчастливится превратиться в мужа — вот уж я буду жене помогать.

А то и в самом деле навалили на бедолагу: постель убери, подушки подпуши да еще и здоровенную перину туда да сюда переверни.

Мысли мои остановил Тасько. Громко заплакал, а Палазя, мой муж, говорит:

— На! Возьми ребенка! Покорми…

Вот тут я с перепугу и проснулся. Колени дрожат, тело трясется…

Смотрю, сынок не плачет, а смеется. А моя любимая, дорогая жена из той комнаты зовет:

— Вставай да умывайся. Я уже и натопила, я уже и наварила…

«Боже! — думаю. — Слава тебе, что это только сон!»

— Поля! — говорю. — Дорогая ты моя! Поздравляю тебя с Женским праздником — Восьмое марта! Сегодня пол мою я!

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ РУССКИЕ ПОБРАТИМЫ!

1

Приподнято-волнующий шум и гам: на перроне гудит, клокочет…

Слышите, какая радость! Столица Советской Украины в славный путь нас провожает.

Мы отправляемся в братскую Россию на Декаду украинской литературы и искусства.

Маршрут ожидаемой поездки, можно сказать, недалекий, но и не близкий. Назову географию путешествия: Киев — Полтава — Харьков, Куйбышев — Оренбург — Орск — Москва.

Вы спрашиваете — кто отправляется в эту долгожданную поездку?

Это чудесные мастера из артистического мира, влюбленные в песню и чарующие песнями людей труда.

Это известные ученые Украины, талантливые композиторы и не менее талантливые художники, режиссеры-постановщики и конечно же современные деятели киноискусства, пианисты-концертмейстеры и участники художественной самодеятельности.

В эту славную бригаду влили и нашего брата — летописца.

Вливали деликатно и толково: по росту, по возрасту и по литературно-стилевым признакам, чтобы, значит, писательский круг представлял все жанры.

Вопрос ставился ребром — не подкачайте!

Позвольте вам отрекомендовать членов нашего боевого звена: Валентина Ткаченко, Микола Зарудный, Виталий Петлеванный, Иван Цюпа.

Пятым колесом и я сюда прицепился.

Звеньевым единогласно избрали Миколу Яковлевича Зарудного.

2

Один товарищ весьма тактично и весьма корректно пристал ко мне: откуда, говорит, ты взял, что это даровитое и талантливое звено?

Попытаюсь кратенько пояснить. Когда нас провожали в

дорогу, то рабочие и работницы киевских заводов говорили: ваша бригада на радость всем нам состоит из чудесных деятелей науки, искусства, культуры, литературы, которых заботливо растил и вырастил великий советский народ.

Вырастил и указал: а ну-ка гей! Поезжайте к братьям и сестрам российским. Поделитесь опытом бурного расцвета социалистической культуры и литературы, что бьет ключом на землях нашей милой Украины.

3

Загудело, засвистало, колеса завертелись — и мы поехали. Дорогой пели, смеялись и, не доезжая до Полтавы, кинулись в дискуссию — первоклассная ли наша бригада?

Думаете, кто-то был против? Ей-богу, все подняли руки «за», никого не оказалось такого, кто бы крикнул: «Братцы! Я воздерживаюсь!»

Да как по правде сказать — кто же будет против себя голосовать?

Порой мы некстати обходим животрепещущую тему — что человек делает в дороге, когда у него на душе радостно и когда соседи по купе радуются, что ж тогда, спрашиваем, веселые пассажиры едят, и как купейное меню расхваливают, и чем поливают…

Едем… Поезд плавно плывет по рельсам, перед нашим взором мелькает маняще-колоритный пейзаж. В купе светло, чисто, не сквозит, и муха над вашей лысиной не пролетает. На столике опрятная хорошенькая посудина. В тарелочке лучок зелененький, свеженькие огурчики, помидорчики, селедочка…

…Ехали мы да ехали и к индустриальному гиганту старинного русского города Самары, ныне — Куйбышева, благополучно доехали.

Выходим из вагонов и сразу попадаем в нежные объятия дорогих российских побратимов.

Обнимают, целуют… Воистину — сердечная братская встреча.

А с вокзальных высот транспаранты на украинском и русском языках приветливо и тепло приглашают: «Ласкаво просимо!», «Добро пожаловать, дорогие братья!»

Прямо со станции украинская делегация с живыми цветами в руках и с глубоким уважением в сердце пошла и склонила свои головы перед памятником гению человечества Владимиру Ильичу Ленину и поклонилась выдающимся советским полководцам

Василию Чапаеву и Николаю Щорсу.

Областные газеты восторженно известили читателей — в наш город сегодня прибыли украинские побратимы — деятели искусства и литературы.

В первый же день после приезда нам выпало самое большое счастье: мы навестили знаменательные исторические места, где великий Ленин жил, работал и неусыпно ковал стратегию освобождения трудящихся от ига капиталистического гнета.

Небольшой домик на улице Разина, 10. В этом домике, в маленькой комнатке, после приезда из села Алакаевки временно проживал Владимир Ильич в сентябре — октябре 1889 года.

Заглянули мы и в самую большую в городе библиотеку. Сюда, в Самарскую публичную библиотеку, в 1889—1893 годах Владимир Ильич частенько наведывался, частенько пользовался ее книгами.

Продолжаем с волнующим трепетом знакомиться с дорогими для каждого из нас местами.

Останавливаемся возле довольно большого, хорошей архитектуры дома. В нем когда-то помещался Самарский окружной суд, в котором Владимир Ильич выступал адвокатом, защищая крестьян от дворянского произвола.

Вот мы в величавом музее В. И. Ленина. В этом доме на втором этаже в конце 1889 года и до осени 1893 года жила семья Ульяновых.

Музей прекрасно оборудован. Экспозиция музея красноречиво рассказывает об условиях и обстоятельствах, в которых Владимиру Ильичу приходилось работать.

Заходим в комнату Ленина. Окно на восток, у окна стол, два стула. На столе книги, керосиновая лампа с белым абажуром, чернильница, ручки… Справа — кровать.

4

Вечером в театре оперы и балета состоялась торжественная встреча-концерт.

Зал заполнен до предела. Полон-полнехонек, как говорят, яблоку негде упасть.

Мастера Украины российским зрителям в полную меру раскрывали чарующую красу украинского классического и советского искусства.

Извините, но позвольте ненароком заметить: мы сидим в театральном зале города Куйбышева, слушаем наших славных вокалисток, бандуристок, пианисток, смотрим и любуемся

чудесным балетом, да и думаем — ох! Не миновать им заслуженного веночка на милую головушку…

Да и мы не против: это ж наша неразлучная половина рода человеческого.

Мастера сцены и певцы оперных театров — правду скажу: и пением, а художественным словом чаровали братьев-россиян.

Идем дальше: начнем вас знакомить, какие хоры и ансамбли вокально-танцевальным искусством удивляли слушателей-зрителей:

— Черкасский украинский народный хор.

— Заслуженный самодеятельный ансамбль танца «Дружба» из города Днепропетровска.

— Самодеятельный народный эстрадный ансамбль «Чайка» из города Жданова.

— Мужское вокальное трио из города Киева.

Хоровые и танцевальные ансамбли выступали на заводах, фабриках, в колхозах, в войсковых частях.

Всюду артистов радушно встречали, радушно и провожали.

5

Сердечные встречи с гостеприимными куйбышевцами состоялись в дворцах культуры, клубах, учебных заведениях, по радио, по телевидению.

Теплая и задушевная встреча произошла и в Доме Союза писателей.

Своим российским братьям по перу украинские коллеги рассказали о своих достижениях.

Русские писатели охотно поделились и с нами — что сделали и какие творческие замыслы думают воплотить.

Берем в руки изданный в этом году том поэзии авторов старшего и младшего поколений и радуемся опрятному, красивому оформлению. Книга рекомендует читателям поэтические произведения шестидесяти авторов. Есть и переводы: сонеты В. Шекспира, стихи Р. Киплинга, Г. Гейне, Я. Кроса, Жеко Христова, Рашко Стойкова.

Прекрасно! Чудесно!

Куйбышевское издательство ежегодно дополнительно издает и альманахи новелл, рассказов…

Желаем вам, дорогие русские побратимы, творческих успехов на нелегкой, но почетной литературной ниве.

6

На следующий день наши ансамбли, творческие бригады разъехались по области: поехали в город Тольятти, колхоз «Прогресс» на электростанцию имени Ленина, нефтеперерабатывающий завод, Волжский автозавод…

Нам, писателям, довелось побывать в селе Алакаевка.

Расстояние от Куйбышева — 70 километров. Дорога — лесостепь.

Село Алакаевка — типичное русское село. Сюда в годы 1889—1893-е каждое лето приезжала семья Ульяновых и поселялась возле небольшой речки в крестьянской избе.

Когда-то затерянная в чащах Алакаевка ныне стала неузнаваемой: при въезде в село высится хорошо оборудованная двухэтажная школа, клуб с библиотекой и залом на 500 мест. Жилые дома такие, что, как говорят, можно засмотреться.

Над оврагом, над речкой — Музей-усадьба В. И. Ленина.

Подошли. Перед музеем шеренга юношей и девушек. Это ученики окрестных средних школ.

Односельчане-алакаевцы радостно с нами делятся: к этому заповедно-священному месту никогда не зарастает народная тропа.

7

Возле музея нас приветливо встретили представители Кинельского райкома партии, и мы пошли по знаменательно-исторической усадьбе.

Подходим к густой роще — излюбленному месту Владимира Ильича. Здесь наш экскурсовод поведал, как Ленин в тенистом уголке под раскидистыми деревьями соорудил столик, скамейку и работал. Заходим в музей, осматриваем его. Директор музея пригласил нас в комнату и рассказал:

— В этой комнате впервые в те годы прозвучал величавый интернациональный гимн: «Вставай, проклятьем заклейменный…» Анна Ильинична аккомпанировала, а Владимир Ильич, Мария Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаров пели:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Мы с благоговением склонили головы…

8

Гостеприимные куйбышевцы снарядили для украинских гостей довольно большой белоснежный пароход.

Поплыли на волнах прославленной русской Волги-матушки реки.

Ох и широка Волга, ох и хороша!

Плывешь, а берега перед тобой только быстро мелькают. Я, скажем, впервые по широкой Волге плыву. Потому и бегаю по палубе: то туда, то сюда. Никак не налюбуюсь чарами Волги-реки.

Экскурсовод еще интересно рассказывает: «Вот здесь Федор Шаляпин пел «Вниз по матушке по Волге»… а вот сюда приходил Максим Горький, а тут находился известный чешский сатирик Ярослав Гашек…»

Славна и богата событиями Волга-река. Возле великой русской реки во время Отечественной войны храбрые и мужественные советские воины сломали хребет фашистскому зверю.

9

Пожав руки и обняв друг друга, душевно сказали: «До новой встречи, друзья! До свидания!» — и из Куйбышева направились в Оренбург.

Знакомимся, и нас, а меня особенно, приятно порадовало: встречает нашу ассамблею секретарь Оренбургского обкома, Герой Социалистического Труда, родом с Полтавщины. В селе Андреевка Новосанжарского района еще в юности закончил сельскохозяйственную школу.

Положили мы живые цветы к памятнику В. И. Ленину, и нас оренбуржцы пригласили — кого куда: на шелковый комбинат, никелевый комбинат, машиностроительный Южно-Уральский завод, во дворцы культуры — «Строитель», «Серп и молот», «Нефтяник»…

Пригласили нас к себе и колхоз «Россия», и колхоз имени Кавдивизии.

Ходим и знакомимся, как работают и живут российские труженики. Мы, ознакомившись, всем говорим: и хорошо работают, и хорошо живут!

10

Как же тут не сказать: спасибо вам, товарищи из Книготорга!

Винницкому облкниготоргу мы весьма благодарны за прекрасно организованный книжный базар в Центральном парке города Оренбурга. Как раз над рекой Урал.

Мы, писатели, на этом базаре с удовольствием читали многолюдной аудитории свои произведения. И благодарные слушатели щедро награждали авторов громом аплодисментов.

Мы сами удивлялись, как же хорошо российский слушатель-читатель понимает и любит украинскую поэзию, украинский смех…

А потом нас нежненько окружили и просят — дайте автографы. Вот и книги ваши!

Кое-кто из моих коллег пытался прорваться из окружения… А я, признаюсь, не очень-то старался вырываться. Окружение-то какое симпатичное и красивенькое — девушки из шелкового комбината. Схватили и не пускают.

Прошу:

— Дорогие! Хорошенькие! Пустите, я же еще не обедал. Ловите меня после обеда.

— Эге-ге, — говорят, — отпустишь — не поймаешь. А вы пообедайте вместе с нами. Мы вам и украинского борща наварим, и украинскую чарочку поставим — подписывайте!

Разве таким симпатичным почитательницам смеха откажешь! Давал автографы и на книжках, и на пригласительных билетах.

11

Заходим в Оренбургский областной краеведческий музей. Читаем:

> «Определить Шевченко рядовым в отдельный Оренбургский корпус с правом выслуги, под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать…»

Высочайшего фельдфебеля больше всего пугала огненно-революционная поэзия гениального Кобзаря.

9 августа 1847 года Тараса Шевченко под усиленным конвоем и строгим царско-жандармским надзором — в колюче-острых рукавицах — привезли в Оренбург.

В краеведческом музее хранится прекрасный эскиз оренбургского художника А. Ф. Степанова «Т. Г. Шевченко на берегу реки Урал». Смотришь на эту картину, и вспоминаются пламенные строки из его стихотворения «А. О. Козачковскому»:

Неначе злодій, поза валами
В неділю крадуся я в поле.
Талами вийду понад Уралом
На степ широкий, мов на волю.
І болящеє, побите
Серце стрепенеться,
Мов рибонька над водою,
Тихо усміхнеться
І полине голубкою
Понад чужим полем,
І я ніби оживаю
На полі, на волі.
І на гору високую
Вихожу, дивлюся,
І згадую Україну…

Было… Было печальное и тяжелое. Мордовали, пытали царские сатрапы борцов за народную волю.

12

27 апреля 1850 года Тараса Шевченко по очередному доносу арестовали и 12 мая под конвоем из Оренбурга отправили в Орскую крепость…

Мы, участники Декады, отправляемся дальше — выезжаем в город Орск.

Какими неузнаваемыми стали города Орск, Новотроицк, Медногорск, Светлый…

Добротные жилые дома, прекрасные Дворцы культуры, средние школы, техникумы, клубы, кинотеатры…

Все сияет, все радует, и все чарует красотой новой социалистической жизни.

Возле памятника великому Кобзарю состоялась многолюдная встреча-митинг всенародной дружбы.

Земляки и потомки гениального поэта — Черкасский народный хор прямо на площади имени Т. Г. Шевченко исполнил «Реве та стогне…» и —

І мене в сім'ї великій,
В сім'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом.

Многочисленные участники митинга — русские, украинцы, башкиры, казахи — громко восклицали: не забыли и не забудем!

13

4 августа на белокрылом лайнере мы, как говорят, легли курсом на столицу Родины — Москву.

В Москве мастера сцены продемонстрировали москвичам расцвет украинской советской культуры и литературы.

Между сценой и залом, можно сказать, протянулись невидимые нити внутренне-непоколебимой духовной силы, которая нас всех охватила. Дружба советских народов жила, живет и вечно будет жить.

ХВАЛА ТЕБЕ И СЛАВА, ТРУДОВАЯ ПОЛТАВА!

Когда въезжаете в Полтаву, вы прежде всего почтительно склоняете голову перед светло-любимым образом, перед памятником гению человечества — Владимиру Ильичу Ленину.

Полтавчане и полтавчанки уважают и любят своего дорогого учителя и вождя. Уважают, любят и животворно воплощают в жизнь высокие ленинские идеалы.

Дух захватывает при мысли — каких чудесных вершин достигли Полтава и Полтавщина за советское время!

Достигли и достигают!

Какие красавцы заводы, фабрики построены! И какие же еще грандиозные индустриальные великаны строятся!

Яркими огнями на Полтавщине засиял великан горнорудный комбинат. А шахты, а нефтяные вышки? Слышите — уголь и нефть на Полтавщине добывают!

А какую пшеницу родит Полтавщина! Кукурузу, арбузы, свеклу!

Когда меня спрашивают: «Как вы дышите?» — я всегда отвечаю:

— Я дышу на все сто! Я родился и живу на Полтавщине!

Нас, полтавчан, порой шутя называют «галушники».

Мы, конечно, не сердимся и не возражаем:

— Галушки мы варим и едим.

Наварит нам, бывало, мать галушек, сядем вокруг котла и ужинаем. Хорошая компания — четырнадцать ртов. А чтобы галушкой кто не подавился, отец профилактично останавливал ловких деревянной ложкой, а мама — платком:

— Куда ты, дурень, на сорочку юшку льешь?

После таких завтраков наши полотняные манишки становились панцирными — шилом не проколешь!

А сорочка одна-единственная. Она и нательная и верхняя. В одной и той же сорочке и спишь, и лук сажаешь, и картошку окучиваешь, и теленка пасешь, и в школу идешь.

В школу ходили по графику: один день — я, другой день — сестра. В одних сапогах по очереди ходили.

А школа какая — церковноприходская. Школа — травма: за уши тянули и о парту головой били. Скажешь «халява» вместо «голенище» — дерут. Спросил, носили ли святые угодники в раю штаны или ходили как бог велел, — снова перепадает…

Правда, из нашей волости учились и в лучших учебных

заведениях — в Полтаве, в гимназиях. Но учились там не многие. Изо всей волости только три парня — дети богатеев.

А сейчас в каждом полтавском селе своя гимназия. Ныне на прежней волостной территории, где я родился, четыре восьмилетки и две десятилетки. Тысячи крестьянских детей учатся!

Снилась ли мне когда-нибудь такая сказочная действительность?..

Полтавчане и полтавчанки никогда не задирали нос, не пыжились. Чудесных, талантливых людей выпестовали Полтава и Полтавщина. Воспитали и воспитывают.

Давайте пройдемся по Полтаве. Подойдем к музыкально-драматическому театру, на фронтоне которого высечено имя нашего великого земляка Николая Васильевича Гоголя. Побываем на спектакле «Наталка Полтавка».

Удивительная вещь бессмертие! Не знаю, чем объяснить молодость творчества Котляревского! Какая ясность! Такая уж прозрачность, что только ахнешь! Успех чарующей «Наталки Полтавки» не пересказать. Скажем кратко — колоссальный.

Музыка и песни «Наталки Полтавки» разносятся и всегда будут разноситься по Украине и по всему миру.

В воспоминаниях полтавчанина инженера В. Сысько прекрасно описано, как впервые вышла на киноэкран любимая опера «Наталка Полтавка».

Роль Наталки исполняла Мария Константиновна Заньковецкая, Выборного — Садовский…

Когда зрители увидели на экране свою замечательную актрису, то в зале долго гремел шквал аплодисментов. Режиссером был наш земляк-полтавчапин Кавалеридзе Иван Петрович. Фильм снимали на Полтавщине. Съемки проводились возле села и в селе Яреськи.

Живу я в Полтаве, можно сказать, давненько. Скоро буду праздновать полтавское пятидесятилетие. Горжусь своим городом.

В Полтаве я видел Владимира Галактионовича Короленко.

Мы тогда были совсем маленькими, с юношеским волнением проходили мимо усадьбы Короленко, стараясь хоть одним глазком взглянуть на уважаемого писателя-правдолюбца.

1918 год… Апрель… Угодливо призванные украинской Центральной радой, немецкие кайзеровские полчища в кованых сапогах шагали по улицам Полтавы.

Начались аресты, преследования. Хватали простых честных людей и надругались над ними.

Владимир Галактионович смело, с высоко поднятой головой идет в штаб немецкого командования, с гневом заявляя оккупантам!

— Я протестую!

Протест Короленко произвел на всех огромное впечатление.

Канев, 21 мая 1961 года. Столетие со дня кончины Шевченко. Я в составе полтавской делегации. Возлагаем венок на священную могилу великого Кобзаря. С глубоким уважением склоняем головы перед прахом гениального сына украинского народа.

Многотысячный митинг. На трибуне писатель Олесь Гончар:

> «…Украина была и всегда будет благодарна русскому народу, передовой русской интеллигенции, которая помогла поэту сбросить путы крепостничества, которая не забыла его в тяжелые годы солдатчины, которая устами Добролюбова, Чернышевского, Герцена сказала миру гуманное слово о величии Шевченко».

Искреннюю правду за всех нас высказал наш дорогой земляк Олесь Терентьевич Гончар.

Русский народ в тягчайшие минуты приходил на помощь Украине. Передовая русская интеллигенция и Шевченко нам, украинцам, спасла.

Но возвратимся к августовским дням 1919 года, когда деникинцы стреляли в бюст Тараса Шевченко. Бешеные дворянчики совсем обезумели! И вот тогда русский писатель-гуманист Владимир Короленко громко и мужественно публично заявил:

— Варвары! Куда вы протягиваете руки? В кого вы, изверги, стреляете?

Смелый, высокогуманный человек!

Полтавчане свято чтят память выдающегося деятеля русской литературы. В городе чудесный музей писателя, а недалеко от его усадьбы установлен памятник В. Г. Короленко.

В Полтаве много дорогих памятных мест. Кто приезжает в Полтаву, тот никогда их не минует. Обязательно побывает в музее и возле памятника классику украинской литературы Панасу Мирному.

Не раз и я посещал музей. Сели мы как-то рядышком с сыном писателя Михаилом Панасовичем. Говорили и вспоминали, как жил и работал великий Панас Мирный.

Михаил Панасович и рассказал:

— В царские времена в губернскую комиссию по снабжению

армии сеном ввели и моего отца — управляющего казенной палатой, действительного статского советника Панаса Яковлевича Рудченко. В комиссии был и начальник губернского жандармского управления — забыл его фамилию, но черт с ним!

Сел он рядом с Панасом Яковлевичем и спросил его интимно:

«Панас Яковлевич! Вы человек культурный, увлекаетесь литературой. Скажите, пожалуйста, вы случайно не слыхали такого сочинителя — Панаса Мирного? Прислали мне бумагу, что он где-то в Полтаве шатается».

Панас Яковлевич с притворным удивлением пожал плечами:

«Ей-богу, не знаю. Не слыхал».

Имя великого писателя-реалиста Панаса Мирного, к нашему счастью, царским жандармам не было известно.

Как-то Михаил Панасович попросил меня ответить, был ли я в Полтаве в то время, когда Панас Мирный выступал на могиле Ивана Петровича Котляревского по случаю 150-летия со дня рождения первого классика украинской литературы.

Говорю — был и тогда в последний раз видел Панаса Мирного. Это было во время деникинщины. На годовщину выдающегося украинского писателя прибыли железнодорожники, полиграфисты, крестьяне из многих сел Полтавщины. 150-летний юбилей Котляревского вылился в демонстрацию против наймитов Антанты.

Панас Мирный на склоне лет говорил тихо, но доброжелательные уши ясно слышали:

— Никому не затоптать воли людской. Никому не погасить солнца ясного!..

Пророческие слова. Вскоре с могучей помощью братьев русских белогвардейская нечисть была выметена из Полтавы… Засияло ясное солнце.

Отправимся дальше. Не в самый ли старый в Полтаве музей — Музей Полтавской битвы?

Я время от времени навещаю его и замечаю следующее. Изредка заглядывают в музей и иностранные дипломаты.

Почему, зачем приезжают — не знаю. Может, старинными мушкетами полюбоваться, а может, диорамой, а может, — кто же его знает, — поглядеть, как еще в седой древности интервентам перцу давали…

Будете в Полтаве, рекомендую — навестите и художественный музей.

Не хвалясь скажу — в музее есть на что посмотреть и чем полюбоваться. Вы найдете в залах такие образцы изобразительного искусства, что будете ходить и ахать: «Ах!.. Ах,

какое удовольствие! Какое наслаждение!»

Вспоминаем, часто вспоминаем одного из выдающихся художников Полтавы — Павла Матвеевича Горобца. Он талантливый ученик Левитана.

Мне порой и самому удивительно: живешь рядом, и работаешь, и одним и тем же воздухом с ним дышишь, а того не замечаешь: рядом с тобой — талант.

Да еще и какой талант!

Расскажу об одной оказии. Знаток, прекрасный мастер кисти просит да просит меня — привези мне в Киев подарок.

— Какой?

— У вас в Полтаве есть немало хороших художников. Выклянчи хоть плохонькую картину да и перебрось в Киев.

Начал я у Павлуши клянчить — вместе же на творческий путь в газетную лабораторию входили, — дай, прошу, хоть самую простенькую!

Не отказал Павло, дал. Верьте не верьте, а своему другу, коллеге по сатирическому перу, четыре раза возил эту картину, а отдать воздерживался. Думал — маленькая, простенькая. Ей-богу, оскандалю и Павла и самого себя.

Наконец отважился — вот, говорю, на! Привез.

Взял мой весьма требовательный к произведениям искусства друг эту картину и крикнул (ей-ей, я даже испугался):

— О боже! Это же не картина, это чудо! Какое мастерство! Какая красота!

А на второй день неотступно допытывался: давно ли автор картины стал заслуженным? И как его фамилия?

Только теперь признаюсь: фамилия автора подаренной картины — Горобец Павло Матвеевич.

Заслуженный ли?

Отвечаю: наверно, заслуженный.

Картины Павла Горобца заслуженно любят полтавчане и полтавчанки.

Да разве только полтавчане?

Было бы непростительно, если бы вы не посетили Полтавский краеведческий музей.

Уверяю вас, когда вы будете проходить мимо музея, вас, культурного человека, магнитом к нему потянет. Ей-богу, охватит привлекательный соблазн — зайти!

Само здание музея — музейная редкость. Снаружи стены выложены разноцветной керамикой и обрамлены национальным украинским орнаментом. Живописные стены — история Полтавщины. Они украшены древними гербами старинных казацких уездов.

В самом музее вы найдете немало интересного и поучительного не только из истории Полтавского края, но и всей Украины.

Вблизи — двухтонный колокол Казикерман… Полтавский казацкий полк под прикрытием русской артиллерии штурмом взял турецкую крепость Казикерман. Захватив медные турецкие пушки, казаки их переплавили в колокол.

Пусть лучше в музее стоит, а не бабахает!

Но ваш взгляд почтительно остановится на священных реликвиях, овеянных славой революционной борьбы трудящихся Полтавщины со всякими супостатами и супостанятами…

В главном зале — красное шелковое знамя партизанского соединения, собственноручно подаренное Сидором Артемьевичем Ковпаком.

Легендарный партизан Ковпак неспроста сделал этот подарок нашему музею. До войны Сидор Артемьевич долгие годы работал на Полтавщине. Возглавлял районный Совет депутатов трудящихся в Котельне.

В музее собрано множество экспонатов. Только из Германии возвращено награбленных фашистами семь тысяч драгоценных экспонатов.

Заходите — не пожалеете.

Напротив музея, в живописном месте, окруженный колышущимися зелеными ветвями, — памятник великому сыну украинского народа Тарасу Григорьевичу Шевченко. Работа скульптора И. П. Кавалеридзе, нашего земляка.

Я не разбираюсь в стилях, конструкциях скульптуры, но когда сняли покрывало с памятника, перед нашим восторженным взором возник великан Шевченко, Шевченко-революционер.

Открытие этого памятника — выдающееся событие! Как нам известно, буржуазные националисты образ великого поэта, революционера-демократа Т. Г. Шевченко трактовали в смиренной позе, с поникшей головой и только в кожухе.

А тут непокоренный бунтарь!

На открытии памятника выступали: от ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины Шлихтер Александр Григорьевич, от писателей — драматург Микола Кулиш.

Александр Григорьевич Шлихтер, сказав вступительное слово, полностью прочитал поэму Тараса Шевченко «И мертвым, и живым, и не родившимся землякам моим…»

И как прочитал: силой шевченковской поэзии Александр Григорьевич взволновал и вдохновил многотысячную аудиторию.

И заключил:

— В первые дни советской власти, когда решали, каким

великим мыслителям ставить памятники, гениальный Ленин написал — обязательно и Тарасу Шевченко. Мы, Коммунистическая партия, мы, ленинцы, глубоко уважали, уважаем и будем уважать великих борцов за народное дело, за свободу, которые разрывали кандалы крепостнической неволи.

Великий полтавчанин, гениальный украинский композитор Микола Витальевич Лысенко, как вспоминал его сын Остап, «пламенно, свято верил, что его дело продолжит молодежь — сильная, талантливая».

Скажем от себя — продолжала, продолжает и будет продолжать молодежь! Сильная, талантливая советская молодежь! Нынешняя и будущая.

Вы меня, пожалуйста, не упрекайте — расхвастался! Может, скажешь, что и выдающийся композитор Василий Верховинец полтавчанин?

А почему, же мне отрекаться? Василий Николаевич Верховинец в двадцатые годы поселился в Полтаве, так вот и стал полтавчанином. В Полтаве и известные революционные песни написал: «Більше надії, брати», «Грими, грими, могутня пісне», «Заграй, кобзарю…»

Гениальный композитор Лысенко внимательно следил за музыкально-творческим ростом Верховинца. Композитор в лице Верховинца видел своего верного последователя. Говорим — славный мастер и творец «Наталки Полтавки» не ошибся. Молодой композитор Верховинец на основе народного танцевального искусства написал классический балет «Українське весілля».

Верховинец — автор аранжировки международного рабочего гимна «Интернационал», созданной в 1921 году по поручению правительства Советской Украины.

В Полтаве Василь Верховинец преподавал музыку в Педагогическом институте и дирижировал Государственной женской хоровой капеллой.

С хоровой капеллой композитор принимал участие в постановке кинопьесы «Наталка Полтавка». (Мы надеемся, что эту кинокартину, известную всему миру, безусловно, реставрируют и мы будем снова покорены чарующим пением Литвиненко-Вольгемут, Паторжинского, Платонова и нашего полтавского хора — «Женского хорового ансамбля».)

Полтавчане и полтавчанки глубоко чтут творца. «Грими, грими, могутня пісне», на стене пединститута установлена мемориальная доска, а улица, где жил композитор, названа его именем.

Еще одного талантливого полтавчанина надо вспомнить — незаслуженно забытого композитора и дирижера Попадича Федора Николаевича. Хоровая капелла под его руководством впервые в Полтаве исполнила шевченковский «Заповіт». Первым, кто написал музыку к этому произведению, был украинский композитор Гордей Павлович Гладкий, тоже живший и работавший в Полтаве.

Ф. Попадич в духе украинского песенного фольклора написал много романсов и песен.

Написал он и оперу «Якимівська трагедія» на текст Филиппа Капельгородского.

Сюжет оперы такой: полтавские железнодорожники в молниеносно короткий срок построили броневик, и на станции Якимовка красные части перекрыли дорогу карательным отрядам белогвардейского генерала Щербачева.

В неравном бою храбрые защитники власти Советов почти все погибли.

Опера написана в оптимистических тонах — никому не покорить вольнолюбивого народа.

Федор Попадич на открытии памятника И. П. Котляревскому в Полтаве в 1903 году уже руководил хоровой капеллой.

Раскрываем журнал «Рідний край» № 36 за 1906 год, где писатель Олена Пчилка в очерке «Полтавский праздник в память Котляревского» трогательно вспоминает:

> «Когда поднялся занавес, на сцене показался среди цветов и другого красивого убранства большой портрет Котляревского, а возле него стоял хор, состоявший из хлопцев и девчат, — все в украинских костюмах.
>
> Тот «смешанный» хор под руководством Ф. Попадича исполнил несколько народных песен и композиций Лысенко (на слова Шевченко и Щеголева). Ф. Попадич очень умело руководил хором…»

Берем в руки довольно большую афишу, в центре — портрет Тараса Шевченко.

Читаем:

> «Четверг. 3-го апреля 1908 года состоится концерт в память Тараса Шевченко. Чистая прибыль от концерта пойдет на сооружение памятника Шевченко в Киеве.
>
> В концерте принимают участие прославленные артисты: пианист и композитор М. Лысенко, оперный артист-тенор Мишуга, баритон Слепцов и смешанный хор под руководством Попадича».

Федор Николаевич показывал мне и читал письмо Миколы Лысенко. Великий композитор писал:

«Дорогой Федор Николаевич! Вы творите подвиг во имя народа. Вы несете факел светлого и разумного…»

Большая заслуга композитора Попадича и в развитии украинского советского искусства.

В Полтаве Попадич занимал должность директора музтехникума и руководил государственной хоровой капеллой, из которой выросла столичная капелла «Думка».

Кстати, мы часто слышим: «Хор исполняет: «Ой, хмелю, мій хмелю…» или «Ой, у полі вітер виє…» Автора музыки не объявляют. А кто же эту чарующую музыку написал? — спрашиваем у конферансье. Отвечает — не знаю.

Так вот, мы и сообщаем: аранжировку многих и многих песен сделал композитор Ф. Попадич.

— А какие песни, какую музыку создали современные полтавчане! Вы же, наверное, слыхали «Рідна мати моя», «Ми підем, де трави похилі…»?

— Разве композитор Платон Илларионович Майборода с Полтавщины?

— Вот вам и разве! Конечно, с Полтавщины!

— А Георгий Илларионович Майборода тоже?

— Раз, говорю, — Илларионович, значит, с Полтавщины.

Платон Илларионович Майборода по случаю своего пятидесятилетия побывал в своем родном селе Пелехивщина. В кудрявой зелени красивое село, раскинувшееся недалеко от села Гриньки — родины славного композитора М. В. Лысенко.

И какое же чудесно-счастливое братство: родной брат Платона Майбороды — Георгий Илларионович — композитор! Слушаешь его прославленную оперу «Милана» и радуешься — полтавчанин! А опера «Тарас Шевченко», а «Арсенал»?

Ей-богу, сердце от радости сжимается, — какие таланты родила Полтавщина!

Повторяем: родила и будет родить!

Чудесные музыкальные произведения создали композиторы-полтавчане Александр Билаш, Владимир Верменич. Создали и еще создадут.

Кто, может, не знает — подскажу: известный деятель советского искусства и литературы Анатолий Васильевич Луначарский — полтавчанин.

Композитор Дунаевский — полтавчанин. Из Лохвицы.

По соседству — в Глинске — рос и вырос композитор Блантер. Я их еще тогда, в тридцатые годы, знал и слыхал.

Вот такая наша Полтава, наша Полтавщина! Она дала и гордость советского вокального искусства — Ивана Семеновича Козловского.

На полтавской земле выросли и литературные шедевры, творили философ Сковорода, писатели Капнист, Шолом-Алейхем, Гребенка, Глебов, Олена Пчилка.

Полтавщину и Полтаву часто навещал Тарас Григорьевич Шевченко. Гордимся: тут он написал свой бессмертный «Заповіт».

На Полтавщине в свое время росла и расцветала гениальная поэтесса Леся Украинка.

Много лет тому назад мне посчастливилось разговаривать с одним из участников открытия памятника И. П. Котляревскому в Полтаве в 1903 году.

В его хате гостили Леся Украинка, М. Коцюбинский, В. Стефаник. Гостили и свои произведения с дарственными надписями подарили.

Вот он (к сожалению, забыл его фамилию) и рассказывал… Губернатор Урусов и городской голова Трегубов на открытии памятника решительно запретили выступать на украинском языке. Несмотря на это, М. Коцюбинский прочитал адрес на родном языке.

Вспоминаю, урядник Лосев и волостной старшина Нетеса в нашем селе схватили кобзаря. Полуслепого, пожилого кобзаря. Схватили и в волостную холодную посадили.

Мы, ученики, мальчики и девочки, тайком вечерком всякого съестного в холодную кобзарю принесли. Кобзарь нежно, тепло к нам обратился:

— Голубятки мои! Дорогие! Спасибо вам…

И он нам запел: «За Сибіром сонце сходить…», «Думи мої, думи мої…» Как я тогда обрадовался: «Наша песня! Наша речь!»

Гениальные идеи Ленина спасли украинский народ, возвеличили украинский язык.

Слава великому Ленину!

Позвольте вспомнить славных и милых полтавчан, которые свои способности и талант отдавали и отдали служению советскому народу на театральной сцене.

Полтавчанина Владимира Ивановича Панченко в музыкальную науку выдвинул легендарный полководец Григорий Иванович Котовский.

Когда шли в поход, Григорий Котовский приказывал — певца Панченко вперед!

И Володя звонко-звонко запевал: «Гей, нуте, хлопці, славні

молодці!..»

Частенько на отдыхе комбриг посылал ординарца — позвать Володю Панченко.

— Я, — делился со мной Владимир Панченко, — еще не владея техникой вокального искусства, драл горло — даже стекла в хате звенели. Больше всех Григорию Ивановичу понравилась ария «О дайте, дайте мне свободу…». А однажды утром вызвал меня Котовский и говорит: «Садись, Володя! Вот что: направляем тебя учиться. Будешь петь».

Владимир Панченко, как он мне сам признавался, сначала было закапризничал: мол, я же хорошо пою, разве петь учат? Но Григорий Иванович быстро убедил, и поехал Володя учиться. Поехал и выучился.

Душевный совет Котовского пошел Володе на пользу.

Вот я смотрю на милое, симпатичное лицо моего близкого земляка Козачковского Домиана Ивановича.

Смотрит с фото точно так же, как смотрел, сидя за столом в моей хате.

Теперь я смотрю на фото, и воспоминания плывут одно за другим.

В Полтаве в 1919 году впервые был основан украинский театр.

Молодые артисты — Иван Козловский, Петро Ванченко, Василь Сердюк, Андрей Виник…

Театр возглавляет — он же и директор, он же и режиссер — Домиан Иванович Козачковский.

Припоминаю: летом театр устроили на площади — ныне сад имени Панаса Мирного. Звонят звонки, зазывают в театр. Заходите!

Ей-богу, валом валили.

И сквозь дощатые стены по улицам неслось: «Де ти бродишь, моя доле…»

Заслуженный, а через некоторое время народный артист УССР Козачковский Домиан Иванович свой артистический талант надолго отдал театру имени Заньковецкой, но Полтаву никогда не забывал.

В последний год своей творческой жизни Домиан Иванович навестил Полтаву, оставив посвящение родному городу:

…Ось вона — Полтава!
Ми звідси вийшли у широкий світ —
Тобі від мене і любов, і шана.
Вклоняюся тобі. Прийми сердечний мій привіт!

Мы к этим словам добавим кратенько:

— Расти и расцветай, наша милая социалистическая Полтава и Полтавщина! Расти и расцветай, наша родная Украина!

КАК МЕНЯ КУПАЛИ И ПЕЛЕНАЛИ

1

Мне выпала счастливая планида — родиться в степи. Во время жатвы. На пару с сестренкой.

В те старые, давние времена в селах статистической графы «Родился» не заполняли. Передавали устно: «Слышали? На огороде тетки Секлеты, в капусте, девочку нашли…» Или: «Сегодня на рассвете у Ялосоветы в картошке мальчика поймали…»

Ловили нашего брата главным образом в сельскохозяйственных культурах — в картошке или капусте.

Об этом событии передавали нежно, простенько: «Я открыла двери — а ты бегаешь по картошке, маму свою ищешь. «Я здесь!» — кричу».

Нас с сестричкой в один день и в один час поймали во ржи.

Поймали — и куда нас? На снопы! Сестричку завернули в мамин платок, меня — в отцову жилетку.

Я лежу в жилетке и думаю — сказать или не сказать: «Батько, чего вы печалитесь? Не горюйте! Скоро индивидуальной косьбе конец. Комбайнами будем убирать!»

Да подумал и о другом: «Скажу — не поверит. Мало того — разгневается. Рассердится да и начнет укорять: «Смотри, какой грамотный стал. Не успел глаза раскрыть, а уже знает, какая техника будет. А что из него получится, когда он на ноги встанет? Родному отцу скажет: «Тато! Ты знаешь, бога нет?..»

Подумал, подумал и решил — промолчу. Не стану батька гневить.

Лежим мы на снопах, молчим. А вокруг нас вертятся, а возле нас бегают. Забавляют… Старшая сестра даже ящерицу показала:

— Ящерочка!.. Маленькая!.. Вишь, как глаза вытаращила.

А мне что — пусть таращит. Мне все равно, хоть и тигра показывайте. Меня волновало другое: кто первым со снопа свалится — я или сестричка?

Лягте на наше место и попробуйте удержаться… Когда вам и руки связали, и ноги спеленали. Зашнуровали — дышать нечем.

Мои тревоги были не напрасны. Первой скатилась сестричка, я — за ней.

Упала сестра да как завопит… На всю ниву зашлась. Она голосит с того бока снопов, а я с этого бока успокаиваю:

— Агуси, — говорю. — Родненькая. Глупенькая. Замолчи.

Посмотри, — говорю, — какая кругом чудесная природа. Птички летают, песни поют. Цветочки кругом расцветают…

— Эге ж, — говорит сестричка. — Кругом старый режим. Вырастем, ты босыми ногами чужую стерню будешь топтать, а меня будут за косы таскать.

— Эх, сестричка, — говорю, — дорогая, несознательная ты! Может, у тебя косы подрастут, а тут — переворот! И будешь ты петь, в косы барвинок вольно вплетать.

Я хотел еще два слова сказать, да мой регламент прервали. Нас подхватили и понесли в церковную сторожку. Тетка Явдоха шепнула нам:

— Лежите, детки, тихонько. Отец Иоанн подходит.

— Поп! — вскрикнула сестричка. — Ей-богу, к нам поп подходит.

— Ты, — говорю, — сестричка, еще плохо видишь. Это к нам, — говорю, — подходит опиум для народа.

Отец Иоанн, минуя нас, направился прямо в угол сторожки. Там, в кошелке, сидело подношение — рябенькая курочка.

Наставник духовный со знанием дела ощупал грешную курицу: хватит ли на суп двенадцати апостолам?

Трогал, трогал в громко кашлянул — не хватит.

Вот такой недосмотр, вот такая нехватка — забыли в паре с пеструшкой впихнуть рябенького поросенка.

А мы лежим голенькие, босенькие, нам и не до поросятины, и не до курятины.

Я наклонился и шепнул сестричке:

— Давай, — говорю, — выступим…

Договорились да как завопим:

— Крестите скорее или сапоги давайте: замерзаем!

Отец Иоанн махнул на нас рукой:

— Молчите! Не шумите! Меня самого обидели: младенцев пара, а птенчик один.

«Ах ты ж, — думаю, — такой!.. Дают — крести. Не хочешь — пойдем домой некрещеными. И нас бог не забыл, ноги приделал!»

Я хотел еще словечко сказать, да за меня заступилась родная тетушка Явдоха:

— Отче, пускай голосят!.. Вы их крестиком напугайте!.. — И к нам: — Тут некогда… Жатва!.. А вас принесло! Не затягивайте, отче, крестин. Давайте деткам хорошенькие имена.

Отец Иоанн гневно взглянул на тетеньку:

— Одна птаха?.. Глаголю — маловато!..

— Отче! Я вам петушка прибавлю. Хороший петушок… Кукарекает…

С именами чудесно решил крестный отец. Матрос-балтиец.

На побывку в село приехал. Поставив на подоконник бутылку крепенькой, крестный сказал:

— Батя, покороче! Давай кропи!

Пастырь деликатненько покачал бутылкой на свету — полная ли. Понюхал — не разбавлена ли.

Убедившись, что годится и до ектении[10] и после ектении, отец Иоанн с разгону маханул да меня первого в холодную воду — бульк!

Я даже захлебнулся. Очнувшись, завопил на всю сторожку:

— Что вы делаете? Живого человека в кастрюле топите.

А меня в воду да в воду. Не дают слова вымолвить.

Пришел в себя только вечером. Смотрю: сестричка примостилась у маминой груди справа, а я слева. Ужинаем…

— Ужинаешь? — спрашивает меня крестный. — Ужинай, ужинай, матери твоей ковинька! Ужинай да расти большой. Вырастешь, будешь сидеть, а мама стоять, да и скажешь: «Мама! Вы садитесь, а я постою. Потому что вы самая дорогая, вы — мать!»

2

Вот так на наших маленьких огородиках ловили ежегодно то хлопчика, то девочку.

Порой лето выпадало более урожайное — ловили троих сразу.

Тогда была и большая новость, и не меньшая беда. Волостная власть брала виновных на цугундер: «Откуда?.. По какому такому праву?»

Батько многочисленной семьи, наш сосед Порфирий Маценко, волостные параграфы заполнял коротко и ясно: «Вечера темные, долгие… Керосина нет… Вот оно бог и посылает…»

Словом, в урожайное лето разговоров да разговоров.

— Тетка Ялосовета! Кого же бог послал: косаря или вязальщицу?

Усмехаясь, родненькая отвечала:

— Да бог милостив: послал и косаря, и вязальщицу.

Умел милосердный деток на огород подбрасывать, умел щедрость свою проявлять. Бегали мы по двору, как в раю: голенькие, босенькие.

— О владыка небесный! Прости слово наше простое. Разве это милость божья: на двенадцать деток бросить две пары паршивеньких сапожек!

Мне пришлось еще горше: на мои длинненькие ноги не

налезали и паршивенькие. Бывало, бедолажные ноги задубеют, посинеют, даже мне их жаль. Да ничего. Они у меня бедовые: быстренько прыгали по колено в снегу.

Главное — радость! Не в темной, сырой хате сидеть!

Гулянка босиком не проходила даром. В нашу хату частенько заглядывал ангел смерти. Глянет, скосит брата или сестричку и полетит, безжалостный, неумолимый.

Однажды ранней весной безжалостный ангел скосил двоих подряд — брата и сестру. С большого горя отец запил. Дурманящие градусы и породили странное марево: черт масло из лампадки пьет!

Тихонечко, на цыпочках пошел отец в атаку на искусителя. Цель одна — схватить ненавистного за хвост.

Хитрая лукавая личина. Вот хитрющая! Незаметно прятала хвост за спину апостола Петра.

— Ох ты ж, плюгавое чудовище, — сказал отец и на ходу изменил способ охоты. Лег на пол и из одноствольного дробовика пальнул в обманщика по рогам.

Эге-эге, нелегкая штука застукать вертихвоста в маленькой лампадке. Вылез, проклятый, сухим.

Выпрыгнул и учинил новую пакость: шутя перебросил бекасиную дробь на апостольское лицо. Хрупкая иконка не выдержала лихой доли — треснула.

Утром пришла ужасная новость: нашу семью выселяют из села. С ума сошел, мол, старик — перепутал праведное с грешным. Вместо того чтобы дробовиком бекасов на болоте гонять, начал угодников глушить в хате.

Сельский коммерсант Оська Путаный тихонько посоветовал: «Продай, Иван, телку. Даю тебе хорошую цену — ведро горилки. Твоя телочка ростом небольшая, этой цены не стоит. Да бог с нею, с ценой, выручу тебя из беды. Поверь, мое ведро спасет тебя от беды. Поставишь ведерочко на стол и жди преосвященную комиссию. Пусть она собственными глазами заглянет в чудотворное дно. Советую, не теряй времени, веди телку!»

Отец послушал, отдал телку. Поставил на стол покаянное ведро.

Высокая комиссия: волостной старшина, волостной урядник и отец Иоанн, узрев на столе покорное покаяние, без всякого чванства приступили к христианским обязанностям. Немедля начали кружками спасать утонувшую в глубоком ведерке грешную душу.

Спасали, спасали и наспасались под самую завязку.

Первым окосел волостной старшина. Но он еще был в силах водить залитыми глазами вертикально. Глянув в подойник,

далеко ли до дна, и убедившись, что бешеного молока осталось достаточно, можно еще одного чертика утопить, старшина, заикаясь, огласил результаты спасения:

— И… И… Иване! С… С… с-трелять т-т-трезвому в… в у-угодника и-или му… му… м-мученика пре… пре… пресвятого пре… пре… превеликий г… г… грех. Пья… пья… пьяному раз-разрешается р-р-разок т-трахнуть в… в… не… не… н-небеса! О… О-отец Иоанн, в-верно я го… говорю?

— О! Всенепременно, бог милостив. Не отвергает покаяния и приношения.

Мы с сестричкою сидели в кадке и из этой посудины любопытными глазенками наблюдали, как добродетельная, благочестивая троица во имя святой правды на земле даже кривилась, выжимая последние соки из богопротивного «зеленого змия».

3

Рано утром волостной старшина знакомой дорожкой забежал опохмелиться. Закусив, предупредил:

— Иван, это пустое место закрой каким-нибудь угодником, хотя бы плохоньким. А л-лучше не пожалей ног, сбегай к Ф… Федору Дудке. Он за пудик жита слепит тебе такого угодника, за милую душу: высокого, дебелого — вот такого!.. Ей-ей, двустволкой не прострелишь!..

Заказать дебеленького божьего угодника отец поручил нам с сестрой. Войдя в мастерскую дядька Федора, мы от удивления глаза вытаращили — над курятником висела панорама адского Страшного суда.

Даровитый художник-самоучка как раз в это время заканчивал центральный кадр: хваткие да ловкие тоненькие чертенята вилами подпихивали грешных двоеженцев в кипящие казаны.

— Дядя Федя, — спрашиваем, — а почему возле казана качает головой рябая лошадь?

— Вы же, детоньки, слыхали? Вот тот дьявольский рябоватый конь залез в сторожку и съел свяченые дарники. Отец Иоанн цидулкой и через пономаря дважды передавал — пекло переделать! Пусть и грешный конь в казане кипит!

Трудно, ох трудно талантливому сельскому художнику потрафлять художественному вкусу многочисленных привередливых заказчиков. То то, то се, тому другое, пятое, десятое… То нос курносый, то глаза навыкате, то уши торчат

выше хаты…

Что поделаешь — исполняешь и то, и другое, и пятое, и десятое; исполняешь и чудачества.

Просит заказчик нарисовать что-то порядочное — вот такое рогатенькое, какого ни у кумовьев, ни у сватов нет. Пусть будет так, Федор Петрович с хвостом слепит такое лукавое диво, что и сваты, и кумовья в один голос спрашивают: «Это черт? Сколько вы, кум, отдали — кусок сала потянул или больше?»

Когда же заказчик милостиво поднесет стаканчик и вежливо попросит: «Федор Петрович, выкушайте на здоровьечко! Не забудьте, Федор Петрович, о когтях… Вот чертенок, что вы прошлый раз, извините, нарисовали за четвертинку, никого, проклятый, не пугает. А почему, позвольте вам напомнить, не страшит — когти маленькие!..» Федор Петрович берет в руки ласково поднесенную стеклянную посудину, вежливо благодарит: «…Ваше здоровье!» Одним духом опрокидывает ее и кистью живописно выводит острые-преострые когти, что до самого красного угла кончиками достают…

Заказчик не в обиде: сам со страху дрожит…

Перцовку Федору Петровичу не давайте. Упаси вас бог. Крепкая перцовка внесет в вашу хату такое лохматое чудовище, что и взрослых напугает.

Молодицы всегда просили:

— Смилуйся, боже! Заступись! Отцы нас, девушек, кнутами угощают… Мужья кулаками потчуют. Еще и ты божьей милостью вот такого, когтистого, на нашу голову послал. Чтобы он тебе еще маленьким утопился. Проста и помилуй нас за такие грешные слова!..

4

Длительную работу над чудесным образом богини красоты Афродиты Милосской или тонкий рисунок непорочного ангелочка заказчики не ценили.

Заказчики советовали автору щедро поливать красками сухую земную практику.

— Федор! Я вам еще добавлю мешочек картошки. С верхом наберу… Нарисуйте пророка господнего серьезным. Пусть он на людей с гневом посматривает: «Куда ты тянешь? Видишь, хозяйское?.. С длинной рукой — под церковь. Проси у бога…»

— …Федор Петрович! Извините, но эта ваша угодница моей бабе не по душе. Какая-то Августина!.. Ее никто и в хуторе не знает. Вот вам баба передала на студень, ублаготворите старуху,

нарисуйте Варвару. Не обижайтесь, потрудитесь…

Образы угодников — это непременная реликвия в хате. На каждого — иконка. В цветах — венчальные, на рождение — деревянные.

По этому обычаю у нас в левом углу на стене висело восемнадцать икон.

Моей тезке-сестричке каждую субботу поручали работу: вытирать пыль с лика святых.

Мама, бывало, и скажет:

— Саня! Возьми, доченька, веничек да сгони мух. Видишь, роями на иконы напали. Сгони да веничком вот ту пылищу подмети. А то посмотришь и, прости господи, не в хате будь сказано, скажешь: «Не святые, а какие-то чабаны!» Повытирай, пусть хоть глаза блестят!..

Сестричка трет, вытирает и спрашивает:

— Мама! А на этого Сашкиного святого не хватило воды!

— А ты, дочка, поплюй ему на лоб, а потом возьми тряпочку и хорошенько разотри по всей роже.

Нам, детям, больше всего нравилась икона теплого Алексея. В этот день мы воробьями, чижиками вызванивали на подворье: «Сегодня теплый Алексей! Сегодня теплый Алексей!..»

В назидание неугомонной детворе бабуся внизу под иконой теплого Алексея приладила что-то страховидное, лохматое. Это чудовище бабуся заказала по не дорогой цене: одарила художника куском простенького полотна. Доброжелательно угостила автора и мокрым завтраком да все поправляла: «Вот тут, Федор, пусть он на плетне с прутом стоит!..»

Дядько Федор бабусин заказ выполнил добротно. На высоком плетне стояло лохматое чудовище и дубиной пугало кур. В красочную ограду художник мастерски вплел саркастическую надпись: «Бегите, куры, поп идет!»

Хороший подарок нам дядько Федор в тот день принес. Ох и пречудесную картину подарил! Вербы, тополя, вишни, а между деревьев красовались наши убогие хатки. В селе — площадь, на площади — кобзарь на кобзе играет-приговаривает… Вокруг певца стоят хлопчики и девчатки в полотняных сорочках.

Какая прекрасная картина! Таких хлопчиков и девчаток у нас полная слобода.

В тот же день грустное известие опечалило слободу: церковный синедрион объявил Федора Петровича антихристом!

Шум подняла преподобная дворянка Педачиха. Не в тех тонах пречистую деву Марию разрисовал. Не подошла к почетной дворянской шеренге: простенькая, красивенькая…

Произошло это в праздник, на зеленой неделе. Богомольная

шляхтянка поставила владычице толстенькую свечечку и поцеловала в руци. Чмокнула да как завопит:

— Хозяюшки! Людоньки! Кого мы целуем? Это же Мария Вакуливская! Покрытка! Крест меня побей, ее глаза, ее губы! Боже мой! Отцы церковные! Какому вы байстрюку кадилом кадите? Гляньте на божьего младенца — вылитый ее сынок Антоша!

Боже, боже! Своей батрачке ручки целовать… Дудкиным художеством покрытку в небесные чины произвели! Тьфу! С твоей парафией! С твоей церковью… Сгорела бы она ему!..

5

Ростом меня бог не обидел, в семь лет вымахал подходяще: перегнал старшую сестру.

— Мамо, — спрашиваю, — не пора ли мне в школу? Когда я родился?

По лицу моей родненькой мамы пробежала тень, она решала сложную, почти неразрешимую задачу. Через минуту в ее глазах блеснула надежда.

— Погоди… Сейчас я тебе, сыночек, скажу…

Родненькая ни одной буквы не умела написать — не учили ее. В арифметике немного разбиралась: ей кое-как помогали пальцы.

Растопырив пальцы на обеих руках, мама начала считать:

— Ты родился в косовицу. Еге ж, после Даши… Припоминаю, набежала дождевая туча, а мы сено сгребали. Гром как ударит… Нет, господи… Что это я говорю? Тогда родился Петя… Значит, Даша, Петя, Гриша… Видишь, сыночек, выходит, ты родился после Гриши… Нет, не то я тебе, сынок, говорю. После Гриши родилась Надя… А ты нашелся сразу после Вани. Как раз капусту шинковали… Ой, лишенько! Ей-богу, соврала твоя матуся… В то время нашлась Маша… А ты, сыночек, родился в петровку. Эге ж, в петровку, в жару. Вот я завтра расспрошу тетю Явдоху. Она была кумой, она знает…

Наша родная тетушка Явдоха дату рождения установила легко и точно: мы с сестрой родились, когда над селом должна была пролететь огненная комета.

— Как сегодня помню, побежала я звать дядька Пилипа на крестины. Прибегаю. Дядько сидит на завалинке, слезами умывается: зацепит проклятая комета своим хвостом новый плетень или не зацепит?.. Так вот в этот кометный день вы, детки, и родились… А когда это было, ей-богу, мои голубята, не помню.

В волостных инстанциях никакого толку не добьешься. Отец

метрики сдал на хранение в волостной шкаф.

Собрались отдавать в школу — возраст неизвестен. Начали искать метрики — нету. Нет и шкафа.

Сторож Мякушка доверительно шепнул отцу:

— Напрасно, Иван, ищешь. Дело пропащее. В тот шкаф запихивали все: и то, и другое, и метрики, и списки, с кого подати брать, с кого подушные взыскивать… Надеялись, прилетит благодетельная комета и хвостом сбалансирует: брали или не брали? Ждали день, высматривали другой, третий — не летит. Сбилась с дороги. Залетела в Демидовскую волость, схватила кассу и скрылась. Наши волостные деятели взяли эту науку и себе на ум. Облили шкаф керосином и — тю-тю — сожгли. Комета широкая, хвост длинный, поместится еще одна касса. Ищи ветра в поле!.. Слушай, Иван, пусть твоим детям новые метрики выпишет волостной писарь. Одного не забывай, прихвати с собой смазку… Без смазки волостные двери туго открываются…

Дед Спиридон эти волостные правила давно раскусил. Хорошо познал их на своем долгом трудовом веку. Знал — волостные законы требовали одного: умей незаметно «плюнуть» в писареву ладонь. Послюнишь, чем бог послал, любой справке легче по руслу плыть…

Повел нас дед Спиридон в волость родиться второй раз. Стали мы перед писарем свечками и стоим. Дед Спиридон начал издалека:

— Школяры! Родились в петровку. Жарища — дышать нечем. Солнце печет, крутом стерня, а их на белый свет благословило. Прямо на стерне благословило. Вот так по стерне бегали, бегали и добегались. Пора в школу…

— Конечно, пора, — равнодушно промолвил писарь. — Пусть идут.

— От вашей милости бумажечку надо… Они что ж… они пойдут. Да, небольшую бумагу: деткам по восемь лет.

Дед Спиридон вежливенько подступил к писарю ближе и аккуратно сунул в писарев рукав стеклянную гладенькую штучку. Почувствовав, что та штучка скользнула дальше, в карман, писарь торопливо взял в руку перо, бумагу и в ласковых тонах начал шутить:

— По восемь? Какие могут быть разговоры! По восемь так по восемь. Хорошим деткам не жаль написать и по девять! Пусть растут!

Стеклянный «мерзавчик», несмотря на свою немоту, точно установил дату нашего рождения.

В погожее осеннее утро тысяча девятьсот восьмого года пошел я в церковнопарафиальную школу.

Батюшка, наш учитель и воспитатель, учил пальцами…

Схватит дебелыми пальцами мое немощное правое ухо, сожмет, скрутит и по складам промолвит: «Ве-лик бог, в сла-ве сво-ей…»

Законоучитель не обходил и мое второе, левое ухо. Хватал и его за кончик. На кончике левого уха и заканчивалась наша первая лекция.

Начиналась вторая лекция — лекция на исторические темы.

Оценки по древней истории отец Иоанн ставил исключительно на нашем затылке. Но порой отметки переносил немного ниже, норовя острым карандашом пырнуть в пуп.

— Отощало глупое… Языком не ворочаешь?

Туговато у нас шла премудрость божья. Но отец Иоанн надежды не терял — через лоб длинной линейкой пропихивал. Ткнет торчком — не лезет. Тогда заходил с тыла. (С тыла удобнее давать горяченькие подзатыльники.) Шлепнет раз да, не жалея пастырской ладони, щедренько прилепит и второй, и третий… Пусть вечно живет в твоей голове день субботний. Чтобы ты не забыл, как твои предки грызли соблазнительные яблоки в райских чащах!..

Может, они, те яблоки, не такие и кислые были, но с наших затылков оскомину хорошо сгоняли.

Особый трепет на меня нагоняли двунадесятые праздники. Высоченный, грузный законоучитель подходил сбоку, засучив по локоть широкий рукав, грозно спрашивал:

— Когда было вознесение господа нашего Иисуса Христа?

Моя душа со страху уходила в пятки, а пятки прилипали к школьному полу. Отец Иоанн, невзирая на высокий сан, пятерней отрывал меня от пола и вместе с сапогами возносил до самого потолка…

Но небеса меня не принимали. Между небом и землей я срывался и звонко падал на пол.

Держа в руках вырванные волосы, пастырь духовный с укором качал головой:

— Учу вас!.. Таскаю за волосы! Как овец паршивых таскаю! А вы — олухи олухами. Чего ты шмыгал носом, когда «И не введи нас во искушение» читали? Отвечай — что есть вездесущий, всевидящий и всемогущий?

Петя Бовдня, худенький, маленький хлопчик, моргая глазами, заколебался. Вдруг вспомнил:

— Волостной урядник!

— Бестолковый! Дубина стоеросовая! Говори: в скольких

лицах бог являет нам милость свою?

Петя побледнел.

Милостивые заповеди батюшка вбивал особенно энергично.

Бил лбом о парту и методично поучал:

— Бог-отец — раз! Бог-сын — два!.. Бог-дух святой — три!..

С «духом святым» Петя падал на пол, потеряв сознание.

Дома родные мамы наши исцарапанные носы и лбы обмывали и горько на такое «духовное» учение роптали:

— Святой и божий — на черта похожий. Хоть бы его, прости господи нас, грешных, огненная комета ударила или еще что! Пусть не мучает деток наших!

7

В день водосвятия у отца внезапно отнялись ноги. Семейный жребий пал на меня.

— На, Сашуня, бутылку, принеси святой водицы. Гляди, сыночек, гляди, голубчик, не выплескай по дороге!

Свяченая вода — высший дар божий. Это и священное питье, и целительный бальзам. Лечебная ее сила не знает границ. Всякие падучие болезни изгоняет моментально. Рожистое воспаление и то одолевает.

Пить детям дают один раз в год, в день водосвятия. Опрокинут до обеда по две-три капли, остаток воды крепко закрывают пробкой и завязывают куском разодранной штанины. Затыкают туго, старательно, чтобы, не дай бог, не выскочила святость. Заткнув бутылку, прячут за иконами: пусть вода отстаивается, пусть набирается целительной силы.

Гнилая, месяцами стоявшая вода так смердит, что нос отворачиваем: вот тогда она и становится особенно чудодейственной…

Колдунья зубами щелкает, беду накликает: брызнешь лихой чародейке святой водички между глаз — сразу зубы стиснет.

На рассвете ведьма корову за дойку дергает, схватишь нечестивую за косы да святой бутылкой по голове — хвать! Кончилась ведьма: высвятилась!.. Скрючит ненавистную в три погибели.

Святая водица неплохо лечит лживые губы. Сначала ставят диагноз, какая губа больше врет: верхняя или нижняя.

Установив, что обе хороши, смазывают ладонь священными каплями и с разгону наотмашь бьют по больным губам.

Говорят — помогает… Губы набухают и перестают чесаться.

Воду святили на краю села. Водосвятная церемония

несложная. На берегу возле колодца с журавлем руками сельского мастера Ивана Кравца воздвигали высоченный крест. Чудесная, тонкая работа! Старые люди почтительно снимали шапки.

«Вот это Иван! — восторженно говорили они. — Вот это мастер! Пусть сам архиерей посмотрит, и он перекрестится. Ей-богу, поклонится».

В лютый мороз без рукавиц Иван всю ночь возился и без инструмента, голыми руками, сотворил прекрасное ледяное сооружение. Посмотрит парафиянин — любуется и налюбоваться не может.

Отец Иоанн, исполненный величия праздника, стал рядом с крестом. Возле батюшки примостился дьяк с певчими. В сторонке сиротливо в серой латаной сермяге стоял творец водосвятского сооружения — Иван Кравец. Стоял, сложив свои рабочие голые руки на поясе, никем не замечаемый.

Дома меня, отправляя, наставляли:

— Смотри, сынок, рта не раскрывай. Начнут стрелять, начнут голубей выпускать, начнет батюшка кропилом махать — скорей, сынок, беги да набирай воды в бутылочку.

Воду набирали в разную посуду: в бутылки, ведра, глечики. Редко кто черпал макитрой. Это те скареды-лобачи, что зимой заготавливали, а летом святой водой торговали…

Я окунул руку и набрал бутылку воды. Заткнул пробочкой и пошел домой.

По дороге меня встретил Ивась. (Вместе в школе учились.)

— Зайдем, — просит, — к нам. Погреемся, поиграем в пуговицы. Родителей дома нет, одна сестра возится с борщом.

Побыть в теплой хате после вот такой водосвятной холодины, поиграть в излюбленную пуговицу — искушение немалое.

— Ивась, — говорю. — Я не того… Родители ждут. Без воды не станут обедать.

— Такое скажешь… До обеда еще далеко. Заходи!

Не выдержал — зашел. Поставил на подоконник бутылку и быстренько зубами отгрыз две пуговицы от сорочки. (От штанов я пуговицы проиграл еще на рождество.)

Начали играть. Играем да играем. Во время игры я на минуту оторвался — поглядеть; на месте ли моя посудина.

Глянул — мама родная! Какая ужасная картина! Ивасина сестра Галина моей святой водой доливает свой грешный борщ.

О, мама! Холодный пот выступил на моем лбу. Кара меня ждет. Кара в три кнута.

— Не волнуйся! — успокоил Ивась. — Ерунда. Подумаешь — вода. Мы это дело поправим. Наберем воды в этом колодце, вот по соседству. В соседнем колодце вода еще чище. Ей-богу, чистая-

пречистая… У меня с Гандиным Федькой в прошлом году еще хуже было. Несем мы с Федей святую воду в кувшинах, а те неотесанные — Педаки — катили в фургоне и налетели на нас. Куда нам деваться, мы гоп! — да в снег. Перевернулись и кувшины со святой водой перевернули.

Плачем, ревем, да мама нас спасла. Набрала воды из этого же колодца, поналивала в кувшины, перекрестила их и сказала: «Бог с нею, с водой. Вода водой. Только отцу ничего не говорите!»

Воспользовался и я добрым советом хорошего, сердечного товарища.

Вдвоем вытащили деревянное ведро. Ивась сам опустил бутылку в воду. Взболтали ее, посмотрели на свет — вроде ничего, хорошая, чистая вода.

Ивась, успокаивая, уверяет:

— Неси, Сашко! Не волнуйся! Ей-богу, сам батюшка не разберет, какая вода: грешная или святая.

По совести говоря, по дороге я потихоньку перекрестил бутылку. И не зря: на душе немного отлегло.

Первым воду попробовал отец. Похвалил:

— Хорошей водички, сынок, принес. — И к маме: — Видишь, Ялосовета, как какой год… В нынешний праздник вода намного вкуснее…

8

В великий пост школяров отпустили на говение. Причащаться. Грехи свои сбывать.

Мама положила в ладонь медный пятак и сказала:

— Вот это, сынок, цена твоим грехам. Положишь голову, сыночек, на аналой и жди, пока батюшка снимет грехи. Отпустит — ты встань и брось в тарелочку пятак. Мне, сынок, этот пятак и самой очень нужен: на керосин, на спички берегла. Но ничего не поделаешь, бери, грехи не ждут…

Церковная исповедь нехитрая. Грешил не грешил — исповедайся. Исповедался — плати. Плати наличными, в долг грехи не отпускают.

Противоречить не пытайтесь. Пропащее дело. Торгаш Иосип Путаный, чтоб уклониться от высокой таксы, тихонько взмолился:

— Отче! Я в этом году совсем мало грешил. Разве вот только на прелой муке согрешил. Загнул высокую цену, а она прелая и сырая…. Соблаговолите, отче, свою милость, сбавьте немного. Я уже покаялся, на праведный путь стал…

Отец Иоанн исповедника выслушал мягко, терпеливо и, видя,

что легковерность может пошатнуть основные столпы евангельского учения, с разгона шлепнул сознавшегося крестом по губам. Бедные губы на всю церковь чмокнули. Щелкнул и строго предупредил:

— Что ты, неверный, мелешь? Апостола не читаешь? Читай апостола — праведников нет! Все грешные! Склоняй голову, кайся во всех грехах своих.

В церковных проповедях отец Иоанн частенько предупреждал парафиян:

— Кто из вас, братия, без греха? Кто без греха, бросьте в него камень. Пусть не врет!

Одним словом, не спорь, ложись на аналой и кайся. Кайся честно, правдиво. Покаялся — бросай в подставленную тарелочку богом тебе назначенный тариф.

Школярам — пятак, взрослым — гривенник. А если кто нагрешил больше, тому и такса больше.

Швырнет великий грешник полтинник, отец Иоанн искоса глянет и гневно-гневно покачает головой:

— Ой-ой! Баламут!.. Какие я тебе грехи отпускаю, конокрад? Страшные грехи, злодейские, а ты насмехаешься!..

Левенцковский конокрад Алеша лезет рукой в карман и бросает на всепрощающий аналой еще серебряный полтинник.

— Ну как, батюшка, в расчете?

Духовный наставник слыхал или не слыхал, но полтинничек подсунул ближе к себе и поспешил накрыть епитрахилью очередную исповедальницу — Лиду Жеглову.

Почетная дворянка умела грешить и умела достойно оценивать сотворенные грешки.

Ублажила пастыря духовного синенькой кредиткой. Сообразительная грешница этот торг чинила удивительно умело: в широкий апостольский рукав незаметно запихнула вдвое сложенную троячку.

— Видели, блудница три рубля сунула? Чего же ей не грешить? Вынула, на — отцепись, отче! А тут нужда грызет, не только от греха откупиться, постного масла не на что купить! Боже, боже! Видишь ли ты, какая на свете правда?

9

Вот в таком хлопотном корытце и меня маленьким пеленали.

Я глубоко верил: нами невидимо управляет всемогущая сила божья. Учинил грех — кайся. Исповедайся. Плати. Не заплатишь — покарают! Да еще как покарают! Чего доброго, и

руки повыкручивают. На все воля божья.

Не меньше угнетала меня и другая воображаемая страховидная сила. Это была та проклятая сатанища рогатая. На мое маленькое существо взрослые всякое насылали, разные наваждения напускали.

— Вон, вон, — говорили, — у кочерги черт стоит! Лежи, спи, а то так и прыгнет в твою пазуху!

Со страху по моему телу холодный пот бежал. Лежу не дышу, и не сплю — дрожу. Засну и часто в ужасе просыпаюсь: что-то такое черноватое возле кочерги шевелится…

Третьего — я боялся пастыря духовного отца Иоанна: простит грехи за пятак или не простит?

Вот о пятаком в руке я и направился в церковь.

Возле церкви показал медяк Ивасю. Тот взял пятак и ловко подбросил его вверх.

— Ты что, думаешь целый пятак батюшке бросить?

— Эге, — говорю, — за исповедь.

— Сашко, не будь глупеньким. Батюшке хватит две копейки. Сколько ты там нагрешил? Вот столечко. Одно яблоко в батюшкином саду сорвал. Какой это грех? Больше чем две копейки не потянет. Пойдем разменяем пятак. Две копейки батюшке отдашь, на три — бублик купишь. Смотри, я уж разменял!

Господи! Не погуби детской души. Какая перспектива — целый бублик с большой дыркой! Ивась! Ивасик! Хорош твой совет, но и страшноват.

— Ивась! — заколебался я. — Мама мне сказала: «Сашко, цена твоим грехам — пятак!»

— Тю!.. Твоя мама еще ничего не знает. Грехи подешевели… При мне тетка Килина бросила копейку да и говорит: «Батюшка, больше нет. Вам бог даст!..»

Так или не так, решил — разменяю. Что будет, то будет! Ивась — хороший товарищ, он в греховных делах не подведет.

— Пойдем к бубличницам, — веселее заговорил Ивась. — Купим по бублику, зайдем за сторожку и потихоньку съедим. Никто не увидит, никто нас не будет бить.

В прошлом году нам с Ивасем из-за бублика здорово попало. Всыпали нам как следует.

Стоим мы возле бубликов, глотаем слюнки и решаем несложную задачу: можно ли одной медной копейкой закрыть два голодных рта?

Толстухи бубличницы, как монументы, сидели на теплых казанках. Их мало беспокоила детская задачка. Они были по горло заняты спорами о бубличной конкуренции, ибо

бесцеремонно, на чем свет стоит, ругали друг друга.

Крайняя донимала соседку:

— Разве у тебя бублики? Черт по ним скакал. Кислые, сыроватые, ости десна дерут. Бессовестная!..

— А ты совестливая? Черта боишься, да на ночь дьяка зовешь… Значит, бублики печете!

— Пеку! По правде пеку!..

— Чтоб ты так по правде дышала, как ты по правде сырой мукой людей душишь!

— Замолчи, шкура барабанная! Одного мужа загнала, другого зануздала, на третьего сама верхом села!..

В этот момент Ивась несмело вытянул из кармана копейку. Бубличницы заверещали:

— Хлопчики!.. Детки!.. Вот у меня бублики… Дешевенькие, сладенькие, вкусненькие… Подходите, берите…

Ивасик дал копейку, сам взял бублик, разломил его пополам, и наши голодные зубики заработали.

Бубличница, хозяйка бублика, медленно поднялась с казана и, лукаво прищурив глаза, ехидно спросила:

— Это ты, озорник, копейку ткнул? Вас, байстрят, спрашиваю: вы копейку подсунули? Люди! Гляньте! Ограбили! Подсунули копейку, а бублик грызут за две копейки! Ой боже мой! Едят и облизываются. Да я вас анафемских!..

С этим шумом на наши детские головы надвинулась черная туча в образе глиняной макитры.

Долговязая соседка, вот та конкурентка, ласково остановила разъярившуюся бубличницу:

— Кума! Кумушка! Вы что, ошалели? Опомнитесь! Такую дорогую посуду да на такую дешевую голову? Вот же веревка. Веревкой по губам, чтобы знали, сорванцы, как чужое добро хватать. Держите их, ворюг!..

Попало нам подходяще. Еще хотели прибавить, да от страшной беды спасли нас наши юные ноги.

10

Наступил торжественный момент избавления от греха. Держа в правой руке заветные две копейки, я благоговейно положил голову на аналой.

Отвернув в сторону епитрахиль, отец Иоанн тихо спросил:

— Чем грешен?

По простоте своей я чистосердечно признался!

— В вашем саду сорвал яблоко.

— Ах ты ж невежа… паскудная! Пошел вон!

Пастырь с такой силой толкнул меня в грудь, что я со страху забыл бросить в железную миску две копейки. Но священнослужитель не растерялся, он на лету выхватил с моей ладони медные копейки.

— А грехи, отче? — с плачем крикнул я. — Грехи отпустили?

Схватив за сорочку, отец Иоанн потянул меня к себе.

— Тьфу! Проклятый! Какой же ты вонючий! Селедками воняешь. Вон из церкви.

Обутый в отцовские сапоги, я запутался в церковных коврах и упал на пол.

Какая-то жалостливая тетенька подняла меня с полу. Вытерла платочком набежавшие на глаза слезы и начала утешать:

— Не плачь, детка, не плачь. Грех на исповеди плакать. Ты батюшке дал копеечку?

— Две, — говорю. — Батюшка из рук сам выхватил.

— Господи! Шерсть стригут и шкуры дерут! Из рук вырывает. Иди, детка, домой, а то, чего доброго, тебе в церкви еще и ноги оттопчут.

Шел домой и болел душой. Копеечки взяли, а грехи отпустили?

Мама первым делом спросила:

— Исповедался, сыночек? Ну вот и хорошо. Теперь не греши. На хлеб не смотри — есть тебе грех.

По христианской морали есть после исповеди — боже тебя спаси! Крепись до завтрашнего обеда. А возьмешь хоть крошку чего-нибудь в рот — прямая дорога в пекло.

Вечером нам с сестричкой хорошенечко-таки подвело животы. Нащупав за печкой маленький сухарик, я начал его потихоньку, тайком, грызть.

Выдала меня самая младшая сестрица Надия.

— Мама, — шепнула, — а Сашко за печкой бога обманывает — сухарь грызет.

Мама — родная, дорогая мама — ради деток и всемогущего не испугалась. Перекрестилась — пусть бог простит! — и наварила в горшочке гречневых галушек. Загнала говеющих на печь и там в уголочке поставила тот горшочек с горяченькой едой.

На всякий случай вход на печь мама завесила стареньким рядном, а щель закрыла отцовской полотняной сорочкой. Пусть хатние святые угодники не подглядывают!

— Ешьте, детки! — угощала мама. — Галушечки ешьте спичечками, жижицу — ложечками. Глотайте тихонько, носом не шмыгайте, ибо наверху бозя сидит, услышит…

Мы медленно дули на жижицу, чтобы остудить ее, а галушки, чтобы громко не чавкать, глотали целенькими.

Лучше подавиться, чем подвести родную маму перед всевидящим гневным богом.

О боже, боже! Какой ты суровый и проницательный, что можешь сквозь рядно и отцову полотняную сорочку с высоких облаков узреть, как мы, голодные, уплетаем незаправленные гречневые галушки.

11

С грехом пополам закончил церковнопарафиальную школу.

Теперь передо мной стелился новый, неведомый путь: в какую сторону завернет моя жизненная стежечка?

Жизненная стежечка вела, вела и завела на гору. За селом, на горе, в опоясанном тополями хуторе жил хозяин, известный на всю округу богобоязливый церковный староста Кондрат Комар.

Сам жил, людей угнетал.

Взяла меня мама за руку, горько заплакала и сказала:

— Пойдем, сынок, на гору. Будешь гусей пасти. Своих нет — чужих будешь пасти.

Вошли мы с мамой в хуторские покои. Зашли в богатую, просторную хату проситься внаем.

Кондрат Комар творил вечернюю молитву. Не прекращая душевной молитвы, спросил:

— Кто там?

— Привела к вам хлопца. Не возьмете ли на лето гусей пасти?

— Гусей? Для гусей мне вчера привели одного дармоеда. Для овечек давай. Овечек бог послал сто штук. «…Отче наш, иже еси на небеси…» А сможет ли оно овец пасти?

— Сможет, сможет… Ты, сынок, умеешь прутом ягнят гонять? Умеет!.. Умеет!..

— «…Да святится имя твое…» А барана не боишься? У меня три барана… Мордатые, рогатые!..

— Сынок, а ты на барана палкой — куда лезешь? Он барана не боится!..

— А если баран затопчет копытами, рогами придавит? «…Да будет царствие твое, да будет воля твоя…»

— Оно у меня живучее — не задавит. Ты, сынок, хлебца поешь да таким крепеньким станешь. Эге ж?

— «…Яко на небеси, тако и на земли хлеб наш насущный даждь нам днесь…» Сколько ты возьмешь за своего силача?

— До покрова… попасет, посмотрите — вы ему на сорочку наберете, на штаны и по гривеннику в день.

— По гривеннику? Что ты, тетка, за такого худущего много просишь. «И остави долги наши, яко же и мы оставляем должников наших…» Твоему богатырю в базарный день красная цена — пятак.

— Маловато… Добавьте.

— Почему добавьте? Оно, видишь, как уставилось на хлеб. Оно меня съест. «…И не введи нас во искушение и избавь нас от лукавого».

— Не вечеряло, потому и смотрит. Спешили.

— Вот хочешь так: пятак в день и сорочка. У меня их восьмеро, всем штанов не накупишься. Штаны бог даст. «…Яко твое есть царство, и сила, и слава отца, и сына, и святого духа…»

— В чем же он будет ходить? В чем овечек пасти?

— В чем ходил, в том пусть и ходит. Лето теплое, походит и без штанов. «…И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!..» А ну, я посмотрю, какой ты есть…

Высоченный — «соль земли» — встал и бесцеремонно начал щупать мои слабенькие руки.

— Те-те-те… Где оно росло — в лесу? Одни косточки… Переплатил я твоему силачу. Оно же никудышное. Волам не дотянется веревку на рога надеть. Овец умеешь доить?

— Покажете — сумеет. Не святые горшки обжигают.

— Оставляй. Будет ночевать в повети. Возьми вот это рядно, постелешь сенца. Только бери более грубое, привыкай, ибо тем сеном, что помягче, коней утром покормишь. На, бери рядно и спи. Да смотри — сторожи. Подкрадется какая-нибудь сатана к лошадям — подхватывайся и читай «Да воскреснет бог…».

Договорились: пошел я внаем по пятаку в день пасти овец в одной сорочке.

Долго мама прижимала мою детскую головку к своей теплой груди. Потом я долго стоял на холмике, глазами проводил фигуру матери, которая в сумерках нет-нет да мелькнет в высоких чужих хлебах. Я опомнился, когда раздался окрик хозяина:

— Заснул, что ли? Пойди посмотри, почему лошади тревожатся?

12

Богобоязливый Кондрат Комар хозяйское кадило начал раздувать с маленького: сапожным молотком вовремя согнал

надоедливую муху с братовой головы.

Нерасторопное насекомое само в напасть полезло. Нечистая толкнула ее сесть на висок младшего брата под горячую руку: братья делили наследство.

Отец, старый Комар, внезапно умер в дороге.

Возвращался Комар с зеленых лугов, нежданно-негаданно споткнулся на мостике и полетел с моста в воду.

Старший сын Кондрат бережно вытащил утонувшего и любовно донес дорогого отца до сенных дверей.

Заботясь о будущем хозяйстве сыновей, родной отец перед смертью оставил словесное духовное завещание: «Тебе, Кондрат, отписываю хозяйство. У тебя, сын, опыт, ум. Меньшему, Анистрату, дарю бычков с возом. Пусть с богом по свету счастья ищет!»

Нелегко разделить довольно богатое отцовское наследство без счетов. Земли пятьдесят десятинок с хвостиком, а желающих пить из нее соки — двое. Два брата — Кондрат и Анистрат.

На бумаге дорогой отец не успел ничего написать: руки были уже под водой. Единственный свидетель — немая икона, которую держал старший брат и живым лез к богу, доказывая: «Как брат брату последнюю отцовскую заповедь передаю!»

Дьявольская муха по глупости своей взяла и некстати залезла в середину семейных распрей. Влезла, вертится, крутится и голосит:

— Не хочу на быках у бога счастья просить!

— Сгинь, лихая личина! Не жужжи! Без тебя нудно! — разгневанно крикнул Кондрат и хлопнул муху молотком.

Серая мушка, конечно, не выдержала увесистого удара, брякнулась на пол. С мухой на пол упал и родной брат. Упал и больше не встал.

Уважительно, тепло старший брат Кондрат предал земле младшего брата Анистрата. На собственные деньги накупил свечей, из собственного дерева новенький гроб сделал, поминальной кутьи из прошлогодней пшеницы две мисочки сварил. Больше фунта наскреб…

На собственной арбе дорогого братика и на кладбище отвез. Щедрого магарыча гробокопателям не пожалел.

— Пейте, люди добрые, да копайте яму для родного брата поглубже!

На могиле Кондрат долго печалился, потихоньку всхлипывал. Не выдержав, залился горячими слезами и, наклонив скорбное лицо над дорогим прахом, на все кладбище клятвенно зарыдал:

— Лежи, брат! Пусть тебе земля будет пухом. Лежи спокойно, не волнуйся! Твоих осиротевших бычков по-братски приголубим.

Найду в загоне им затишный уголок! Прощай!

Дома стал на колени перед образом спасителя и с открытой душой, растроганно шептал:

— Боже, боже, какой ты справедливый! Твоя щедрость безгранична! Спасибо тебе за совет — мы честно разделили наследство!

С новым большим даром пришли новые заботы, новые хлопоты. Земля просила неустанного присмотра. Пятьдесят десятин одними молитвами не засеешь, не заборонуешь. Нужны руки, заботливые, трудовые руки. Ради расцвета сельского хозяйства Кондрат Комар давал взаймы хлебца пуд, просил возвратить два. Дорожил собственным добром, не допускал убытков. Одолжит гнилой картошки — не отдают. Страдальчески встанет под вдовьим окном на четвереньки и целый вечер клянчит:

— Отработай, голубушка! Не отработаешь — хату сожгу!

День и ночь напрягался, чтобы не разориться. Душа рвалась расширить границы своих земельных десятин.

Приловчился капканы возле копен ставить. Поставит замаскированную ловушку, сам садится за копнами, караулит, выглядывает — скоро ли голодный сосед попадет в нее ногой. Хорошо знал: где нога, там и рука.

А как нужны дешевые рабочие руки: пахать, косить, хлеб на подворье свозить!

Услышав крик: «Ой, ой!.. Поставили злодеи силок для одной ноги, а схватили обе!» — Комар потихоньку вылезал из кустов, и на ходу менялось выражение его лица. Оно становилось угодливым, смиренным.

Вот у кого были способности перевоплощаться. Глянет направо — черт чертом. Повернет морду в другую сторону — ангел небесный.

— Чего, соседушка, кричишь? Бегу, Спешу. Спасибо. Снимай рубашку!

— Да помилуйте, она в дырах — рваная!

— Пусть тебя бог милует. Стаскивай и рваную. Выскакивай скорее, да помиримся. Грех свой отработаешь в жнива. Ты будешь косить, жена — вязать. Смотри и вам снопик-другой перепадет. Деток возьми. Детям на все лето забава.

13

Привередливому хозяину никогда и ничем не угодишь. То работаешь мало, то ешь много.

Помажешь сальцем черствый хлеб, немножечко мазанешь по горбушке, а проницательный Комар тут как тут.

— Жирно не мажь, а то живот заболит.

Сорвешь плохонькую грушу, начнешь жевать, глянешь — даже удивишься: хозяин стоит рядом с тобой:

— Жуешь? А разве я тебя, хлопче, к грушам нанимал? Беги овец выгоняй!

Станет возле плетня и бубнит, и бормочет:

— Не досмотришь — беда! Разорение! С листьями садик съедят!

Арбуз, круглый, спелый, казалось, чудодейственно скатился с воза сам и в поветь вкатился. Ан нет — никакого чуда на свете нет. Вместе с арбузом в поветь вкатился и сам Комар.

— Арбузик грызете?… Грызите! Грызите!.. Давитесь, бог с вами. Сегодня и отработаете!.. И мне господь бог даром арбузов не шлет. Пойдемте пахать. Так и знайте, солнце не солнце, а чтобы до вербочек вспахали… Запрягайте волов!.. Запрягайте и на ходу арбуз доедите. Помогай вам боже в пахоте. Я приду, наведаюсь…

Очень заботился о нашем брате неусыпный Комар.

Ни свет ни заря, а он уже покашливает на подворье. Переживает — не заснули ли мы навеки.

Встанет в ту пору, когда еще черти на кулачках не бьются. Ходит по двору и стонет, и бурчит. Страшно боялся, чтобы мы случайно не проспали царства небесного.

— Спите? Вот так и царство небесное проспите! Сами встанете или кнутиком подсобить?

Устанешь, хочешь глаза свежей водичкой промыть, а хозяин — хвать — за рваную сорочку.

— Стой, куда разогнался! Успеешь глаза прополоскать. Вот ярма поправь!..

— Дядя! Умоюсь да хоть раз перекрещусь.

— Перекрестишься в степи… Твою молитву бог и в степи примет. Скорее загоняй волов в ярма. По прохладе попашете, пока муха скотину не донимает!..

Зайдет солнышко, глухая ночь начинает на землю ложиться, и тут нас Комар не забывает. Влезет на высокий стог, поднимется на цыпочки и прозорливым оком пронизывает тьму: не преждевременно ли мы волочим наши утомленные ноги из далекой степи?

Но все на свете не так мрачно, если рядом с тобой верный друг.

Вот такого друга-товарища я встретил на скотном дворе Комара. Это был по возрасту старше меня Василь Буряк. Какой

это чудесный и симпатичный хлопец. Веселый, шутливый и на всякие шутки мастер. Злая судьба и его загнала в эту хуторскую усадьбу.

Работал Вася у сельского богатея второй год. Чтобы развеять тоску, Вася смастерил очаровательную сопилку. Сам и играл на этом чудесном инструменте. Да как играл! Даже за душу хватало.

Комар нашел в стрехе сопилку и безжалостно сжег — мешала ему, певучая…

Вася выстругал еще лучше, еще более мелодичную. Пела, будто человеческим голосом приговаривала: «Туман хвилями лягає по степу німому…»

Заиграет Вася, и льются нежнопоэтические мелодии, будят широкие немые степи.

Галчонок, наш маленький пернатый дружок, и тот радостно раскрывал свой клювик. Этого галчонка Вася поднял с земли. Он выпал из гнездышка и беспомощно трепыхал неоперившимися крылышками.

Вася терпеливо, ласково научил дикую пташку всяким штуковинам. Обедаем, а галчонок подпрыгнет да присоседится к нам. Скромненько ждет угощения… Крылатого дружка мы никогда не обходили — угощали самыми вкусными кусочками.

А как же? Как не угостить любимую дорогую пташечку? Она в степи — наша надежда! Чуткий, внимательный сторож.

Бывало, находишься за плугом, понятно, усталость берет свое. Хочется хоть минуту отдохнуть. Присядешь, а Комар сзади с палкой с острым наконечником. И ходит она, жгучая, по нашим спинам.

Галчонок обычно предупреждал нас о надвигавшейся беде. Сядет на грядке телеги и зорко следит: не идет ли степью какой-нибудь чужак.

Услышав впервые тревожные сигналы — кра-кра! — я подумал: не подкрадывается ли четвероногий хищник? Но нет, не четвероногий — двуногая опасность подползала. Из-за болотной осоки вкрадчивыми шагами подходил сам хозяин — Кондрат Комар.

Любил Комар вместо одной две шкуры с человека сдирать. Не давал ни присесть, ни прилечь. Работает до упаду.

Но в последнее время Комар начал обходить арбу. Обходит подальше и издалека косо поглядывает… Пугала его на арбе торчащая вышка. Это мы соорудили пост — пусть галчонок с высоты наблюдает.

Страх на хозяина наводила, собственно, не вышка, а пружинистая тетива, которую смастерил сообразительный Вася. С этой тетивы стальной стрелой Вася с одного маху уложил

забежавшего волка. Настоящего хищного волка.

Сенсация — Вася убил волка! Как, чем, что это за страшное оружие? Васю потянули в волость. Урядник допытывал: где та пушка, что укокошила вот такого зверя? Вася вывернулся: попал, мол, стрелой волку в глаз да дважды топором по голове стукнул.

Дело вроде утихло. Но когда коршун снизился над гусятами, Вася стрелой и его насмерть убил.

Комар не на шутку встревожился: «Вот чертова штука! На какой высоте проклятую птицу сбила!»

А Вася еще и масла в огонь подлил:

— Дубовые двери пробивает! На расстоянии вола убить может.

Пытались выведать секрет, да Вася тетиву спрятал в степи, в старой соломе.

— Упала в воду, никак не найду. Пусть лежит, со временем пригодится…

14

Любопытные истории рассказывал нам Вася в теплые летние вечера. Поздним вечером усталость клонит ко сну, но чудесные рассказы разгоняли нашу дремоту.

Вася человек бывалый. В Одессе его родной брат в порту грузчиком работал. Вася и море видел. Шумное, бурное море, что выше тополей качает пенистые волны.

В нашем воображении невиданное море стелилось непрочитанной волшебной сказкой.

Достаточно представить: грозным, кипящим морем управляют люди. По морю спокойно плывут гиганты челны — пароходы. Плывут без весел: машина тянет.

Вот это диво, вот это чудеса!

А чугунка разве меньшее диво? Бежит по земле, гонит ее пар, а человек сидит и управляет.

— Вася! А кони где, спереди или сзади?

— Чугунка сама коней возит. Эх, хлопцы! Есть такие плуги, что землю без волов пашут. Паром тянет!..

Наше уважение к симпатичному Василию с каждым днем росло, мы его очень полюбили. Верили каждому слову… Но чтобы плуги землю пахали без волов — ей-ей химера. Пахота без скотины нам казалась непостижимой выдумкой.

Как-то вечером я спросил:

— Вася! Кто же эти машины делает?

— Рабочие! Рабочие на заводах всякие машины делают.

— Вот, говорю, наверное, там хорошо жить, где машины работают.

— Э, нет, Сашко, — ответил Вася. — Всюду управляют такие живодеры, как этот Комар. Зарылись в добро, словно свиньи в грязь, да и тянут из людей жилы.

Василь прикрыл двери (мы с ним в чулане спали) и накинул крючок.

— Сашко! Меня, тебя и родителей наших отец Иоанн обманывает в церкви. В своих поучениях он проповедует, что панам и хозяевам добро падает с неба. Брешет батюшка! У моего брата собирались рабочие, беседовали и книжки читали. В тех книжках написано, что цари, паны и попы — первые грабители. Угнетатели!.. Это нам врут, что бог им все посылает. Все делают руки людские. Все, что есть на свете, все, что мы видим: плуги, машины, молотилки, сапоги, одежду, хлеб — все это делают и выращивают рабочие и крестьяне. Человеческими руками и церковь каменщики построили. Иконы и те художники нарисовали. Батюшка обманывает, говоря, что все ангелы сделали. Он — брехун!..

Слова Васи бросали меня то в жар, то в холод. Внутри то холодило, то жгло… Вася! Вася! Дорогой Вася! Что ты такое ужасное говоришь! Такое о пастыре духовном! О преподобном отце Иоанне? У него же крест золотой на груди. Он ведь первый заместитель господа бога в нашей слободе! Разве он может людей обманывать?

А Вася потихоньку рассказывал:

— Комар из-за жадности и отца родного погубил, и брата в могилу загнал. А отец Иоанн об этом все знал и кропилом благословлял. Служил панихидки и за требы и себе подгребал: за отца — поросенка, за брата — теленка!.. Вот такие они, дорогой Сашко. Комар — хитрая, пузатая змея, а батюшка в рясе — обманчивое привидение.

Господи! Помилуй меня, грешного, что я такое греховодство слушаю. О, спасите! Покарают нас силы небесные! Проницательная святость в щель подслушает — и аминь! Речь отнимется и онемеют языки!

Лег спать взволнованный. Тревожно переворачивался с боку на бок до утра. Страшные видения мерещились во сне. Будто отец Иоанн гонится за мной с длинной дубиной. Бегу во весь дух, колючки колют ноги, я падаю, но встаю и еще быстрее бегу. А батюшка, подняв фалды, шпарит вдогонку. Что делать? Куда бежать? Поворачиваю вдоль болота в село. Вдруг из болота наперерез выбегает черт с кочергой. Вот, думаю, отец Иоанн успел ночью шепнуть лукавому: «Забегай к Сашко сбоку, а я с

другого, да и вытряхнем из него грешную душу…»

Вбегаю в село и быстро прячу голову под рядно. Голову спрятал, а уши, видно, из-под рядна торчат… Отец Иоанн шмыг — и в хату:

«Чьи уши?»

Мама в слезы:

«Отче святой! Отче дорогой! Он еще малой… Там его в пекле и не примут…»

Мама уговаривала, а я, не теряя времени, выпрыгнул из окна да побежал искать Васю. Сообща какого угодно врага одолеем.

Иду вдоль камыша, боже ты наш, что за чудеса: отец Иоанн уже тут, с молоденькими ведьмами пирует. Одна бесстыдница сидела на батюшке верхом, и, держа руками преподобную бороду, кричала:

«Батя! Только и нашего, что на тебе покататься! Но!..»

От этого крика — но! — я и проснулся.

— На вот тебе штанишки, — говорит Вася, — надевай. Надевай, надевай, у меня их двое. Бери, твои же совсем рваные.

Беру, надеваю. Штаны простенькие, но новенькие.

— Надевай, не медли, — советует Василь. — У нас сегодня праздник: хозяина дома нет. Поехал в город заказывать новую хоругвь.

О своем сне я рассказал Васе. Он засмеялся.

— Твой сон в руку. Батюшка любит пировать. Когда-нибудь сам увидишь…

15

Утром нас долго гоняли по всем углам. В загоне случилась пропажа: исчез копченый свиной рубец.

Да будь он неладен, этот копченый рубец. След нашли. Беда в другом: красивая молодая хозяйка Олимпиада с минуты на минуту ждала дорогого гостя — отца Иоанна.

А чем угощать? Хотя оно и пост… Хотя оно и Петровка… Пост постом, а угощение угощением. Можно и в пост индейку зажарить. Одна закавыка: успеет ли индейка на сковороде ноги протянуть? Отец Иоанн вот-вот с молитвой нагрянет.

На хуторе уже давненько повелось: хозяин со двора — батюшка во двор. Выпроводив Комара в далекий путь-дорогу, в город, батюшка клал в тарантас божьи молитвы и развозил их хуторским прихожанам.

Днем развезет, а вечерком заворачивает к гостеприимной хозяйке разделить скромную трапезу после трудов своих.

А тут такая неприятность — исчезла приготовленная трапеза!

С копченым рубцом, если правду сказать, недоверчивая хозяйка сама промахнулась. Не поверила в праведность батраков: «Не посмотрят ведь люциферы, что святой пост! Возьмут да и переполовинят грешную поросятину!..»

Порассуждав так, набожная Олимпиада взяла рубец и повесила на веревочке в надежном месте — в амбаре, приказав любимому псу: «Терпеливо сторожи!.. Слышишь? Не нюхай! Это ужин батюшки!..»

А кудлатый охранник все это дело и испортил. Не понял хозяйского наставления: отворачивай морду, не нюхай! Любимый пес не оправдал высокого доверия — понюхал. И, забыв хозяйкину заповедь: «Не для твоих собачьих челюстей готовили!» — взял рубец и трепетно перевесил с хозяйского колышка на свои зубы.

В зубах осторожненько перенес в густой бурьян и там благодарно умял. Хорошо постарался песик, до крошки умял, — когда мы пришли в бурьян, то на месте завтрака сиротливо лежала лишь одна веревочка…

— Вася, — спрашиваю, — разве отец Иоанн станет в пост, в петровку, есть рубец?

— Станет! Будет есть. Это батюшка с амвона внушает людям: грех да грех!.. А сам уплетает, даже хрустит!.. Я тебе, Сашко, расскажу, что я сам слышал и видел… В первый день великого поста Комар поехал в город подкрашивать плащаницу. Говорили, что с плащаницей случилась беда: упала свечка и прожгла Иисусово колено. Хозяин поехал, а батюшка с великопостной молитвой во двор въехал.

Ношу я на кухню солому, тетя Мотя кухарничает. Яства всякие готовит да яйца варит. (Отец Иоанн страсть как любит вареные яйца.) Принес я соломы раз, другой — смотрю, а бедная тетенька Мотя стоит возле печи, дрожит и крестится.

— Что с вами, тетя? — спрашиваю. — Чего вы дрожите?

— Как не дрожать? В нашей хате такое диво. Отец Иоанн чудо сотворил!

— Какое чудо? — переспрашиваю.

— Внесла это я вареные яйца и поставила на стол. Батюшка взяли, перекрестили яйца да и говорят: «Пусть сия мзда превратится в картошку!»

— Ну и что же, — спрашиваю, — превратились?

— Превратились, голубчик, превратились. Отец Иоанн очистят скорлупу с яйца — да яйцо в рот, да в рот. Лезет яйцо в рот, словно картофелина!.. Боже, боже! Побегу маме расскажу, какие на свете чудеса бывают!

Сомнение меня взяло. Не может быть, чтобы отец духовный пошел на такой обман: в первый понедельник поста яйца ел. Ну и Вася! Ей-ей, выдумки выдумывает!

В этот день хозяйка ласково разрешила нам остаться дома, поработать на хозяйском дворе.

— Пускай скотина в загонах отдохнет, — приказала. — А на ночь погоните на луга попастись…

Нам что? Делай, как велят.

Вечером забегаю в хату, чтобы сумку с едой на пастбище прихватить. Смотрю, дверь в гостиную открыта. На столе — чего душа желает. И выпить, и закусить… Гость и хозяйка роскошно святую петровку встречают…

Отец Иоанн навеселе посреди хаты стоит в штанах. В таких штанах, как все люди носят… Стоит и басом тянет: «Ревела буря…»

Пел, пел, а потом, схватив хозяйку за талию, начал танцевать и другую песню петь.

Олимпиада тоненьким фальцетом подтягивала и, вырвавшись из объятий, начала возле отца Иоанна игриво, как волшебная фея, полукругом перышком кружить. И скоком, и боком, и сюда, и туда, и скачет, и подпрыгивает… Язычком дразнит, глазом подмигивает, пальчиком кивает… Словно лихие бесенята вселились в молодую Олимпиаду. Хозяйка такие коленца выкидывала, что я от удивления на ночь перекрестился. А она высунет язык и меленькими шажками бежит, бежит и, подбежав к отцу Иоанну, хлоп нежной ручкой по губам!

То перевернется, то начнет лихо кружиться… И, о господи, прости, по тому месту, каким хозяйка ловко и крутила, и вертела, отец Иоанн в свою очередь награждал легоньким пришлепыванием пастырской ладони.

А потом… Боже праведный! Померещилось ли это мне, или какое-то наваждение было? Отец духовный снял с себя золотой крест и этим церковным крестом начал крестить хозяйку. Ударит и скажет! «Да святится!…» Олимпиада хохочет, даже заливается. Ей, очевидно, импонировало такое внимание! Кругом освящает…

Всевидящий! Узрел ли ты с небесной высоты? Где же ты, церковная правда на земле?

Схватил я котомку и быстро побежал к возу.

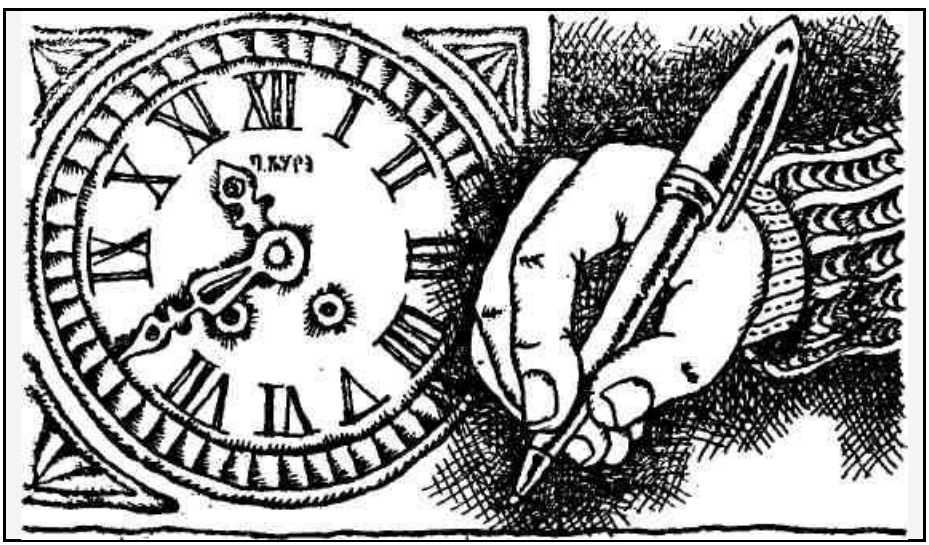
— Видел? — спрашивает Вася. — Вот она, поповская правда! Так нас и дурачат. Поехали… Правду грузчики у брата говорили: «Поповская религия — опиум для народа…»

Поздней осенью мы распрощались с Комарами. Пошли в город искать людской доли.

Я глубоко верил Васе: сообща людскую долю найдем, Без царей, панов и попов!

ПОЧЕМУ Я НЕ СОКОЛ, ПОЧЕМУ НЕ ЛЕТАЮ? Хроникально-юмористическая повесть

Светлой памяти дорогого сына Тараса, который храбро и мужественно боролся с фашистской ордой и погиб на поле брани.



1

Откровенно предупреждаю — в моих записках никаких теорий не будет.

Вот не будет, и конец!

Меня спрашивают: каким ветром вас в смехотворцы занесло?

Какие на вас жизненные факты влияли? Что вас толкнуло за перо взяться? Не привлекали ли вас иные занятия, — например, поднимать гири.

Расскажу. Расскажу, не мудрствуя лукаво.

С детства меня влекло ко всяким штуковинам. Увлекался и гирями.

Почему, спросите, слабенького, хилого мальчика к тяжелой

гире потянуло?

Скажу — властный кулак Саранда всю землю захватил. Заграбастал ее до самых крестьянских огородов. Жаднющий-прежаднющий был — воды из колодца не разрешал брать.

Стою я, караулю — не вынырнет ли изо ржи ненавистная чумарка[11].

Стерегу — пусть люди воду берут.

Переступаю с ноги на ногу, в носу ковыряю и на облака посматриваю.

Думаю: «Чому я не сокіл, чому не літаю? Полетел бы над просторами, высматривал бы, по какой меже ненавистный кулак ползет. Не прозевать бы жадюгу».

И вдруг кто-то огрел меня кнутовищем по спине так, что даже в воздухе засвистело.

— Размечтался? А на чьей земле ты размечтался? Ведь на моей кровной стоишь! Траву топчешь, поганец!

Да кнутом, кнутом. По ногам, по ногам. По голым ногам.

Вот тогда и запала мысль: придумать здоровенную-прездоровенную гирю. Вот такую!..

Всем миром раскачать и в кулацкий колодезь — бух!

«Вот тогда, — думаю, — булькнуло бы! Пей, жадюга, воду. Чтоб тебя зола выпила!»

Всякие мысли возникали. Да вот кнут и кнутовище останавливали. Там не стань, там не сядь, туда не ходи, того не бери.

Плохоньких яблочек и тех не рви. Ведь это не твое, чужое — хозяйское…

Сорвешь — бог покарает. Съешь, а черт из болота уже зовет: «Клади язык на адскую сковороду. Будем жарить и поджаривать».

Словом — били, стращали и пугали.

Страху нагоняли и в другом отношении — не бери книгу в руки! Не читай!

В земской школе со мной учился один кулачонок. У его отца был полный чулан книг.

Говорили, в Полтаве на пожаре наворовал. Люди пострадали, а он и на людском горе не прозевал — библиотеку и обгорелые ботинки спас. Сжалился…

Повадился я к этим книгам. «Любитель спасенной словесности» в одно воскресное утро застал меня на месте преступления.

— Это ты, сопливый, к моим книгам прилип — рассматриваешь и читаешь!

Схватил палку и за мной. Прижав книгу к груди, я бежал от него изо всех сил. О терн штанишки порвал, ноги колючками

исколол, но рассказов Антона Павловича Чехова из рук не выпустил.

2

Художественное слово я с детства полюбил. Правдами и неправдами книжечки собирал и в сарае прятал. Мама, бывало, скажет:

— Пойди, сыночек, в сарай. Я там вчера сито повесила. Пойди принеси.

Иду в сарай, а в сарае моя библиотека была. В плетеной кошелке на стене. Моя рука тянется к кошелке, и вот я уже в бузине.

Сито совсем вылетело из головы. Слышу — зовут.

Прибегаю.

— Ну?.. Принес?..

— Нет.

— А где же ты был? Где сито?

— Забыл.

— Как ты там своей головы не забыл!

Чуть только выдалась свободная минута — и я к кошелке, к любимым книгам.

Старшей моей сестре Сане мама не раз говорила:

— Тоненький, худой, одни глаза блестят. А почему, спрашивается? Книжками голову себе забил. Санька! Возьми книжки да в мякине или в полове спрячь. А то зачитается, глупенький!.. С ума-разума сойдет. Припрячь, доченька!

Только дед Спиридон моей науке сочувствовал. Трубку не курил, а водочку пил. Выпьет и навеселе ласково скажет:

— Аз… буки… веди… глаголь… Читай, читай… «І старчата, і панята, усі Адамові діти…»

Дед Спиридон не имел ни хаты, ни земли. Печником был. Ходил по селам и хуторам и печи ставил. В трудовых странствиях и богатую словесную шкатулку приобрел. Множество народных поговорок знал. Бывало, за словом в карман не полезет.

Вспоминаю: о зазнавшемся панском лакее в селе не стесняясь говорили:

— Где-то он одну клепку потерял. Что и говорить — смекалистый, а глуповатый… Глуп так, что и не приведи господь!

Так вот тот лакей возле лавки с гонором доказывал:

— Мужицкая голова горшок горшком. Сам бог Саваоф мужику правильный путь указал: «Паши и босыми ногами стерню топчи!»

Дед Спиридон слушал-слушал его и не стерпел обиды:

— Знаете что, человече! Если кто скажет, что вы умный, плюньте ему в глаза.

Нужду, горе людское дедусь одним лекарством лечил: время от времени водочкой заливал.

Выпьет и вздохнет:

— Пошла по животу, как брехня по селу!

Такая тогда в селе была мрачная пора. Не один мой дед, труженик-работяга, слезы свои в рюмке топил.

Чистенькой в стакан нальет, луковицу в соль обмакнет и выйдет в сени.

— Куда вы, дедушка? — спрашиваем.

— Пойду, детки, мороз пугать.

Вернувшись в хату, дед спешил понюхать хлеб.

— Что, — спрашиваем, — напугали мороз?

— Испугал, испугал… бежал он, поджал хвост и огородами, огородами прямо в лозняк помчался.

Интереса ради и я однажды тайком это страх наводящее зелье попробовал. Вонючее, жгучее и горькое.

— Дедушка! — говорю. — Какое же оно горькое!

— Эге-ге!.. Горько глотать, да жаль отдавать.

Хороший нрав у моего деда был. Всегда от него веяло жизнерадостным, оптимистическим ветерком.

Я и сейчас иногда думаю-гадаю: откуда у малограмотного сельского пролетария родилась глубокая, убежденная вера в счастливое будущее?

Увидит волостного старшину, урядника или стражника и гневно бросит вслед:

— Пошли лютые собаки! Ох, внучек, внучек! Грянет гром великий, и разразится буря грозовая. С бурей, с громом пройдут ливневые дожди и снесут супостатов с земли. Засияет весеннее солнце, и обрадуются люди. И ты станешь свободно читать свои книжки, свободно смеяться.

Никогда не забыть мне дедова пророчества. Как в воду глядел.

Огнем полыхал его гнев и на панов и подпанков. Всем своим трудовым сердцем ненавидел он кулаков-мироедов.

Порой в семейном кругу возникали такие нелады, такие ссоры — кажется, и вовек не преодолеешь их.

Спокойно подойдет дед Спиридон к спорящим и скажет:

— И чего вы грызетесь за сухой кизяк? Погрыз сам, дай и ему погрызть.

Шутка деда сразу утихомиривала — спор утихал.

Порой я и думаю: если мой дедусь и не успел внуку всей

мудреной шкатулки передать, то юмора я у него позаимствовал немало.

3

В детстве мои познания в технике дальше лемеха и плуга не простирались.

Поезда, паровоза, железнодорожных путей я не видел и не знал — скачут они или летают.

Железную дорогу родители называли чугункой. Бежит она по земле, возит людей, режет их.

Как-то нас с сестрой отправили в Полтаву за лекарством.

По дороге домой мы заблудились, поехали окольным путем. Отпустили вожжи — пусть конь сам дорогу ищет — и сидим на возу, плачем.

Слышим, где-то далеко поезд бежит. И вдруг паровоз как загудит — гу-гу-гу!

А мы едем по хлебам, степью, едем по высокой ржи.

Паровоз гудит, а сестра плачет:

— Он нас догонит. Догонит и зарежет.

— Чудна́я ты, — говорю. — Паровоз по ржи не бегает. Он бегает по просу.

Мои знания в биологии и зоологии были еще слабее.

Знал только, что поросенок имеет четыре ноги, маленький хвост и большие уши. Хрюкает. Рылом роет землю, ищет картофель.

Тяжелая, горькая доля была у наших матерей, которые в слезах и муках нас родили, выходили и выкормили.

А нас, маленьких, все прибавлялось и прибавлялось в семье. Шестнадцать человек народилось.

В селе так и говорили: что ни жатва, то и новый ребенок.

4

В первые советские годы я работал в милиции. Не знаю, где как, а полтавская городская милиция в те времена и вопросами культуры и искусства занималась.

Как это делалось?

Приносили, скажем, коротенькое либретто кинопьесы, я читал, толком ничего не понимал и — пусть бог простит — с легкой руки ставил визу «разрешаю».

Кинокартины доставлялись организованно, но завозились и

частным образом.

Известный русский киноактер Салтыков в картине «По диким степям Забайкалья» сам играл и сам ее по городам демонстрировал.

А какой-то коммерсант даже притащил кинокартину «Жизнь, распятие и вознесение Иисуса Христа».

Вот здесь моя «легкая рука» заколебалась — что делать?

Я никак не мог представить, какие функции сын божий будет исполнять на киноэкране.

Побежал согласовывать: как быть? Пусть возносится Христос или, может, еще подождет?

— Пусть возносится, — сказали мне. — Пусть люди посмотрят. Ты только пойди проверь, куда он там будет возноситься.

Пошел. Сопровождать картину пригласили духовой оркестр.

Соответственно каждому сюжетному событию оркестр точно выдерживал музыкальный тон.

Когда на экране божьего младенца нашли в яслях, дирижер взмахнул палочкой и оркестр заиграл:

Ой у лузі, та ще й при березі, червона калина.
Спородила молода дівчина хоро-хорошого сина…

А в кульминационный момент картины, когда Иисус возносился на небо, оркестр во все трубы ударил «Польку-кокетку».

Оно и понятно — под музыку легче возноситься…

5

Со временем пришлось попотеть и на низовой работе — секретарем сельсовета.

Если хороший председатель сельсовета, хорошо и работать… Но вот не повезло мне, попался плохой председатель. Пил.

Пил он по графику: утром душу заливал, вечером глаза промывал…

Сядет на вверенную ему кобылу, поедет по вверенной ему территории — и готов.

Промокнет так, что хоть выжимай его.

Порой делал и похуже, пропивал государственное имущество.

Прислали из района запрос: куда исчезла пожарная бочка?

— Разве я знаю. Кто-то, наверное, ноги ей приделал, она и ускакала…

Кобыла председателю попалась норовистая. Трезвого везла, а пьяного сбрасывала.

В один июльский вечер она сбросила его в овраг.

Пошли суды-пересуды, в газету заметку поместили: «Как голова головою в овраг полетел».

Хоть круть, хоть верть — насели на меня его приятели: почерк, мол, у тебя красивый, пиши опровержение.

— Не умею.

— Мы тебе продиктуем.

Продиктовали следующее:

> «Кобылу Машку в селе Левенцовке какой-то черт напоил брагой. Дьявольская скотина пила, пила и перепилась. И, будучи в нетрезвом состоянии, слетела в глубокий овраг. В это время на кобылячей спине при исполнении служебных обязанностей сидел председатель сельсовета, уважаемый Иван Иванович. А селькор не принял во внимание реальную обстановку и сфантазировал… Еще и дописал: Иван Иванович ползал по оврагу и лизал молочай. Молочай, мол, слепил ему губы так, что он целую декаду потом не раскрывал рта. И этот каверзный пункт опровергаем: рот разлепили на третий день по народной медицине…»

После опровержения немедленно состоялись перевыборы.

6

Призна́юсь по секрету — больше всего меня привлекали и поныне чаруют поговорки и коротенькие рассказы из народного быта.

Правду говорят — юмора в народной речи столько, хоть лопатой греби!

Успевай лишь зерно к зерну подбирать да поглубже укладывать.

…Во время оккупации в нашем селе остался старый, но крепкий дед Грицько.

Ходил, покашливал, к новостям прислушивался — скоро ли сломают хребет палачу-супостату?

Верил Григорий Григорьевич, что придут наши. Прилетят сыны-соколы.

Иногда со старушкой и в церковь забегал — за здравие Миколы, Ивана и Степана молебен отслужить.

Спросят их: сыновья? Первой вытирала губы старая мать:

— Да!..

— А где они?

— Да!.. Где же!..

Что поделаешь — немногословно. Терпи. Оккупация.

К счастью стариков, оккупанты не знали, что Микола, Иван и Степан — советские артиллеристы. Из дальнобойных орудий они здорово фашистов лупили.

Не знал и староста — он из далеких краев, высунувши язык, прибежал полтавское село рвать и терзать.

Не зная об этом и желая широкие колхозные поля разделить на мелкие единоличные куски, он пригласил Григория Григорьевича в «комиссию».

— Дядько Грицько! Вы старый житель села. Знаете, где чья десятина. Пойдемте межи определять.

А под Лубнами уже победно гремели советские пушки — так, что даже земля содрогалась. И дядько Грицько ответил старосте:

— Сказали, межи определять?.. Слышите, вон уже и колья забивают!..

7

Смешное мне с давних пор нравилось, нравится и поныне. Меня очень трогают произведения русских, украинских и зарубежных сатириков-юмористов.

Вон какие мудрые зерна рассыпаны всюду! Начнешь читать книгу, не оторвешься! Как будто тебя к ней толстой веревкой привязали.

Читал для развлечения, а позже убедился: смех — великая сила!

Смех пропалывает бурьян и чертополох. Спасает людей от обмана и духовной отравы.

В двадцатые годы я написал антирелигиозную юмореску «Как меня учили».

Поскольку речь пойдет о стиле, о творческой манере, о заимствованиях и влияниях, приведу эту юмореску полностью.

«Как меня учили».

Ходил и я когда-то в школу. Надевал отцовские сапоги, мать подпоясывала каким-то обрывком, и я ковылял.

Сапоги — большие, ногти — большие, волосы — длинные, взлохмаченные. Но об этом никто мне ничего не говорил. Гигиена тогда на селе не водилась.

Приходил, и сразу начиналась наша первая лекция:

— «Отче наш…»

Становились мы в ряд и пели. А пели мы отчаянно. Кто куда хотел, тот туда и тянул.

Тогда батюшка, который был у нас лектором и главным воспитателем, подходил ближе, брал за ухо и подтягивал:

— «Иже еси на небеси…»

При этом он обращался с вашим ухом так, будто это было не ухо, а какая-то никчемная шкурка.

Берет, бывало, баса за ухо и тянет вверх, пока не вытянет до дисканта.

Потом выходил вперед и учил:

— Сколько я вам, дурням, говорил: когда воздается молитва господу богу, не чешитесь. Ты! Чумазый!.. Чего мух ловил, когда «и не введи нас во искушение» пели? Стань в угол!

Затем начиналась другая «лекция».

— Ага!.. Ну ты скажи: чем прикрывали свое грешное тело Адам и Ева после искушения дьяволом?

Мой сосед по парте Грицько шмыгал носом, хлопал глазами и наконец бухнул:

— Они прикрывались рядном.

— Олух царя небесного! Ступай в угол. Скажи ты.

Это ко мне. Я долго не думал.

— Лопухами! — отвечал я. — Потому что мама говорила, что ряден в раю не было.

— Ослица валаамская! Марш и ты в угол!

В углу нас все больше и больше прибавлялось. А парты пустели.

На этом наша «премудрая лекция» заканчивалась. И хорошо, что она закончилась на веки вечные».

8

В довольно большом селе Зачепиловке на Полтавщине свили себе теплое гнездышко всякие святоши: автокефалисты, иекзархисты, баптисты…

Многих людей черной паутиной опутали.

Летом 1928 года в Зачепиловку поехала культурно-

артистическая бригада.

И я, молодой автор, к ним пристроился.

Хороши жаркие августовские дни, замечательны и августовские вечера. Чуть только начало темнеть, как возле школы люду крестьянского собралось видимо-невидимо.

Новость-то какая — артисты приехали!

Артисты играли и пели. В заключение — юмор.

С волнением начал я читать антирелигиозные юморески. Читаю людям, которые по возрасту мне в отцы годятся.

Смеются. Читаю дальше — хохочут. Подходят ближе.

Из деликатности я спросил:

— Может, оно что и не так… Может, оно кого-то и оскорбляет.

Пожилой крестьянин с приятным лицом и густой седой бородой, который совсем близко подошел к повозке — сцену на повозке устроили, — неширокими крестиками раза три перекрестился и сказал:

— Читайте! Ей-бо! Читайте! Сейчас уж такое пошло… Не разберешь… кто врет, а кто правду говорит — автокефалисты или иекзархисты.

Из толпы раздалось:

— Все попы правды хотят! Дай им курицу или гуся.

— Да… Сунешь цыпленка, так еще и нос воротит. Кричит — за венчание давай поросенка!

А голоса все громче, все больше их раздается:

— Читайте еще! Спасибо, что приехали. Прочитайте еще один-два рассказа, да и пойдем по росе ячмень косить.

На квартиру меня устроили к фанатичке-евангелистке… Передавали, сама попросила привести к ней писателя.

Она думала — собью молодого юмориста с нечестивого пути. И поплывет окаянный насмешник в светленькое, чистенькое озеро иеговистское…

Пришел. В хате чисто, аккуратно. На белых стенах черными буквами густо выписаны главные евангельские притчи.

— Садитесь ужинать, а я вам откроюсь, — промолвила хозяйка. — То, что пели, то, что играли, это такое… И угодное богу, и неугодное. Вот вы!.. Вы братьев и сестер в соблазн ввели… Хохочут, окаянные… Греховно смеются…

Молча ужинаю, а в голове мелькает: «Кусает! За живое хватает! Хоть бы и вашего пресвитера за печенки схватило!»

Хозяйка всю ночь не спала. Сама не спала и мне покоя не давала — упрекала. Между вздохами и укорами слышу — и усмехнется, а то и засмеется.

Досадно и обидно: молодая, красивая женщина, а в такие

удушающие евангельские сети попала. Сама попаслась и доверчивых соседок втягивала. Довольно долго продолжалась наша утренняя беседа.

…Прошел год или полтора, и вот в Красноградe я встретил завклубом из Зачепиловки. Вспомнили вечер, вспомнили и хозяйку.

— Ну, — спрашиваю, — как она живет-поживает?

— Порядок! В самодеятельности сольно поет: «І хліб пекти й по телята йти, коли б мені, господи, Василя знайти!..»

Ах! Как нужен нам юмор! И та сатира, что острее, чем секира!

9

Вспоминаю, в двадцатых годах приходит в село газета «Вісті».

Я беру в руки свеженькую газету, разворачиваю, всякие новости глазами пробегаю и слышу, издали кричат:

— Сашко Иванович! Это у вас новая газета?

— Новая, — отвечаю. — Только вот принесли.

— Читаете?

— Читаю.

— А там что-нибудь пишет Остап Вишня?

— Пишет! Вот начну читать.

— Не читайте, пожалуйста, подождите. Я и куму Мотрю покличу, вместе прибежим и послушаем.

А тетка Мотря к мужу:

— Юхим! Что ты той кобыле в зубы заглядываешь… Господи! Что за человек, иди, вон люда сходятся, будут слушать, что смешное описывает Остап Вишня.

— Остап Вишня?.. А где читают?

— Вон там под берестом! Сашко Иванович уже развернул газету.

— Так попроси, пусть подождут. Я вот кобылу привяжу и бегу.

Приходят газеты, я беру «Вісті» или «Селянську правду» (позже «Радянське село»), иду к бересту — излюбленное место для массовой читки, — раскрываю газету, и издалека раздается:

— Аго-гов!.. Сашко Иванович! Ей-богу, не иду, а лечу. И баба моя плетется. Секлета! Иди быстрее. Тащишься, как та черепаха. Видишь, люди давно уже стоят, ждут…

Газета с юмореской Остапа Вишни пришла — будит всю улицу. Малое и старое к бересту сходится. Тогда позже, после чтения:

— Кума! Неужели вам трудно было по дверцам трахнуть:

«Эхма, кума! Вылезай, слышишь, Вишня под берестом стоит, зовет — подходите!»

Раскидистый берест на нашей улице — это место, где решаются общественно-культурные дела. Сюда вот и сходились.

Я держу развернутую газету. Тишина — ни звука.

Первым нарушает тишину Петро Локошко. Уважаемый в селе человек, участник революционного восстания на броненосце «Потемкин». Петро Охримович подходит ко мне ближе и, улыбаясь, просит:

— Начинайте, спасибо вам.

Только собрался начать, очки на нос нацепил, как в эту минуту тетка Мокрина прибежала с дочкой Оксаной и говорит:

— Замолчи! Становись вот здесь! Не причмокивай, рот раскрыла! Закрой и слушай!..

Чтение юморески или фельетона Остапа Вишни — это был праздник в селе.

Смеялось возрожденное село. Новое советское село торжествовало: фельетоны Вишни клеймили и остроумно разоблачали косность и кулацко-поповское мракобесие.

Двадцатые годы — это были годы наивысшего расцвета творчества Остапа Вишни.

Я живой свидетель сатирического мастерства нашего славного художника и утверждаю: произведения Остапа Вишни лежали на столе у каждого хлебороба-труженика. Неоценимо влияние его произведений на развитие социалистической деревни.

Слыхал и собственными глазами видел, как торгаши, ворюги, хапуги на чем свет стоит проклинали юмор Вишни, а кулаки из ненависти к революционной сатире юморески и фельетоны Остапа Вишни рвали, раздирали в клочки.

Несколько строк о стиле и силе чародея смеха. Вспоминается и то, как сердечно и тепло приветствовали и гостеприимно встречали автора усмешек.

В своей юмореске «Сами себе вредители» Остап Вишня пишет:

> «Когда-то, давненько, поехал я весной к одному моему приятелю, директору совхоза на чудесной нашей Полтавщине».

Как вы знаете, Остап Вишня держал себя чрезвычайно скромно. Ни в одной его юмореске или фельетоне вы не прочитаете: «Вот меня… вот я… да вот мой брат…»

Скромность всегда и всюду сопровождала Павла Михайловича.

Так и здесь Павел Михайлович умалчивает, к кому он поехал

и кто тепло заботился о полезных птицах — чибисах.

Почитатель полезных птиц — он же и директор совхоза — это родной брат Остапа Вишни.

Совхоз был расположен в Чутовском районе на Полтавщине.

Однажды, узнав, что Остап Вишня гостит у брата своего, крестьяне села Кочубеевки снарядили делегацию: пригласить известного уже тогда писателя-юмориста к себе на литературную встречу.

Приехали в совхоз на лошадях, украшенных лентами и цветами, вплетенными в гривы. На четвертой бричке играла троистая музыка.

Остап Вишня в просьбе не отказал: с радостью согласился на такое симпатичное приглашение. Сел на первую бричку — и айда! Если со стороны поглядеть — в Кочубеевку на бричках катилась пышная свадьба. Свадьба, да и только!

По старинному обычаю, сразу же с дороги пригласили к столу. Стол накрыт белыми скатертями в душистом цветущем саду.

Гостей встретили радушно, приветливо, но с особым радушием гостеприимные хозяева принимали Остапа Вишню. Ему первому — и первая…

Раз попотчевали, второй раз… Кое-кто из друзей засомневался, не повлияет ли гостеприимное потчевание на… не согнутся ли колени?

— Братцы! — спокойно пояснил Остап Вишня. — Не волнуйтесь. Я свои колени хорошо знаю. Они меня никогда не подводили, вовремя доносили до трибуны, а ухватившись за трибуну — радуя смехом людей, смеюсь и я.

И вправду, на встрече в селе Кочубеевке Остап Вишня читал свои произведения великолепно.

А как тепло приветствовали любимого автора — не передать словами. Щедрые, бурные аплодисменты всюду сопровождали его выступления.

На одной из литературных встреч мне тоже посчастливилось присутствовать.

Хотя это и давненько было, но хорошо припоминаю, как из окружающих сел ехали и пешком шли в село Белоцерковка на Полтавщине, чтобы послушать Остапа Вишню.

Столько прибыло, что казалось, не встреча, а ярмарка!

Соорудили импровизированную трибуну. Остап Вишня хотя и тихо читал, но радиоумельцы вмонтировали громкоговорители, и далеко-далеко было слышно голос юмориста. Родители, которые стояли поодаль, поднимали вверх детей-школяров и душевно

говорили:

— Детки! Смотрите и запомните — вон Остап Вишня.

Популярность Остапа Вишни в те годы, как писал Иван Микитенко, воистину достигла непревзойденной высоты.

Коснемся краешком вопроса о влияниях. Юмореску «Как меня учили» я переделывал, чтобы не соврать, раз двенадцать, а может, и больше.

Прочитаю, переделаю, отложу в сторону, снова беру, читаю и — ох! — не то. Не то и не то — не смешно.

Беру и терпеливо переписываю.

Я уже упоминал где-то о том, что в тысяча девятьсот семнадцатом году слесарь-железнодорожник уверял — бога выдумала буржуазия. Выдумала, чтобы рабочий люд в покорности держать, страхом божьим пугать.

В том же году я, вспоминая церковноприходскую школу, сложил устную юмореску «Урок божий».

Лет сорок прошло с того времени. Дистанция, можно сказать, подходящая.

И вот вам — радуйтесь! Получаю открытку. Пишут из газеты «Молодь України».

> «Ваша юмореска «Как меня учили» не оригинальна, она напоминает произведения О. Вишни на эту тему. Печатать не будем. С приветом! Литсотрудник отдела литературы и искусства…»

Очевидно, рецензент имел в виду известную юмореску Остапа Вишни «Как мы когда-то учились» — на тему о том, как сельские ребята проходили школьную науку на пастбище.

Не отрицаю — сходство есть. Обе юморески написаны украинским языком.

Несомненно, великие классики юмора и сатиры: Котляревский, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Квитка-Основьяненко, Чехов и неповторимый чародей современного народного юмора Остап Вишня — все на нас влияли.

Влияли они и на меня. Но как?

Произведения знаменитых учителей читал, перечитывал и учился.

А разве на бессмертного Гоголя не влияли его предшественники?

В своих воспоминаниях Остап Вишня писал:

> «Был ли я последователем кого-либо? Сознательно — нет».

Под этими словами и я подписываюсь обеими руками. Сознательно — нет и нет!

Надеемся, что литературоведы, теоретики юмора и сатиры рано или поздно сделают свое квалифицированное резюме.

На Всеукраинском совещании писателей-юмористов, созванном в редакции «Червоний перець», Остап Вишня говорил: «Порой меня в бок толкают. Вот тот и тот вашим стилем пишет — наследует… Не согласен. Каждый из присутствующих идет своим собственным литературным путем. Имеет свой стиль, свою манеру письма. Что из того, что мы все в своих произведениях используем такие выражения, как «По правде берешь? Чтоб у тебя, хапуга, вот так по правде глаза вылезли!» Значит — не чураемся народных выражений».

Все мы знаем скромность и тактичность Павла Михайловича, но согласен: копировать литературный почерк — вещь, безусловно, невозможная.

Известно — каскадные, чудесные юморески Остапа Вишни и тогда имели и ныне имеют огромный успех у читателей.

Они учили и учат, как следует пользоваться богатейшими сокровищами украинского народного юмора, которыми так талантливо и так непревзойденно владел незабываемый Павел Михайлович.

В свое время я тоже, грешным делом, путал М. Кольцова и А. Зорича.

Читаешь, сопоставляешь — не хмурьте брови, честное слово, терялся. Манера письма и стиль — одинаковые.

Вчитаешься — нет! Ошибся. Стиль, манера письма и сама интонация — разные.

Грешил я и на чудесного писателя-юмориста Капельгородского Филиппа.

Любителя юмора и сатиры я спрашивал, прикрыв рукой фамилию автора: кто?

— Вы еще и спрашиваете, — говорят мне. — Известно кто — Остап Вишня.

Поднимаю ладонь — Филипп Капельгородский.

Что же вы хотите, молод, в литературе новичок…

Филипп Капельгородский вошел в литературу еще тогда, когда Остап Вишня заканчивал церковноприходскую школу, а я под стол пешком ходил.

Пересыпанные народными остротами и шутками сочные юморески Ф. Капельгородского сказались и на нашем творчестве.

Не стану скрывать и другого своего юношеского греха. Сидишь, бывало, в театре, слушаешь комедийные пьесы известных украинских советских драматургов и думаешь:

«Вот тут, наверно, и Павел Михайлович помогал. Юмористическим пером прошелся. Словцо вставил…» Теперь понял, что ошибался. Что грешил, то грешил.

Грех мой простителен. Надо же было знать — как многогранен украинский народный юмор.

10

Очень жалею, что некоторые мои коллеги по перу и до сих пор грешат…

На другие грехи сбиваются…

Избегают и понапрасну вычеркивают из своих произведений сочные народные юмористические словечки и выражения.

Далеко не будем ходить.

Напутствие: «Иди, да смотри утонешь — домой не возвращайся» — советовали вычеркнуть из рассказа, как слабое и невыразительное.

А над словами «чан», «бочонок», «бутыль», «покоробило», «спеленали» вопросительные знаки летали целыми стаями. «Что это за посуда — чан, — тесто в нем месят или нежинские огурцы солят?»

Фраза «писать — не цепом махать» совсем обескуражила защитников сухого, постного…

— Хе! — говорили они. — Откуда ты выдернул такое слово — цеп?

Один литсотрудник честно допытывался: «Ваш рассказ хороший. Беда только в том, что терминология не ясна. Вы пишете: «У кулака от зари до зари на бахче гнули спины пололъщицы». Вы что-то напутали. Разъясните, что такое за агрегат — пололъщица? Опишите форму и марку. Дополните — какой двигатель имеет «Пололъщица». Пересмотрел все технические словари — не нашел».

Я шутя ответил:

«Конструкцию двигателей у пололъщиц описать не берусь. Искать в словарях — бесполезно. Лучше поройтесь в Ветхом завете».

Коллега по перу шутки не понял и с досадой написал: «Выбрасываю! Не протаскивайте контрабандой иностранных слов!»

С горечью должен заметить, — даже уважаемые мною товарищи из рассказов убирают народные, юмористические выражения и заменяют их служебно-инструктивными…

Вместо «яловая» скромненько заменяют «молодая телка».

Неуместная замена не только искалечила, погубила юмористический диалог, больше того — изменила весь смысл рассказа.

Вот что значит выполоть живое слово! Так вот о телочках. В селе никто не скажет: «Вон пошла молодая телка!» А кнутовищем покажут: «Вот та?.. Еще яловая!»

Не так давно у меня с одним литературоведом возник спор. Я написал — гибель. Гибель — в смысле: много-много…

Литературовед украинское «гибель» исправил на русское «губительно».

Я посоветовал прислушаться к народному: «А рыбы?.. Гибель!..»

Языковая изощренность, пренебрежение к остроумным и сочным народным выражениям — вообще вещь вредная, недопустимая.

В юморе это выглядит еще хуже. Исчезает улыбка, пропадает смех.

Остап Вишня писал:

> «Острую сатиру, юмореску или фельетон нельзя написать холодным, пусть самым наилитературным языком».

11

Юмористические классические произведения я частенько читал на сцене. На самодеятельной сцене приходилось и комедийные роли играть.

Писали огромные афиши, а декоративные реквизиты у доброжелателей и сочувствующих занимали.

Дядько Филипп даже плетня не пожалел. Полплетня на сцену приволок.

— Здравствуйте, хлопцы! Вижу, никудышный у вас плетень. А мой плохонький, набок валится, вот я его взял, надвое распилил и говорю старухе: вот этой половиной хату топи, а эту отнесу в драмкружок. Может, пригодится… Говорят — скоро и совсем не будет ни меж, ни плетней. Оно и правда, от этих меж одни неприятности. Слышали, как вчера Варивонова баба разошлась… На меже скакала и дули соседкам показывала. Ткнет и крикнет: «Моя! Хоть задавите — моя!.. Ишь, глазастые!.. Чтоб они вам повылазили — моя межа!..»

— А соседки что? — спрашиваем.

— В хату ушли. Говорят: «Кричи, кричи!.. Чтоб ты онемела!

Вот в школе рассказывали: теперь вся земля народная!»

В том, девятнадцатом, году у нас на сельской сцене большей частью ставили водевили и пьесы комедийного жанра.

Девятнадцатый — двадцатый годы были бурными годами, когда в обновленном советском селе поднимались первые цветущие ростки социалистической культуры.

Поднимались не сами по себе, а расцветали в упорной, жестокой, но благородной борьбе с кулаками-варварами.

И нам, юным, хотелось на сцене острой сатирой раскрыть жадное нутро кулака-мироеда.

Коллективно интермедию написали, коллективно и сыграли.

Скрашиваете: как писали? Не спрашивайте — по содержанию получилась веселенькая, по форме не совсем удачная, слабенькая.

Что же вы хотите — мало мы тогда факультетов прошли… теории никакой не знали.

Да и бедны были, на всю самодеятельную братию нашелся один только галстук.

Как его вокруг шеи завязывать, никто толком не знал.

Играл я какого-то интеллигентика, и хлопцы так туго галстук засупонили, что, ей-богу, даже дыхание перехватило.

С туго завязанным галстуком я и домой пошел. Пусть, думаю, сестры развяжут, — потому что в драмкружке так завязали, что, наверно, и до утра не развязать.

Сестры, спасибо им, сразу справились с ним. А утром просыпаюсь и — о ужас! — нет галстука.

— Где галстук? — спрашиваю.

— Мама пошла корову доить — подпоясалась!..

Так вот об интермедии. В интермедию вставили конкретное действующее лицо: толстенного, хитрого кулака Саврадима.

А были мы молоденькие, тоненькие. Вот и говорим комсомолке Наде:

— Надюша, ты кулака Саврадима знаешь?

— Знаю, — ответила Надя.

— На тебя, Надюша, возлагается миссия — соорудить Петру такой живот, как у Саврадима.

Надя засмеялась:

— Петя! Зачем тебе такой живот?.. Ну и ребята! Придумают же!..

Петр подошел к Наде:

— Понимаешь, на сцене народу покажем… Смотрите, люди добрые, на эту гидру!

— А как это сделать?

— Ищи подушку. Самую большую и самую мягкую.

— Пойдемте к моей тетке. У нее есть подходящие.

Пришли мы к Надиной тетке.

— Что вы, ребята, — урезонивала нас тетка, — тому черту одна подушка не поможет. Нужно обязательно две-одну спереди, другую сзади.

Водевильная сценка удалась на редкость хорошо.

Зрители — пожилые и молодые — уходили со спектакля и громко, на всю улицу возмущались:

— Кровосос! Сколько нашего поту в свое пузо всосал! Погибели на него нет!

— Паразит! Последнюю рубаху с нашего брата сдирает!

— Годами людей плохим хлебом кормит. А сам в три горла жрет! Чтоб его разорвало!

— В амбарах хлеб гниет, а государству не сдает.

— …А ну, хлопцы, давайте завтра пойдем. Проверим…

12

Пришли в амбар к Саврадиму — о-го-го! Тысячи пудов хлеба нашли.

И какого хлеба — одна пшеница!

Грузим мешки на подводы, а Саврадим смиренной овечкой бегает, заискивающе оправдывается:

— Детки! Ребятки! Вот вам святой крест кладу, не знал. Ей-богу, голубятки, не знал. Сыновья подвели… Не сказали, скрыли…

Бегает Саврадим, слезу пускает и, вы понимаете, сам помогает на телегу мешки укладывать:

— Кладите и этот мешочек. Оно ведь и государству надо, и боже, боже, говорят, люди на Волге от голода пухнут. Недоедают, сердешные! Сыночки! Вы же людей не обижайте. Хотя бы по пудику раздайте им. Катите и тот мешочек. Катите, катите… Забирайте! Я вам, ребятки, и сальца вынесу, и колбаски… Только прогоните этого противного голопузника. Глаза мои не глядят на него, антихриста!..

«Антихрист» — это председатель комитета бедноты.

Высокий, с длинными запорожскими усами, в расстегнутой полотняной сорочке, в широких домотканых штанах, он гордо стоял посреди двора и гневно размахивал толстой палкой.

— Хлопцы! Не верьте черной измене! Бей их, католиков!

Убедились — доходит смешное до людей. Доходит сатира! Несовершенная, простенькая, а сердца человеческие расшевелила.

13

Юмореску «Пути и дороженьки», которую с душевной теплотой благословил на выход в свет Остап Вишня, я написал в 1925 году.

Ободренный любимым мастером сатиры и юмора, я собрался с духом и «сочинил», как мне казалось, более содержательный рассказ.

Скомпоновал и понес редактору газеты «Большевик Полтавщины».

— Ты смотри! — воскликнул редактор. — Вот и узнай человека: серьезный, а смешное пишет… Неплохо написано… Ей-богу, хорошо начали. Начало остренькое, и середина не подкачала — острющая… А концовка слабохарактерная… Да! Слабовата…

Возвращая рукопись, порекомендовал:

— Заострите конец, будем печатать.

Начал заострять конец. Заострил так, что и редактор рассмеялся:

— О! Это веретено! Читал, читал, да и говорит:

— Что хорошо, то хорошо… Концовка хорошенькая, и середина плавненькая. А начало — будь оно неладно! — притупилось. Вышло на поверку бледноватым, сероватым… Нет соли! Посолите начало. Солите и солите. Хорошо посолите — напечатаем.

Взялся солить начало. Наверно, с полведерка соли высыпал.

— Это да! Да, да, да! — повторял редактор. — И начало — да, и конец — да! Что да, то да! Середина — нет. Была золотая, а стала ни серебряная, ни медная. Нажмите на середину. Нажимайте и нажимайте.

Редактор и макет газеты показал:

— Видите, вот и место для вашей юморески приготовлено. Не задерживайте — жмите на середину.

Литературным редактором в газете работал тогда известный писатель-юморист Филипп Капельгородский.

— Филипп Иосифович, прошу. Посоветуйте. Просмотрите, будьте добры. Это первый вариант, а это второй. Второй, по указаниям редактора, переработанный.

Филипп Капельгородский внимательно прочитал юмореску и сказал:

— Переработанный отложите и спрячьте в карман. А первый вариант отнесите редактору.

— Угадает, — говорю, — раскусит, и бедному автору попадет на орехи.

— Не попадет. Несите, несите… Смело стучите в дверь.

Постучал я к редактору и смело положил на стол рукопись

первого варианта.

И только положил — смелость исчезла. Стою, дрожу и гадаю: узнает или не узнает?

Редактор прочел и восторженно взял меня за плечи:

— Вот что значит честно поработали. Вот что значит творчески нажали на середину и на конец! Все как надо! Пустим в очередной номер.

Этот случай заставил меня сделать кое-какие выводы.

Однако эти выводы молодым авторам не рекомендую.

Искренне же советую друзьям по перу:

— Написали юмореску, отложите в сторону. Просушите!.. Пусть водичка выпарится…

14

Сидим мы, разговариваем, вспоминаем. Мне говорят:

— Почему вы в молодости ничего на заметку не брали? Хотя бы карандашом устные юморески записывали.

— Эге ж!.. Так-то оно так…

Никогда не думалось и не гадалось, что станешь писателем.

В юном воображении крестьянского парня писатель казался человеком не от мира сего… Представлялся в образе — не более и не менее — как двукрылого ангела небесного…

И обязательно в цилиндре.

Примите во внимание сложность обстановки. Кулаки крепко держали в хищных когтях крестьянский люд. В школе, в церкви твердили: покорись! согнись! ты — нищий! ты умственно неполноценный.

— Беднота? Господь с вами, голодранцам на роду написано вечно крутить волам хвосты!

— …Конечно, конечно… Куда ты, пардон, лезешь, глупый? Иди ко мне… Иди на полное довольствие… Будешь летом овец пасти, а осенью картошку убирать. Вот тебе сочинение и готово… Ха-ха-ха!..

— А может, все-таки?..

— Да нет! Говорите не говорите — не справится! У него и руки не туда стоят.

Рассвет для бедноты наступил в чудесное октябрьское утро. Настало утро вольной жизни трудового человеческого счастья.

Над убогими крестьянскими хатами засияла великая ленинская правда.

Без этого светлого коммунистического в жизни, без ленинской животворной правды мы бы наверняка не смеялись и

не радовались.

Вам, молодым друзьям, скажу: кулаки в деревне долго не успокаивались — каркали. Шипели… Одурманивали…

Тогда-то и появился этот душевный документ, подписанный рукой коммуниста Давиденко:

> «Заслушав на заседании сельсовета смешные произведения, этим свидетельствуем, что весь президиум единогласно и сознательно смеялся. Выступавшие товарищи отвергали кулацкое вранье, и президиум по этому вопросу решил — у хлопца есть талант. Что подписью и печатью свидетельствуем».

15

Как нашему брату приходилось приобретать литературную выучку?

В наш молодой век мы учились писать самостоятельно.

Не могу не помянуть теплым словом чуткого и дорогого учителя, писателя-юмориста Капельгородского Филиппа Иосифовича.

Принесешь в редакцию новеллу, юмореску или стихотворение. Филипп Иосифович отодвинет свою работу в сторону, возьмет вашу рукопись, читает и говорит:

— Хорошо. Оставьте!

На другой день, самое позднее на третий — не терпится, — с волнением снова идешь в редакцию.

Нерешительно входишь и видишь: лежит твой рассказ на столе исправленный, с многочисленными пометками на полях. Рядом — он же, каллиграфическим почерком переписанный рукой Филиппа Капельгородского.

Старый писатель мягко улыбается в седые усы:

— Свой экземпляр возьмите домой. Дома внимательно просмотрите. А это я переписал, напечатаем в журнале (в Полтаве тогда выходил ежемесячный литературно-художественный журнал «Наше слово»).

Так бывало с каждым молодым автором.

— Воспевайте боевые и трудовые дела родного народа. Не спешите с цветами, с соловьями…

Нередко он говорил нам:

— Учитесь, юные друзья, у народа. Любите народ, а врагам не давайте покоя. Сатирой, смехом донимайте мракобесов-попов, кулаков. Это — пиявки.

У Капельгородского был благородный девиз. Безыдейное произведение — пустое!

Когда-то меня потянуло обратиться к седой старине. Замыслом я поделился с Филиппом Иосифовичем.

— О ком будете писать? Кого станете искать в истории? — спрашивает.

— Стану, — говорю, — искать князя.

— Какого?

— Хорошего, добренького, обходительного…

— Добренького?

— Эге ж, эге ж, — говорю. — Скромненького… И чтобы перекликался.

— С кем перекликался?

— Как — с кем? С нашей эпохой.

— Эх вы! Такая у нас эпоха, а вам в голову стукнуло — князя взять в герои. Вы лучше побывайте в селе или на заводе. Там вы найдете настоящих князей, которые куют новую красивую жизнь.

Отсоветовал Филипп Иосифович писать о старине. Пошел я работать в депо, в многотиражку «Стальные пути».

Позднее надолго уехал в совхоз, в село.

Не жалею теперь об этом. В самом деле, лучшая школа — учеба у жизни народной.

Филипп Иосифович охотно знакомил нас, молодых авторов, со своей перепиской с классиками украинской литературы.

Читал нам письма Франко, Коцюбинского, Панаса Мирного, Нечуй-Левицкого.

Мы внимательно слушали Капельгородского, считали его непогрешимым в области творчества.

А в этих письмах перепадало ему, как говорится, вдоль и поперек.

Корифеи хорошее хвалили, слабое тактично поправляли, доброжелательно критиковали.

— Слышите, друзья! И меня, старого, добрые люди учили. Поправляли, помогали. За неудачное — не гладили по головке, били по затылку…

Этот скромный, тихий, слегка горбившийся человек обладал величайшим трудолюбием.

Днем писал юмореску, фельетон или стихотворение, а по ночам засиживался до третьих петухов, работая над произведениями более широкого полотна.

Михаил Афанасьевич Рудченко — родной сын Панаса Мирного — тепло вспоминал об этом прекрасном человеке:

«Филипп Капельгородский и после смерти отца был

у нас частым и уважаемым гостем и при материальных затруднениях охотно помогал нашей семье.

Моя мать, Александра Михайловна, с голоса блестяще аранжировала украинские песни, и Капельгородский любил слушать, когда мать исполняла их на пианино».

16

Еще раз себя спрашиваю: могут ли сатира и юмор религиозный туман развеять?

И сам себе отвечаю: безусловно, могут. Могут и крылья ангелам сломать, и чертей в аду разогнать.

Потому и удивляюсь: почему с книжных полок исчезли чудесные атеистические юморески Остапа Вишни?

Вот где разящая сатира! Вот где острейшая секира!

Секла и сечет волка в овечьей шкуре!

Не найдем в книжных магазинах и антирелигиозных рассказов Филиппа Капельгородского.

Написанные знатоком канонов христианско-библейского учения, юморески Капельгородского блестяще выполняли и выполняют свою благородную миссию: выворачивают наизнанку евангельский кожух.

О-го-го!.. Боже праведный. Сколько там наклеено фальшивой шерсти!

Великий русский философ-мыслитель Н. Г. Чернышевский давно доказал, что без местного колорита и без национальных обычаев, мыслей нет национальных характеров у действующих лиц, правдоподобия в действии…

Так оно и есть.

Оружие сатиры — могучее оружие. И когда его умело, в конкретных, реальных условиях и с местным колоритом нацелить против льстивого сектантства, ей-же-ей, большое это и животворное дело.

Сухой, абстрактный язык, постно-циркулярные лекции, как бы они смело ни хватали бога за бороду, никаких эмоций не вызывают.

Не волнуют людей. Не берут за живое.

Почему бы всем нашим издательствам не издавать антирелигиозных, хорошо иллюстрированных юмористических рассказов «листовками» и «брошюрками»?

Издавали же такие миниатюры украинские советские писатели в двадцатые — тридцатые годы?

Свидетельствую — сами в руки к читателям шли. Почему теперь не издают — трудно понять.

А то, извините, как двинут томище… Цена руки обжигает…

17

Произведения на антирелигиозные темы издают преимущественно в переводах с иностранных языков. Главным образом об иезуитско-католических проделках…

Это неплохо. Пусть все знают, как заморские монахи давили род людской. Околпачивали и околпачивают доверчивых.

Но пора приняться и за «домашних» монахов-попов. Пора побеспокоить христолюбивое воинство сектантское.

Мне часто приходится путешествовать по колхозам. Бываю, разумеется, в клубах, библиотеках.

Молодая, с высшим образованием библиотекарша рассказывала:

— Переводные антирелигиозные рассказы написаны искусно, мастерски. Но по своему содержанию и краскам недоходчивы. Пробовала я громко читать их. Слушают, зевают и говорят: «Что же вы, голубушка, хотите — нехристи… католики!.. И отец Иоанн на проповедях предостерегал: «Не верьте еретикам! Супостатам!..»

Как-то летом в колхозном клубе я слушал лекцию на антирелигиозную тему. Лектор главным образом останавливался на творчестве философов и историков древних веков. Вспоминал Плутарха, Флавия, Диогена, Сократа…

Стиль — пышно-путаный… Из клуба выходит бригадир.

— Василий Иванович! — спрашиваю. — Как?

— Да как вам сказать. До лекции я знал — не было Христа. А вот теперь, прослушав лекцию, растерялся. Может, и был…

А о том, что в этом селе отец Иоанн три дня подряд в помоях святой крест обмывал и помойное ведро обнимал, лектор ни одним словом не обмолвился.

С досадой замечаем — не учитывает лектор конкретный местный колорит.

18

Заскрипела дверь — кто-то вошел. Взглянул, и радостно стало: дорогой гость приехал. Вошел Володя Сосюра — в кожаной куртке и сапогах. Смуглый, мечтательный… Не сказав ни

«здравствуйте», ни «прощайте», встал посреди комнаты и начал читать:

О, недаремно, ні, в степах гули гармати,
І лллялась наша кров, і падали брати…

С Володей я дружил, можно сказать, с самых юных лет. Был живым свидетелем рождения его поэтического таланта.

Володя читает, а я каждое его слово жадно ловлю.

Читал юный Сосюра неповторимо.

Вот он стоит, родной, близкий, а слушаешь — и мурашки по спине бегают.

Изумительно читал:

Я твій син і поет,
І до тебе я лину
Крізь моря ліхтарів…

Вспоминаешь те времена, даже дух захватывает от радости. Намеренно подчеркиваю — те времена. Особенно волнующие, когда рабочим и крестьянам впервые широко открылись двери в храм литературы и искусства.

Ох! Какое великое творческое счастье заглянуло нам в глаза. Заглянуло реально и величаво. Сын шахтера, мой друг Володя, — выдающийся украинский поэт.

В тысяча девятьсот двадцать седьмом году Владимир Сосюра почти все лето жил у меня. Жил я тогда в Полтаве, на улице Евгена Гребенки, № 23. С улицы вдоль окон красовались стройные тополя. Во дворе цвели белые акации. Запахи цветов, чудесная природа на Володю навевали новые и новые строки.

Как-то один педагог спросил Сосюру:

— Владимир Николаевич! Ваши произведения помечены тысяча девятьсот двадцать седьмым годом, — где вы их писали?

Володя кратенько ответил:

— Полтава, улица Евгена Гребенки, двадцать три.

Работал Владимир Сосюра плодотворно. Особенно по утрам. Напишет и всей семье читает.

Слушая его стихи, мне всегда хотелось спросить:

— Володя! Друг мой! Скажи — какая сила вдохновила музу твою? Кто наградил тебя чарующим даром певца? Кто так щедро одарил тебя талантом? Кто? Интуиция или вдохновение?

Извините, но Владимир Николаевич в свою первую поэтическую весну доказывал мне — вдохновение!.. Интуиция!..

И Володя, и я глубоко верили: наверное, родятся такими люди.

Говорю, и говорю душевно и сердечно, Владимир Сосюра в молодости, даже в ранней молодости, значительно лучше, сильнее, чем я, понимал — во имя чего и для кого он творил свою чудесную «Червону зиму».

Не скрою, я уже тогда глубоко верил Володе Сосюре. Верил не только в его выдающийся поэтический дар. Верил ему как коммунисту и человеку, который убежденно возвещал:

В земний сонячний Едем
Лиш ми, комунарі,
Тебе, народе мій, ведем.

…Одесса. Зима 1920 года. Владимир Сосюра и я, вытянувшись в струнку, стоим в рядах красноармейской части.

На площади — парад, точнее — всенародная манифестация в честь замечательных событий: в жестоких боях из родной земли в три шеи вышвырнули помещичье-деникинское нашествие.

На землю падает густой снег. Кружит, снижается и мягко тает. Потому что тепло. Тепло в природе, тепло на сердце.

Возвестили — нет панов, нет палачей.

Да здравствует жизнь!

Признавал, признаю и вечно буду сердцем и душой говорить — если бы я не встретил в тот бурный год Владимира Сосюру, этого благородно-возвышенного певца революционного народа, не знаю, что б со мной было… Очевидно, канул бы во мрак…

Как много значит — человек для человека!

Изгнав из Одессы белогвардейско-деникинскую орду, тут начали формировать новую красноармейскую часть — Первый Черноморский полк.

В эту новую часть влили и нас.

Возникает вопрос: какими путями Владимир Сосюра и автор этих строк попали в Одессу? В новосформированный полк?

Мы с Володей попали к белым в плен, и нас, оборванных и истерзанных, в товарном поезде, в холод, приволокли в Одессу.

Там ждала нас печальная участь. Кто-то крикнул, что кровавые белогвардейские счеты бешено выщелкивают конец…

И вот — счастье! Великое человеческое счастье! В ясное зимнее утро где-то близко зататакала пулеметная лента, и вскоре к лагерю пленных подскочили разгоряченные всадники с красными звездочками на шапках: наша армия освобождала

Одессу от белогвардейско-чужеземных захватчиков.

Это знаменитое событие случилось примерно в начале февраля 1920 года.

Приходим с занятий, немного отдохнем, а потом красноармейцам художественные произведения читаем: Володя громко и увлеченно передает огненную поэзию Пушкина, Шевченко, я — басни Леонида Глебова, Демьяна Бедного…

Нас с Сосюрой связывала теплая дружба — всюду ходили только вместе.

Припоминаю, в то время в Одессе свирепствовал лютый холод, и мы, чтобы теплее было, спали на одной кровати, двумя одеялами накрывались.

В один из тихих вечеров тогда Володя поделился со мной глубоко личным: «Я, — сказал шепотом, — пишу стихи».

Я от этой новости даже подпрыгнул: Володя сочиняет! Да еще — стихи!

А потом попросил:

— Почитай!

Володя отказался читать — хлопцы спят, но на другой день зазвал меня в укромный уголок и начал:

Ми в сонячній журбі віки на вас робили,
З крові й кісток своїх складали вам дворці,
З глузливим реготом тяли з нас соки, жили
Ви, паралітики, життя мерці…

После этого «публичного» выступления Володя вошел во вкус: бывало, ходит по казарме, машет руками и вполголоса читает.

Меня, как ближайшего друга Володи, красноармейцы расспрашивали:

— Что с ним? Не того?..

— Нет, — говорю, — как раз того. Володя поэтическими строчками слагает письмо родной матери.

— Эге? А какое ж это письмо?

— Пишет: «Мама, я живой. Живу и к тебе вернусь с победой!»

— О, это хлопец наш, родной, дорогой! Пусть пишет!

Порой меня спрашивают, когда и в какое время Владимир Сосюра начал создавать знаменитую поэму «Червона зима»?

Вечерами — хорошо припоминаю — Володя в каком-нибудь уголке читал мне небольшие отрывки. Теперь, читая и перечитывая поэму «Червона зима», я вспоминаю прослушанные тогда строки.

Именно в Одессе зазвучали первые строки вдохновенно-чарующей поэмы «Червона зима».

Как-то Петро Давидович Моргаенко высказал резонное предположение:

> «Не может быть, чтобы такое, можно смело сказать, эпохальное произведение — сразу, одним поэтическим порывом, как кое-кто утверждает, вспыхнуло в Харькове. Мы склонны верить в то, что поэма «Червона зима» шла вместе с автором в боях с белогвардейской ордой».

Высказанное одним из видных наших литературоведов мы всецело разделяем: «Червона зима» рождалась в жестокой борьбе с краснохвостыми конкистадорами и в той кипучей борьбе за волю, за счастье трудового народа, наверное, и родилась его огненно-революционная поэма.

Находясь в Одессе, Володя сначала один, а потом и меня повел к тогда уже известному русскому поэту Эдуарду Багрицкому. Помню: Багрицкий тепло встретил нас, усадив, кивнул головой в мою сторону, спросил:

— Не собрат ли?..

Сосюра, улыбаясь, шутя ответил:

— Еще не пишет, но будет писать. У него вроде начинают прорезываться коренные…

В доме Багрицкого, как мне показалось, Володя смелее читал, но твердо помню, отрывков из поэмы «Червона зима» не касался.

Очевидно, стыдился такому выдающемуся поэту читать незавершенное.

Со временем о нашем общем пребывании в Одессе Владимир Сосюра написал мне чудесное письмо в стихах.

> Згадки й згадки… Ще й досі серце тінька,
> Коли з тобою стрілись ми, Ковінька,
> В ту ніч суху, морозяну, дзвінку,
> В Одесі, в Чорноморському полку…
> . . . . . .
> З тобою словом служимо Вітчизні,
> Як ми штиком служили в юні дні…[12]

Гостил Володя у меня частенько и подолгу.

Как гостил? Писал, работал… Ходили на заводы, в институты, в рабочие клубы.

Выступали. Свои произведения читали.

Молодого, но уже известного поэта Владимира Сосюру рабочая аудитория восторженно встречала, тепло и провожала.

В окружкоме комсомола в шутливо-ласковых тонах говорили:

— Сосюра — любимый поэт молодежи. Его нежно-чувствительные стихи у каждой девушки под подушкой лежат.

Несмотря на далекое время, я и до сих пор помню, какой аромат поэтических красок наполнял переполненный вал. Как Владимира Сосюру искренне и сердечно встречали слушатели. Казалось, вся Украина приветствовала и восклицала:

— Хвала и слава тебе, народный поэт!

Выступали мы в клубе железнодорожников. Володя Сосюра читал свою знаменитую «Відповідь»[13]. С какой силой летели пламенные слова:

Не вий, не вий же, пан проклятий,
Над прахом огненним Тараса,
Бо той огонь гуде над степом,
Його в залізо оберта…

За сияющую правду, за огонь — ибо тот огонь гудит в цехах, на полях — благодарная аудитория железнодорожников поднялась и стоя, от души, бурными аплодисментами приветствовала своего поэта. Из клуба железнодорожников мы возвращались довольно поздно. И Володя дорогой громко декламировал еще не запечатленное на бумаге новое стихотворение.

Як люблю я тебе,
Мій народе дорогий.
Я твій син і поет…

А потом, обратившись ко мне, сказал:

— Народ — наша сила, наша любовь. Народ дарит нам воодушевление, вдохновение.

Пришли домой. А надо сказать: Володя не только друг для меня, но и большой литературный авторитет. Возле порога я спрашиваю:

— Володя! Скажи, звенит ли во мне струна юмористическая?

— Олесь, твое призвание — юмор! Ты поистине юморист!

А утром, рано-ранехонько Володя, глядя на меня умными карими глазами, говорил:

— Послушай! Посвящаю Олесю Ковиньке!

Нас с тобою в одній колисці гойдали…

Огненно-революционная поэзия Владимира Сосюры пламенно сияла и звездным светом вдохновенно будет сиять.

19

Вот так, любимые друзья, замечательные люди пестовали меня, растили…

Веру в свои творческие силы укрепляли.

В ту пору я отбывал территориальные сборы переменного состава в 25-й Чапаевской дивизии.

Владимир Сосюра подарил тогда этой дивизии чудеснейший «Марш чапаевцев». Музыку написал композитор Верховинец.

Там, в дивизии, я встретил человека большой душевной красоты. Это был комиссар Попов.

Ленинградец, сын потомственного путиловца, он мужественно воевал против всякой вражеской нечисти…

Храбро боролся, очищая украинскую землю от всякой скверны.

Боролся за то, чтобы «пела и смеялась родная Советская Украина».

Сядем, бывало, в степи, на кургане, снимем фуражки, расстегнем гимнастерки, отдыхаем.

Комиссар Попов рассказывает:

— Вот тут наши предки полегли в борьбе за независимость родины и волю народную.

Полегли в лютой сече с ханами и панами. На саблях, на копьях бились. И мы еще будем биться с папами. Враг силен и коварен. Потому и неси свое слово — слово юмора и сатиры в народ. Рази мракобесов, удачное сатирическое слово все равно что выстрел из дальнобойной пушки.

Однажды, смотрю, у палатки дежурный стоит. Земляк, односельчанин, комсомолец Петро.

— Ты чего, Петро, торчишь тут? — спрашиваю.

— Как чего?.. Приказ выполняю.

— Какой приказ?

— Комиссар приказал: охраняй юмориста, чтоб никто не заходил и не мешал.

— Тоже скажешь. Если хорошо пишется — пусть даже оркестр рядом играет, все равно писать буду…

— Эге-ге!.. Комиссар сказал — пусть пишет…

С комиссаром мы часто ездили в подшефные села. По дороге беседовали со встречными. Он живо интересовался жизнью села.

Как-то мы ехали в Демидовку. Не доезжая до села трех километров, увидели в поле крестьянина. Он косил.

— День добрый! Здравствуйте!

— Здравствуйте, товарищ комиссар, с воскресным днем вас!

— Скажите, как ближним путем проехать в Демидовку?

— Спрашиваете — как ближе? Как вам сказать? Вот так будет близко, и так недалеко. Как выберетесь на гору, направо будет гречиха; так вы не за тополем поворачивайте, а за гречихой. Оно, сказать, гречиха посеяна так себе… сеял человек рожь, да оказия случилась. Град выбил до основания. Что же человеку осталось — сей гречиху! Дети малые, кормить надо. Да вы, наверно, этого человека знаете. Он женат на Голобородьковой Катерине. Ее отец был и в партизанах, и в командирах, а теперь работает в исполкоме. Дочку, Катерину, по своим убеждениям воспитал. Курьезная молодуха… Баб будоражит, бунтует против мужиков. Как кто напьется или палкой замахнется — целая катавасия! Идут в атаку — га-лала! Это тебе не старый режим. Хватит нашу сестру за печкой держать. Вчера Оверка на чердак загнали. Сиди, говорят, там до просветления… Вот так-то… Значит, за гречкой вправо и вправо… Конечно, можно проскочить и лощиной, вдоль верб и озер… Советую поехать лощиной. Места увидите отменные. А вы по каким же делам?

— Поговорим с людьми. Может, что и напишем.

— Вот если бы вы нашего секретаря сельсовета расписали… Обижает людей. Справку получить — неси сало. Посоветоваться о чем — неси паляницу. С продналогом не так что-нибудь — выясняет не иначе как с бутылкой… Работал когда-то в волости и, как поп, привык: неси и неси ему… Чтобы его на кладбище вынесло!

Дорогой комиссар Попов говорит:

— Слышал? Простыми словами он сказал очень много. Он сказал главное — в жизнь входит новое, лучшее. Прислушивайся, изучай жизнь. Заботливо поддерживай новое и беспощадно бичуй старое. Бичуй хапуг, ворюг, пьяниц…

Где-то он теперь, мой друг и учитель? Мысленно обнимаю его.

20

Я счастлив и это счастье ношу в своем сердце.

Мне на своем веку посчастливилось видеть и слышать великих художников нашей эпохи: Панаса Мирного, Владимира Короленко, Максима Горького, Анатолия Луначарского.

И вот — еще одна радостная встреча: в Полтаву приехал выдающийся советский поэт Владимир Маяковский.

Литературная братия — одна тебе молодежь — куда? Бегом в гостиницу. Посетили великого певца революционной поэзии Владимира Маяковского.

Посетили. Владимир Владимирович, признанный гигант революционной поэзии, нас, литературных воробьишек, тепло и ласково принял.

Мы, молодежь, ходили с ним по Полтаве. Показывали свой родной, цветущий прекрасный город.

Под конец Владимир Маяковский прочитал нам свою известную поэму «Облако в штанах».

Прослушав эти замечательные поэтические строки, я впервые почувствовал и понял величие и могущество таланта Владимира Маяковского.

А прежде, не грех, если и забожусь, ей-богу, не понимал. Скрывать не стану: читал, что-то глубокое ощущал, а литературного произведения не воспринимал.

Ходили, ходили и, одно можно сказать, основательное прозевали. Бросились доставать билеты на литературную встречу в театр — билетов нет. То одно, то другое — и проворонили. Вот беда! Надо любой ценой прорваться на выступление. Посылаем уполномоченным к высокому гостю новеллиста Костю Лаврунова — без пропуска не возвращайся.

Свою миссию Константин Лаврунов выполнил с честью. Приносит записку: «Моих друзей посадите в ложу. Только в ложу. В. Маяковский». Пошли в театр и, гордясь, что мы друзья знаменитого трубадура, уселись в ложе.

А вскоре я прочитал стихотворение «Долг Украине». Позвольте эту красочную теплоту великого российского поэта к украинскому народу и вам передать:

Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет, вы не знаете украинской ночи!
Здесь
небо
от дыма
становится черно,
и герб звездой пятиконечной вточен.
Где горилкой,
удалью
и кровью
Запорожская

бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставят
на турбины течь.
И Днипро
по проволокам-усам
электричеством
течет по корпусам.
…Разучите
эту мову
на знаменах —
лексиконах алых, —
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настал…»
. . . . . .
Я
немало слов придумал вам,
взвешивая их,
одно хочу лишь, —
чтоб стали
всех
моих
стихов слова
полновесными
как слово «чуешь»…

Второй раз встретил Владимира Маяковского на литературной трибуне в Харькове.

Здесь меня с головы до ног овеяла не только лирико-вдохновляющая поэтическая сила, но радостно всколыхнул донимающе-насмешливыи выстрел, метко нацеленный в пренебрежительно относящегося к поэзии. Прочитав три-четыре ярких поэтических стихотворения, Владимир Маяковский обратился к аудитории:

— Товарищи! Некоторые скептики кричат, что поэзии не присущ дух наковальни, кузницы, гудков паровоза… Поэзия — доказывают — витает лишь в голосе соловья и в ароматно-божественных цветах… Я сие плетение опровергаю, давайте называйте детали и наименования вашего производства, и я

экспромтом сложу поэтическое стихотворение.

Из зала закричали:

— Инжектор!..

А один, где-то в уголке, замогильным голосом:

— Осел!

— Золотник!

А тот — назойливый:

— Осел!

— Сальники!

А из угла:

— Осел!

И вот теперь Маяковский оторвался от записной книжки, выпрямился и громовым басом произнес:

— Не волнуйтесь, гражданин! Я вас тоже записал!

В зале поднялась буря аплодисментов. Овация покрыла слова остроумного и талантливого поэта.

21

Высоко, высоко, куда только достигает взор, в небесном просторе мерцают ясные звезды.

Вечер… Тихие-тихие летние вечера на берегу речки Ворсклы.

Легкий ветерок качнет высокую камышинку, вскрикнет испуганная утка, и вмиг раздастся всплеск. Это рыба в воде хвостом вильнула…

И снова тишина.

Мы сидим на берегу на бревне. Наша аудитория небольшая: Мате Залка, его жена — Вера Ивановна, дочка Наташа, писатель Петро Ванченко и автор этих строк.

Почему я говорю — аудитория?

Мы на концерте. Поет Денис Драч[14]. Звучно разносится по реке, по лугам:

Та нема в світі гірш нікому,
Як бурлаці молодому…
. . . . . .
Яром, яром за товаром,
А лугами за волами,
Гей-гей, горе жіти з ворогами!..

Горькая доля рабочего-батрака за душу, за сердце хватает.

Может быть, потому Денис Драч так трогательно, так проникновенно пел о мытарствах бурлака, что и сам у кулаков

батрачил: волов кулацких пас.

На пастбище и заметили хлопца. Послали учиться. Учился Денис терпеливо, настойчиво. Закончил два музыкальных учебных заведения.

Концерт закончился. Вера Ивановна расстелила одеяло на душистом степном сене под цветущей грушей. На одеяле мы — Денис Драч и я.

Лежим, и над нами жужжат майские жуки. Жужжали до тех пор, пока мы не уснули.

В два часа ночи я проснулся — нет Дениса! Исчез! Ну, думаю, мало ли куда он ушел…

Подумал-подумал, да и уснул. Слышу, холодным и скользким чем-то по моим губам водят. Открыл глаза — сом!

Черный усатый сом, будь ты неладен! Ну и Денис!

Ночью он, страстный рыбак, ушел на речку, на Ворсклу. Улов оказался неплохой: принес сома, несколько щук и карасей.

Утром устроили банкет под вербами: Вера Ивановна сварила с карасями борщ, а щук и сома зажарила.

Все это было расставлено на берегу, под вербами…

Чудесная ресторация!

У верб вода, к вербам тыквы зеленые стебли-хвосты протянули.

Выше — цветущий вишневый сад. А дальше — луга, за лугами — пшеница и рожь колышутся на ветру.

В саду соловей щелкает. В хлебах перепела перекликаются.

Мате Залка провозгласил:

— Фешенебельный ресторан открыт!

Мы с Верой Ивановной тихонько чокнулись стопочками… В этих делах Мате Залка придерживался строгого нейтралитета. А Наталочка, веселая щебетунья, хлопая в ладоши, кричала:

— Папа! Они пьют с перцем…

Мате украинской поговоркой отвечал:

— Пусть, дочка, пьют — ведь на том свете не дадут!

22

У Мате любимым временем для литературной работы было утро. До обеда он, как правило, неутомимо трудился. Иногда мне приходилось заночевать у него, и тогда порядок дня был такой: рано утром мы вприпрыжку бежали к речке. Купались, по-ребячьи брызгались, поливали друг друга водой.

Побеждал всегда Мате. Упорный, стремительный, он загонял меня в камыши и потом весело звал: «Вылезай! Мир!»

Я вылезал, и мы рядышком плыли к берегу.

На берегу Мате выполнял всевозможные спортивные фигуры и меня учил этому.

Самым любимым его упражнением было — ходить на руках.

Он это легко делал.

А у меня ноги длинные, ну никак не подниму их. Хоть лопни — не поднимаются.

Тогда мне помогал Мате… Хватал мои «стропила» и командовал: «Направление на вареники! Руками шагом марш!»

После завтрака в небольшой комнате Мате садился за письменный стол, а я отправлялся бродить по селу.

Не подумайте, что я так просто ходил, ворон ловил.

Нет. Белики — довольно большое украинское село.

Пройдусь, бывало, по селу, в сельсовет, в кооперацию зайду. По базару поброжу.

С людьми поговоришь и к крестьянским разговорам прислушаешься.

В Беликах я однажды услыхал такой рассказ:

«Человек подати уплатил, а квитанцию потерял где-то. Писарь, хапуга, узнав, что документ потерян, вздумал второй раз содрать с бедняка деньги. Вызывает его и говорит:

— Платите налог!

— Да я уже уплатил! Ей-богу, уплатил!

— Не божитесь, не грешите — немедленно платите!

А человеку улыбнулось счастье: нашел потерянную квитанцию.

— Посмотрите, — просит, — как здесь написано: уплачено или не уплачено?

Писарь взял квитанцию, надел очки и говорит:

— Да! В очках лучше видно. Уплатили…

Крестьянин перекрестился и, легко вздохнувши, промолвил:

— Дай боже, чтобы верхние глаза жили да поживали, а нижние хоть бы и сразу повылазили».

Мате Залка украинский язык знал хорошо.

Я рассказал ему эту историю, и он от всей души посмеялся…

Слышали бы вы звонкий смех этого жизнерадостного человека — и сами бы засмеялись.

На литературных вечерах мы часто выступали вместе. Читая юморески, я умышленно останавливался, чтобы насладиться звонким смехом моего друга.

Незадолго до обеда мы шли прогуляться. Ходили по степям, по лугам…

Мате Залка всегда подчеркивал сходство украинской

природы с венгерской. Он очень тосковал по родной Венгрии.

В одну из таких прогулок Мате Залка признался:

— Бела Кун и я решили поехать на родину, в Венгрию. Эх, Олесь! Растерзанная Венгрия стонет, придавленная империалистическим сапогом. И мы все время рвались туда — туда, где кипела борьба, где презренные слуги фашизма терзали родную мать-отчизну.

На этот раз нам не повезло. Фашистские псы пронюхали о нас. Ехали мы за границу порознь — этого требовала конспирация, и я потом получил грустную весть: моего верного товарища Бела Куна в Вене схватили австрийские жандармы. Сатрапы Хорти требовали от австрийского правительства выдать деятеля международного рабочего движения Бела Куна, но под натиском массовых рабочих демонстраций Бела Кун был освобожден из-под ареста. Мне все же удалось пробраться в Венгрию, где я и начал налаживать связи с подпольными революционными ячейками.

Политическая атмосфера в стране — ужасная. Псы кровавого режима Хорти каждого прогрессивного человека хватали и жестоко пытали. Скажи вольное слово — замучают; если бы на рот можно было надеть железный замок — надели бы! Хотя лакеи фашизма и замки надевали, и рты людям зашивали.

И на мой след хортиевская жандармерия напала. Друзья посоветовали на некоторое время выехать из Венгрии. Знакомыми тропинками на коне пробрался в Чехословакию.

Немало стран проехал, прежде чем попал в Советский Союз. Вот и Эстония. В одном из киосков вижу — в хортиевской газете мой портрет, накрест перечеркнутый, а внизу подпись: «Государственный преступник Мате Залка объявлен вне закона. Кто поймает, того ждут высокие награды: чины, ордена и банковские чеки».

А я думаю — ловите! Недалеко то время, когда венгерский народ возьмет за горло господ-палачей и над родной Венгрией засияет светлая заря свободы.

Выдающийся писатель, борец за счастье людей, за счастье трудящихся, коммунист Мате Залка мечтал и верил в то счастливое будущее, которое пришло теперь на его родину.

23

Не раз и не два Мате Залка гостил в моем доме.

Желанным, дорогим гостем Мате Залка был и для полтавских рабочих и служащих.

С радостью и воодушевлением встречали его железнодорожники, печатники.

Позже нам пришлось выступать в совхозах, колхозах.

В Полтаве организовали бригаду писателей для поездки в районы.

Мы пригласили Мате Залку возглавить бригаду. Чуткий Мате с радостью откликнулся.

Администратором бригады единогласно утвердили молодого тогда журналиста Александра Михайловича Дунаевского.

Незабываемые встречи состоялись с рабочими Карловского механического завода, на сахарном заводе имени Октябрьской революции, на предприятиях города Красноград, в отдаленных совхозах и колхозах.

Выступали и в залах с электрическим освещением, и при керосиновых лампах.

Во вступительном слове Мате Залка кратко, но убедительно рассказал о большой воспитательной роли советской гуманистической литературы.

Образные, жизненно правдивые рассказы Мате Залки слушатели воспринимали с искренней теплотой.

Умел Мате просто и ясно раскрыть авторский замысел.

Простота Мате Залки очаровала и всех вас.

Вот мы маршируем по перрону станции Карловка. Ждем из далекого совхоза лошадей.

Надеялись, вот-вот подкатит хорошенький возок, а может, и легкий фаэтон.

Ну и прикатил!

Подъехала к станции огромная арба с керосиновой бочкотарой. Молодой возчик, похлестывая длинным кнутом резвых вороных, крикнул:

— Меня послали на склад отвезти бочки из-под керосина. Велели бочки сбросить, а отсюда писателей взять. Вы не знаете, какие и где они, эти писатели?

Мате Залка засмеялся:

— Мы писатели.

Возница, увидев вежливого, стройного человека с орденом Красного Знамени на груди, растерялся:

— Вы… вы… Сюда садитесь… на сенцо, или, может быть, еще сена подложить?

— Ничего, ничего, товарищ. Мы сейчас подложим сена и поедем.

А с каким волнением в совхозе встречали нашу бригаду. Даже сердце от радости запрыгало.

В обеденный перерыв прямо во дворе собралось больше

тысячи рабочих и работниц. Сюда ведь впервые приехали украинские писатели, и среди них любимый венгерский писатель Мате Залка.

Любимый… А для меня — особенно любимый…

Как-то Мате Залка и Владимир Маяковский попросили нас показать славный город Полтаву, а также литературно-мемориальный музей.

Ходили, знакомились, любовались чарующей природой. Побывали и в березовой роще, которая и поныне сохранилась в центре города.

В роще расположились отдохнуть. Мате Залка и Владимир Маяковский захотели узнать, кого же из юмористов дала Полтава и Полтавщина.

Спустя минуту Петро Ванченко назвал: Григория Сковороду, Ивана Котляревского, Василя Капниста, Миколу Гоголя, Шолом-Алейхема, Евгена Гребенку, Леонида Глебова, Остапа Вишню, Михаила Зощенко, Филиппа Капельгородского, Василя Чечвянского…

Мате Залка по-дружески не раз мне повторял: «Олесь! Держи перо обеими руками. Только острее его точи. Ты — юморист!»

И вот, когда Петро Ванченко дошел до баснописца Евгена Гребенки, то Мате Залка — стройный, ловкий — кавалерист же! — нарушая все традиции, как подскочит да как закричит: «Ну и плодовитая же земля полтавская! Родит если не Гребенку, то Ковиньку!»

Еще помню деталь о Мате: гостил я у него дома, в Москве.

А надо вам сказать: Мате Залка был корректен, вежлив и к тому же всегда элегантно одет.

Сапожки — одно загляденье. А утром ему принесли еще лучше. Не сапоги — сказка.

Мате сел на стул и начал обуваться с правой ноги.

Надевал, надевал и никак не может надеть.

Я спокойно и сочувственно говорю:

— Мате! Моя родная матуся так советовала: «Сыну! Надевай сапоги на левую ногу. Во-первых, быстрее и удобнее. Во-вторых, никогда зубы не будут болеть».

Мате Залка, как был с сапогом в руках, так с ним и свалился на пол. Смеялся и, как малое дитя, катался по полу.

Любил Мате, очень любил украинские пословицы и поговорки.

Как вы знаете, Мате Залка постоянно жил в Москве, на улице Дмитрия Фурманова.

С удовольствием вспоминаю те минуты и часы, когда мне

доводилось бывать в обществе венгерских побратимов.

Скажем так: дом Мате Залки никогда не миновали его друзья по перу и по общей революционной борьбе.

Больше всего мне запомнились венгерские писатели Шандор Гергей, Бела Иллеш…

Как-то мы вместе обедали, и Шандор Гергей — немного молчаливый и скуповатый на слово — на этот раз расщедрился и рассказал нам множество смешных историй из жизни венгерского народа.

Потом и я кое-что добавил: веселенькое да смешное.

Гергею переводил Мате Залка. Ей-богу, чудесно с украинского языка на венгерский переливал да, очевидно, что-то и от себя прибавлял, потому что Шандор тоже улыбался и хохотал.

Во время товарищеской трапезы Гергей вытащил из портфеля свой роман «Человеческое утро» и со своим автографом подарил его мне.

Вспоминаю: на книге фамилия автора значилась — Гергель.

И тут мне в голову пришла удивительная мысль — не родич ли венгр Шандор украинским Гергелям…

Коротенько поясняю, почему мне такое родство на ум пришло и показалось возможным. От моего села село Плоское Решетиловского района километрах в трех, а там в довольно большом хуторе живут Гергели. С деда-прадеда носят фамилию Гергелей. Спросил: не родичи ли?

Шандор улыбнулся и вкратце пояснил:

— Мы, коммунисты, родичи всем трудовым народам. Что-то наверное, родственное есть между венгерскими и украинскими крестьянами.

А потом Мате дополнил:

— В Венгрии Гергель — это слово хорошо звучит. Напоминает быстрокрылого орла.

В Беликах, после обеда, мы всегда шли бродить. Ходили по степям, лугам.

Мате Залка часто обращал внимание на красоту украинской природы, подчеркивая ее сходство с венгерской. И надо сказать — очень тосковал по родной Венгрии.

Хочу, чтобы и вы знали: Мате Залка родился в селе Матолч, расположенном прямо над рекой Тиссой, у подножия Карпат.

Как-то Вера Ивановна, его жена, рассказала нам:

— Мате облюбовал Белики неспроста. Белики ему напоминали и напоминают родное село Матолч.

Любил Мате Залка это симпатичное полтавское село и любил его прекрасных жителей.

Находясь в рядах борцов вольнолюбивого испанского народа

во время борьбы с фашизмом, Мате и там вспоминал о селе Белики, своей дочери писал:

> «Здесь сейчас печет солнце, так те горячо, как в Беликах в августе».

Однажды несчастье свалилось на мою голову. За юморески, фельетоны… Не всем по вкусу пришлась разоблачительная сатира.

— Подумаешь, — говорили, — что такого, если взял какую-то несчастную тысчонку, стоит ли такой шум подымать! Я же все-таки отдаю производству душу и тело. Ну, взял! Вынудили взять. Я же когда-нибудь отдам. Так нет, давай терзать человека!.. Давай его в газету! В фельетоне критиковать. Хапугой обзывать… Я тебе покажу! Я тебя, борзописца, самого…

И начали копать… Да еще как и завихрилось…

И только он — хороший, чуткий Мате Залка — смело подал свой честный голос в мою защиту.

А как горько было у меня на душе. Перо из рук падало.

Дорогой Мате Залка защитил. Возродил… Засмеялся я. Засмеялся смехом правды советской.

Приведу несколько слов из статьи Мате Залки, напечатанной в «Литературной газете» от 3 февраля 1930 года:

> «В борьбе с бюрократизмом, с извращением советской линии, классовой политики партии, порой с грубым игнорированием всякой общественности, с пьянкой, круговой порукой, ведущей к полному отрыву и разложению отдельных работников… не покладая рук, подставляя свою грудь пуле обреза, пройдя мучительный путь травм и непонимания, борется рядовой советский журналист.
>
> Таким является герой настоящей статьи товарищ Ковинька».

Спасибо тебе, незабвенный Мате! Твое славное имя и внуки и правнуки мои будут вспоминать с глубоким уважением.

Гостя в нашей хате, Вера Ивановна как-то рассказывала:

— Матвей Михайлович в семейном кругу поделился о том, как на приеме Владимир Ильич Ленин спросил:

«Скучаете по Венгрии, по родному краю?»

«Скучаю и очень скучаю, Владимир Ильич».

Ленин положил руку на его плечо и, глядя ласковым взглядом, промолвил:

«Верю, возвратятся венгры на родину, свободную: народную

Венгрию…»

Сказанное великим Лениным оправдалось: свободная народная Венгрия живет и расцветает и свято чтит своего отважного храброго сына и талантливого художника слова Мате Залку.

Вера Ивановна рассказала также и о мужественном поступке Мате Залки, когда он во главе красноармейского интернационального отряда, вместе с частями Советской Армии, громил колчаковско-белогвардейские части, отбив у них захваченные белыми народные сокровища — золото.

Мате никогда нам об этом не рассказывал, очевидно, из-за своей человеческой скромности. Но как-то Мате не сдержался, и у него вырвалось…

Однажды мы — Мате Залка, Петро Ванченко, Денис Драч и я — осматривали экспонаты гражданской войны в Полтавском краеведческом музее. Особенно сильное впечатление произвели на нас репродукции картин известного художника Миколы Самокиша.

Не знаю, растрогали ли Мате ожесточенные баталии титанической борьбы за власть Советов, или вспомнил свое участие в этой борьбе, но, выйдя из музея и подставив ладонь правой руки солнцу, он тепло сказал:

— И эта рука немало послужила борьбе за свободу народа! Эту руку великий Ленин пожал.

Перед памятью венгерского писателя-коммуниста, легендарного Мате Залки склоняют свои головы побратимы-украинцы.

В селе Белики, где долгие годы жил и работал Мате Залка, открыт литературно-мемориальный музей его имени, а наверху, перед входом в беликскую сельскохозяйственную артель, начертано: колхоз имени Мате Залки.

В апреле месяце 1976 года в селе Белики состоялось многолюдное вече: открывали памятник писателю-интернационалисту, коммунисту Мате Залке.

На открытие монумента прибыли представители Венгерской Народной Республики, писатели из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Харькова, Полтавы и все почитатели его светлого немеркнущего имени.

Проникновенным вступительным словом митинг открыл первый секретарь Полтавского обкома партии Федор Трофимович Моргун. Он сказал:

— Мы сегодня чтим память великого венгерского писателя коммуниста Мате Залки, который под именем генерала Пауля Лукача в жестокой борьбе с фашизмом отдал жизнь за светлые

идеалы человечества.

Я очень и очень рад, что и мне посчастливилось выступить на митинге с воспоминаниями о моем большом и искреннем друге.

В день рождения Мате Залки — 23 апреля — в Белики к музею и памятнику прибывают рабочие, колхозники, писатели, деятели культуры из Киева, Харькова, Полтавы и соседних районов, чтобы торжественно отдать долг памяти незабвенному Мате Залке.

24

Не все, понятно, вспомнилось. Не все и мысли на поверхность всплыли.

Одни всплывают, другие тонут…

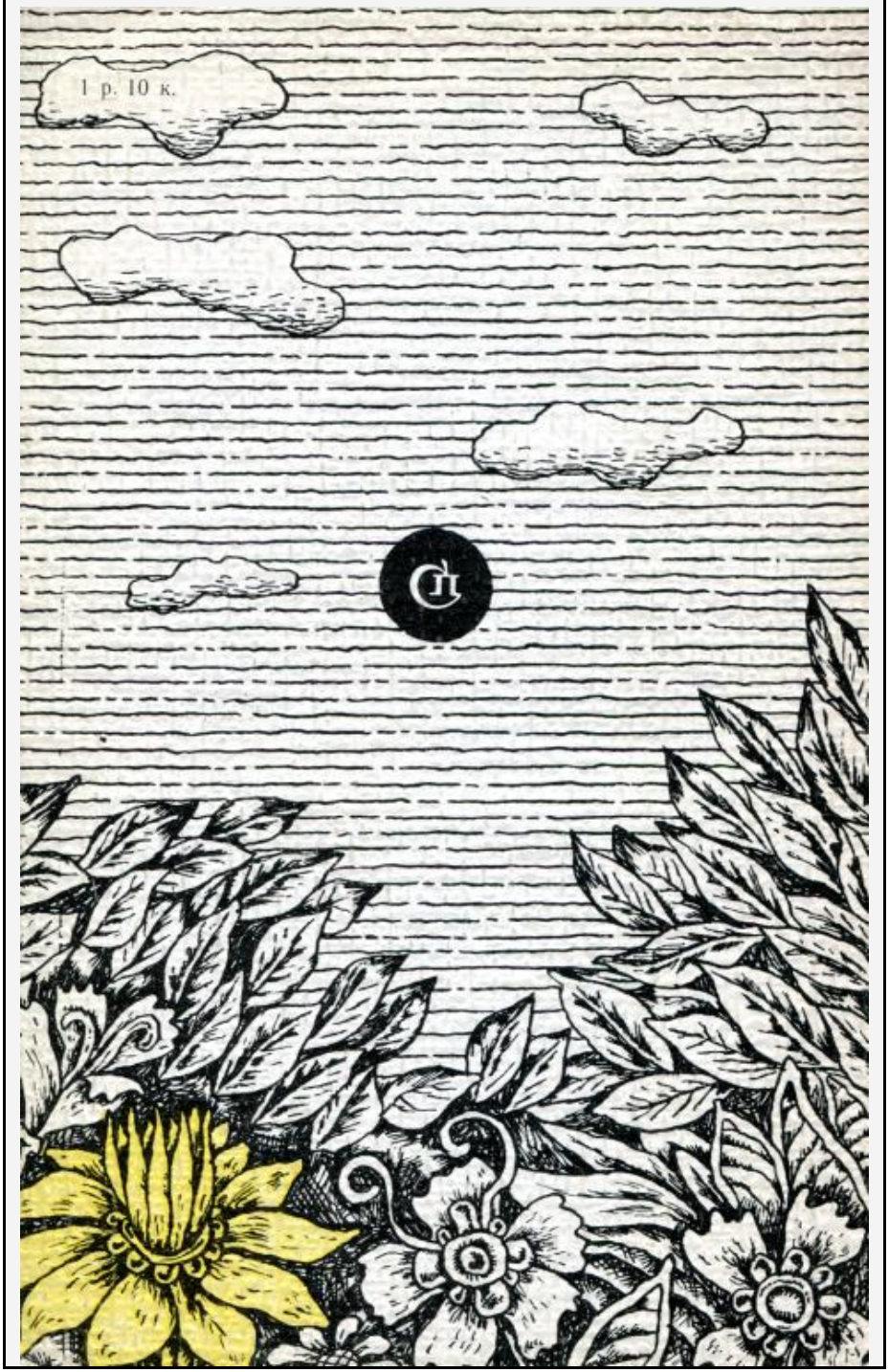
Все новые и новые мысли, образы появляются. Без мыслей, без надежд жить невозможно…

Сажусь я писать и усталости не чувствую. Ни дрема, ни сон меня не берут. То нужное слово подбираю, то новый оборот с волнением ищу. И лоб тру, и бумагу комкаю — сюжет выпрямляю…

Люблю смех, люблю до безумия! От большой любви к нему на все жертвы иду.

Рад, безмерно счастлив, если я своей удачной юмореской людям смех несу…

ПОЛТАВА



notes

Примечания

1

Рассказы «Вот так, прямо…» и «Рецензия» переведены Е. Весениным.

2

Цабе — направо, вправо.

З

Цоб — налево, влево.

4

Троистая — оркестр, состоящий из трех музыкальных инструментов: скрипки, бубна и цимбал.

Гребля — плотина, запруда.

6

Газета «Червоне село» издавалась в Полтаве.

7

Павел Михайлович (Губенко) — имя и отчество Остапа Вишни.

8

Катеринка — в дореволюционное время сторублевая купюра.

9

Очипок — украинский женский головной убор.

10

Ектения — молитва, которую читает дьякон или поп и в ответ на которую церковный хор отвечает: «Господи, помилуй».

11

Чумарка — верхняя мужская одежда.

12

Володимир Сосюра. «Щастя сім'ї трудової». Письмо Александру Ковиньке, стр. 299.

13

«Відповідь» — сатирическая поэма, направленная против буржуазных националистов.

14

Денис Драч — певец, педагог Полтавского музыкального училища.